

Марьяна Сурикова

В погоне за артефактом

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

О работе, как у меня, можно только мечтать — чудесный начальник, замечательный напарник, репутация лучшего агентства в королевстве... И ничто не мешает радоваться жизни, кроме нового задания от самого короля. Под страхом смерти велено найти украденный из сокровищницы артефакт. И все бы ничего, ведь немерено этих вещиц отыскивали, стоимостью на всю королевскую казну потянут. И не смущает, что похитители следов за собой не оставили. Единственная загвоздка — сам артефакт. Уж больно необычный, а еще наглый, зазнавшийся и самодовольный. И мало того что предсказатель, так еще жених принцессы! Сдается мне, ему просто очень нравится, чтобы его искали и чтобы искала именно я.

- [Марьяна Сурикова](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Марьяна Сурикова В ПОГОНЕ ЗА АРТЕФАКТОМ

Посвящаю книгу своим родным и близким и благодарю вас за теплые

вечера со смехом и шутками, которые наполняют душу особым теплом. Оно навсегда остается в сердце, дает силы и ведет по жизни дальше. А еще спасибо всем замечательным людям, преподавшим памятные жизненные уроки. Они чудесно вписались в эту книгу.

Приятного чтения, и да пребудет с нами веселье!

Глава 1

КОРОЛЕВСКОЕ ЗАДАНИЕ

— Дожили! — уронив голову на руки, патетически воскликнул Савсен Савсенович. — И за что нам такое наказание?

— А за то, что лучшие, — хмуро отвечал Фома.

— Нашли козлов отпущения! — это уже я добавила. — С таким заданием даже их элитное «Звездное агентство» не справилось. Почему выбрали нас?

— А потому что «Звездное агентство» — не справилось. Читай, что здесь написано: «Украден редчайший... — вчитайся! — редчайший золотой артефакт, имеющий уникальную способность предсказывать будущее. Без сего ценнейшего предмета не будет в королевстве прежнего процветания. А потому величайшим указом повелеваю отыскать, найти, вернуть! А не найдете — так голову с плеч!» Прочитала?

— Прочитала. Стандартная форма королевского указа.

— Учить тебя еще и учить подмечать важные мелочи. Стандартная форма — это когда точка в конце, а тут восклицательный знак. Стоило дожить до седых лет, чтобы сложить голову на дворцовой площади!

— Отчего же вы в меланхолию ударились? — Я всегда так: если уж спорить с начальником, то мне. Фомка много говорить не любит, он больше делом занимается, вот мне и приходится отдуваться за двоих. — Что же так сразу решили сложить голову на площади? Будто мало на нашем веку артефактов было! Да их за пять лет, что я в агентстве работаю, столько отыскалось — всю королевскую сокровищницу завалить можно.

— Можно, но никому они не нужны. На всю сокровищницу вот этот один и был. Его за семью замками держали! И увести никто не мог. Никто! А раз увели — плохо дело. Поняла теперь?

— Все я понимаю. Когда практику проходила, видела этот артефакт, так сказать, в действии. Не впечатлил особо.

— Хм... всех впечатляет, а ее не впечатлил.

— Именно. Наглющий, вредный, что говорит, никто разобрать не может. Загадки загадывает, а ты голову ломай.

— Сломала?

— Сломала, пока на свою загадку ответ искала. У нас полкурса на этом последнем экзамене срезалось. Говорю же, вредный артефакт. Еще и

мания величия у него. Рассиялся своими золотыми волосами на весь зал, в воздухе парит, обнаженными телесами всех присутствующих смущает, на девчонок и вовсе столбняк наводит. И на меня пытался, а когда я не поддавалась, дал самое каверзное задание.

— Так уж и самое?

— Самое.

— И ты отгадала загадку?

— Вы потому меня и взяли, что отгадала. Зачем спрашиваете?

— Я задаю наводящие вопросы. Чтобы доходчивей тебе объяснить, на кого в этом деле ляжет ответственность.

— Не-э-эт! Савсен Савсенович, не издевайтесь надо мной. Будь моя воля, и на пушечный выстрел к этому зловреде не приблизилась бы.

— А воля не твоя, сначала королевская, а потом моя. Значит, так: Фомка ассистирует, ты впрягаешься по полной. Вот бумаги, вот сопроводительные письма, вот показания очевидцев, вот все записи следительных кристаллов, вот ларец, в котором хранился артефакт... Все!

Начальник осмотрел нас, сверх всякой меры загруженных вещдоками, и довольно потер руки.

— До завтра разобрать материалы, а завтра выдать мне идеи относительно местонахождения артефакта. Вперед!

Нет, когда сказала, что артефакт не впечатлил, я, конечно, душой покривила. Так впечатлил, что все эти пять лет забыть не могу. Но хорошо, если обычным людям такую ценность раз в пять лет удастся увидеть. Многие и вообще ни разу не видели за всю жизнь, только слышали.

А со мной так получилось, что все вокруг восторженно ахали, а я общей атмосферой не прониклась и сразу спросила о задании, вот артефакт на меня и взъярился. Заставил попотеть — не просто найти ответ, а порыскать по самым пыльным закоулкам дворца в поисках отгадки.

А что делать? Окончить академию я хотела. Даже не так — я мечтала ее окончить. Там дольше трех лет самые стойкие продержаться не могли, а все из-за новейших методов воспитания сыщиков! Нет, а как бы вы себя чувствовали, например, на таком практическом занятии: ни в чем не повинного адепта запирают в темной комнате без окон и не выпускают, пока сам не найдет способа выбраться. Или во время обычного обеда в студенческой столовой подсунут вместо нормального блюда такое, от которого ты вместо посещения занятий будешь заседать в ближайшем туалете. И ведь сам виноват, что не распознал в пище невидимых добавок!

Мы в зал испытаний рвались как на праздник. Когда внесли ларец,

сопровожаемый охраной, все затаили дыхание. Вот чего лично я не ожидала, так это явления этого нечто. Сначала откинулась крышка, и на бархатной подушке засверкал кусочек солнца, ослепил всех до рези в глазах, воспарил в центре зала, после чего вдруг обернулся мужчиной — самым что ни на есть настоящим. Красивенной мечтой каждой девушки, о чем и свидетельствовали приглушенные вздохи вокруг меня. Парней он, кажется, тоже поразил своими формами — как у Аполлона. Об этом говорили завистливые хмыканья. У духа-предсказателя верхняя и нижняя части тела были обнажены, а посередине — листик. Вот такое явление артефакта народу.

И пока все пребывали в ступоре и безмолвно взирали, я возьми и ляпни (громко получилось, в тишине-то!) на весь зал: «А когда задания раздавать начнут?»

Вот тогда меня еще и взглядом сразили, сразу — наповал. Парить Аполлон перестал, опустился на возвышение в центре, поиграл мышцами и кубиками на прессе и скривился в улыбке. Девушки снова завздохали, а я сразу поняла: ничего хорошего мне эта ослепительная улыбочка не сулит.

Ну так и получилось. И ведь кто мог подумать, что, согнав семь потов и отыскав ответ на его вопрос, а потом окончив с триумфом академию, я построю чудесную карьеру, обрету любимую работу, заслужу хорошую репутацию, и в один прекрасный день все это будет поставлено на кон из-за... нет, такие слова не принято произносить вслух. Шеф услышит, наградит меня парой ласковых подзатыльников. Он считает, что девушкам не пристало ругаться, и это на нашей-то работе. Строгих он у меня взглядов, за то и люблю особенно трепетно. Таких вот мужчин старой закалки теперь днем с огнем не сыщешь, а вышли они из века рыцарей и охотников на драконов.

Я вздохнула и продолжила перебирать кипу различных бумаг и показаний очевидцев. Кристаллы уже посмотрела, ничего на них полезного не оказалось. Пришлось внимательно вчитываться в описания следов, найденных в сокровищнице. Вот здесь и началась головоломка. Они практически отсутствовали, остались только следы хранителя и самого короля, без присутствия которого даже хранитель не мог открыть сокровищницу.

Так-с. Без осмотра места преступления никуда мы не сдвинемся.

Схватила свою любимую лупу, волшебную, подарок отца к окончанию академии (она даже там помогает следы отыскать, где их никто увидеть не может), закинула на плечо сумку и заглянула в кабинет Фомы.

— Фом, славный мой, поехали в сокровищницу. У тебя найдется ордер

на осмотр?

Напарник чем еще хорош — тем, что редко когда мне отказывает. Выдвинул ящик стола, достал ордер (ему начальник всегда по первой просьбе все выдает, не артачится, как со мной) и встал во весь свой огромный рост.

— Едем осматривать? — спросил коротко. Я кивнула в ответ.

Во дворце нас к вечеру не ждали, но, поскольку от самого короля был получен приказ оказывать сыщикам содействие, нас быстренько пропустили. Его величество соизволил спуститься. Конечно, и хранитель подоспел, отворили нам все семь дверей и пропустили в святая святых.

— Внимательно смотрите, — велел король, — ничего не упустите. Святыню нашу требуется возвратить до следующего полнолуния.

— Отчего так? — Я как сыщица имею право и королю вопросы задавать.

— Раз в сто лет могущественный дух принимает мужское обличье.

— Так он, кажется, всякий раз его принимает?

— Нет, девушка. Одно дело, когда дух просто обращается в мужчину, а другое, когда в единственную ночь за столетие становится настоящим смертным, но сильным магом. В эту ночь он может связать себя с женщиной и жить с ней как обычный мужчина, пока жизнь не закончится и не наступит следующее перерождение.

Похоже, король надумал женить свой артефакт! Чтобы, так сказать, из семьи не выпустить, а после перерождения впихнуть новый дух уже в новый артефакт.

— Принцесса ожидает возвращения своего суженого.

Ну так и есть, угадала. Да за такого мужа каждая вторая в королевстве убить готова, сильнейший маг-прорицатель, а если еще и детям передастся дар отца... Значит, дело еще хуже, чем думали, ищем не просто артефакт, а жениха принцессы.

— Осматривайте все внимательно, у вас осталось не так много времени на поиски. И о награде, и о каре вы уже знаете.

Так-с, о награде начальник умолчал, но ничего, выясним.

— Будет исполнено, ваше величество.

Нас оставили одних, закрыли все двери, и разбрелись мы с Фомкой в разные стороны этой огромной и абсолютно пустой сокровищницы. Умен король, ничего не скажешь. В хранилище — только колонны стоят и свод подпирают, а драгоценности спрятаны надежно, и не удивлюсь, если вокруг нас в тайниках, их ведь тут еще и сам дух-предсказатель хранил. Надежное укрытие. Я зашла за одну из колонн справа от постамента, где прежде

стояла шкатулка, и достала свою лупу. Сначала стоило осмотреть те места, где мог прятаться злоумышленник. Хотя король ясно дал понять: никто посторонний в день похищения сокровищницу не посещал.

Я встала на колени, начала внимательно осматривать пол, и вдруг совсем рядом все осветилось золотистым сиянием. Вскинув глаза, увидела над собой потрясающего воображение мужчину, которого с первой встречи мечтала задушить.

— Прелесть, как я рад снова тебя видеть, — улыбнулся мерзкий дух.

Мои глаза сами собой прошли по внушительному и все так же потрясающему воображение телу, не увидели на положенном месте листика, и это возмутило до глубины души.

— Нарядился бы во что-нибудь, чудо золотоволосое, прежде чем к девушке являться. Не стыдно тебе? Прикройся!

А он плечами пожал и еще слаще улыбнулся:

— Я не виноват, в чем похитили, в том и хожу.

Возмущенно хмыкнув, поднялась побыстрее, чтобы у ног этого раздетого Аполлона на коленях не стоять. Стянула куртку с плеча и бросила духу. Открыла рот — Фомку позвать, а куртка пролетела сквозь тело. На мои рот легла призрачная ладонь, которой я ощущать не могла, но казалось, что ощущаю.

— Правильно, сладкий десертик, что толку его звать. Я всего лишь проекция — почти плод твоего воображения — вон из той горошины, которую ты раздавила.

Взглянув под ноги, увидела пустую раздавленную оболочку.

— Как это понимать? — покачала лупой. — Мираж, а на вопросы отвечаешь?

— А я знаю все, что ты скажешь. — Аполлон снова искушающе заулыбался, еще и за подбородок попытался меня схватить.

— Руки не распускай, проекция.

— Не буду, — упер он руки в бока. Красовался, а я глаза ниже плеч не опускала.

Потом дух тряхнул своими золотыми волосами и вновь засмеялся:

— Так ты не рада меня видеть?

— Чему радоваться? Король обещал нас обезглавить, если я не отыщу его дорогого будущего зятя.

Дух скривился.

— Ох уж эти монархи! Во все времена безмерно грубы с милыми дамами. Ненаглядная, я ведь и явился, чтобы помочь. Специально горошину перед похищением оставил в том месте, где ты ее не заметишь и

наступишь, а ты столь неприветлива.

Так я и поверила. Он — и помочь. Держи карман шире. Только от работы отвлекает.

— Ну давай, раз озаботился и все продумал заранее, говори, где ты?

— Не могу, ласковая.

Еще бы! Попытка вторая.

— Кто тебя украл?

— Прелесть моя, я связан клятвой, задавай правильные вопросы.

Нет, он нарочно подбросил сюда свою проекцию, чтобы довести меня до белого каления.

— Где искать улики?

— Перчинка, я всегда в тебя верил, — усмехнулся Аполлон и выразительно посмотрел прямо мне под ноги. Я проследила за взглядом, но ничего, кроме плит, не увидела.

Снова взглянула на духа, а не издевается ли? А это чудо сиятельное подмигнуло, воздушный поцелуй послало, одними губами прошептало: «На коленочках лучше!» — и растворилось в воздухе.

Ну артефакт!

И что здесь? Наклонилась с лупой к полу — да ничего, пусто, ни следов, ни отметин. Ладно, мы не гордые, особенно когда грозит остаться без головы. Встала на колени, склонилась совсем низко, провела пальцами по краю плиты. Абсолютно пусто, только почти незаметная щербинка в месте соединения с соседней плитой. Поднесла лупу — ровная такая щербинка, слишком уж ровная. А что, если... Поднялась и снова наступила на квадрат — ничего. Тогда подпрыгнула и приземлилась прямо на плиту. В тот же момент за колонной послышался вопль.

Я рванула туда, а там лежал Фомка.

— Фомушка, хороший, что с тобой?

Напарник сел, потер лоб, на котором наливалась здоровенная шишка.

— Ползал на карачках, искал хоть что-то, потом словно бы зацепился — и головой об пол, так, что даже искры из глаз.

Он снова потер лоб, а я, вооружившись лупой, уже колдовала над тем, за что он зацепился. Из узоров пола сплелась удивительная ажурная ручка: если смотреть сверху, то рисунок, а если к самой плите склониться и взглянуть сбоку, то видно — выступает над полом. Выехала откуда-то.

Вот что стоило этому сиятельному сказать: «Сразу не прыгай, пусть сначала твой друг проползет». Нарочно время рассчитал, чтобы подсказка поэффектнее обнаружилась, вредитель!

Стали рассматривать находку со всех сторон.

— Все эти плиты — шифр, — заговорил наконец напарник, — было бы больше времени, разгадали бы, где спрятаны сокровища, но чтобы с наскоку тайник отыскать — это нам повезло.

— Угу, — не стала я спорить, рассматривая завиточки.

Потом мы примерились и начали обнаруженную «ручку» дергать в разные стороны, нажимать, оттягивать, а все без толку. Не сдвинулась ажурная шутовина даже на миллиметр.

— Ручка — это ведь ручка? — уже отчаялась я.

— Ыхым, — глубокомысленно подтвердил Фома.

— Она не зря по форме именно ручку напоминает. А ставятся ручки на дверях.

— Точно.

— Двери должны открываться.

— Должны.

— Куда?

— Вперед и назад.

— Вперед, назад или... вбок!

Уперлась ногами прямо в эту самую ручку и толкнула изо всей силы в сторону — послышался шорох, плита сама крутанулась и отъехала, открыв углубление в полу.

— Это еще что? — Фомка выудил из неглубокой ямы второй ларец, точную копию того, который хранился у нас как вещдок. Ларец с золотым артефактом.

— Подделка?

Я пожала плечами.

— На экспертизу нужно. Только откроем сначала.

Глупо, конечно, но надежда в душе теплилась. Ввели шифр, подсказанный королем, откинулась крышка, открыла пустую бархатную подушку.

Да, если бы все было так просто... Ладно, погоди, золотой мой, голова мне еще дорога. Уж я тебя отыщу.

Когда мы выбрались за двери сокровищницы, собрав всю пыль и грязь, которые скопились на полу, король с хранителем уже ждали новостей. Его величество сразу увидел ларец в руках Фомы. На лице его мелькнула досада, но так быстро, что, не присматриваясь я, ничего бы и не заметила.

— Это откуда? — Монарх сделал вид, что ничего не знает и не понимает.

— Из тайника, — сказала то, что и так было ясно как божий день, а его величество уже ручонки к нашей находке потянул.

— Со всем уважением, — я встала перед Фомой, — но ларчик идет как вещдок, мы забираем его на экспертизу.

— В своем дворце я решаю, что отдавать на вашу экспертизу, а что останется здесь.

Вот ведь нормальная постановка вопроса. Это как? Задачу озвучил — артефакт ему нужно из-под земли добыть, — а вещдоки отдавать не желает? Есть ли смысл говорить королю, что он мешает следствию? Где высшая монаршая справедливость?

Пока размышляла о справедливости, его величество забрал у Фомы ларец.

Паршиво! И ведь король, ничем его не прижмешь. Тоскливым взглядом проводила вещдок, который, ясное дело, не подделка, а самый настоящий, раз монарх так испереживался, и решила зайти с другого хода.

— Ваше величество, нам бы узнать подробнее о свойствах артефакта, это могло бы помочь в определении его местонахождения.

И снова король недовольно поморщился, а потом велел следовать за ним в библиотеку.

В огромной роскошной комнате нас с Фомкой передали еще одному хранителю, на сей раз библиотечному. Этот тип снабдил меня толстой книженцией и собирался тихонько испариться и раствориться в своем бумажном царстве, но я кивнула Фомке, и напарник быстренько пошел за возможным свидетелем.

Усевшись в кресло, раскрыла книгу и стала изучать оглавление, пытаюсь отыскать сведения о вредном чуде.

— Сто сорок восьмая страница, — заставил меня подпрыгнуть знакомый голос.

Я как кошка зашипела на несносного болвана, который испугал меня до дрожи.

— Кис, кис, кис! — издевался золотоволосый гад, развалившись в кресле напротив и закинув ногу на подлокотник. — Кисонька, не фырчи.

— Да чтоб тебя эти похитители... — Дальше я использовала роскошный жаргон моего расчудесного шефа. Он мог ругаться как сапожник, когда думал, что я не слышу.

Аполлон приложил ладонь ко рту и сделал большие глаза.

— Какая же у тебя фантазия! — сдерживая смех, прокомментировал он мою речь, а я резко замолчала, заметив наконец, что на сей раз это чудо явилось в строгом светлом костюме.

— Еще и переоделся?

— Все как ты хотела. — Мужчина поставил локти на низкий столик,

на который я только что сгрузила тяжеленную книгу, и наклонился ко мне. Мы почти столкнулись носами. Я бы могла, конечно, отодвинуться подальше, да и было такое желание, но — щас!

— Я тебя найду и побью, — торжественно пообещала, нацелив на него лупу. Насмешливый всезнающий взгляд янтарных глаз в непосредственной близости чем-то неуловимо смущал, и я все-таки отодвинулась подальше.

— За что? — Артефакт тоже откинулся на спинку кресла.

— За издевательства. Ты не помогаешь, а только загадываешь загадки. Ведь наверняка знал, что король отберет ларец?

— Но выводы ты уже сделала. — Дух улыбнулся медленно и очень-очень многообещающе, даже дыхание на миг перехватило.

— А как у тебя это получается? — Тряхнув головой, я обличающе указала на проекцию, удобно устроившуюся в соседнем кресле. — Когда ты умудрился сделать подобные записи, чтобы разговаривать со мной так, будто сам здесь сидишь?

— Почитай о способностях артефакта, — расплылся мужчина в широкой улыбке, — заранее подбросить горошины в строго определенные места не составило мне труда.

Тьфу, проекция. Я даже скривилась.

— Так ты озаришь меня в конце концов очередной подсказкой?

— Уже озарил.

— То есть?

— Я указал страницу.

— Но она есть в оглавлении. — Я даже подскочила от такой наглости. Ведь явился и подарил надежду, что скажет нечто путное, как в случае с ларцом, а он!

А он расхохотался, да еще так обидно, и на миг позабылось, что это всего лишь дурацкая запись. И когда артефакт подскочил из кресла, в притворном раскаянии вскинув руки, я не смогла отказать себе в удовольствии хоть как-то отомстить и прибить наглеца. Запустила в него тяжеленной книгой, злорадно улыбнувшись краткому выражению испуга, промелькнувшему на красивом лице, но обманчивая гримаса тут же растворилась в удовлетворенной ухмылке. Мираж рассеялся, когда книга пролетела сквозь него, а громкий вскрик моего напарника заглушил тихий, тающий в воздухе смех.

— Фомушка! — Мой несчастный помощник растянулся на полу, прижимая ладонь ко лбу, а рядом лежал толстенный фолиант.

Я упала рядом на колени, рассматривая новую шишку, появившуюся рядом со старой.

— Аленика, ты лучше сразу скажи, что я тебе такого сделал? — простонал парень.

Сразу захотелось повторно стукнуть напарника, но уже по собственной инициативе. Свое полное имя я терпеть не могу, однако именно так звали обожаемую мамину актрису. А мне по звучанию «Аленика» напоминала «оленину». Я всегда кривилась, когда меня так называли, и Фомка об этом знал, потому сокращал мое имя до «Аленки». А сейчас, видишь, обиделся.

— Не я это, — бережно придерживая парня за плечи, склонилась над его многострадальным лбом, — это все мерзкий артефакт подстраивает, он тебе вредит.

— Я думал, ты вредишь.

— Честное слово, не я. Мы же друзья — и у меня нет мотива.

— Есть.

— Это какой?

— Савсен Савсенович на тебя дело повесил из-за ваших личных отношений с артефактом.

— Каких это личных? — От возмущения я взмахнула руками, и без моей поддержки Фомка опять повалился на плиты. Охнул, потом приподнялся, уселся на полу, снова потер многострадальный лоб.

— Лучше сама мне расскажи, чего ты на него так взъелась?

— Личные отношения с артефактом сводятся к тому, что меня передергивает от созерцания этой сиятельной физиономии.

Я задышала глубже, чтобы пар из ушей не повалил.

— Дай больше деталей, как на самом деле все было?

— У-у-у, — выдала я, пытаюсь совладать с острым приступом мужененавистничества, — ух. Ладно, слушай. Про выпускной экзамен я тебе говорила, про то, как это чудо там всех ослепило, тоже. Пока он красовался, я взяла и про задание спросила, а он в ответ стал меня изводить.

— Как?

— Намекал на выпускной бал.

Фомка брови изогнул, а я вздохнула, вспоминая.

— Мне очень нравился один одноклассник, я надеялась, он меня позовет на бал, ну прямо очень-очень надеялась, а мерзкий артефакт заявил при всех: «Девушка, что же вы торопитесь? Ваш пыл время до бала не сократит. Таким напором молодых людей не пленить, а только отпугнуть можно». — И улыбнулся, гад, своей ехидной всезнающей улыбочкой.

Я снова вздохнула, а Фомка сочувственно потрепал по плечу.

— И как ты ответила? Знаю же, что не промолчала.

— Да, — махнула рукой, — я усомнилась в его непредвзятости.

У Фомки глаза стали еще больше.

— Намекнула на то, что он видит будущее, а потому и задания раздает, исходя из собственных интересов. Кому захочет, даст такое, с которым человек справится, а другому — наоборот.

— Ого. Ну тыхватила через край.

Еще один вздох был ему ответом.

— Характер у тебя, Аленка, тот еще. Уела мужика, прямо по больному месту ударила — усомнилась в его драгоценных способностях. Ну сама посуди, заключили дух в оболочку, жить приходится в заточении, а призывают, лишь когда спросить что-то хотят. Единственное развлечение — всеобщее преклонение перед его даром, восславление артефакта. А ты возьми и скажи, что ему на слово верить не стоит.

Я голову опустила, а в легких уже воздуха не осталось, чтобы вздыхать.

— Ну а дальше что было?

— Он на мои слова улыбнулся и ответил, что люди выбирают собственный путь своими поступками, а он раздает задания, с которыми человек гипотетически в состоянии справиться. Потом добавил, что свою непредвзятость продемонстрирует прямо сейчас.

— Задания раздал?

— Раздал. Ну вот понимаешь, Фом, если бы он выбрал опасное задание, сопряженное с риском для жизни, я бы и слова не сказала, но ведь...

Я замолчала, вспоминая случившееся, и снова сделала глубокий вдох.

— Ведь что?

— След завел прямо в королевский отстойник.

Фомка скривился.

— Фу-у.

— И... — Вот гадство, даже вспоминать тошно! — И пришлось лезть.

— Э-э-э...

— Ну не могла я задание провалить, слишком хотела закончить академию. С заданием справилась, зато в зал вернулась такой... ну ты понял, всех сразила собственным ароматом. Группа тут же на другой конец зала перекочевала, а этот мерзавец, наоборот, ко мне подлетел, стал расхваливать, прям засыпал комплиментами и присудил мне первое место. А за первое место отличники в нашей группе готовы были убить, потому что лучшее место работы мог выбрать только первый. И Мик тоже об этом мечтал.

Фомка ободряюще похлопал меня по спине.

— Без артефакта ты бы к нам не попала. Савсен Савсеновичу сложно угодить.

— Знаю, что не попала бы. Я тогда спросила, в чем непредвзятость, а он пояснил: каждому дается задание по силам, но благодаря своим особенностям, свойствам характера, желанию, отвращению или просто, как он выразился, «если блажь в голову стукнет» человек может не справиться даже с простым вопросом. И я с одинаковым успехом могла выполнить задание, а могла провалить, но свое отвращение все же поборола.

Я подперла голову рукой и выдала грустно:

— А на бал Мик так и не позвал.

Фомка взлохматил мои волосы и посмотрел с сочувствием.

— Потом этот артефактишка склонился ко мне и проникновенно так спросил, удалось ли ему меня убедить.

— И? — настороженно поинтересовался напарник.

— Ответила, что нет.

Фомка шлепнул себя ладонью по лбу и громко ойкнул.

— Я зла была, вот и ляпнула. А он снова рассмеялся и пообещал показать настоящее предвзятое отношение, чтобы было с чем сравнить, но чуточку попозже. Пять лет выжидал, гад золотоволосый!

Фомка молчал, видать, находился под впечатлением.

— И что, прям полностью лезть пришлось?

Ах, это он все про отстойник? Вон как проняло.

— Не полностью. Я в сапогах была, примерно в таких, по колено. Вот по колено залезть и пришлось, ну и руки... В общем, есть у меня мечта этот артефакт туда же окунуть, и она день ото дня все навязчивей. А теперь давай, Фом, новые материалы дела изучать.

Я с чувством удовлетворения подняла с пола тяжеленный фолиант, судя по размеру, настоящий кладезь информации, и вернулась в кресло. Открыв книгу на нужной странице, приготовилась долго и внимательно изучать все, что написано про золотоволосое чудовище, даже те пометки, которые обычно идут мелким шрифтом. Через секунду глаза стали шире, чем у услышавшего мою брань артефакта.

— Да он издевается! — Это первое, что донеслось до моего напарника, уютно устроившегося в соседнем кресле.

— У-у-у! — Этот ужасный вой мог бы перепугать половину замка, если бы я его не приглушила.

— Что там? — подскочил Фомка.

— Придушу, придушу! А потом утоплю в королевской канализации.

Ты только послушай!

«Артефакт предсказаний.

Пункт первый. Дух, который может предсказывать будущее.

Пункт второй. Предсказывает его вне зависимости от последовательности событий.

Пункт третий. Раз в сто лет обретает человеческий облик».

Все!

— Аленка, это... ты погоди пока книгу рвать. Может, пропустила и еще где-то какие-то сведения есть?

— Нет, — яростно листая оглавление, ответила напарнику. — Да здесь про жука-короеда, который заводится под деревянными панелями замка, и то больше написано. Артефакт — ты просто окончательный и бесповоротный мерзавец, и когда я тебя найду...

Фома некоторое время слушал, периодически одобрительно пощелкивал языком, потом покачал головой и поинтересовался:

— Думаешь, он тебя слышит?

— Да все равно, — махнула я рукой, — мне нужно высказаться. Фух, отпустило немного. Ладно, Фом, давай думать.

Я, постукивая лупой по столу и выбивая ритм, который сама обычно никогда не слышала, с головой погрузилась в размышления. Напарник говорил, что обычно я частой дробью выстукивала детские песенки, но не удивилась бы, обнаружив, что в данный момент звучала похоронная мелодия. Фомка, приготовившись ждать, откинулся в кресле и широко зевнул.

— Слуш-шай, — пятнадцать минут спустя изрекла свистящим шепотом, отчего напарник вздрогнул и открыл глаза, — нас, Фом, водят за нос, потому как мы имеем два ларца, один из которых настоящий. Для чего королю две одинаковые шкатулки?

— Запутать?

— Верно, запутать следы и подсунуть кому-то одну из шкатулок. Нам надо выяснить, кому и с какой целью. Когда выясним, это даст ответ на вопрос — как артефакт увели из сокровищницы, не вскрыв дверей и не оставив следов.

— Может, он сам? Надоело взаперти сидеть?

— Нет, его похитили. В пункте первом ясно сказано, что он дух, а значит, сам сделать ничего не может. Тут без вариантов — его похитили, но это не исключает его собственного участия. Через других это чудовище действует просто замечательно.

Я еще раз взглянула на две шишки на лбу напарника.

— Теперь, кстати, понятно, как этот солнечный наглец умудрился раскидать горошины. Он видит будущее и мог раскидывать записи в любое время, хоть год назад, хоть два — каждый раз, когда у него появлялся для этого шанс. И все его подсказки...

Тут я замолчала, схватила книгу и снова открыла ту же страницу. Поднеся лупу к краю листа, обнаружила то, о чем подумала, — хороший четкий отпечаток пальца рядом с номером.

— Фом, дай чистый лист.

Напарник достал свою записную книжку и протянул мне. С волшебным подарком отца переносить отпечатки труда не составляло, стоило только поднести лупу к чистому листу, чтобы след из книги скопировался.

— Вот еще одна улика, — торжественно показала я свою находку. — Савсен Савсенович раздобыл отпечатки пальцев?

— Как всегда, оперативно. Сняли у всех, кто не только здесь работает, но и просто заходил во дворец в день исчезновения.

— Нам необходимо все сверить и отыскать того человека, который интересовался свойствами артефакта и читал эту самую книжку.

Я с чувством захлопнула фолиант, когда Фомка слегка повел глазами в сторону, и едва заметно кивнула ему. Через минуту мы вновь заговорили как ни в чем не бывало.

— Заметила?

— Заметила. Он подслушивал нас еще с того момента, когда я упомянула ларец. Думаю, сам король велел, когда лично отводил нас в библиотеку. Очень уж его величество озабочен тем, чтобы мы не узнали ничего лишнего.

— Ты нарочно так громко рассуждала?

— Хочу понять, какими будут дальнейшие действия по отношению к нам. Давай подождем.

Минут через пять в библиотеку прибежал запыхавшийся дворецкий.

— Господа сыщики, — мы лениво кивнули, приняв самый загадочный и невозмутимый вид, — его величество распорядился отвести вам покои в замке, дабы было удобнее содействовать следствию. Пройдите за мной, я покажу ваши новые комнаты.

— Вот теперь нас из дворца просто так не выпустят, Фомка, — шепнула я на ухо напарнику, следуя за дворецким.

Глава 2

ВСЕМ ЗАПАДНЯМ ЗАПАДНЯ

Комната как комната. Моя квартира определенно лучше, потому что своя собственная и никто за стенами или дверями не подслушивает. Там и так все слышно, стены картонные.

Обошла скромную комнатку по кругу, вышла на балкон, полюбовалась видом на висящий в небе месяц, посмотрела с высоты второго этажа на глубокий, заполненный водой ров, вдохнула свежий воздух и поплотнее закрыла дверь.

Вот что хорошо во дворце, в отличие от третьесортных гостиниц, так это наличие ванной комнаты. Благо дешевые гостиницы остались в том времени, когда я еще заслуживала право считаться сыщиком высшей категории.

— Ванная со всеми удобствами, — оценила я, оглядывая эти самые удобства и душ (что очень порадовало) с горячей водой. В замке имелись своя система подогрева и водопровод.

После рабочего дня, во время которого разбирала улики, ползала по сокровищнице и кидалась тяжеленными фолиантами, дико хотелось умыться и упасть на кровать. А подумать о том, что делать со свалившейся на голову монаршей заботой, решила завтра, с утра пораньше. Пока же моей светлой голове требовался отдых.

Стянув пыльную одежду с пятнами грязи (интересно, король озаботится указом доставить сюда наши вещи?) и бросив на подлокотник кресла, прошла в ванную. Включив воду, скользнула под теплые тонкие струйки и ощутила, что в этом мире есть место настоящему блаженству.

— Ах, красота какая! — выдохнула счастливо.

— С этим не поспоришь, — раздалось в ответ.

Открыв глаза, я тут же закрыла их и принялась усиленно тереть, так как уже успела намылить лицо. Через секунду вновь распахнула ресницы, чтобы сквозь слезы рассмотреть сидящее на фарфоровом удобстве жутко довольное и мерзопакостное чудо.

— Да чтоб тебя! — взвизгнула и вжалась спиной в кран, неслабо ударившись лопатками о стену и попутно перекрыв воду. Не нашла ничего лучшего, как прикрыть мочалкой низ живота, а рукой грудь.

— Ты совсем стыд потерял, арте... арти... тьфу, — отплевалась от

мыла, — ...фактишка!

В ответ на мое справедливое возмущение прозвучал такой горестный вздох, что, будь я знакома с золотоволосым чуточку меньше, испытала бы укол совести.

— Откуда такая жадность, богиня? Несчастный дух, заточенный в артефакт, уже почти сто лет не любовался женщиной, а ты... — и снова вздохнул, и посмотрел с таким укором, что вы только полюбуйтесь на это... это... я ведь даже слов подобрать не могла, и словарь шефа не вспоминался, хоть убей.

— А ну вон отсюда! — показала головой в сторону двери.

Мужчина пожал плечами и поднялся во весь свой внушительный рост.

— Я приходил помочь.

Сволочь!

— Ну, говори! — крикнула я в широкую спину.

Качнулись золотистые пряди, артефакт нехотя повернул голову и с еще большим сожалением в голосе добавил:

— Не могу, меня отвлекает твой неподобающий вид, я забыл, что хотел сказать.

И испарился. Вы можете себе представить? Испарился!

— А ну назад! — закричала я, будто исчезнувшая проекция могла услышать и вернуться. — Назад, паршивец! Время уходит, чудо вредное! Что король скрывает? Ты оплату обнаженкой вперед получил, а ну вернись!

Рванулась к крючку с полотенцем, швырнула с досады мочалку на пол и на ней же поскользнулась.

— Ай! — растянулась на мраморных плитах, а потом с трудом поднялась на корточки и обреченно, очень витиевато выругалась. Вот почему в ваннных комнатах нужно ходить осторожненько, а не скакать ополоумевшим зайцем, пытаясь догнать испарившееся видение.

Помянув парой ласковых зарвавшегося духа, я тряхнула головой, а когда подняла ее, узрела перед собой две ноги, а выше — непомерно заботливый взгляд.

— Неотразимая, ты ушиблась? Я вернулся, как только узнал, что ты будешь звать назад, радость моя!

— Ненавижу! — прошипела, представив со стороны свою более чем пикантную позу.

— Эти чувства совершенно не взаимны, — усмехнулся бессовестный аморальный тип и, отбросив-таки ложную скромность, окинул меня горячим взглядом, от которого можно было высохнуть и без полотенца.

— Да как ты вообще видишь, проекция?

Вот бы сейчас сжать в кулаке золотые кудри, чтобы не вырвался, и съездить по этой светящейся физиономии!

— Я представляю тебя в мечтах... ну или в видениях будущего, это почти одно и то же.

Решив принять позу поскромнее и спрятать хотя бы то, на что сейчас был нацелен взгляд артефакта, я вновь прикрылась руками и одновременно попыталась поприличнее устроиться на коленях.

— Не утруждай себя, сокровище, — тут же заявил сияющий дух, — мне очень нравится этот вид сверху.

Я беззвучно застонала, а потом раздраженно махнула на него свободной рукой.

— Это ты у нас сокровище, м-м-мерзавец. Так что рассказывай уже.

— Что говорить? — Артефакт опустил на корточки и, очевидно, пытаюсь как-то компенсировать неприличную близость, соизволил заглянуть мне в глаза.

— Почему король подменил ларцы?

— Неповторимая, — потрянул золотой гривой дух, в точности скопировав мою манеру трести волосами, — у меня снова все вылетело из головы. Понимаешь, когда я появлялся здесь прежде, вид был другой, а теперь совсем скверно.

— Что значит скверно? — возмутилась я.

— Это значит, — артефакт поднес палец ко лбу, — скверно влияет на мыслительный процесс. Придется делать еще одну запись. Встретимся позже, соблазнительница.

И сложил губы бантиком, послав мне воздушный поцелуй. Я готова поклясться, что перед исчезновением заметила на его лице бесящую меня ухмылку.

Что бы там Фомка ни говорил, а характер у меня хороший, золотой практически, если меня не бесить. Когда со мной ласково обращаются, я просто милейший человек. У меня только одна слабость — терпеть ненавижу не высыпаться. Если меня лишит законного сна, я немного зверею. Не переношу состояния выброшенной на бережок и растекающейся на жарком солнце медузы. Глаза слипаются, рот из-за зевков не закрывается, в голове мысли только о кровати и об артефакте. Очень кровожадные мысли (не по поводу кровати, конечно).

Я его полночи прождала. Сначала с бешеной скоростью отскребла присохшее мыло, очень быстро закончила омовения, на всякий случай не закрывая при этом глаза, а потом замоталась в широкое полотенце по

самую шею. Во дворце у меня даже ночной рубашки не было.

Сначала села в кресло ждать, чтобы этот наглец не завалился рядышком в кровать. При этом не забывала простукивать все руками и ногами, чтобы раздавить горошину, потом еще по комнате попрыгала, ну а в итоге плюнула и забралась под одеяло. Сидела, сидела, периодически подергиваясь (вдруг все-таки горошину нащупаю!), потом просто облокотилась на подушки, ну и уснула в конце концов. А вот теперь проснулась в самом отвратительном расположении духа. Во-первых, совсем не выспалась, во-вторых, все тело затекло из-за неудобной позы, в-третьих, приобретенные вчера в ванной синяки болели, а в-четвертых, меня разбудили. Самым бесчеловечным образом — с утра пораньше. Но особенно раздражало, что я даже не могла намекнуть собеседнице, что не очень желаю видеть кого-либо в своей комнате. Хотя чего еще ждать от невесты артефакта? Они даже изводить меня решили одинаково.

В общем, с визитом ко мне явился не абы кто, а сама принцесса. В королевском дворце количество сиятельных личностей, претендующих на мое внимание, росло просто в геометрической прогрессии.

— Доброе утро, — вломилась в комнату эта особа, полагая, наверное, что я буду счастлива ее видеть. И почему принцессы не спят до обеда? Что за некорольская манера вставать спозаранку?

— Как только служанка доложила, что вы во дворце, я тотчас же поднялась. Не представляете, как сложно было вынести этот жутко длинный процесс одевания, так хотелось поскорее увидеться с вами.

На мне из одежды в данный миг были только банное полотенце, в котором я уснула, и край одеяла. Вести разговоры с принцессой, лежа на кровати, как-то не годилось, несмотря на зверское настроение. Особенно потому, что, судя по девице, процесс ее одевания, а также накрашивания и причесывания занял несколько часов. Однако и выбираться из кровати голышом было не комильфо.

— Я так рада познакомиться с вами! — схватила меня за руки сиятельная особа. У них с артефактом даже оттенок волос оказался в чем-то схожим. Правда, принцесса была сиятельной только по статусу и сверкать в прямом смысле слова не спешила. — Я бы ни за что не решилась пойти к вашему напарнику, он ведь мужчина. А с вами так приятно беседовать!

Угу, очень приятно, я ведь еще и слова в ответ не сказала.

— Верните мне Артура! — с пылом воскликнула принцесса, сжав мои руки еще крепче, а я с трудом сдерживалась, чтобы не начать вырываться. Комплекция у девушки хрупкостью не отличалась, и я начинала всерьез

опасаться за свои кости.

— Кого вернуть? — уточнила хрипло.

— Моего Артура! — проголосила принцесса, выделив ударением букву «А». — Солнечный артефакт! Вы не представляете, как я страдаю без него!

— А почему Артура? — не оценила я душевные терзания собеседницы.

— Ах, это такое благородное имя. Оно ему очень подходит!

По мне, так ему больше подходило «Наглюнтый» или, например, «Мерзавтий». Но, кажется, принцесса не могла оценить имен столь неблагородного звучания.

— Вы не представляете, какой это мужчина!

— Что вы, ваше высочество, — я все же высвободила ладони, которые уже начали ныть, — потихоньку обретаю представление, день за днем, так сказать.

Девушка патетически заломила руки и с дрожью в голосе произнесла:

— Это самый деликатный, самый воспитанный, самый благородный и красивый мужчина в мире.

Ущипните меня, может, я сплю? Кто — деликатный, воспитанный и благородный?

— Он всегда так галантен! Всегда учтив. И никогда не отказывает мне в просьбах, если отец разрешает обратиться с вопросом.

— И что, даже ни разу в канализацию не послал? — не удержалась я. Зверское настроение давало о себе знать.

— А? — расширила глазки принцесса.

— А? — в тон ей удивилась я.

— Ах, я поняла! — радостно рассмеялась девушка. — Вы, как и он, любите загадки. Знаете, однажды я была так расстроена, когда потеряла золотую цепочку с кулоном в виде бабочки, что папа сразу же разрешил спросить у Артура. И я даже ничего сказать не успела, как он произнес: «Словно бабочка на цветок, спорхнуло чудесное украшение с вашей нежной шейки». Так изящно, не правда ли?

— Потрясает воображение, ваше высочество, этаким... мм... витиеватым пафосным слогом.

— Да, да, верно, Артур всегда говорит поэтично! Я, правда, не поняла тогда, что он хотел сказать. Но догадайтесь, где потом служанка нашла подвеску?

— В цветочном горшке?

— Вы уже слышали эту историю? Откуда? Я до сих пор ума не

приложу, как цепочка там очутилась.

Ага, я так понимаю, что сложность загадок зависит от умственных способностей. Значит, кому-то практически прямым текстом говорим, а кого-то заставляем голову ломать. Очень-очень предвзятое отношение, теперь я прям отчетливо видела разницу.

В общем, избавиться от настырной особы я смогла, только клятвенно заверив ее, что приложу все силы, дабы вернуть ее драгоценного Артура живым и практически невредимым. Не могу давать обещаний, которые рискую не выполнить. А доставить артефакт в целости и сохранности мне могло помешать особо трепетное к нему отношение.

Напоследок, когда ее высочество с грустью во взгляде прощалась со мной, я спросила, не найдется ли в их замке парочки повседневных костюмов, так, чтобы сменить полотенце. В этот момент принцесса как раз заметила сей модный наряд на моей груди и снова широко раскрыла глазки.

— Ой, как неловко, вы не одеты.

— И рискую остаться неодетой, поскольку чистой одежды нам еще не доставили, а согласно высочайшему указу мы временно не должны покидать дворец.

— Я... я распоряжусь... — смущенно подскочила с моей постели принцесса.

Какая стыдливость в наше время! Кажется, только семья монарха еще следует традициям в этом великом и очень просвещенном королевстве. Интересно, а невинную деву не смущало полуголое явление ее дорогого Артура? Хотя, если уж по поводу подвески бегала спрашивать, очевидно, не столько смущало, сколько привлекало.

Когда красная как рак девица испарилась из моей спальни, я выползла из кровати и пошла умываться. Может, поэтичный артефакт привлекают исключительно водные процедуры и обнаженная натура и он желает приоткрывать завесу над загадкой лишь под шелест водяных струй?

Все же то, что привлекает артефакт, осталось покрыто тайной. Он таки больше не явился. Зато вместо сладострастных взглядов несчастного, лишенного женской компании духа, я получила строгий и осуждающий взгляд чопорной экономки, постучавшей в мою дверь и принесшей сменное платье.

— С ума сойти! — поразила я, растягивая в руках невесомую голубую ткань с вышивкой жемчугом и шелком. Длинной платье доставало мне до пят и было на пару размеров шире, чем нужно. Кажется, сердобольная принцесса решила расстаться со своим нарядом ради

спасения светлейшего Артура, только как мне в этом платье ползать по тайным ходам замка?

— Аленка! — Решительный стук в дверь мощного кулака моего напарника подвиг быстро натянуть платье через голову, перехватить в талии поясом и скоренько распахнуть дверные створки, пока мой нехиленький Фома случайно их не выбил. — Аленка, — напарник ворвался в комнату, потрясая листами с записями, — этих отпечатков нет в базе данных! — потом обернулся, замер, сканируя меня в принцессинном платье, и пораженно присвистнул.

Я в ответ издала такой же свист, рассмотрев, во что был одет мой напарник.

— Лосины и фрак?

— На тебе платье? — одновременно воскликнули мы.

Напарник в обтягивающих белых лосинах и темно-синем фраке с удлиненными фалдами смотрелся так феерично, что сквозь мои плотно сжатые зубы потихоньку начинал прорываться смех. Потом еще представила, какой очаровашкой смотрюсь в голубом балахоне, который пришлось приподнимать на талии с помощью пояса, чтобы не запутаться ногами в юбке. Теперь эта складка висела у меня на животе, а руки утопали в длинных широких рукавах.

— Фом, шикарно выглядишь, — сделала комплимент, усиленно изображая серьезность.

— Ты тоже ничего, — последовала ответная любезность, а потом мы расхохотались и, держась за животы, кое-как доползли до кресел.

— Ух, — утирая слезы, выдохнула я. — Какой прием! Такое внимание не может не льстить.

— О да, — согласился напарник, вытащил из кармана большущий платок и утер им глаза.

— Что хорошо, Фом, во дворце мы с тобой не соскучимся.

— Согласен.

К работе мы приступили гораздо позже. Сначала отдышались от приступа безудержного хохота, потом мне пришлось снова выбираться из кресла, чтобы открыть дверь. Честно, опасалась увидеть принцессу, явившуюся проверить, как мне идет ее дар, а заодно напомнить, что необходимо отыскать ее милого Артура. Однако наш визитер оказался более приятным — это мальчик-служка привез завтрак прямо в мою комнату. Заметив в спальне еще и Фому, мальчишка тут же испарился и вернулся немного погодя, толкая перед собой вторую тележку.

— Какой ферфис, — восторгался напарник, уплетая за обе щеки

безумно вкусный завтрак.

— Угу. — Я не могла говорить, когда ощущала во рту такое гастрономическое чудо.

— Согласен жить здесь до полнолуния, даже голову отдать уже не так жалко, — пришел к выводу приятель, откидываясь на спинку кресла и с тоской глядя на широкий и тугой пояс своих обтягивающих лосин. Я же наоборот — оценила в этот момент всю прелесть платья большого размера.

— Давай, Фома, что там за листы ты принес?

— Списки тех, кто посещал дворец в день похищения, но отпечаток пальца из книги никому из них не принадлежит.

— Хм. — Я взяла листы и принялась сосредоточенно вчитываться в ровные строчки. — Вот это имя как-то непривычно написано, не находишь?

Напарник потянулся за листком, посмотрел внимательно и пожал плечами.

— Буква «Ё» вместо «Йо». Описались. Имен много, вот и вышла ошибочка.

Я задумалась, потому что буква смущала. Дети часто так пишут, а вот придворный писарь обязан не допускать ошибок, особенно во всяких именах и титулах. Ему ж за такое сразу по голове настучат.

— Так-с, пошли опять в библиотеку.

Хранитель знаний приветствовал нас безо всякого энтузиазма, однако быстро принес затребованную книжечку «Тайна имени». Я листала страницы, пока не нашла на одной из них имя Йорик.

— Вот оно, Фом. — На этот раз я приглушила голос почти до шепота.

— Что?

— Это имя может писаться как «Ёрик», но подобное написание не принято в нашем королевстве. А знаешь, в каком языке вечно упрощают все звуки? Вместо «Йо» у них «Ё», вместо «Тс» у них «Ц».

— В мирийском.

— Да.

— Ну, ну, делись соображениями.

— Пошли в сад гулять, там поделюсь.

— А пойдем.

Пока мы с напарником шагали по чистым, укрытым от солнца развесистыми кронами дорожкам парка, производя неизгладимое впечатление на встречающихся по пути придворных, я вслух продолжала складывать части головоломки.

— Король не желает открывать нам нечто важное, а именно: почему

было сделано два одинаковых ларца. Дальше, некто изучал сведения об артефакте, но он не присутствовал во дворце в день похищения. Затем, когда исчез артефакт, некто Ёрик, скорее всего, мириец, почтил замок своим присутствием. То есть выходит, что это мог быть посол из соседнего королевства. Меня интересует, а много ли послов перебывало во дворце за последнюю неделю?

— Думаешь, если каждое соседнее королевство направляло сюда своих представителей, то их целью было — навести справки об артефакте?

— А ты сам посуди, если в нашем королевстве есть принцесса в количестве одна штука, то принцессы и в соседних странах имеются. Сколько всего незамужних девиц наберется? Кажется, пятеро. В общем, имеется такая идея, что не только наш правитель свою дочку желает выдать за Артура.

— За кого?

— За артефакт зловредный.

— Поименовала уже, — захмыкал Фома, выразительно глядя на меня.

— Это не я! — открестилась от сей сомнительной чести. — Это принцесса нашла благородное имя для своего рыцаря. Ну так рассуждаем дальше: в общем, все хотят заполучить себе этого мага-прорицателя после его перерождения, но мы ведь не в курсе, как он в нашем королевстве очутился, может статься, что единоличных прав на такое сокровище наш властитель не имеет.

— А верная мысль, — почесал лоб напарник, — все как-то привыкли считать его местным. А кто он вообще такой?

— Вот. Что за чудо-юдо заморское? В книге сведений нет, возможно, и не просто так. А появление второго ларца я могу объяснить тем, что для короля изготовили уникальную подделку, дабы подсунуть ее вместо оригинала. Потому монарх нас здесь держит, чтобы об этих версиях не узнали в соседних королевствах. То, что он желает с нашей помощью найти свое сокровище, ясно, об этом говорит отношение к нам. Сам посуди, в поисках не препятствуют, вроде как помогают, сервис, опять же, на высоте, внимание проявляют, но при этом подслушивают и выведывают, что нам удалось накопать.

— Савсен Савсенович поможет узнать, каким образом происходит перерождение артефакта и как он здесь очутился.

Мы с Фомкой замолчали, осмысливая сложившуюся воедино информацию, но что-то не давало мне покоя. Тогда я прокрутила в голове последнюю встречу с Артуром и все сказанные им слова. Если отбросить в сторону коронные заигрывания артефакта и его несусветную наглость, то

одна фраза могла показаться необычной. Он сказал: «Когда я оказывался здесь прежде». Ведь на мою комнату намекал, а не на ванную. Артефакты вообще не моются, особенно духи, они и без воды отлично сияют. Что, если это загадочное чудо кто-то приносил в гостевую спальню? Притормозив на дорожке и ухватив Фомку за локоть, я развернула напарника к себе лицом.

— Пардоньте! — выкрикнул гигант, случайно съездив локтем по лицу пытавшегося разминуться с нами вельможу. Тот скоренько прижал к разбитому носу белоснежный платок и быстрее ветра помчался дальше.

— Фом!

— Чего?

— Надо выяснить, кто из гостей недавно останавливался в комнате, где я сейчас живу.

Глава 3

УЛИКИ, И НЕ ТОЛЬКО

— Куда этот артефакт делся, когда он так нужен? — вопрошала я у стены.

Савсен Савсенович с ног сбился, разыскивая информацию о неуловимом духе. Собирал ее буквально по крупицам. За сто лет народ привык думать, что артефакт находился в королевской сокровищнице всегда.

— Да где тебя носит, вредина? — топнула я ногой.

Последовавший за этой фразой стук в дверь явился ответом на вопрос, но, естественно, по ту сторону оказался вовсе не вредина, а мой незаменимый напарник.

— Ну что?

Всплеснув руками, словно огромными крыльями, Фомка бухнулся в кресло, отчего оно жалобно заскрипело.

— Да ничего толкового пока. Вот если бы меня выпустили из дворца, я бы тоже навел справки, а так Савсенович один там крутится, пока мы с тобой здесь это дело распутываем.

— Фом.

— Чего?

— А что за награда обещана королем за успешное выполнение задания?

— Желание.

— Какое желание?

— Любое, но в пределах разумного.

— Вон как.

— Ага.

— Фом, а как ты думаешь, можно наносить артефакту увечья вместо обещанной награды за его нахождение?

— Сомневаюсь.

— Очень-очень жаль. Это могло послужить мне дополнительным стимулом.

— Да найти бы его, — с досадой высказался напарник. — Савсен Савсенович ругается — как только покажется, что конец клубочка в руках, все ниточки обрываются. Будто нарочно информацию о духе подчистили.

— Может, сам дух?

— Да он же дух!

— Кто-то мог сделать это для него. Ему всего-то стоило что-нибудь этакое предсказать, и вот уже нужный человек помчался заметать следы там, где артефакт их оставил.

— Думаешь, не хочет, чтобы мы его отыскиали?

— Возможно, и не хочет, однако развлекаться за наш счет это ему не мешает. Тебе вон тумачи достались, а мне счастье лицезреть эту сиятельную сволочь во всех неподходящих местах.

— Подсказку хотя бы оставил... — вздохнул Фома. — Может, снова в библиотеке порыскать?

Я собиралась ответить, но в дверь очень вежливо постучали, просто вежливо-превежливо.

Когда отворила, обнаружила по ту сторону «обожавшую» меня чопорную экономку, на лице которой сейчас можно было квасить капусту — такое оно было кислое.

— Госпожа сыщица, время десять вечера, а у вас в спальне, — дама понизила голос до зловещего шепота, — мужчина!

— Мм... — Я обернулась, оглядела спальню внимательным взглядом, даже чуток склонилась, чтобы заглянуть под кровать.

— Да нет у меня мужчин.

Дама зашла в приступе праведного гнева, а потом дрожащим перстом указала на кресло.

— Господин Фомантий еще не соизволил покинуть ваши апартаменты. Это дворец, смею напомнить, здесь воспитывается ее высочество, здесь царствуют строгие нравы...

— Угу, и голые артефакты, — пробурчала себе под нос, слушая эту тираду.

— ...не подобает! Я все сказала. А это вам. — Она сунула мне в руки какой-то сверток, а потом снова застыла, уставившись немигающим взглядом на моего напарника.

— Фом, — оборотилась я к верному товарищу, — тебя изволят просить покинуть мои апартаменты.

Напарник, успевший положить на мой журнальный столик ноги в лосинах, нехотя почесал пятку, а потом покинул насиженное кресло.

— Работать не дают, — громко буркнул он, — а на выходе задел меня плечом и произнес одними губами: «Библиотека».

Я ответила легким кивком и закрыла за своими гостями дверь.

Встретимся, стало быть, с Фомкой ночью, внизу, порыскаем в

библиотеке без хранителя. Пристроив сюрприз ее высочества на тумбочке, я потянула за ленточку, и сверток раскрылся, явив взору новые дары щедрой принцессы. Щетка для волос выскользнула и покатилась прямо под кровать. Пришлось встать на четвереньки и лезть за ней.

— Ты стала часто встречать меня в очень игривых позах, — раздался сзади голос, я стукнулась головой о деревянное днище кровати и, кажется, набила шишку. Пятясь задом, извлекла наружу сначала себя, а затем щетку и тут же запустила ее в проекцию.

— Ой, ой! — притворно воскликнул артефакт, схватившись за живот, сквозь который пролетела старомодная аристократическая вещица. — Ты чуть-чуть не попала ниже.

— Попаду, но позже, когда ты перевоплотишься, дух недоделанный. Вот еще раз так явишься, и я на тебя натравлю дворцовую экономку!

— Эту милейшую даму? — сделал большие глаза невыносимый артефакт. — Я безмерно ценю наши с ней встречи и беседы об истинной морали.

— И часто ты проводишь свои беседы, так сказать, без костюма? — заинтересовалась я истинной моралью чопорной дамы.

— Неповторимая, я только для тебя надеваю сие чудо. Перед теми, кто просит предсказаний, я могу являться лишь в своем первозданном виде — облике сияющего духа.

— Так-так, а почему?

— Проекция, — с кокетливой улыбкой пожал мощными плечами нескромный артефакт, — на нее можно наложить желаемое изображение. В реальности мне доступен лишь волшебный золотой листок из сокровищницы, дабы совсем уж не смущать невинных дев.

— Ага! — воскликнула я, пытаюсь поймать за хвост какую-то мысль, но артефакт вновь вмешался в мыслительный процесс и нагло меня сбил.

— Возможно, и нам пора перейти на новый уровень отношений, — доверительным шепотом сообщил он, — без костюма? — добавил совсем уж бесстыдно.

— С голыми мужчинами я общаюсь только в особом положении.

— Хм, — задумался наглец, — в горизонтальном?

Следующий подарок принцессы, заколка для волос, полетел уже ниже сиятельного живота.

— Вот ведь охламонище, и кто только тебя духом сделал?! Зачем ты вообще ко мне являешься? Нарочно наводишь на ненужные следы, вносишь путаницу в следствие! Информацию о себе всюду убрал. Не хочешь, чтобы тебя нашли?

Я засыпала артефакт обвинениями вперемешку с вопросами, пытаюсь вывести из себя это невозмутимое и непонятное создание и вырвать-таки у него новое признание.

— Смотри кто найдет, — вовсю разулыбался этот несносный тип, — А-а-алена.

И интонацией букву «А» выделил, чтобы намек стал совсем прозрачным.

— Что еще за сокращение моего имени, А-а-артур? — сделала я такое же ударение. — Прямо мороз по коже.

— Это дрожь желанья, Аленушка. Так тебе больше нравится? — и посмотрел, чудовище, своим пронизывающим взглядом, под которым я всегда терялась.

— Желания добраться до тебя, артефактишка, — нашлась с ответом, пока здоровые мысли в голове окончательно не разбежались.

— Весь в ожидании, — улыбнулся Аполлон этак многообещающе. А затем, естественно, исчез. Как всегда, эффектно, оставив за собой последнее слово.

Дверь в царство книг и прочих мудрых бумаженций оказалась закрытой. Подергав ручку, дабы в этом убедиться, я присела на корточки, решив рассмотреть замочную скважину и придумать, чем в ней можно поковыряться.

— В сторонку, дилетантишка, — потеснил меня Фома.

Он достал из-за пазухи объемный металлический ключ и вставил в замок. Щелчок, и дверь отворилась.

— Фомка, — я хлопнула напарника по плечу, — у хранителя выкрал?

— Копию снял, еще когда мы в первый раз сюда явились и я его допрашивал как свидетеля.

— Ты нереальный профессионал!

— А то!

— Ну давай определимся, что искать будем.

— В прошлый раз этот хранитель приносил нам книгу про артефакт вон с того дальнего стеллажа. Порыскаю-ка я в другой стороне.

— Идет.

Фома направился в затемненный угол пустой, довольно зловеще выглядевшей в полумраке библиотеки. Я же подошла к креслу и зажгла стоящую на столике свечу.

Вскоре пыхтящий напарник принес сразу несколько фолиантов, один из которых был нам уже знаком.

— Это все, что здесь есть про редкие артефакты. Давай искать.

Искали мы без малого час. Мой утомленный предыдущей ночью организм напомнил о необходимости отдыха широким зевком.

— Совсем ничего, — в который раз воскликнул Фома, с чувством захлопнув последнюю книгу.

— Может, особенно редкие и ценные книги хранятся в тайниках сокровищницы? — предположила я. — Если артефакт и все, связанное с ним, держали там, то и книги тоже могли определить туда.

— Что еще связано с артефактом? — заинтересовался напарник, а я в ответ хлопнула себя по лбу.

— Ну конечно же! Золотой листок. Вот еще одна зацепка, даже зацепище, Фом.

— Так уж прям и зацепище? — скептически хмыкнул сыщик (вот точно как наши парни фыркали на артефакт в зале испытаний!).

— Так все же надо закрыть. Отсюда вывод: листик связан с артефактом, осталось еще в свойствах этого листика разобраться. Ох, и умеет это чудо сказочное мозги пудрить и отвлекать, когда мысль... о!

Мой возглас заставил напарника вздрогнуть.

— Сказочное! — пояснила я, помахав перед носом Фомки своей незаменимой лупой. — Ну точно, если ничего нет во всяких справочниках и научных книгах, то может отыскаться в народных сказках и преданиях! Неси сюда все, что найдешь! — Я снова отправила напарника на поиски.

Уже минула полночь, а два изнуренных от недосыпа сыщика листали сборники сказок.

— Про артефакты ничегошеньки, — зевая, говорил Фомка, пролистывая очередную книжку.

— И у меня, — так же вяло отвечала я, ведя пальцем по заглавию, — зато есть про солнце, — добавила, задержав палец на названии сказки «Как солнышко с неба исчезло».

Я устроилась поудобнее и начала читать вслух:

— «Надумал царь-солнышко жениться и сошел в мир людей невесту себе подыскать. Долго бродил по дорогам и у добрых людей останавливался, пока не приютила его в чаще лесной краса невероятная. С первого взгляда полюбил он деву невинную и замуж за себя позвал. Сыграли тогда свадебку, закатили пир веселый, и гремел тот пир семь дней и семь ночей, а после уехали молодые в небесный дворец.

Только не ведал царь, что это ведьма коварная молодой красой

прикинулась и что дождется она момента, нападет на мужа своего спящего да погубит его, а всю силу заключит в волшебный золотой шар. И пропало с тех пор солнце с небес, и затревожились люди. Выбрали из рядов своих самых лучших следопытов и отправили их на поиски.

Никто не смог с задачей справиться, и только один самый хитрый следопыт набрел на следы ведьмы и нашел ее у берегов быстрой Небесной речки, где задумала колдунья утопить волшебный шар. Используя всю свою смекалку, сумел храбрый следопыт обвести ведьму вокруг пальца и выкрасть диво волшебное. Открыл он тогда шар и выпустил силу солнечную наружу, и снова воссияло солнце на небе и спалило лучами своими злую ведьму, а храброму следопыту подарило шар волшебный, в котором осталась частичка силы солнечной, на память».

Вот и сказке конец, — дочитала я. — Ну что думаешь, Фом? — Ответом послужил громкий храп моего напарника. — Да уж, хорошая мысль, — проворчала я, чувствуя, как у самой слипаются глаза. — Сейчас еще пару страниц посмотрю, — ответила внимательно спящему сыщику и перешла к следующей сказке. — А эта называется «Как Солнышко людей одарил».

«Жили люди не тужили, потому как города и королевства их процветали. А впрочем, не все своей жизнью довольны были. Находились среди людей и охотники за солнечными дарами.

Вот обратились как-то охотники к царю-солнышку с просьбой: „А надели ты и нас солнечной магией. Все подданные твои волшебством владеют, а мы чем хуже?“ Послушал их царь, послушал, да и ответил: „Устрою я для вас испытания, а кто их пройдет, сам себе дар выберет. Тех же, кто не справится, даже подаренная магия слушаться не станет“. И согласились люди, и выбрали каждый свое испытание, согласно дару желаемому.

Нелегко пришлось испытуемым. Не день и не два мучились они над солнечными загадками, а все долгие три года силились с заданиями справиться. Победить смогли только лучшие из лучших. Однако остальные обид не затаили, потому как по справедливости все было устроено».

Зевнув во весь рот, я продолжила читать вслух, чтобы не захрапеть как Фомка над усыпляющими страницами:

— «Царь-солнце сам дары победившим поднес, из его рук магию приняли, стали с тех пор ее владельцами и сынам своим передали. И пуще прежнего солнышко восславили. Тут и сказке конец».

Фомка снова согласно всхрапнул, а я потерла глаза и поняла, что хватит уже с меня на сегодня сказок. Снова открыла оглавление, а там еще штук семь таких притч про солнце, а раздел озаглавлен: «Ирийские солнечные сказания».

— Фом, — храп стал громче, — что за королевство такое Ирий? Не помнишь, может, это древнее название одной из соседних стран?

— Хр-р-р... мм... — раздалось в ответ.

— Вот и я не припомню. На юге мы граничим с Тьмутумией, там у них темнота и невежество, до сих пор на ведьм и алхимиков с факелами охотятся. На севере Бурундия, эти совсем весело живут, у них главное божество точно не солнце, у них всем бог вина заправляет, вечно праздники и карнавалы во славу его устраиваются. На западе Небоскребия, там совсем ни в кого не верят, прогресс, техника и все такое прочее. На востоке Волшебния, куда все чародеи с окрестных королевств и непойманные ведьмы сбежали. Оттуда по всему миру волшебные вещицы расходятся, но каждый из этих волшебников себя считает божеством, и самого могущественного среди них нет. Так что это тоже не наш вариант. На северо-востоке — Романтия, но у них целый пантеон богов, Аполлоны всякие, Афродиты. Есть еще одна монархическая республика на юго-западе, где, кажется, орудуют шаманы, а у шаманов никаких богов быть не может, одно шарлатанство. И все в общем-то. Если только за Скальными горами лежит иная страна, про которую нам подробностей слышать не доводилось. А почему не доводилось — вот в чем вопрос!

— Хм-р-р-р... — задумчиво выдал напарник.

— А потому что кто за горы ходил — назад не возвращался. Однако сказки есть и артефакт есть. Может, и вернулся кто-то, а прежний король — артефакт сразу в казну, вернувшегося — туда, где языком болтать не будет, и все. Вот оно — процветание королевства, вот оно — невероятное развитие и движение вперед семимильными шагами. Были люди почти пещерные, а стали цивилизованные. Ух, Фомка, и попали мы с тобой в переплет!

...Побудка принцессой стала превращаться для меня в зверскую традицию. На этот раз, когда ее высочество явилась в спальню, я искренне пожалела, что мы с Фомкой не одного пола.

— Доброе утро, — громким шепотом произнесла истинная невеста своего артефакта, стараясь, очевидно, не потревожить еще чей-то сон, кроме моего. — Надеюсь, не смущу вас сегодня своим визитом? Так неловко вышло с этим полотенцем.

— Ухум, — промычала я из-под подушки, — сегодня я без полотенца.

Что ж мне, каждую ночь после душа во влажную махровость заворачиваться?

— Замечательно! — обрадовалась принцесса, не поняв, что без полотенца означает совсем без ничего. — Я так торопилась к вам утром! Как только услышала новости, сразу побежала. Боялась, что, если замешкаюсь, вы уедете.

— Хм. — Я потерлась лицом о подушку, чтобы стереть не желающий уходить сон, и подняла голову.

— Нам разрешили покинуть дворец?

— Я не знаю, — растерялась девица, — я решила, что вы сами вдруг отказались. Так переживала. Прибежала, чтобы уговорить вас остаться. Ведь новый сыщик мужчина, как же я смогу узнавать у него новости про Артура?

— Новый сыщик? — Упрямый сон отступил под натиском наступающих на меня подозрений.

— Да, сегодня поутру во дворец приехал еще один сыщик. Батюшка пригласил.

— А как его зовут?

— А вы не знаете? Я думала, все знают. Король Зигизмунд...

— Сыщика как зовут? — зверское настроение начало вытеснять подозрения.

— Ах, сыщика... Микон Лафсанчес.

— Мик?! — Я подскочила, успев в последний момент придержать одеяло на груди, а принцесса мгновенно спрыгнула с кровати и стала совершенно пунцовой.

— Ой, вы же сказали... вы снова не одеты.

— Да нет у меня ничего, кроме вашего платья! — махнула я рукой и натянула одеяло до подбородка. Сейчас меня больше интересовали новости, а не стыдливые охи и ахи над моей неодетостью.

— Когда, говорите, приехал Мик? То есть... новый сыщик. Сегодня

утром?

— Да, — кивнула принцесса.

— Ему тоже выделили комнату?

— Нет, — помотала головой девица.

— Хм. Ваше высочество, а не подскажете, приезжали ли во дворец в течение последней недели послы других королевств?

Девица кивнула, но на сей раз не выдавила из себя даже односложного ответа. Да что же это такое? Ладно, зайдем с другой стороны.

— Это, вероятно, вас хотели сосватать?

— Что вы?! — Праведный гнев мгновенно смыл все смущение. — Я выхожу за Артура! — Решимость, светящаяся в глазах королевской особы, дала понять, что судьба артефакта предрешена. На долю секунды это заставило меня испытать нечто сродни жалости. Впрочем, стоило припомнить все проделки золотого чуда, как жалость сменилась злорадством.

— А из каких королевств приезжали послы?

— Да из всех! Они просили шкатулку показать и желали лицезреть явление Артура. Батюшка ответил, что не стоит без надобности вызывать солнечный дух, потому как он может покарать наглецов, только открывал шкатулку и показывал шар. Я не поняла, зачем он так говорил про Артура, ведь милее и добрее его нет никого на свете!

— Да уж, действительно странно.

— Так что же вы, уезжаете? Позвольте отдать расследование в руки другого сыщика?

— Нет, ваше высочество, не беспокойтесь. Мы точно останемся.

— Ах, я так рада! — От счастья принцесса забыла о смущении и стиснула мои сжимавшие одеяло пальцы. — Я велю принести вам новые платья. Вы не представляете даже, сколько их у меня! И еще ночную рубашку, непременно!

И, вдохновленная мыслью, что услышит еще немало новостей о своем драгоценном непременно муже! — ее высочество радостно выпорхнула из моей спальни.

Я, выбравшись из кровати, сначала прошествовала в душевую. Там висела моя старая добрая собственноручно выстиранная одежда: рубашка и удобные штаны, гораздо более подходящие для перемещений по замку. А наряд принцессы пристроился в шкафу. Не знаю, почему вдруг меня кольнула мысль явиться на встречу с Миком в платье, однако, вспомнив про размеры наряда, я эту идею тут же отбросила.

Оставалось поделиться новой информацией с Фомой.

— Король решил устроить соревнование, кто быстрее найдет артефакт. Этот Мик явился с утра пораньше и уже шарит по дворцу в поисках улики. Новый монарший указ — кто быстрее найдет сокровище, тот и получит награду! — вещал красный от злости приятель и тащил меня по дорожкам сада, точно буксир.

— А головы тоже всем рубить будут? — поинтересовалась я.

— Нам будут рубить, как и обещано. Для острастки, так сказать, чтобы остальные впоследствии побыстрее шевелились. А всех сыщиков казнить — так ведь ни одного и не останется!

— Для острастки, говоришь? Может, чтобы лишнее не сболтнули? Король, видимо, пожалел, что не в то агентство обратился. Кажется, шибко дотошные в этом деле не нужны. Мику вряд ли покажут второй ларчик. Загоняют нас с тобой, Фомка, в ловушку. Указ не выходить из дворца только на нас распространяется, мы тут как в клетке, но при этом активно работаем на короля. Еще и здоровая конкуренция прибавилась, чтобы нам не вздумалось поделиться с соперником информацией. Гладко стелет его величество, а спать все жестче и жестче.

— Аленка, а это тот самый Мик, про которого ты мне рассказывала?

— Он самый.

— И чего? Тебе такие нравятся? — фыркнул напарник. — Да видел я его, темный он какой-то.

— Брюнет, — пожала я плечами, — равнодушна я к ним. Он способный и очень упорный.

— С гнильцой этот Мик. Кто так поступает? Свои своим не мешают — это в нашей профессии негласное правило. А он согласился, еще и примчался во дворец, точно петух его в зад клюнул.

— Может, король надавил, а сам Мик не хотел соглашаться?

— Что-то твои мозги начинают меня тревожить, Аленка.

— Не надумывай, Фомка. Я его в последний раз пять лет назад видела. Всего лишь выдвигаю предположения, зачем сразу человека клеймить?

— Ага, тогда можешь порадоваться встрече, вон он, собственной персоной к нам чешет!

Я поглядела в указанном направлении, а там... высокая, темноволосая, с глазами таинственной самой таинственной ночи шла ко мне мечта времен академии. Я же три года о Мике грезилась, а пять лет вспоминала. Даже когда встречалась со своим теперь уже бывшим парнем, не выдержавшим моей манеры все анализировать.

Ветер забирался в густые пряди и ласково бросал их на высокий лоб,

крохотный листок, подхваченный тем же шаловливым потоком воздуха, слетел с ветки и коснулся дрогнувших ресниц, проскользил по породистому носу с горбинкой, дотронулся до краешка полных губ. Мамочка, сейчас умру от эстетического удовольствия!

— Аленика, — шипение Фомки, оформившееся в нелюбимое имя, заставило скривиться, — лучше сгони с лица эту дурную улыбку, — пихнул меня локтем напарник.

Преодолев последние разделявшие нас шаги, Мик подошел и остановился на расстоянии вытянутой руки. Мне ужасно захотелось эту самую руку вытянуть и пощупать собственное видение.

— Фомантий, — склонил голову Мик, — Аленика.

У-у-у! Ладно, должны и у мечты быть свои недостатки.

— Мик... Мик... — проклятье, как его полное имя?

— Чего ты здесь позабыл, Микон? — не растерялся мой напарник.

— Король прислал личное приглашение.

— Мог бы и отказаться.

— Не в моих правилах идти против монаршей воли.

— А против своих буром переть нигде не жмет?

Мик высокомерно тряхнул головой и проигнорировал нахрапистый тон моего напарника.

— Это даже не правило, Фомантий, просто так повелось. Нужно уметь расставлять приоритеты.

— Так чего ты к нам подошел? Иди расставляй.

— Я подошел поздороваться. Не вижу ничего зазорного в том, чтобы работать над этим делом вместе. Что думаешь, Аленика?

Мик протянул руку, взял мою ладонь и склонился, чтобы поцеловать, не отводя пристального взгляда от моих глаз.

— Рад видеть тебя спустя столь долгое время.

— Ыхым, — очень остроумно ответила я и оперлась на Фомку, чтобы не упасть.

— Видишь, Фомантий, — выпустил меня из глубокого транса, вызванного взглядом темных глаз, Мик, — твоя напарница ничего не имеет против.

— Условия неравные, — сплюнул мой сыщик, — ты своей головой не рискуешь, а подвести нас под монастырь ничего не стоит.

Мик оскорбленно выпрямился и смерил моего громадного напарника взглядом. Оценив габариты, решил не связываться. Кивнул мне на прощанье, развернулся и пошел дальше, раскланиваясь по пути с придворными.

— Совсем не понял, ты чего в нем нашла? Вечно вы, девки, слюни по всякой навозине пускаете. Потом утешай вас, когда измажетесь.

— Умеешь ты, Фомка, мечту изгадить, — толкнула я не в меру заботливого сыщика, — старшим братом на полставки работать подрядился?

— Савсен Савсенович обещал доплатить премиальные, если я тебя сомнительным типам в обиду не дам.

— Ну тебя!

— Нет, ты ответь, что в нем такого?

— Как что? Он же... он же... Смотри, сколько достоинства, шарма. А еще умный, сдержанный, обаятельный. Обалденный мужчина. Мечта-а-а.

— Не дотягивает до твоей мечты. Ростом пониже да в коленках пожиже. Лучше артефакт бери.

— Кого? С ума сошел, Фома? Такое сокровище — мне одной? Я не заслужила. И потом, куда принцессу денем? На себя возьмешь?

— А что? Хороша девка. При формах и умом шибко не блещет. Скажешь ей: «Сиди дома, женщина, мужик пошел мамонта добывать!» Она и будет сидеть. Потом придешь, на шею бросится, обрадуется.

— Шовинист махровый!

— Идеологическая феминистка!

— Ого, каких ты словей нахватался!

— С тобой поведешься — и не того наберешься.

— А я без сопливых разберусь, понял?

Фомка громко шмыгнул, утерся рукавом рубашки и облапил меня.

— Не разберешься, дилетантишка. А теперь отрубай свои женские опции и включай светлую голову, пошли работу работать. Куда, кстати, пойдем?

— В сокровищницу. Нам нужно про золотой листок выяснить.

Когда нас впустили в сокровищницу, я даже не слишком удивилась, увидев в ней Мика, который увлеченно изучал золотой листок. Надев тонкие кожаные перчатки, он изящно крутил вещдок в разные стороны, пристально рассматривал и даже обнюхивал. Когда сыщик лизнул листок кончиком языка, я дернулась, а Фомка с трудом сдержал рвотный позыв.

— На мой взгляд, — глубокомысленно изрек Микон, — эта вещь не подвергалась никакому воздействию. Форма не изменена и полностью соответствует форме оригинального листа, даже направление золотых прожилок нигде не нарушено...

Напарник потянул меня за собой на пол, мы присели недалеко от колонны, облокотились спинами о надежную опору и продолжили слушать,

как красиво вещает об улике Мик.

— Милейший, — обратился между тем наш конкурент к хранителю, — кому, как не вам, столь долго стоящему на страже королевских драгоценностей, знать, когда и при каких обстоятельствах сей предмет оказался в сокровищнице. Он прилагался к артефакту?

— Нет. — Лицо хранителя осветилось настоящим вдохновением чахнувшего над златом дракона, которого попросили рассказать об одном из его сокровищ. Странно, но с нами сей субъект всегда был хмур и неприветлив. Наверное, мы неправильно задавали вопросы, и обычное для Фомки: «Братиша, для чего здесь эта фиговина?» — оскорбляло хранителя в лучших чувствах.

— Листок был заказан вскоре после появления в королевстве артефакта.

— А с какой целью, позвольте узнать?

— Эта вещьца изготовлена из особого сплава золота с магнетическим порошком, что наделяет ее свойством притягиваться к волшебному объекту.

— Я же говорила, зацепка, — пихнула Фомку.

— Ты говорила — зацепище! — не остался в долгу напарник и вернул мне тычок, от чего я чуть не растянулась на полу.

Мик бросил в нашу сторону осуждающий взгляд и вновь повернулся к своему собеседнику.

— Его выносят в зал каждый раз перед тем как призвать артефакт?

— Именно. Прежде бывали случаи, когда благородные девицы падали в обморок. Вот тогда и обратились в Волшебницу, к тамошним чародеям.

— Прошу прощения, — подала я голос, за что удостоилась не слишком дружелюбного взгляда хранителя. Кажется, обитатели дворца уже нашли для себя идеального сыщика. — А чародеи всегда разные?

— Девушка, это королевский заказ, вы сами как думаете? Будет его величество обращаться ко всяким шарлатанам? У нас только проверенные чародеи работают, такие, чтобы за ними целая чародейская династия стояла, а не абы кто с улицы. За все время лишь один раз меняли поставщика.

Я кивнула с глубокомысленным видом, потом еще какое-то время слушала рассуждения хранителя, после чего мы с Фомой поднялись и решили заниматься расследованием дальше.

— Микон, — взял на себя роль переговорщика напарник, — а дай-ка поглядеть на эту фиговину.

— Я еще не закончил, — поднял бровь сыщик, что, как ни странно, добавило ему еще больше очарования и вызвало у меня восторженный

вздых.

— А я ненадолго, — выхватил листок Фома и поднял его повыше над головой, так, чтобы Мик не дотянулся.

— Я бы попросил дождаться вашей очереди, Фомантий, — подступил к моему напарнику наш общий соперник.

— Подобное поведение недопустимо, — высказался оказавшийся с другой стороны хранитель.

Я поглядела на этих расхорохорившихся воробьев и особенно на вошедшего в раж напарника и предпочла сделать вид, что искренне заинтересовалась резьбой каменных колонн. Даже прижала к одному завитку палец и медленно обходила широченную опору по кругу, слушая, как разошедшийся Фомка, очевидно, приставив кулак к носу Мика, зловеще спрашивает: «А это ты видел?»

Мне определенно не стоило так сосредотачиваться на резьбе, зная о любимой привычке артефакта выскакивать как черт из табакерки. Однако я не вняла доводам здравого смысла, переживая, что Фомка подпортит влекущую красоту объекта моих восторженных мечтаний, и не заметила, как перед глазами материализовалась светящаяся фигура и выдохнула прямо в лицо: «Бу!» От испуга я отпрыгнула назад и вдавила в пол одну из плит. За колонной раздался грохот, потом крик: «Избивают!» — и удаляющийся топот.

— Повторяеш-ш-шься, — прошипела я исчезающему артефакту, успевшему послать мне воздушный поцелуй, и со всех ног кинулась к напарнику.

— Фома-а-а! — простонала, падая на колени возле лежащего без сознания Мика. Под глазом бледного сыщика наливался огромный синяк.

— Да я чего? — Напарник склонился над повергнутым противником и задумчиво почесал макушку. — Он лист схватил, а тут часть колонны вдруг выехала и прямо ему в глаз. Я только кулак возле его носа держал, а он еще и о него умудрился стукнуться. А хранитель решил, что я нападение организовал, сейчас охрану позовет.

— Примерно на этом уровне выехала? — прикинула я рост Мика. Инстинкт сыщика на время вытеснил упивающуюся девичьей мечтой романтическую натуру.

— Угу.

— Так, я за колонну, а как только снова выдвинется, хватай, что там лежит.

Фомка кивнул, и я тотчас помчалась нажимать на нужную плиту. Уже через минуту увидела в руках напарника золотой пинцет.

— Опять загадка, — поморщился Фомка, а я взяла у него найденную вещицу и задумчиво покрутила в руках. Озаренная новой догадкой, склонилась над Миком, осторожно вынула пинцетом листок из его руки, а потом достала лупу.

— Нет там отпечатков пальцев, этот прохиндей все вдоль и поперек исследовал. Наверное, слизал уже и то, что было.

— Фома! — поморщилась я.

— Да ладно, подумаешь, листок у духа перед прикрывал. Он же дух и все такое, не настоящий мужик, — позлорадствовал Фомка над методами работы соперника.

Слушая вполуха рассуждения напарника, я поднесла к листку волшебный подарок отца и стала внимательно рассматривать вещицу с обеих сторон. В самом низу, там, где крепился черенок, вдруг увидела то, чего не заметил Мик. Просто у сыщика не было лупы, подобной моей.

— Лист бумаги, Фомка! — Напарник мигом вытащил из нагрудного кармана записную книжку и подал мне. Я едва успела благополучно перенести в нее отпечаток пальца, как вдруг снова послышался топот.

Глава 4

ИДЕАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Мгновенно вложив золотой листок в руку Мика, я рванула за колонну, на ходу бросила напарнику пинцет и быстро привела в действие скрытый механизм. Когда выскочила обратно и заняла позицию позади Фомки, взгляд моего приятеля выражал абсолютную безмятежность, а к нам стремительно приближалась охрана во главе с хранителем.

— Вот, — хранитель обличающим жестом указал на лежащего на полу Мика, — это он! — Теперь перст возмездия был направлен на Фомку. — Необходимо принять меры!

— А ну... — подступился немаленький начальник охраны к моему напарнику, а обнаружив, что ростом ниже примерно на голову, уже более вежливо продолжил: — Просим проследовать за нами для беседы.

Фомка хлопнул меня по плечу и, засунув руки в карманы, потопал следом за охраной. Хранитель захлопотал возле поверженного Мика, я же присела на корточки и легонько погладила свою мечту по щеке. Кожа оказалась удивительно нежной и бархатистой, настолько, что, будь я девушкой больше, нежели сыщиком, откровенно обзавидовалась бы.

Ресницы дрогнули, поднимаясь и открывая самые красивые в мире глаза. Хранитель, заметив изменение в состоянии сыщика, стал напирать с другой стороны и быстро привел Мика в вертикальное положение. Стоило моей мечте сесть, как разбитый нос закровоточил, а из ослабевшей руки выпал золотой листок. Раздалось громкое «ах», и бледный встревоженный хранитель вновь упал на колени, чтобы приложить к носу сыщика белоснежный платок.

— Как ваше самочувствие? — заглянул он в лицо Мика, оттесняя меня в сторону. Напор был такой, что я плюхнулась на оба полупопия и благополучно проехала пару плит.

— Я в порядке, — поднял руку Мик, вероятно, желая похлопать озабоченного хранителя по плечу, но вместо этого ухватил его за нос.

— Мм... — замычал работник королевской сокровищницы, Мик ослабил хватку и выпустил несчастный нос.

— А давайте я ему помогу, — вызвалась я в добровольцы, — вам ведь еще нужно все здесь запереть!

Меня окатили взглядом, полным подозрения, прикинули мои размеры

и степень кроющейся во мне опасности, потом встревоженно оглядели пустое пространство огромного зала и, проникнувшись лучшими чувствами к вежливому и понимающему сыщику, нехотя кивнули.

Я подставила плечо, помогая Мику подняться на ноги, очень уютно уместилась у него под мышкой и пьяной шатающейся походкой (я ведь не отличалась габаритами аппетитной принцессы!) повиляла к выходу.

— Засада! — выдохнула, облокотив Мика о стену возле дверей сокровищницы.

— Аленика, — простонал подбитый сыщик, — благодарю.

— Да не за что, — просипела, уперев руки в колени и делая глубокие вдохи.

Когда на мою согнутую спину легла чужая ладонь, я так резко подалась вверх, что склонившийся ко мне Мик получил ощутимый удар головой в живот.

Застонав, он стал съезжать по стенке, а я попыталась схватить его за плечи и остановить падение. Замерли мы в довольно любопытной позе, когда голова сыщика уткнулась прямо в мою грудь. И хотя я не могла похвастать аппетитными формами принцессы, грудь имелась и для моей хиленькой комплекции выглядела прилично, оттого и уткнувшаяся в нее голова сыщика смотрелась не совсем пристойно.

— Мм... Мик?

— Да? — отозвался сыщик из недр обоих полушарий.

— А-а-а... ты сам не можешь постоять?

— Постараюсь, — приглушенно ответил сыщик, ну и, собственно, постарался. Попытка вышла совсем неубедительной, а я принялась размышлять на тему, должен ли он после таких «постоялок» на мне жениться — как приличный человек?

— Хм, — откашлялся Мик, будто прочитал мои мысли, и отлепился-таки от груди, — прошу прощения, Аленика...

— Можешь звать Аленой, — вдруг вырвалось у меня. Навязанное артефактом сокращение показалось приятнее нелюбимого имени.

— Алена, — повторил мужчина, — не хочешь ли вечером прогуляться по саду?

Я? С ним? О боже! Спасибо, спасибо, все божества нашего и окрестных королевств: бог вина, Аполлон и даже ты, царь-солнце! Кстати, а у нас бог — кто? Я из-за специфики профессии в божеств совсем не верила и особо в них не разбиралась. Пришлось поднапрячь мозг, чтобы вспомнить, что у нас, кажется, какой-то культ предков. Точно! Король каждый праздник ездил в храм воскурять благовония. Спасибо тебе, о

великий могущественный дух предка, извини, что не падаю ниц, я упаду в следующий раз. Приду к тебе в храм и обязательно упаду, и одно благовоение поставлю — дорогие, заразы!

Пока я возносила хвалу всем богам, Мик, прижимавший ладонь к пострадавшему глазу, рассматривал меня здоровым оком и терпеливо переживал затянувшееся молчание.

— Э-э-э, если не хочешь... — попытался он пойти на попятную, не дождавшись ответа и перепугав меня до полусмерти. В лучших традициях принцессы я сжала его пальцы и свистящим от избытка чувств шепотом заверила:

— С-с-с-с удовольсь-с-с-с-твием!

Взгляд Мика вдруг сделался очень настороженным, он аккуратно вытянул из моих сжавшихся пальцев свою руку, сунул ее за спину и легонько встряхнул.

— Тогда буду ждать тебя возле парадных дверей в семь, — тихо сказал сыщик.

Я вот уже битый час рылась в груди платьев, принесенных в комнату по велению принцессы. Среди безграничного количества тряпок всех цветов и фасонов из последних сил пыталась найти такую, в какой не буду выглядеть огородным пугалом. Через полчаса поисков издала воинственный клич древних племен, населявших наши земли до цивилизации, и извлекла на свет весьма старомодное платье: с завышенной талией и юбкой длиной до середины икры.

Этот милый светло-бежевый наряд расчерчивали тонкие полосы коричневато-сиреневого цвета, образуя крупную клетку. Квадратный вырез обрамляла кружевная лента, а плечи оставались почти полностью открытыми, хотя имелись рукава-фонарики.

Село это платье замечательно, поскольку спереди имело еще и шнуровку. Когда я все, что надо, утянула, завязала на талии и расправила складки, увидела в зеркале премилое платьице, достающее мне до щиколоток. Пояс, естественно, не был завышен, а почти пришелся по талии. Правда, и декольте выглядело откровеннее обычного, но, с другой стороны, вряд ли от этого Мик упадет в обморок.

Полюбовавшись на результат собственных трудов и нырнув в рюкзак, который все же захватила, прежде чем отправляться во дворец, вытащила удобные походные ботинки. Что и говорить, с платьем они смотрелись лучше сапог, хотя определенно уступали королевским туфлям. Однако лучше нормальная обувь, чем безразмерные галоши. Дело оставалось за

прической.

— Волосы лучше забрать в прическу или распустить? — рассуждала я, вертясь перед зеркалом и так и этак.

— Забрать в прическу, — слышался ответ. Позади меня возникла нагло развалившаяся в кресле проекция, щедро раздававшая свои указания. Подняв ногу, я рассмотрела прилипшую к подошве скорлупку.

— Как-то неоригинально ты появился, — заметила артефакту, щелчком сбив с ботинка оболочку горошины, и тут же поинтересовалась: — Почему забрать?

— Чтобы удобнее было целовать твою нежную шейку, — отвечал довольно скалящийся артефакт, который в данный момент так и лучился своей артефактской неотразимостью.

— Целовать? — Я смутилась, точно невинная принцесса, вообразив, будто артефакт уже видел, чем кончится наше с Миком свидание.

— Сладко-пресладко, бесподобная. Ты ведь выбираешь наряд для будущей встречи со мной?

— Что-что? — Я отвернулась от зеркала и уперла руки в бока. — Да щас! На встречу с тобой я явлюсь не иначе как в наряде палача, а сегодня у меня свидание.

— Как?! — громко выкрикнул артефакт, прижимая руку к сердцу. — С другим мужчиной?

— А то ты не знаешь, — хмыкнула я, а потом отвернулась от духа, изображавшего асфиксию, и, подобрав волосы, задумчиво склоняла голову то в одну, то в другую сторону.

— А как же я? — надрывно поинтересовались из кресла. — Я ведь идеальный мужчина. Чего тебе еще надо, коварная?

— У тебя идеальное самомнение, — фыркнула от такой постановки вопроса, хотя наглость артефакта не знала границ и можно было уже привыкнуть. — Сегодня я встречаюсь с мечтой.

— Но я и есть мечта! — воскликнуло солнечное чудо, усиленно изображая сердечный приступ.

— Ты оживший кошмар, — заявила я в ответ на этот слабенький спектакль и удовлетворенно крутанулась вокруг своей оси. — То, что надо.

— Просто прелесть, — заявил поразительно быстро пришедший в себя дух. И мне совсем не понравилась промелькнувшая на (что уж душой кривить!) идеально красивом лице злорадненькая улыбочка.

— Ты что задумал? — Я с подозрением посмотрела в безмятежные глаза улыбающегося духа. Словно и не он тут минуту назад погибал от разбитого сердца.

— Жестокая! — возопил артефакт, простерши ко мне руки. — Ты предала наши чувства! Так не доставайся же никому!

Пораженно раскрыв рот, я успела заметить усмешку в уголках, казалось бы, гневно поджатых губ.

— Стой! — Теперь уже я простерла руки к артефакту. — Ты что задумал, мерзавище?

Ответом стали мерцание исчезающей проекции и затихающий злодейский смех.

Ух, как я рванулась к выходу, распахнув дверь ударом ноги, и помчалась, не разбирая дороги! Круглые часы на стене над лестницей показывали без пятнадцати семь, когда я добежала до конца женского крыла. Напротив, через огороженный лестничный пролет, находилось мужское крыло, его отделяли красные бархатные портьеры. На ночь портьеры задергивались, а сейчас свисали по бокам, перетянутые золотыми шнурами. С каждой стороны площадки вниз убегали изгибающиеся лестницы, ведущие в холл, к парадным дверям замка. Я решительно устремилась в другой коридор и остановилась, когда в проеме между портьерами возник Мик.

— Слава всем божествам, — выдохнула облегченно. Сыщик был абсолютно невредим, не считая синяка под глазом и припухшего носа.

— Мик. — Я протянула руку.

— Алена, — он восхищенно выдохнул, — ты удивительная! Впервые вижу, чтобы девушка была готова за пятнадцать минут до назначенного срока.

— Тут просто такая ситуация...

Я не успела договорить, когда глаза Микона внезапно расширились, а взгляд сфокусировался на чем-то за моей спиной. Огонь, возгоревшийся в их темной глубине, показался мне зловещим. Он отбрасывал алчные блики на лицо моей мечты, меняя его до неузнаваемости. Обернувшись, узрела парящего в воздухе духа, который, вскинув руки к небу и запрокинув голову, будто в предсказательном экстазе, медленно летел по коридору женского крыла, удаляясь от нас.

— Он в замке! Артефакт в замке! — закричал сыщик и рванул со всех ног.

— Мик, стой! Это обман! Мик! — Я попыталась преградить ему дорогу, но отлетела в сторону, когда локомотив по имени Микон промчался мимо, даже не заметив заграждения из моего тела.

И конечно же он не добежал. Он даже до входа в женское крыло не добежал, поскользнулся на чем-то возле занавесок. Схватился руками за

портьеру, запутался в ней и повис, сбив попутно ногой стоящий с краю горшок с цветком. Горшок загрохотал вниз по ступенькам, разбился посередине и вывалил землю на тщательно натертый светлый мрамор. Портьера не выдержала веса мужского тела и оборвалась, в результате чего Мик тоже полетел вниз, грохнувшись на оставшийся после улетевшего горшка поднос и уже на нем помчался по ступенькам с дикими криками, которые заглушала обмотавшаяся вокруг тела штора.

Я в ужасе прижала ко рту ладони и, добежав до ступенек, замерла, наблюдая за скатыванием сыщика с высоты двухэтажной лестницы к ее основанию. Снежные горные склоны на окраине нашего королевства, открывавшие свои трассы в начале зимнего сезона — излюбленное место отдыха всех любителей покататься на деревянных досках — и те не отличались такой крутизной и такими причудливыми изгибами, как королевская лестница. Врезавшись в стену, Мик вынужденно помчался по полукругу и благополучно сбил еще пару горшков, стоявших у самого края. Спуск закончился в холле — сыщик слетел со своего подноса, затормозившего на ковровой дорожке, и снес подошедшего секундой раньше вельможу, с открытым ртом взиравшего на экстремальное развлечение.

Громкий визг свидетельствовал, что удар сыщиком попал точно в цель. Не знаю, в каком состоянии сейчас находился по-прежнему запутанный в портьере Мик, издающий слабые стоны, но вельможа под ним пришел в крайнюю степень возбуждения и продолжал громко кричать и возмущаться. Потом его негодующий взгляд заметил наверху меня. Тогда холл, куда сбегались придворные, огласил поистине нечеловеческий вопль:

— Охрана!

Я отпрыгнула назад, но поняла, что меня все равно увидели наверху, а несчастного Мика у подножия лестницы, снова глянула вниз и крикнула, примирительно выставив вперед ладони:

— Не надо, я сама! А где у вас караулка?

Так запутанно направление мне еще никогда не показывали. Потому я незамедлительно направилась туда, куда послали, немного опасаясь сбиться с пути, поскольку его описание обильно сдабривали всякими витиеватыми выражениями. До караулки я добралась в рекордно короткий срок.

Нет, конечно, я могла бы сбежать, но оно мне не надо. Не собираюсь бежать, пока там разъяренные придворные, готовые обвинить меня в покушении на убийство, а где-то здесь — мой милый напарник, который

задушит любого, посмеявшего меня оклеветать.

Фомка так и не вернулся после того, как его увела охрана. А следовательно, либо его заперли в подземных казематах (о чем я была бы в курсе, поскольку, исходя из знания королевских методов, не сомневалась, что за компанию оказалась бы там же), либо он сейчас сидел и пил с охранниками.

Второе предположение попало точно в цель. Фомка даже не пил, а квасил с начальником охраны, и делал это уже несколько часов. Хотя он всегда был у меня крепким, прямо несокрушимым выпивохой, мог перепить любого, кроме нашего начальника.

Я решительно распахнула дверь.

— А меня к вам послали, — заявила с порога.

Главный охранник в караулке поднял свою нетрезвую голову, смерил меня обалделым взглядом и изрек:

— Допились! Бабы в караулке мерещатся.

Фомка повернулся, увидел меня, осклабился и замахал руками:

— Да ты чего, начальник, какая это баба. Аленка это. В общем, свой парень.

— Свой? — Начальник схватил Фомку за грудки. — А то мне тут бабы не нужны. Бабы в караулке — к несчастью, понял?

— Зуб даю! — ответил Фомка, ударив себя в грудь.

— Парниша, — махнул мне рукой начальник, — заходи. Третьим будешь.

— Вот ты мне как мужик мужику скажи, — покачнулся шеф охраны и облапил меня за плечи. Вдруг его взгляд уперся в мое декольте. Охранник призадумался. — Э-э-э... на кой хрен тебе платье?

Я скосила и без того окосевший взгляд, увидела на себе платье, удивилась, а потом вспомнила про свидание. Всхлипнув и утерев скупую слезу, икнула и стукнула полупустой кружкой по столу.

— Я его для мечты надела, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул начальник и, стукнув своей кружкой по моей, опрокинул ядреное пенистое пойло себе в рот.

Я последовала его примеру, а пену со рта отерла Фомкиным рукавом. Сам напарник покачивался рядом и с усердием тянул какую-то песню.

— Вот у меня тоже мечта была, — начал тем временем начальник, — я, значицца, даже к артефакту пошел, мол, предскажи, светлолицый. А он что?

— Что?

— Предсказал. — Начальник гроыхнул кружкой по столу. — Сбудется, говорит, жди. Вот я и жду!

— А чего сбудется? — прервал заунывное пение Фомка.

— Когда исполнится, тогда узнаю. Так и сказал, — изрек начальник.

— А-а-а, ну это да. Так обычно и бывает. Ждать надо, — глубокомысленно поддакнул Фома. — А ты, Аленка, это... наплюй на Мика. Наплюй, тебе говорят.

Я сплюнула.

— Вот, правильно. Гнилой человек, не зря вокруг тебя вертелся. Верно я говорю?

Начальник кивнул со знанием дела.

— Душа-че-ло-век.

— Какая душа? — Фомка стукнул кулаком по столу. — Я говорю, что гнилой!

— А-а-а, это да, есть от него запашок подозрительный.

— Ну вот! Явился, видишь ли, ирти... иртифакт искать, а сам вокруг Аленки круги наворачивает.

— Да не найдет, — качнул головой начальник, — нету его во дворце.

— А ты почему знаешь?

— Так листок их... их... ихний... направление не указывает.

— На арти... артэ-фахт?

— Ну так. Раньше всегда показывал, где он. При-маг-ни-чи-вал-ся. А потом — бац, и все, перестал. Исчез, стало быть, артефакт. А как тут не исчезнуть, когда столько народу по дворцу шляется? Понаехали, все покои забили. А нам следи за каждым. Как за всеми уследить, особенно если сокровище свое они каждый день таскали показывать? Накануне вот всяким просильцам лично предсказания вещал. А в день исчезновения к послам носили, но тем просто шар посмотреть дали, самого-то не призывали. А вечером принцессе блажь в голову стукнула. Глядят, а нет ничего. Вот и подняли шум. Из «Звездного агентства» прискакали, потыкались, потыкались, про награду и наказание узнали и сдулись. Король тогда осерчал, сказал, чтобы лучших из лучших звали и чтобы без права выбора.

— Эх, — я вздохнула, — а с покаями что?

— А что с ними?

— В моих кто жил?

— А кто там только не жил. Даже мужиков селили! Некуда было, столько понаперло. Их в женское крыло запихнули, а баб выше, чуть ли не на чердак. Их поменьше тогда здесь шастало. Больше те шлялись, которые

разнюхивали, как артефакт обратить. Нам король строгий наказ дал молчать, чтобы ни-ни, никому ни слова. Про артефакт этот и про обращение.

— А как его обращать? — Я подперла голову рукой, чтобы не упала в тарелку с салатом, и сильнее скосила глаза на начальника.

— Да как! Волшебный же ж... ик... чтоб его... Целовать, значит... ик... надо.

— Целовать?

— А то! Чтоб в мужика превратился. Хотя я бы в жизни не подумал, — охранник пошленько захихикал, — это как артефакт в мужика одним поцелуем превратить? Там, кажись, не в поцелуях-то дело. Мужчину мужчиной женщина делает, а иначе не-э-э-э-т... Но о том сам артефакт рассказал, когда король спросил. Хотя... может, соврал. Поглядел на принцессу, запнулся и выдал про поцелуй. Я бы тоже запнулся, когда так глядят, что прямо сейчас схарчат вместе с листиком.

— А когда целовать надо? — не отставала я от разговорчивого начальника.

— В ночь полнолуния, успеть нужно до рассвета. А то на рассвете — тюх, и нет его.

— Как нет?

— Испарится. Улетит на свободу, и все, нет у вас артефакта-предсказателя.

До покоев меня нес, взвалив на плечи, Фомка. Затащив в женское крыло и доперев до моей комнаты, напарник внес меня внутрь и уронил на кровать со словами: «Отдыхай! И чтобы ни-ни!»

Развернувшись, Фомка с чувством выполненного долга проследовал прочь, громко хлопнул дверью и едва не снес что-то в коридоре. Вслед за грохотом послышался недовольный голос дворцовой экономки, которая вздумала прочитать Фоме проповедь. Последовавший вскрик показал, что долго слушать напарник не стал, а, кажется, просто взвалил строгую даму на свое богатырское плечо и куда-то поволок. Как ни странно, на помощь экономка не позвала, и мне даже послышался кокетливый смех, который постепенно затих вдалеке.

— Вот нормально! Ему подвиги, а мне «отдыхай!» — Я приподнялась на руках, потом сползла с кровати и, пошатываясь и ухватившись за спинку, стада скидывать ботинки. Один улетел с моей ноги под тумбочку, второй под кровать, а платье я бросила прямо на пол. Наплевав на ночную рубашку принцессы, в которой тонула, завалилась на постель в нижнем белье.

Пьяной женщине тоже хочется либо подвигов, либо любви, потому что зачем напиваться, если ведешь себя прилично, как трезвая? Однако объект и подвигов, и любви находился далеко, где-то в дворцовом лазарете, куда я в таком состоянии не могла доползти. А еще за жертвой моего покушения вдохновенно ухаживали санитарки. Хотя, согласно последним данным, доставленным по моей просьбе в караулку, Мик ничего себе не сломал — сказались твердость врезавшегося в стены подноса и мягкость принявшего на себя удар вельможи.

Царедворец тоже попал в лазарет, но только потому, что слишком громко верещал, и ему выписали успокоительного. Мои же собутыльники еще долго ржали над очередной выходкой артефакта, а начальник припомнил все проделки солнечного духа с тех пор, как сам с ним познакомился. Когда у обоих от смеха заболели животы, Фомка уже всюду называл предсказателя золотым мужиком, с которым вот никогда скучно не будет, позабыл напрочь про собственные шишки и требовал (почему-то от меня) быстро отыскать и обратить артефакт, чтобы было потом, с кем вместе покутить.

— Как только найдешь, сразу бросайся на него, Аленка, чтобы не испарился, и целуй.

— Ты для верности не только целуй. Голову даю на отсечение, наврал он с поцелуями. Кто так мужика мужиком делает? Хвать его, чтобы не вырвался, и обращай.

Я махала на обоих руками, молча жевала свой салат и безбожно напивалась. Потом на подвиги потянуло, а Фомка потащил меня в спальню. Я рвалась выяснять отношения с Миком, а меня никто не слушал.

Улеглась поперек кровати, свесив руки и ноги, и вдруг увидела на тумбочке поднос с фруктами (сервис, куда деваться!). Терпкость пенистого пойла давала о себе знать, и, перебивая своеобразный вкус того, чем напоил нас охранник, я набила рот виноградом. Им же, сладким, попыталась заесть горечь пьяного разочарования, но не помогло. Изо всей силы стукнула кулаком по спинке кровати и, рыдая, произнесла:

— Никто меня не любит.

— Я люблю, — послышался голос, пробудивший во мне неутолимую жажду крови.

— Ты! — прошипела, подняв голову и указав двоящимся пальцем на возникший у окна артефакт. Хоть с одним, да выясню сегодня отношения! — Ты знаешь, кто такой?

Увидев невинный взгляд янтарных глазищ и совершенно ангельское выражение лица волшебного предсказателя, который к тому же нагло и с

явным удовольствием меня разглядывал, я запустила в проекцию подушкой.

Мужчина только улыбнулся шире, когда подушка пролетела сквозь него.

— Отчего ты не ищешь меня, бурчонок? — невозмутимо продолжил он.

— Чего? С чего это я бурчонок?

— Ты так славно бурчишь!

— Вот противный артефакт! — ответила в сердцах, а он в один голос со мной передразнил:

— Противный артефакт!

— Я уже привыкла к богине и неотразимой, — поставила его перед фактом. — Да ты хоть знаешь, как мне надо тебя найти? — Я почему-то провела ладонью по горлу, пытаюсь выразить всю степень моего желания. — Прямо сейчас очутилась бы в будущем, а там тебя вот так, — я перекрутила в руках покрывало, изображая процесс удушения, — вот так бы отыскала.

— Что поделать, — вздохнул мастер актерской игры, — время нам неподвластно. Оно не переносится вперед и не крутится назад.

— Фу! Неуч! — отреагировала я на странную фразу. — Правильно говорить: «Не поворачива-ц-ц-ца вс... вспять». Ты в школе не учился?

— А зачем? — спросил неуч.

— Да потому что образованным людям с тобой даже поговорить не о чем, и вообще, — я махнула рукой на духа, — кыш отсюда, проекция. Не ищу я его, видите ли. Нас во дворце заперли, а он недоволен. Тут вон даже под окнами охрана бродит.

— Странно, — потер подбородок артефакт, — я полагал, из дворца можно выйти не только через дверь или окно.

— Это ты на что намекаешь?

Артефакт вновь притворился невинным и пожал плечами. Да не пойти ли ему самому со своими загадками не через дверь или окно? Я уткнулась носом в покрывало, расслабляя затекшую шею.

— Нет, ты мне скажи... — вскинула голову и не увидела мерзавтуса возле окна. — И как это называется? Я ему «поговорить», а он что? Исчезает?

— Да я весь внимание, Аленушка, — раздалось сзади, и я мигом повернулась, заработав головокружение. Когда немного отпустило, глаза стали больше чайного блюдца.

— Ты это что? Ты это... голый?

— Я в дресс-коде.

— В... чего?

— В горизонтальном положении. Помнишь? В таком случае ты общаешься исключительно с голыми мужчинами.

— Да я... — хотела опровергнуть это наглое вранье, но потом выиграло все выпитое, а еще то самое, которое хотело любви и подвигов, и я не стала опровергать. Так только, легла поудобнее и сделала вид, что никого голого с идеальным телом я здесь не рассматриваю.

— А кубиков у тебя сколько? — не выдержав, указала пальцем на живот артефакта.

— Можешь посчитать. Все как надо, в идеале.

— А-а-а, — посчитать я не могла, перед глазами двоилось и покачивалось. — А ты чего лежишь? Я тебе велела исчезать отсюда! А он развалился! Свидание мне сорвал, спровоцировал на пьянку, а теперь лежит. Я даже говорить с тобой не хочу!

И, сделав над собой усилие, я повернулась к наглому Арти спиной.

— А угадай, — произнесли возле самого уха таким чарующим тоном, что прямо мурашки по коже побежали, — куда я тебя сейчас целую?

— Куда?! — Разворот снова был стремительным, но дух каким-то немислимым образом оказался сверху и теперь надо мной нависал.

— Вот же... вот же наглая идеальная физиономия!

— Идеальная — в смысле красивая?

Нет, красивая, конечно, но я головой помотала.

А этот руку протянул, чтобы по щеке погладить. И ведь погладил, хотя я не ощутила, но сам факт!.. Просто рука эта поползла ниже, совершенно немислимым образом оглаживая все остальное, что под нее попадалось. А я хоть и пьяная, но приличная, и никому вот так, без разрешения, нависать над собой и гладить себя не позволяю.

— А ну, — выставила перед собой ладони, — кончай разврат!

Руки прошли сквозь мускулистую грудь (а он ведь совсем без костюма... Глаза снова скользнули ниже, но невероятным усилием воли я это движение остановила).

— Иди в другое место светить идеальным телом, желающих много. А мне от тебя только одно надо, понял? — Строгий, несущий в себе угрозу тон не стер предвкушающую улыбочку с лица сияющего мужчины. — Да что за манера, то не приходит совсем, то являться по несколько раз за вечер, да еще и без одежды? — продолжала я требовать справедливости от загадочно молчащего духа, при этом мне ужасно хотелось спихнуть его с кровати. Что за издевательства безукоризненного обнаженного торса над

пьяной женщиной?

— Прости, желанная, когда ты так близко, одежда начинает дико стеснять.

Да что ж ты слова такие подбираешь, чудовище безупречное? С подтекстом...

— Это не по-человечески, — высказалась, с трудом фокусируя взгляд на... на глазах, потому что для обуреваемого пьяными фантазиями мозга даже плечи служили сильным раздражающим фактором.

— Я и не человек, — расхохотался в ответ этот терзающий нежную женскую душу гад, — я ведь артефакт, непревзойденная!

И как его прогнать? Вот как? А то ведь висит надо мной груша, да нельзя скушать!

— Хочешь винограда? — решила и я подбросить порцию своих издевательств.

Потянулась рукой за голову, к подносу, не решаясь поворачиваться спиной к золотому чуду, кто его знает, что он там еще погладит или поцелует.

— Вот, — я закинула в рот виноградину и разжевала, изображая мимикой, как вкусно, — очень сладкий. — Вторую ягоду попыталась засунуть в рот артефакту, но рука прошла мимо. — Жалость какая, ничего ты попробовать не можешь, — чуточку позлорадствовала я.

— Ты очень вкусно ешь, — заявило в ответ на диверсию солнечноволоное создание и посмотрело на меня так, что аппетит стал пропадать... в смысле есть расхотелось... Его потихоньку начал вытеснять совсем другой аппетит.

Я отвлеклась и, снова потянувшись за ягодой, смахнула поднос. Чашка с виноградом разбилась.

— Поосторожней завтра, Аленушка. Здесь слуги нерадивые, ножки не порань, — и опять улыбнулся, гад, очень искушающе.

А я... а что я, вот он улыбается, а я хмурюсь. Уже весь пьяный кураж растеряла под гипнотизирующим взглядом.

— Что-то ты долго не исчезаешь. За это время обычно уже успеваешь сделать какую-нибудь гадость и испариться. Может, ты мой пьяный бред?

— Может, — пожал плечами артефакт, — а бреду можно...

И не договорил — склонился резко, да так уверенно, с чисто мужским напором, что как-то разом забылось про проекцию. Ресницы сами опустились, совершенно против моей воли, а губы, наоборот, раскрылись, ожидая поцелуя.

Поцелуя не ощутила и, разочарованно открыв глаза, даже не увидела

над собой голого артефакта.

— Видение, чтоб тебя! — пробурчала и повернулась на бок, потом на другой, потом заехала кулаком по подушке, а потом выругалась. — Найду и убью, — пообещала себе.

Глава 5

ВХОД НЕ ВЫХОД

Утром меня не разбудила принцесса, и вообще никто не разбудил, потому что рыцарь Фомка поймал злого дракона по имени «дворцовая экономка», и доступ в мою опочивальню остался закрытым для всех. Люблю Фомку, а теперь еще больше люблю, потому что выпалась.

Еще наутро ожидалась головная боль, но она тоже не пришла. Знает начальник охраны толк в качественной, хоть и странной на вкус выпивке. Видать, сказывается большой опыт в этом деле.

Таким образом, первое, что я сделала, проснувшись в гордом одиночестве отдохнувшей и по-прежнему готовой к подвигам, это извлекла из рюкзака кипу чистой бумаги, усыпала ею покрывало, отправила туда же Фомкину записную книжку, достала свою лупу, вооружилась автоматическим пером, которое не нужно заправлять чернилами, и принялась вдохновенно писать.

Такие периоды в моей работе Фомка называл не иначе как «явление книжного червя народу», ибо в момент записывания со мной даже говорить было бесполезно, я все равно не слышала. И писать могла только на отдельных листах, чтобы потом положить их рядышком и начать чертить параллельные линии. В такие минуты я растворялась в звуках голосов и образов.

Без ложной скромности отмечу, что у меня была фотографическая память на... нет, не на лица (что весьма печально), а на разговоры. Вот именно, на разговоры. Они записывались в подкорке, складывались там аккуратными штабелями, а потом перегружали мозг и выливались в мои корявые и неразборчивые записи с кучей стрелок и черточек. Как выяснилось сегодня утром, я помнила даже то, что уловил мой абсолютно пьяный слух. Самым сложным при составлении записей было выделить из кучи фраз наиболее важные, несущие главный смысл и формирующие нужную ниточку расследования.

Начинала я всегда с составления последовательных логических цепочек.

Итак, единственное, что находилось в сокровищнице на виду, это стоявший на постаменте ларец. Он хранился рядом с той колонной, в которой артефакт указал скрытый выдвижной ящик с золотым пинцетом.

Золотой листок хранитель, как я успела заметить, вытаскивая Мика из сокровищницы, прятал в основании того же постамента. Выходила примерно такая цепочка: постамент — шкатулка — шифр — бархатная подушка — золотой листок — колонна — золотой пинцет.

Дальше. Если взять сам артефакт, то с ним я могла связать следующие предметы: золотой шар — горошины — проекция — дух.

И наконец, место, из которого сей предмет был украден: сокровищница — семь печатей — король — хранитель.

Я не вписывала в цепочку ни следы, ни отпечатки, поскольку всего этого попросту не имелось. Впрочем, не имелось в самой сокровищнице, зато кое-что обнаружилось в книге и на золотом листке.

Схватив записную книжку напарника, выдернула из нее оба листка с отпечатками, навела лупу сначала на первый, затем на второй и с радостным воплем подпрыгнула в кровати они идеально совпали. Есть! Хоть что-то у меня есть. Это радовало даже несмотря на тот факт, что отпечатки не принадлежали ни одному из послов, посетивших дворец в день исчезновения. Кстати, еще момент: зачем нужен золотой пинцет, если не затем, чтобы брать им волшебный листок? Таким образом, отпечаток пальца точно не мог принадлежать слуге, чьей постоянной обязанностью было выносить листок. К тому же, чтобы пройти несколько шагов с этой вещью на подносе, вряд ли нужно заранее читать о свойствах артефакта. Но кем мог быть этот человек, если за неделю дворец посетила целая уйма народа? Пора переходить к подсказкам.

Крепко задумавшись, я начала водить пером по чистому листу, записывая фразы артефакта. Если исключить заигрывания и издевательства, которые вполне в духе этого злореда, оставались странные предложения, не всегда вписывавшиеся в его речь, взять хотя бы... и в этот момент меня грубо прервали.

— Аленка, сейчас бить начну, и твой зад сильно пострадает, — затряс меня за плечи напарник, — это сколько же можно ничего не слышать?

Я почесала занывшие плечи и перевела взгляд на Фомку.

— Что?

— Дозвался, — вытер с лица пот приятель. — Помочь, спрашиваю? Информация нужна?

— Естественно.

— Ну?

— Иди и узнай, как листок выносили. Добудь у начальника охраны запись церемонии вызова духа за день до исчезновения и копию той, что мы просматривали в конторе.

— Как проходило явление в день похищения?

— Да. Мне необходимо сравнить так, чтобы можно было подметить любую несущественную мелочь.

— Есть, шеф! — взял под козырек Фомка, потом ухмыльнулся, взлохматил мои и без того лохматые волосы и испарился за дверь. Кажется, у кого-то появился ключ от моих покоев. Не романтично, конечно, Фомка не Мик, зато очень практично. Ладно, отметаем посторонние мысли, где я остановилась? Артефакт...

В голове проносились обрывки разговоров, намеки, отдельные слова, перед глазами словно наяву стоял артефакт и улыбался, а в мозгу вспышками мелькали фразы: «На коленочках лучше», — первая подсказка по поводу шкатулки; «Сто сорок восьмая страница», — отпечатки пальцев; «Когда я оказывался здесь прежде», — а это...

Оторвавшись от записывания, я соскочила с кровати вместе с лупой, удерживая тот самый отпечаток большого пальца, который обнаружила в книге и на листке, и принялась осматривать все, к чему мог прикоснуться живший в этой комнате до меня человек: спинки кровати, ручка тумбочки, журнальный столик...

— Ай! — А вот и еще одно предупреждение сработало: чтобы я ножки не порезала об осколки разбившейся чашки. Плюхнувшись на кровать и взявшись одной рукой за щиколотку, осмотрела порез на большом пальце, и вдруг стекло моей лупы, направленной на пол, засветилось. Отпечаток! Отпечаток ладони на полу и того самого большого пальца возле кровати. Как если бы человек встал на четвереньки с целью чего-нибудь спрятать или достать.

Перекатившись на другую сторону кровати, я сползла и заглянула вниз, где, кроме клубов пыли и моего ботинка, ничего не оказалось. Да уж, слуги правда нерадивые, как и говорил артефакт. Не желая больше рисковать оставшимися невредимыми пальцами на ногах и самими ногами, я дотянулась до ботинка, а потом стала вспоминать, куда дела второй. Припомнив, полезла под тумбочку, вытянула ботинок, да так и осталась лежать, поскольку заметила на обоях, у края плинтуса, подсохшее пятно, которое почему-то переливалось металлическим блеском.

Теперь фраза о нерадивых слугах обрела иной смысл, и мне пришлось снова нырять в рюкзак и вытаскивать оттуда коробочку для улики вместе с входящей в комплект палочкой. Поскрябав по пятну, я закрыла свеженький вещдок крышечкой, с чувством удовлетворения сунула коробочку в карман рюкзака и вернулась к своим записям.

«Смотря кто найдет», — эта фраза вспомнилась следующей. И

означать она могла, что отыскать артефакт предлагалось мне. Почему именно мне? Потому ли, что дух-совратитель выбрал меня объектом соблазнения и ждет не дождется, когда я его поцелую? Ага, все сто раз «ага»! Сама думаю и самой смешно. Как он там заявил: «Я и не человек». Не умеет он чувствовать, как мы, дух и есть дух, неосязаемый, бесплотный, не имеющий слабостей, которые связаны с плотью. Память хранит все, что он испытывал человеком, а он ведь был таковым, если прежде видел обнаженных женщин (тут я самую малость покраснела), а вот выливаются эти воспоминания исключительно в насмешки над окружающими, иначе духу становится смертельно скучно.

Тогда снова встает вопрос — почему именно я? Потому что справлюсь или, напротив, не справлюсь с заданием? И когда он выбрал меня, уж не в день ли наших последних испытаний, когда наградил первым местом, а следовательно, возможностью попасть в лучшее агентство? Пройдя, как говорится, крещение канализацией... Канализация!..

Я, натурально, просто в голос застонала, схватившись за голову, в которой насмешливо звучало: «Я полагал, из дворца можно выйти не только через дверь или окно».

— Да чтоб тебя сплюснуло и перекорежило, артефактишка! Что за извращенное чувство юмора, гад солнечный? Неужели нет других выходов, кроме твоего любимого места?

От переизбытка чувств соскочила с кровати и, размахивая лупой, продолжила выплескивать свой гнев.

— А ну появись, проекция!

Никто не появился.

— Я знаю, ты знал, что я буду вне себя, артефактишка, а ну иди сюда!

Никто не пришел.

— Ты, солнечное подобие мужчины, боишься меня? А ну явись, подлый трус!

В ответ — тишина.

— Ну ладно, опять добился своего. — Я бухнулась на колени, простерла руки к небу и фанатичным голосом священника из Тьмутьмии, вершащего казнь, завопила: — Явись пред очи недостойной твоего небесного сияния, о светлейший!

И тут услышала:

— Аленка, ты чего?

Повернув голову, увидела напряженно замершего в дверном проеме напарника.

— Призываю артефакт, — потряхнув волосами и сдув пряди с лица,

ответила ему.

— Так его здесь нет, толку-то призывать?

— Ну, нет так нет. — Я поднялась с колен, отряхнула штаны и приняла самый умно-сосредоточенный вид. — Добыл кристалл?

— Даже два, — Фома все еще поглядывал на меня с подозрением, — это тебя так с сивушки разобрало? Галлюцинации?

— Нет, — отмахнулась от озабоченного напарника, — это меня так от артефакта разобрало. Но я тебе попозже объясню, а пока давай сюда все, что принес.

Мой драгоценный Фомантий добыл записи не только с кристаллов из зала явления артефакта, но даже с тех, что стояли в коридоре.

Усевшись в кресло, я установила кристальную копию на журнальном столике и активировала запись. Фомка устроился напротив, и мы синхронно склонились к мерцавшему полупрозрачному изображению.

Сначала кристалл отобразил целую толпу перед входом в зал «явления светлейшего народу». Толпу проверяли у входа строгие охранники в ливреях и награждали тычками или хлопками пониже спины (это касалось особо симпатичных посетительниц) каждого, кто проявлял недовольство обыском. Когда все, возжаждавшие общения с сиятельнейшей занозой, всосались в огромные двери, к деревянным створкам торжественно приблизились несущий шкатулку хранитель сокровищницы под конвоем и слуга с золотым листком на подносе, за ними следовала еще пара охранников. Хранитель торжественно вошел первым, а слуга, ожидая своей очереди, побрызгал на листок полировочной жидкости из бутылочки и натер его собственным рукавом, отчего вещь просто ослепительно заблестела.

Ну а дальше началось представление. Кристалл отобразил внутренний зал, в котором на постамент установили шкатулку. Все, затаив дыхание, вытянулись по стойке «смирно», ожидая явления артефакта, а хранитель гневно зыркнул на замешкавшегося слугу. Тот поспешно подскочил со своим подносом к постаменту, схватил листок и заслужил затрещину от хранителя, указавшего на золотой пинцет, лежащий рядом со шкатулкой. Взяв листок так, как положено по регламенту, слуга вытянул руку, а хранитель откинул крышку, после чего на миг все изображение в кристалле затмило солнечное сияние. Лист примагнитился куда надо, и прикрывший им все сокровенное артефакт явился публике. Ну а дальше мероприятие шло по плану, и как мы с Фомкой ни высматривали, ничего необычного в поведении посетителей не углядели.

— Что-нибудь насторожило? — спросила я напарника.

— Явление как явление. Служка, кажется, новый.

— Угу, явно плохо знаком с ритуалом. Он листок рукой схватил. — Я задумчиво постучала указательным пальцем по подбородку. — Ладно, давай дальше.

Следующая запись была похожа на предыдущую, исключая само явление. Только толпа оказалась поменьше, более представительные посетители были одеты побогаче, а охранники не распускали рук. Эту запись мы также просмотрели до конца, начиная с толкучки в коридоре и заканчивая выходом из зала, когда каждого посла снова подвергали тщательной проверке.

— Ну? — спросила я. Наша с Фомкой профессиональная привычка делиться собственными наблюдениями помогала подметить несущественные на первый взгляд мелочи.

— Слуга был другой, — заметил напарник. — Думаю, того уволили за несоответствие занимаемой должности. Этот ни разу не замешкался и, что интересно, ему доверили нести шкатулку.

— Зато он споткнулся, выронил шкатулку, а хранитель едва успел ее подхватить, ну и шар вылетел, мог затеряться в толпе, если бы его не поймал один из послов.

— Да. Но он тут же вернул шар.

— Вернул.

Я задумчиво откинулась на спинку и навела лупу на кристалл.

— Вот знаешь, что странно?

— Что?

— Если исключить сам факт того, что слуга споткнулся на ровном месте, то стоит обратить внимание на одежду поймавшего шар посла. А он одет как мириец.

— Хм, — хмыкнул Фома, — эти волшебники вечно наряжаются в балахоны со шлейфами, расшитыми серебряными звездами, и с длинными рукавами, которые просторнее дамских панталон. А чего стоят их шляпы! Если бы дверь была пониже, посол мог сбить своим конусом дверной косяк.

— Он же, выходя, наклонился — шнурки завязать, ты заметил?

— Ну.

— А потом слуга подбежал, чтобы ему помочь.

— Ну так он же посол, а во дворце сервис. Вот и подбежал. Все как положено.

— Не все. У волшебников обувь без шнурков, давно перешли на волшебные липучки. Махнул рукой, и уже застегнуто.

— Э-э-э... — напарник задумался, — волшебник старой закалки?

— Слишком молод.

— Твоя версия?

— Поймал шар, подменил шар, вернул в шкатулку подделку, настоящий шар засунул в рукав, при выходе отдал помогавшему завязывать шнурки слуге до того, как его самого проверили охранники.

— Ого! — Фомка выпал в осадок.

— Я недавно шестой сезон «Шоу магии. За кадром» проглядывала, там похожие фокусы показывали, — поделилась с напарником, — скоро седьмой начнется, вот я и решила старый еще раз посмотреть.

— А кто в старом победил?

— Морфиус, который набрал больше всего зрительских голосов.

— Тот самый? Я за него болел, фокусы отличные. Жаль, финал пропустил, Савсен Савсенович как раз на задание отправил. В общем, Аленка, идея хорошая. И каков будет дальнейший план?

— Отправиться по следам посла. Имя у нас уже есть. Это тот самый Йорик, поскольку во всем списке только один мириец.

— Предлагаешь наплевать на запрет и под страхом казни рвануть из дворца? Даже несмотря на то, что за нами пустятся вдогонку?

— Где наша не пропадала!

— Согласен, — стукнул по столу Фомка и склонился поближе, — одна загвоздка — у нас ни планов, ни простого чертежа тех же подземелий. Тайных ходов не знаем, а еще в них, говорят, заплутать проще простого. Подробной схемы даже начальник охраны не выдаст, у него нет, я выяснял. К тому же везде охранников понатыкано. К любому выходу, даже тайному, так просто не подобраться.

— Не везде. — Я с тоской взглянула на Фомку, лицо напарника при этих словах оживилось.

— Что-то раскопала?

— Точнее, нарыла.

Брови приятеля поползли вверх.

— Нечто дурно пахнущее.

Фомка изобразил еще большую степень удивления, я горько вздохнула.

— Тогда, на сдаче последнего экзамена, когда нас отправили по разным закоулкам дворца, каждому выдавали схему места, куда он шел. Мне, соответственно, тоже. И вот там был выход, Фомка.

— Да ты издеваешься! — побледнел напарник.

Я продолжала грустно смотреть на сыщика, который шлепнул ладонью по лбу и воскликнул:

— Да ты чего? Я в канализу не полезу! Там дышать нечем! Давай другие пути искать.

— А кто мне только что сказал, что иных выходов нет и везде охрана?

— Мало ли что я сказал! Я плохо позавтракал, а с голодухи и не то скажешь. И вообще, где твой вездесущий артефакт? Он должен навести на дельную мысль. Постоянно тебе является, сама говорила.

— Он уже навел.

— На вот это? — неверяще спросил Фомка.

— Да.

— Во всем ты виновата, — вдруг заявил напарник.

— Каким таким боком? — возмутилась в ответ.

— Уела мужика, он пять лет тебя забыть не может. Теперь вот в отстойник придется лезть.

— Ну конечно, я виновата, кто же спорит, — решила согласиться, узрев всю степень расстройств напарника. Фомка не нашелся с ответом, только задышал громче, а из ушей почти пар повалил.

Пережидая приступ «фомического гнева», я принялась раздумывать над тем, что у меня не сходилось. А не сходилась одна важная деталь мозаики, которая отказывалась становиться на центральное место. Ведь король, как пить дать, подсунул послам поддельную шкатулку, потому и артефакт даже не подумали призывать. Но настоящий исчез-таки, испарился, ведь обе шкатулки обследовали вдоль и поперек. И хотя настоящую нам не удалось добыть у короля для экспертизы, я успела всю ее простукать и никаких потайных отделений не обнаружила, как и в ее точной копии, переданной после демонстрации заграничным послам нашему агентству.

Отсюда вопрос — как можно украсть настоящий артефакт из поддельной шкатулки? Вариантов ответа два: перепутать сами ларцы (ну уж явно хранитель, трясущийся над своим златом, не настолько туп!) или же подсунуть настоящий артефакт в качестве поддельного. Но ведь есть золотой листок, безошибочно, как магнит, указывающий на артефакт. Впрочем, во время второй церемонии листок не приносили, а ларец под строжайшим надзором хранителя в залу доставил слуга. Запутанно, однако. Надо бы еще поискать зацепки.

— Фомка, — обратилась я к только что переставшему натужно дышать напарнику, — последний раз золотой листок держал в руках тот самый нерадивый слуга, который оставил отпечатки пальцев. Не-ра-ди-вый, понимаешь? — произнесла я по слогам. — Раз его заменили на другого, значит, либо уволили, либо понизили в должности. И мне очень нужно его

имя, Фомочка. Не мог бы ты перед нашим побегом чуть-чуть пообщаться с драконом?

— С кем?

— С дворцовой экономкой. Узнать, не увольняли ли кого-нибудь из дворца. Причина — халатность.

— О боже! — Напарник снова шлепнул себя ладонью по лбу, и пришел мой черед удивляться.

— Это что за выражение?

— Подцепил от Систеллы. Она родом из Тьмутьмии, там это любимая присказка в любых ситуациях.

— Чтобы эта присказка так намертво к тебе прилипла, ты должен был ее всю ночь слушать. А я поражаюсь, что это ты такой издерганный с утра? Не выспался, бедняга, еще и завтрак у тебя отполовинили, лишили растущий организм необходимых калорий. Фомочка, — я наклонилась вперед и погладила напарника по плечу, — я сегодня долго спала, и еще мне скоро поесть привезут, я тебе непременно оставлю. А ты пока сходи, пообщайся напоследок с драконом.

— Схожу, — с чувством ответил напарник, — если ты артефакт вызовешь и узнаешь про другой выход.

— Да пыталась, не вызывается он.

— Я помогу, что надо делать?

Я глубоко вздохнула.

— Горошину искать.

И стали мы искать горошину. Прыгали по комнате, искали на кровати, в креслах, подняли кучу пыли, устроили настоящий погром. Фомка поыворачивал все ящики из комода и тумбочки и даже сдвинул тяжеленную кровать (вот силища!). Однако ни одной горошины или даже намека на нее не отыскалось.

Махнув на все рукой, расстроенный напарник со злости опрокинул кресло и решительной походкой направился к выходу.

Кажется, дракона собирались укротить еще раз, и это не могло не радовать, поскольку ожидалось поступление новой информации. Я бухнулась на кровать, пережидая, пока перестанут вибрировать стены от Фомкиного «ба-бах» дверью, и предвкушающе улыбнулась. Люблю пазлы.

— Прелесть моя, ты так мило улыбаешься, просто озноб по коже.

Я мгновенно повернула голову и увидела прислонившегося к подоконнику артефакта. Невозмутимый, сияющий, деловито засунувший одну руку в карман брюк.

— Явился! — Соскочив с постели, я хрустнула ботинками по осколкам

разбитой чашки и в два шага очутилась возле окна. Направив негодующий указательный палец в грудь артефакта, обвиняюще произнесла: — Я тебя призывала, на колени падала, а ты только сейчас соизволил явиться?

— Прекраснейшая, нужно было всего лишь уронить вон то кресло, и я бы обязательно откликнулся. А как ты падала на колени? — живо заинтересовался безмерно любопытный и еще ярче засиявший дух.

— Вот так, — я очень, ну очень медленно и с соответствующим прогибом в пояснице сначала опустилась на корточки (подсмотрела в шоу «Этнические пляски шаманок vs Ритуальные танцы жриц». Жрицы победили!), потом встала на коленочки у ног артефакта, а потом простерла руки и сладенько вымолвила: — Светлейший!

У духа отпала челюсть и пропала способность дышать.

А мне того и надо было. Захотелось проверить, насколько в нем сильна человеческая память, если уж плотью не обременен, и правду ли сказал, что он был этим самым человеком. Нет, точно был. Вот судя по его взгляду — определенно был.

— Как же я не вовремя оделся, — выдохнул светлейший, потянув за ворот рубашки. И это при том, что по логике вещей ему ничего на шею давить не могло, да и без дыхания духи вполне обходились, ну а так пожирать глазами приличных девушек им вовсе не полагалось.

— Я еще и танцы вакханки умею, — заявила, решив добить солнечного. Гордо выпятив грудь, отставила в сторону ножку, устроила руку на талии, чуть наклонилась и похлопала ресницами.

Глаза артефакта совершенно недвусмысленным образом прошлись по всей моей псевдовакханской позе, а потом он приложил руку ко лбу и хрипло ответил:

— Уже представил.

А потом с такой мольбой во взгляде протянул ко мне руки, что я тут же вспомнила кое-кого без костюма и в моей кровати, а еще — как нагло разочаровали наивную пьяную девушку. Ну и шагнула поближе. Обнимай, мне-то что. Даже погладить можно. Ха-ха!

Судорожный вздох такой отрадой пролился на мои истерзанные сияющим гадом нервы, что душа осталась довольна-предовольна и наполнилась злорадством. Не все тебе над людьми измываться. Запрокинув голову, так как стояла ну очень близко, и посмотрев в янтарные потемневшие глазищи, сказала прямо:

— Не можешь ты ничего представить, проекция, поскольку я тебе эти танцы показывать не собираюсь.

Сник. Прямо разом сник, погрустил ровно секунду, а потом, ехидна

такая, глаза прикрыл, будто в свои предсказания окунулся, покачнулся, за сердце схватился, стал ртом воздух хватать. А я отступила в сторону от греха подальше, потому что слишком натурально все выглядело. Хотя и понимаешь, что это видение и обычная магическая проекция, но все равно смотрится очень реально! Отсюда сам собой напрашивался вывод, что артефакт видит не весь разговор целиком, а слушает — слово за слово, и запись в это время уже идет. И если для обычных людей разговоры — набор слов, то для него — набор зрительных образов и видений.

Впрочем, мужские терзания духа никаких уколов совести во мне не вызвали, но, решив ковать железо, пока горячо, я очень коварным и соблазнительным голосом добавила:

— Не собираюсь, но показать могу, если хорошо попросишь, — а потом тоном истинного сыщика, допрашивающего своего информатора, прибавила: — Мне нужна информация!

Артефакт раскрыл глаза, вновь осмотрел меня всю-всю и осуждающе покачал головой.

— Аленушка, сладость моя, не веди больше таких разговоров. Я ведь не железный артефакт. Как можно мне подобное показывать?

— Я ничего не могла показать, — прищурилась недоверчиво.

— Конечно. Совсем ничего, — усмехнулось сиятельное чудо, согласившись со мной (прямо как я недавно с Фомкой, чтобы не злился).

Согласие родило в душе очень нехорошие подозрения. Вот предсказатель! Ведь точно знаю, что ему не станцюю никогда и ни за что, а он с намеком улыбается. Не мог он мои танцы видеть! Не мог, и все! Даже в очень далеком будущем, даже когда состарюсь. Мик мог, а этому не станцевала бы.

— Ну, довольно! Прочь лирические отступления, — решила переть буром, раз не сработали провокационные обещания. Отвечай, где другой выход из подземелья?

— Счастье, выходов масса, но для тебя безопасен только один, — пожало плечами чудовище.

Полагаю, я бы в этот момент сникла, совсем как недавно артефакт, но вдруг заметила, что кончики губ солнечного мерзавтуса слегка подрагивают. Открыла рот, чтобы высказать в подробностях, как «хорошо» я о нем думаю, а предсказатель перебил:

— В ловушку попадете во всех случаях. Десять вариантов будущего, и только один с благополучным финалом и вашим выходом из замка. Прощай, ненаглядная, теперь не скоро увидимся. Я тоже буду скучать, но стану вспоминать про... — и улыбка мерзавической, и шепот такой, что

мурашки по коже! — ...танцы.

И исчез.

— Что значит — тоже? — спросила я пустоту. — Тосковать-то я точно не стану!

Наглец! Как можно было так обо мне подумать? Скучать, как же! Да у меня счастье приключилось, я долго не увижу этого сиятельного, а он! И что за намеки имели здесь место? Словно я в будущем перед ним вакханкой отплясывала? Не поверю, мерзавтус!

Все мое удовлетворение куда-то испарилось, зато осталось осознание неотвратимо надвигающегося побега. К моменту, когда в дверь постучал мальчишка, привезший тележку с завтракообедом, я уже засунула в рюкзак все, с чем явилась во дворец. Собственно, я еще со времен учебы всегда носила за плечами самые необходимые вещи — навык, вбитый в нас заботливыми и очень изобретательными преподавателями с садистскими наклонностями. Теперь дело оставалось за Фомкой.

Честно оставив напарнику половину каждого из привезенных блюд, решила, что не могу покинуть дворец, не увидев напоследок Мика.

На выписавшегося из лазарета сыщика я случайно наткнулась на первом этаже у самой лестницы. Увидев меня, ошарашенную встречей, Мик почему-то отступил и пятился до тех пор, пока не уперся в подпиравшую переход между двумя крыльями здания колонну.

Заметив столь неординарную реакцию, я могла бы притвориться, что не признала сыщика или приняла его за часть окружающего интерьера, и пройти мимо. Однако осознание скорой разлуки отмело в сторону все странности не далее как вчера безумно вежливого и лучащегося очарованием брюнета, и я с истинно Фомкиным напором приперла соперника к колонне.

— Добрый день, — улыбнулась во весь рот, подступив к изрядно помятой мечте.

— Добрый, Аленика, — выдохнул Мик, встревоженно озираясь по сторонам.

— Как самочувствие?

— Благодарю, намного лучше.

Я замерла, разглядывая и запоминая такие симпатичные и милые моему сердцу черточки немного перекосившегося мужественного лица. Мы были здесь, под лестницей, почти наедине, если не считать начавших развозить тележки с обедом слуг на верхней площадке.

— Я сейчас немного занят, — замялся Мик, встревоженно вглядываясь в мою крайне одухотворенную счастьем физиономию, — ты не

против, если поговорим позже?

— Какой-то ты напряженный, — сделала я вывод, понимая, что «позже» у меня не будет.

— Понимаешь, Аленик... Алена, — исправился чудесный Мик, — когда рядом со мной ты или твой напарник, непременно что-нибудь происходит. Я, безусловно, не ставлю этого никому в вину, просто сделал определенные выводы. Такого количества увечий, как за эти два дня, я не получал на протяжении всей карьеры. Понимаю, что это случайность, но меня при наших встречах невольно охватывает напряжение.

— Я ведь пыталась предупредить, — попробовала реанимировать себя в глазах вожака добычи.

— Прошу прощения, что не услышал твоих предупреждений, был слишком поглощен... хм...

«Возможностью первым урвать артефакт», — закончила я про себя.

— Возможностью отыскать проникшего во дворец злоумышленника и не дать ему похитить что-либо еще.

Красиво говорит. Романтично.

Я смерила Мика влюбленным взглядом, а он, кажется, уже немного расслабился и почувствовал себя посвободнее, поскольку катаклизмов не происходило.

— Безумно жаль, что свидание не состоялось, — заметил сыщик и бережно взял в ладони мою руку.

Сомлев от этого жеста, я как последняя влюбленная дурочка затаила дыхание, раздумывая, стоит ли мне напоследок попробовать и самой поцеловать Мика?

— Все хотел спросить, как ты узнала, что это была ловушка? — доверительным тоном произнес Микон, придвигаясь поближе.

— Кхм... — прокашлялась я, загипнотизированная темным омутом зовущих глаз.

«Потому что артефакт является мне и указывает на улики», — могла бы ответить влюбленная дурочка. «Не твоё сыщичье дело», — сказала бы напарница Фомки и по совместительству соперница Микона. Я решила выбрать нечто нейтральное и, похлопав ресницами, выдала:

— Потому что его нет во дворце, это всем известно.

— Да, верно, — вздохнул Мик, придвигаясь еще ближе и склоняясь еще ниже. Я уже и шею вытянула, чтобы ему удобнее было склоняться, а он как бы невзначай руку мне на плечо положил.

— Ты полагаешь, следы ведут из дворца? — интимным шепотом спросил сыщик.

— Я полагаю... — Что я полагала, осталось для сыщика тайной, ибо наверху вдруг раздался истошный визг, потом грохот, потом звон, а потом на нас через перила посыпался чей-то обед. Мне на голову прилетел приличный кусок кремового торта, украшенный фарфоровой тарелкой, который, по счастью, перевернулся в воздухе и осел на моих волосах красивой воздушной массой. Мику же досталось сначала деревянным блюдом из-под фруктов, затем его облило киселем, а напоследок увенчало медной кастрюлькой, надевшейся набекрень по самые уши.

Бедный сыщик пошатнулся, растерянно повел глазами сначала вверх, откуда, перевесившись через перила, на нас с испугом взидала служанка в белоснежном чепце кухонных работников, а затем его взгляд и вовсе рассредоточился, и Мик схватился за колонну.

— Аленка! — раздался откуда-то сверху рев моего напарника, и, мгновенно придя в себя, я вспомнила о своем долге, ибо стекающий по лицу крем основательно выбил из головы все романтические мысли. И я, бросив Мику:

— До встречи! — припустила вверх по лестнице.

Глава 6

ПОБЕГ С ДУШКОМ

— Ты рядом с этим гнилым малым головой думаешь? — гневно вопрошал Фомка, пробираясь за мной по осклизлым камням полутемного тоннеля с очень низким сводом. Нарастающая вонь свидетельствовала о том, что место назначения будет достигнуто совсем скоро, буквально через пару поворотов, и мы с приятелем уже натянули на нос самодельные маски, хотя они мало помогали. Справедливое возмущение также здорово отвлекало напарника от страха перед канализацией. А я так и шагала за ним, перепачканная кремом, успела только смахнуть бисквит с головы и рубашки. Переодеваться было некогда и не во что.

— А вот не надо на меня всех собак вешать, — оглядывая ответвления тоннеля и попутно вспоминая направление движения, ответила сыщику, — сам мало того что кутишь с охраной, так еще и экономку укрощаешь, а я не могу даже с романтической мечтой парой слов перекинуться.

— Это бредни романтические! — ответствовал Фома. — С виду прост, как свинья, но лукав, как змея. Думаешь, кого первым пустят по нашему следу, когда выяснят, что мы удрали из дворца?

Я насупилась и промолчала.

— Мика твоего и пустят, и он помчится так, что пятки засверкают.

— Всего-то и надо было поцеловать его разочек, и я бы успокоилась, — шмыгнула носом и заодно сверилась с компасом, поскольку хорошо помнила, что выход из системы канализационных тоннелей располагался в западной стороне. — Некоторые вон полночи не спали, а мне — всякими идеальными иллюзиями довольствоваться и из комнаты не выходить. Обложили!

— Я не виноват, что в этом дворце такие строгие правила. Доводят женщин своей моралью, а они потом на мужиков кидаются. А второй раз я, между прочим, ради дела на это пошел.

— Как я погляжу, ты бы и в третий раз сходил.

— Нет, столько не потяну. За... кхм... заездит она меня, а я на работе, силы для дела нужны.

Я искоса глянула на воинственно настроенного напарника, у которого при упоминании об экономке заметно задергался глаз. Бедный мой рыцарь Фомка, нелегко далась ему победа. Отощавшие драконы — это сила, это

почти то же самое, что отощавшие сыщицы.

— Добрались, — выдохнула я, когда впереди показался вход в широченную трубу с протекающими по ней пахучими сточными водами. — Теперь нам с тобой сапоги очень пригодятся, Фомка. Ты, кстати, сменные вещи взял?

— Да у меня только те лосины, что выдали, фрак в комнате бросил. Я, кстати, их тебе в рюкзак запихнул, в моем места нет, я там обед поместил.

— Бе-э-э. После канализации у тебя аппетит напрочь отобьет часа на три, не меньше.

— Но потом-то он вернется, а с голодухи помирать неохота, — безапелляционно заявил напарник и вдруг замолчал.

Болтая и подначивая друг друга, мы прошли уже треть пути, когда услышали очень странный звук.

— Это что? — снизил голос до шепота Фомка. — Охрана канализации?

— Не знаю, — также шепотом ответила я, — пять лет назад никакой охраны здесь не было.

— Аленка, пять лет назад — это очень давно. Тебе же артефакт сказал, что здесь безопасно, иначе за каким лядом мы поперлись в канализу?

— Он сказал: «В ловушку попадете во всех случаях. Десять вариантов будущего, и только один с благополучным финалом и вашим выходом из замка».

— Это значит, мы сейчас в ловушку идем?

— Выходит, что так.

Фомка резко остановился, развернулся и направился в обратную сторону. Я пристроилась сзади, но уже через пару шагов со всего размаху врезалась в широченную спину.

— Пропал, — очень тихо сказал напарник. — Звук пропал, не свистит и не шипит больше.

Я вцепилась в руку Фомы, встревоженно оглядывая все пространство вокруг нас и с особым подозрением косясь в узкий темный проход по левую руку, откуда, как мне казалось, прежде доносился шум. Коридор находился у самой трубы, открывавшей начало канализационных переходов, и теперь именно оттуда веяло мертвой тишиной. Сглотнув, я вцепилась во вторую руку напарника, высунулась из-за его спины и синхронно с ним сделала шаг назад.

В темноте узкого тоннеля внезапно зажглись красноватым светом чьи-то глаза, и я не завизжала от страха только потому, что воздух из грудной клетки вышиб Фомка — он резко развернулся и подхватил меня под

мышку. Я затряслась бесформенным кулем в такт широким прыжкам сыщика, который ломанулся в канализационную трубу. Нечто с жуткими глазами мягко прыгнуло сзади нас и завывало.

— Ма-а-мо-о-чка! — шепотом заголосила я, дергаясь в руке то и дело подскальзывающегося на протекающих под ногами нечистотах Фомки. — Спа-а-си-и-те!

Толку звать на помощь не было никакого, скорее, во мне просто сработал инстинкт. Даже окажись здесь сейчас взвод спасателей, они бы слаженно и очень синхронно побежали впереди нас. Стоит ли говорить, что чудное амбре канализации в данный момент меньше всего волновало двух утекающих от волколота сыщиков! Поистине страшное существо размером с трех Фомок — метров двух высотой в холке, с длинными когтями — мягко прыгало следом, разбрызгивая во все стороны сточные воды.

— Направо! — выкрикнула я вылетевшему из трубы напарнику, который на миг притормозил, не зная, в какую сторону бежать. Резкий рывок вправо спас нас от когтей кошмарного волколота, проскользившего мимо и впечатавшегося в стену разветвляющегося тоннеля.

— Ле-естни-и-ца впере-е-ди-и! — выдавила из себя, с ужасом глядя на тоннель позади понесшегося еще большими скачками Фомантия.

Волколот встал, встряхнулся, точно мокрая собака (мокрая и жутко вонючая!), потянул носом воздух и безошибочно повернулся вправо.

Я слышала про этих зверей, что они плохо видят и не различают запахи, хотя, судя по поведению конкретного представителя данного вида, мне нагло соврали. Скорее всего, волколоты не делят запахи на приятные и неприятные. Тот же самый человек в свое время поведал, что селятся волколоты в узких лесных пещерах, но и это утверждение опроверг устроившийся в дворцовой канализации хищник. Правда, и король мог распорядиться поселить сюда эту зверюгу, с нашего монарха станется. А еще, по слухам, питаются милые волколотики преимущественно костями. И в данный момент от голодного зверя утекало собственным ходом около четырехсот двенадцати костей всех форм и размеров — на любой вкус. Мои потоньше, Фомкины потолще, мои раскусить проще, а у напарника костного мозга больше.

— Вперед! — гаркнул сыщик, отвлекая меня от мыслей на тему, женские или мужские кости предпочтительнее на вкус, и забрасывая на вмурованную в стену лестницу, ведущую в темный верхний проход.

Я вцепилась в металлические ступени и стала резво карабкаться вверх, когда Фомка внезапно заголосил:

— Слезай!

Но слезть я не успела. Все же мы оба были слишком плохо информированы относительно повадок канализационных хищников. Чудные зверушки совершенно изумительным образом могли прыгнуть на стену, вонзить когти в расщелины каменной кладки и поползти вам наперерез так стремительно, что оставалось только разжать руки и бухнуться вниз, прямо на Фомку.

Громадная смердящая пасть клацнула жуткими зубищами перед самым носом, а как только руки Фомки попытались сомкнуться на том, чем я на него налетела, эти самые зубы вцепились в ворот рубашки и вздернули мое хиленькое тельце, отобрав его у вцепившегося с другой стороны напарника. Удар огромной лапой отшвырнул Фомку назад, прямо в протекающие по дну канализации мутные потоки, а я получила ответ на вопрос, чьи косточки вкуснее.

Соппротивление было самым глупым, что я могла предпринять, болтаясь в пасти волколота, как котенок в зубах любящей мамы-кошки. Зверюга унесла меня на каменный выступ, проходящий по правой стороне следующей широкой трубы, и расцепила челюсти. Потом, уронив меня на камни, бухнулась сверху, придавила мохнатым телом и принялась отгрызать мою голову.

Только по прошествии пяти минут, совладав с расшалившимися нервами и разошедшимся воображением, я сообразила, что голову мне не отгрызают, а вылизывают, тщательно собирая огромным шершавым языком остатки крема. Этот же жуткий язык чуть позже переместился на мое лицо, и зверюга, перевернув меня лапами на спину, стала слизывать все масляно-кремовые пятна, оставшиеся на плечах и рубашке.

Где-то позади волколота раздалось жуткое хрипение, прозвучавшее посмертным гимном мне, которое издавал подбирающийся к «сожравшей» меня тварюге сыщик. К сожалению, совершенно не было времени умилиться верности моего напарника, не удравшего подальше, пока хищник занимался своей жертвой, а решившего отомстить жуткому чудовищу.

— Фомка! — заголосила я, и кошмарное хрипение прекратилось, сменившись удивленным сопением, которое периодически прерывали звуки, издаваемые вылизывающим меня волколотом. — Фомка, если ты взял с собой весь обед, достань псине тортик, иначе он всю меня до косточек слижет!

По счастью, в агентство Савсен Савсеновича брали исключительно сообразительных личностей, чему мы с напарником являлись подтверждением, а потому никто не стал задавать вопросов типа: «А тебя

что, еще не сожрали?» Мой замечательный Фомка тут же бросился распаковывать помятый рюкзак и шуршать непромокаемыми пакетами. Минут через пять волколот внезапно насторожился, повел носом и мгновенно забыл про меня, имеющую возможность порадовать тортиколюбителя исключительно масляными пятнами. Псина развернулся и совершил прыжок прямо к другому краю выступа, где Фомка пристроил полураскрытый пакет с куском кремового торта.

Рванув от увлеченно засовывающего язык в небольшое отверстие животного, Фомка подскочил ко мне, схватил рукой за шкурку, забросил на правое плечо, на левое закинул рюкзак и гаркнул:

— Веди!

— До конца тоннеля и налево, — дрогнувшим голосом отдала я приказ и потряслась дальше на моем улепетывающем рыцаре.

— ...Сейчас помру, — хрипел Фомантий, облокотившись о край каменной кладки, опоясывающей выход из дивного места. Мы все-таки благополучно выбрались.

Насмерть зализанная волколотом, я лежала на зеленой травке, смотрела в синее небо и философски размышляла на тему огромных зверюг и летающих через перила лестниц тортиков.

— Фомочка, — спросила пыхтяще-сипящего самого расчудесного мужчину на свете.

— Чего? — прохрипел пытающийся отдышаться сыщик.

— Как можно помогать и пакостить одновременно?

— Не знаю, ы-хы-ы-ы, это талант, ы-х-х-хы, его надо иметь.

— Большой талант, — еще более философски выдохнула я, вновь переводя взгляд на белоснежные облака.

В ответ напарник просто шлепнулся рядом и также философски уставился в небо.

— Подальше тикать надо, — глубокомысленно изрекла я.

— Надо, — согласился напарник.

— А то облава нагонит, — подначила не шевелящегося Фомку.

— Подохнут на месте от нашей вони, — сделал вывод сыщик.

— И то верно. — Я сложила руки на груди, любуясь, как облака меняют форму, превращаясь в далекой вышине в милых, измученных костлявой диетой волколотиков. — Покоя не дает мне вопрос, Фомка, — почему он выбрал меня?

— Неровно дышит, — сделал друг очевидный вывод. Очень очевидный и, я бы сказала, слишком очевидный.

— Ведет он себя именно так, — подтвердила я эту очевидность, — но, Фом, я ведь не королева выпускного бала, чтобы сражать красотой с первого взгляда! А артефакт точно избалован воздыхательницами. Видел, сколько у этого солнечного самомнения? Однако выбор он сделал именно при первой встрече. Знаешь, — решила я порассуждать на глобальную тему, раз уж все равно лежим и переводим дух, — вот никогда не было так, чтобы в меня с первого взгляда влюблялись, да и вообще ведь не влюблялись.

— Так ты же встречалась с этим... как там его звали?

— Питенс.

— Ага, с птенцом!

— Ему сложно было меня не заметить. Я тогда на него пустой горшок уронила — со стеллажа, на котором пыталась отыскать улики. Он ему на голову оделся, как сегодня на Мика — кастрюля.

— Нарочно уронила?

— Нет, случайно. Это было одно из первых заданий — отыскать пропавшие из цветочного магазина горшки из редкого фарфора с серебряными и медными инкрустациями. А Питенс оказался владельцем магазина. Пока я расследовала это дело, мы с ним и познакомились поближе.

— А потом?

— Потом дело раскрыла, расследование закончилось — и роман закончился.

— Ну а после него чего ни с кем поближе не познакомилась?

— А больше горшков под рукой в подходящий момент не оказывалось. Фомка хмыкнул.

— Потому и говорю, что не внушаю я безумной страсти с первого взгляда, но артефакт нарочито ведет себя как влюбленный. А у него, во-первых, любить нечем, поскольку сердце отсутствует, во-вторых, тела нет, значит, плотские удовольствия не волнуют, в-третьих же остается лишь дух, сохранивший свой извращенно-гениальный разум, свой дар и склонность к розыгрышам, которая, судя по всему, была в нем очень сильна в то время, когда артефакт являлся человеком.

— А почему ты решила, что он им был?

— Он удивительно достоверно копирует все человеческие повадки и делает это именно в подходящих ситуациях. За его словами и поведением что-то стоит, но слишком мало информации, чтобы сделать конкретные выводы. Понять, почему он выбрал именно меня, это как ухватиться за ниточку расследования с другого конца, ведущего к развязке.

— Боюсь, в нашем случае даром предвидения обладает только один чел... дух, а потому, не разобравшись во всем и не распутав дела, предсказать ты ничего не сможешь. Почему бы не рассмотреть вариант, что он видит, как ты его в недалеком будущем обратишь?

— Потому что не уверена в его желании быть найденным. Однако при всем при том его подсказки всегда давали в руки определенные ниточки и наводили на след. — Я грустно вздохнула, догадавшись, что у Фомки тоже нет никаких соображений относительно суперзагадочного артефакта. — И первый след ведет нас к Дмитрису Урвину.

— К слуге?

— К нерадивому слуге, уволенному по статье «Халатность при исполнении служебных обязанностей».

— И как мы его допросим, если нужно ноги из королевства делать? Перекроют нам выходы, как только попадем в розыск.

— Но ведь пока не попали, — с намеком сказала я широко улыбнувшемуся напарнику.

— Именем короля, Дмитрис Урвин, откройте! — Разнесшийся за низкой дубовой дверью гул Фомкиного стука мог поднять кого угодно и откуда угодно, а зычный голос напарника привлек внимание нескольких прогуливающихся по тротуару прохожих, которые тут же поспешили пройти мимо. Наглость — второе счастье, а уверенность в себе — главное, особенно когда идешь напролом, прикрываясь именем правителя, который в данный момент собирает консилиум сыщиков по твою душу. Я даже на секунду не усомнилась в том, что дверь нам откроют.

— Прошу прощения, господа, я...

Бледный перепуганный Дмитрис Урвин широко раскрытыми глазами оглядел наряд Фомки «а-ля королевская канализация», потом мой «я знакома с волколотом», но, когда бывший слуга раскрыл рот, Фомка втолкнул его в дом, и мы нагло, при свете дня, вломились в жилище первого свидетеля, захлопнув за собой дверь.

— Уважаемый, меня интересует правда.

— Но я все вам рассказал.

— Боюсь, не все.

— Да клянусь!

— Любезнейший, — я поднялась с табурета, на котором устроилась напротив привязанного к стулу Дмитриса, — пазл не сходится, а если он не сходится, значит, вы чего-то недоговариваете.

— Да по башке ему! — выкрикнул из-за неплотно прикрытой двери ванной напарник, отчего бывший слуга заметно побледнел.

Как только мы вломились в чужие владения, многоуважаемого Урвина тут же обезвредил Фомка, который сначала быстро лишил хозяина возможности позвать на помощь, а потом прикрутил Дмитриса к стулу. Сделав дело, напарник с чистой совестью направился в маленькую комнатуху, где располагались удобства и душ, оставив свидетеля мне на растерзание и снабдив меня орудием изощренной пытки.

Взяв кончиками пальцев Фомкину изгвазданную рубаху, я очень медленно (дабы Урвин оценил масштаб катастрофы) стала подносить ее к носу сопротивляющегося Дмитриса. Согласна, это жестоко, но мы попросту не располагали временем для долгих разговоров.

Бедняга яростно замотал головой, пытаясь увернуться от подсовываемой под нос тряпки, задержал связанными руками и даже попробовал топтать прикрученными к ножкам стула ногами.

— Сопротивление не поможет, милейший. — Я помахала рубашкой, создавая потоки ароматного амбре вокруг головы пытаемого. — Это вам не с королевскими дознавателями беседы вести.

При последних словах слуга еще больше побледнел.

— Перестаньте, перестаньте, я все расскажу.

— Прекрасно! — Я сделала пару шагов к двери в душевую, просунула туда руку и бросила рубашку напарнику. Бедному гигантскому Фомке ничего не подошло из гардероба Урвина, оставалось только постирать свое и надеть обратно.

— Итак, меня интересует: вы занимались уборкой покоев в женском крыле на втором этаже, когда туда заселили мужчин?

— На мне было только три комнаты, я уже говорил.

— Хорошо. Этот ответ верен. Идем дальше. Расскажите подробно и достоверно, зачем вы искали сведения об артефакте в библиотеке, что прятали под кроватью в двести семнадцатых покоях, где в то время остановился некий господин, чье имя вы также назовете, и, наконец, как вам удалось подменить настоящего слугу, который должен был выносить золотой листок, и с какой целью?

— В покоях тогда останавливался волшебник Джун Шир.

— Мириец?

— Нет, он из этих... волшебнитских национальных меньшинств.

— Прекрасно, продолжайте.

— Шир попросил меня узнать, что об артефакте есть в королевской библиотеке, но я нашел только одну книгу, там не оказалось совершенно

ничего полезного.

— Хорошо, дальше.

— Шир предложил приличную сумму, если я подменю слугу, который обычно выносил золотой лист. Ну, пришлось добавить немного слабительных капель в еду сослуживца, а потом заменить его во время церемонии.

— Хранитель не возражал?

— Он не знал. Сообразил, когда увидел меня у дверей, но заменять было некем, а я уже выяснил, как примерно проходит ритуал. Например, листок следовало держать на определенной высоте над полом, но не выше, чтобы куда требуется примагнитился. С какой целью надо было подменить слугу, я не знаю.

— Не знаете. Я даже не сомневаюсь в этом, как и в том, что рассказанная мне версия в точности повторяет ту, которую вы поведали дознавателям. Но что, если я доведу до сведения этих милых людей информацию о разлитом вами растворе? — сказала наобум, желая проверить собственную версию происхождения металлического пятна на обоях. — Думаю, тогда вы не отделаетесь обычным увольнением из дворца.

Бедняга после моих слов так сильно побледнел, как не бледнел от соседства Фомкиной рубашки. У него даже губы затряслись.

— П-прошу вас, не рассказывайте. Я случайно... И... мне пришлось, ведь иначе денег было бы не видать как своих ушей, а если король узнает... Потом ведь артефакт исчез! Очень вас прошу.

— Итак, — я хлопнула лупой по ладони, — говорите четко и по порядку, тогда, кроме нас с вами, об этом разговоре никто не узнает. Вы разлили...

— Это была обычная бутылка с полировочным раствором, я не знаю, зачем господин настаивал, чтобы я обязательно побрызгал им листок и отполировал его.

— Прекрасно. Так чем же вы брызгали, если разлили раствор?

— Я... — слуга понизил голос до шепота, — я случайно. Просто открыл понюхать и выронил. Бутылка упала на тумбу, а жидкость пролилась прямо на обои. Только на дне немного осталось. Я быстро придвинул тумбу, а бутылку пришлось спрятать под кровать, потому что волшебник вернулся с деньгами. Я тогда, чтобы он не заметил, стал торговаться, попросил накинуть еще две сотни за риск. Он согласился только на одну и снова вышел.

— И вы воспользовались этим, чтобы долить в бутылку...

— Обычной воды, но это было незаметно. Бутылка из темного стекла, а если откроешь, на поверхности металлическая пленка, как прежде.

— Хм, — я покрутила в руках лупу, — какую версию событий вы рассказали дознавателям?

— Когда артефакт исчез, ко мне сразу подступили насчет золотого листка, поскольку я последний держал его в руках. Пришлось рассказать о бутылке.

— От которой вы к тому моменту избавились?

— Да. Я сказал, что она уже стояла на подносе, и я подумал, что раз это жидкость для полировки, то необходимо натереть золотой лист перед выносом.

Какие удивительные деловая хватка и сообразительность у этого милого человека! И нашим и вашим угодил. Для своего нанимателя все натер, для дознавателей остался невинной подставленной жертвой, деньги получил и легко отделался. Готова поспорить, теперь еще и на бирже пособие имеет как безработный, и в профсоюз не замедлил обратиться как пострадавшая сторона, чтобы стясти с казны проценты за увольнение. Есть же такие пройдохи! Не ровен час даже рекомендации получит. Эти профсоюзные церберы кого хочешь изведут ради благого дела защиты несчастных тружеников, даже если те совсем не несчастные.

Ну да ладно, разбираться с совестью пронырливого слуги не мое дело, для нас сейчас важнее удрать из королевства, а также найти следующего свидетеля по имени Джун Шир.

— Где вы были в день похищения, если вас не оказалось во дворце?

— Караулил в условленном месте, чтобы передать Ширу посылку от посла.

— Что в ней было?

— Я не видел. Небольшая запечатанная коробка.

— Все успела выяснить? — прервал нас вышедший из душа напарник.

— Да. — Я оглядела Фомку во влажной рубашке и штанах, которые он старательно вытирал полотенцем. Ну да ничего, на улице тепло, все просохнет, а Фома крепкий, не простынет.

— Тогда быстро умывайся и погнажи дальше.

— Фомка, ты уверен, что здесь стоит останавливаться на постой?

— Это единственная гостиница на несколько километров в округе, а дальше лес и тропинка до границы с Волшебнией. У нас последняя возможность поспать на кровати и что-то путное съесть, пока до другой страны не доберемся. Желудок не казенный, королевскими

благодарностями за распутывание этого дела сыт не будет.

— Благодарности — это при благополучном исходе расследования.

— Заканчивай пессимизм разводить, у нас другого результата быть не может. Я со своей головой дружу и отдавать ее незнакомому палачу не собираюсь.

— Я тоже дружу, хотя с палачом знакома неплохо, однако эта гостиница мне не нравится.

Я оглядела приземистое двухэтажное здание, большинство окон в котором оказалось без стекол и зияло крайне неприветливыми черными провалами.

— Полно молиться, живи, как водится, Аленка. Сколько времени ноги от погони уносим? Позавчера в стогу ночевали, а сегодня хоть кровать подвернулась. Кончай кисейную барышню из себя строить.

— Ладно, ладно, только ради твоего комфорта. Но учти, я от тебя на шаг не отойду, меня от этого места в дрожь бросает.

— В мою постель, что ли, собралась ложиться?

— И ни в чью другую.

— Я на спине сплю, храплю и на всю кровать разваливаюсь.

— Ничего, разочек на боку поспишь и с краю.

Фомка глянул на меня очень «дружелюбно», но промолчал. Бодро зашагав по направлению к гостинице, сыщик не оставил мне выбора, кроме как следовать за ним.

Хозяин оказался, мягко говоря, под стать своему уютному убежищу для блуждающих путников. Длинные сальные волосы, наполовину закрывающие лицо, грязный фартук поверх мрачного одеяния из чего-то среднего между фраком и пиджаком и зауженных брюк (вверху очень зауженных, а внизу широких, спадающих воланами на жутко грязную обувь).

Этот самый хозяин вышел из боковой дверцы в стене, за которой я разглядела помещение, подозрительно похожее на кухню. Бурые пятна на заляпанном, посеревшем фартуке напоминали кровавые подтеки. Прикинув размер и частоту расположения капель, сделала вывод, что поражающий с первого взгляда мужчина сам готовит для своих постояльцев и, возможно, из любой животины, которая неосторожно забредет во двор этого гостеприимного заведения.

— Нам номер с двуспальной кроватью, — велел Фомка, кидая на прилавок монету. Я спряталась за спиной напарника от взгляда маньяка, брошенного на меня хозяином, и принялась изучать окружающее пространство. Потемневшее дерево пола со следами грязных подошв,

оборванные местами обои на стенах, пропыленная, страшно грязная дорожка на лестнице. Ступени терялись в темноте, поскольку на втором этаже не было освещения.

— Пошли, — повернулся ко мне Фомка, сжав в огромном кулаке ключи.

Вообще-то я сыщик со стажем, и нервы у меня почти железные, но ведь у каждого есть свои слабости, правда? Некоторые вон мышей боятся или канализации, а я... я — привидений. Ужасно боюсь. Хотя они, конечно, безвредные, но воют так, что кровь в жилах стынет. А еще вечно норовят из стены выскочить, когда совсем этого не ждешь. И тут нужно различать настоящих таких опытных привидений, которые точно знают, когда выскочить, чтобы сердце в пятки ушло, и волшебных духов типа артефактов. Первые прозрачные и поднаторели в искусстве брать на испуг, а вторые просто волшебные и, что главное, непрозрачные, вдоль стенок или по потолку не стелются, в уши не завывают, издеваются, правда, мерзавцы, но все же лучше привидений.

В общем, шла я наверх, уцепившись за Фомкину рубашку и настороженно косясь по сторонам. Брр, в таких вот гостиницах всяких привидений пруд пруди, как тут спать можно, если ты не Фомка?

— Может, я на диван? — с сомнением уточнил напарник после весьма странного на вкус ужина, о составляющих которого даже страшно было подумать, когда я залезла на кровать и застыла где-то на ее середине. Натянув на самые глаза старое дырявое одеяло, глянула на выдавший виды диван и ответила:

— Если соседство клопов тебе милее.

— Эх, придавлю, — грустно вздохнул Фомантий и полез на кровать с другой стороны. — Твой артефакт не приревнует? — хмыкнул напарник, устроившись на самом краешке двуспального ложа, которое даже накренилось в его сторону. Я самым наглым образом прилипла к спине Фомки, еще и закинула на него ногу, а рукой придавила шею и ослабила хват, только когда сыщик захрипел. — А то, вспоминая опыт Мика... Неохота с лестницы падать.

— Ученые уже, — ответила я, — больше не побежим. А если он даже подбросил горошину, нам это только на руку. Значит, идем по верному пути.

— Ну ладно, — сказал Фомка и через минуту захрипел. Даже на боку захрипел. И совсем не тихо. Это как же он тогда на спине трели выводит? Сам себя будит?

Кровать завибрировала от богатырских звуков, но я отползать

подальше не стала. Лучше вибромассаж, чем отодвигаться от Фомки. Опять же плюс — никаких потусторонних шумов не слышно.

Я немного поерзала, устраиваясь поудобнее, напарник уснул крепко и стал храпеть чуточку тише, моя рука на его шее плавно поднималась и опускалась, широкая спина грела, и глаза стали понемногу закрываться.

— У-у-у! — раздалось возле самого уха, и сон как рукой сняло.

— Ой, — прошептала, еще плотнее придвигаясь к сыщику. — Фомочка.

Мой шепот не перекрыл богатырского храпа, не говоря уж о том, чтобы разбудить.

— У-у-у! — завывало в ухо еще громче.

— Ай, — прошептала я и снова вцепилась в шею напарника.

— У-у-у! — перешло на шепот подобравшееся поближе нечто, а я зажмурилась посильнее и прижалась к Фомке. — Внемли моему предупреждению-ю-у-у-у!

— К-какому-у-у? — спросила, зная, что с привидениями лучше не спорить.

— Бегите, иначе будет поздно-о-о, — продолжало шептать привидение.

— К-куда бежать?

— Правильный вопрос — не куда, а через что.

И вот тут я раскрыла глаза, потому что завывания и шепот сменил совершенно обычный насмешливый голос, не узнать который я не могла.

— Артефакт! — закричала так громко, что Фомка, в ухо которого влетел этот вопль, подскочил на кровати. Он подскочил, а кровать просела. То есть, когда Фомка после прыжка приземлился обратно, ножки нашего двуспального ложа подкосились, и мы рухнули на пол вместе с провалившимся днищем, а солнечный поганец исчез, я его даже увидеть не успела.

Что я говорила про волшебных духов? Что они лучше привидений и в уши не завывают? Забудьте об этом!

— Какого лешего здесь происходит? — попытался выбраться из-под обломков ложа Фомка.

Я не сумела ответить, а напарник поозирался в темноте, пошарил среди постельного вороха и извлек меня наружу.

— Артефакт, — выдохнула, все еще окончательно не придя в себя. Вот так всегда случается, когда мирно спишь или сладенько дремлешь, и вдруг происходит резкая побудка. Мы с Фомкой малость ошалели.

— Что он сказал?

— Уходить, пока не поздно, и что правильный вопрос — через что.

Повторив слова артефакта, я вдруг ощутила, как в колотящееся сердце потихоньку закрадывается паника, и в тревоге покосилась на закрытую дверь, ожидая, что в любой момент ее могут открыть со стороны пока еще тихого коридора. Лихорадочно пошарив вокруг себя, нащупала одеяло и протянула его напарнику.

— Вот, Фомка, рви, будем связывать и выбираться через окно.

Взъерошенный сыщик потер глаза, потрянул головой, собираясь с мыслями, но спорить не стал, ухватился своими ручищами за дырявое одеяло и за несколько минут порвал его на ровные полосочки, которые я тут же связала между собой. Напарник привязал наш канат к ножке тяжеленного комода возле окна, а потом посадил меня на подоконник и взялся страховать. Поправив лямки рюкзака, я покрепче уцепилась за импровизированную веревку и начала осторожно ползти по стене, поглядывая вниз и замирая при каждом подозрительном шорохе.

Благо спуск прошел удачно, я подергала веревку, подавая сигнал, а сама прижалась к стене гостиницы, встревоженно вглядываясь в освещенный лунным светом тихий пустынный двор. С виду все выглядело очень мирно, но что, если именно сейчас к двери нашей комнаты кто-нибудь подбирается? Может, вызванные хозяином бандиты или погоня, затаившаяся в темном коридоре, осторожно крадутся, надеясь взять нас тепленькими?

Фомка с кряхтением перебрался через подоконник и стал спускаться. Я напряженно следила, как напарник перебирает ногами по стене. Со стороны комнаты некому было присмотреть за ножкой комода и обмотанной вокруг нее веревкой, да и сам сыщик уродился малость тяжеловатым, возможно, тяжелее дубовой, сделанной на века мебели. В ответ на мои мысли в ночной тишине отчетливо проскрипело, а затем хрустнуло.

— Быстрее! — громко шепнула я.

Напарник стал активнее перебирать руками и ногами. До земли оставалось расстояние примерно в мой рост, когда не выдержали веревка или комод. Фомка рухнул вниз и приземлился прямо на свои полупопия. Я успела отскочить в сторону, а потом кинулась к напарнику, пытаясь помочь охающему товарищу подняться. Потерев седалище, Фомантий помянул парой ласковых всех, кому вздумалось мешать мирным путникам спать, приплел к списку короля и его прихвостней, прошелся немного по тем идиотам, которые крадут чужие артефакты, и напоследок вспомнил волколотика. Выговорившись, он с чистой совестью закинул на плечи свой

вещмешок и хлопнул меня по плечу.

— Пошли, раз надо бежать и на сегодня сон откладывается, — и первый направился к ответвляющейся от более широкого тракта тропинке, уводящей в темный лес, который неприветливо шумел на ветру листочками.

Глава 7

ВОЛШЕБНИЯ И АЛЛЕРГИЯ К МАГИИ

Кого напоминают двое сыщиков лучшего агентства в королевстве рано утром после ночного марш-броска по колючим кустам и непролазным чащам? Лесных разбойников. А как они себя при этом чувствуют? Как примитивные одноклеточные. Голова мало что соображает, ноги идут чисто по инерции, но стоит притормозить, и всем телом встретишься с матушкой-землицей.

Боюсь, что добрести своим ходом до границы после подобного путешествия мы вряд ли смогли бы. Именно по этой причине, выбравшись на дорогу и услышав за поворотом скрип колес, мы не рванули обратно в лесное убежище, а замерли на обочине, с надеждой вглядываясь в предрассветный туман.

— Эгей! — долетел окрик, и на дороге показались две разноцветные повозки, на которых расположились бродячие артисты. Маленькие, но крепкие корсольские лошадки тащили свой воз с присущей этой породе выносливостью.

— Эй, путники, — снова крикнул возница, чернобородый дядька в разноцветном колпаке, — куда путь держите?

— В Волшебнию, — просипел в ответ Фомка, — подбросите куда, пока ноги отдохнут?

— А то! Доведем до самых ворот, сами путь во дворец держим, к ихней принцессе! Любит она на бродячих артистов поглядеть. Ну а какие мы странники, если добрым людям по пути не поможем, верно я говорю?

— Верно, верно, — закивали и мы, и сидящие на повозках люди, кто в колпаке, кто в забавной жилетке, а кто и просто в потертой, издававшей виды одежде вроде нашей. Солнышко тем временем потихоньку окрашивало небосвод в серебристо-серые тона, сменявшие чернильный цвет ночи.

— Прыгайте, — гостеприимно предложил хозяин бродячей труппы.

Фомка помог мне забраться во вторую повозку, потеснив кого-то из артистов, сам сел рядом, а я прислонила голову к плечу напарника и, блаженно вытянув усталые ноги, закрыла глаза.

— А ну становись! Слезайте с телег, будем проводить осмотр.

Широкие сияющие ворота чужого королевства были распахнуты, а

стражники дали сигнал сойти на землю всем, ехавшим на повозках.

Телеги завезли внутрь и остановили у небольшой сторожки, из которой вышел приземистый мужичок в колпаке волшебника и, побряхтывая, направился к нашему транспортному средству. Мы вместе с артистами пошли через открытую калитку мимо строгих застывших охранников.

Волшебник обошел телеги вокруг и потребовал у хозяина бродячей труппы документы на въезд, а также королевское приглашение и перечень ввозимых магических вещей и веселящих эликсиров, если таковые имеются.

— Олжужие, малхотики? — вопрошал он громким басом, постукивая длинным посохом по телегам, а зеленое сияние, изливающееся из набалдашника, окружало извилистыми щупальцами и повозки, и замерших в сторонке людей.

— Запрещенного не возим, — отвечал главный артист, — контрабанды не имеем.

Мы с Фомкой встали рядышком со сбившимися в кучку актерами, причем мой напарник оказался рядом с двумя братьями-силачами и в кои-то веки не возвышался над толпой. Братья одобрительно посмотрели на широченную ладонь Фомы, пожали ему руку и по-дружески похлопали меня по спине своими не менее широченными ладонями.

— Цель поездки?

— Развлечение ее высочества, — ответил руководитель труппы.

— Надолго приехали? Когда обратно?

— Через три дня.

— В случае задержки придется оформить временную регистрацию, вы знакомы с правилами?

— Не первый раз приезжаем.

— Тогда вот здесь распишитесь. А паспортов, как я понял, у вас нет.

— Только лицензии свободных бродяг, начальник.

— На этих ваших лицензиях и печати о въезде не поставишь.

— Международный документ, соответствует нормам средикоролевского союза.

— Не учи ученого, и сам в курсе, что такое ваши лицензии. Учти, недолго им осталось, скоро отменяют. А то непорядок, понимаешь.

— Да вот они все, проверяйте, — протянул бланки руководитель. — Здесь оригинальные документы, а здесь — бланки переводов, заверенные универсальной печатью.

Коротышка-маг глянул на толстую пачку бумаг, зевнул, почесал левый

глаз и махнул рукой.

— Загружайтесь в телеги, при въезде во дворец еще одна проверка будет, полный обыск, вы в курсе?

— В курсе.

— Ну и чешите отсюда, — велел волшебник и снова широко зевнул, поглядывая на разгорающийся восход. Почесав бок, он отошел к одному из охранников и спросил: — Когда смена? Запарился уже — всю ночь на дежурстве.

— Да вон скачут, — кивнул такой же измученный на вид страж.

Не дожидаясь смены караула, наши телеги медленно покатали по дороге и, притормозив, пропустили троих всадников, по виду караульных.

— Кого впустил? — расслышала я вопрос.

— Артисты бродячие, принцесса снова выписала.

— Документы проверил?

— Проверил.

— Тут нынче вышел новый указ главного министра. Получили запрос из соседнего королевства — всех досматривать и проверять личности. У них там пара государственных преступников из-под ареста сбежала, ожидают, что могут пробраться к нам. Будьте начеку. Этих внимательно осмотрел, телеги просканил?

Коротышка нервно поправил воротник и кивнул.

— Ну гляди, ты меня знаешь, если какой недочет, шкуру спущу. Смена прибудет скоро, а пока смотрите в оба, чтобы муха не пролетела.

— Вот гад! — вырвалось у меня, когда телеги снова тронулись в путь. Тихо вырвалось, но Фомка расслышал.

— Ты про короля? — шепотом спросил он. — И то верно. Сначала позвал, затем под арест посадил, потом и вовсе другого сыщика взял. Теперь вот до преступников опустил, а мы чисты как младенцы. Хотя... если проболтаемся о поддельной шкатулке, будет межкоролевский скандал.

— Да я не про монарха, с ним все понятно, он о своей шкуре печется, я про мерзкий артефакт. Нет, ну только подумай: «А то поздно будет!» Теперь ты понял?

— Понял, что не успели бы уйти.

— Не уйти, а пройти. Границу не успели бы пройти, но что мешало объяснить по-человечески?

— Так, погодь, это ты сейчас хочешь сказать, что мы могли обычным путем выйти из гостиницы?

Я смущенно промолчала.

— Аленка, — прошипел Фомка, — ну ты даешь, Аленка! У меня зад до сих пор болит!

— Фом, да он нарочно эту фразу подкинул и запутал меня спросонья. Ну ведь уходят через окно, если стоит вопрос: «Через что?»

— Через дверь люди тоже уходят! Нормальные люди! — заявил в ответ напарник. — За это время могла бы уже изучить своего артефакта.

— Он не мой, и он не повторяется, — насупилась я в ответ и перевела взгляд на светлеющий небосвод, по которому уже прыгал первый солнечный луч.

Ну ладно, ничего, и на моей улице будет праздник. Доберусь до золотого, совсем-совсем скоро доберусь. Не ускользнет шарик волшебный. Заполучу в ручки мою пр-р-е-э-эльсть, и уж тогда... — Я злорадненько похихикала и очнулась, когда Фомка ткнул пальцем в бок, привлекая мое внимание.

— Во дворец как попадем без пропусков? — склонился ко мне сыщик. — Посол там проживает. Или у них тоже есть канализация?

— Они же маги, Фом, у них все самоперерабатывается.

— А я на то и намекаю. Чего-то ты, Аленка, уже и сарказма не различаешь.

— Я с некоторых пор приноравливаюсь к иному виду юмора, такому ненавязчивому, наносящему телесные повреждения.

— Хм, ну приноравливайся, запоминай, потом, может, применишь.

— О, еще как применю. А во дворец мы не пойдем. Сначала отыщем мага по имени Джун Шир.

— Тоже пытаться будем? Учти, у меня нет другой рубашки, а эту куда повонючее запихивать не буду.

— Эх, Фома, мы с тобой сейчас как бродяги, ни в один приличный дом нас не впустят, тем более в чужом королевстве. Будем действовать иначе.

— Ну думай, ты у нас в этом деле голова. — И Фомка обхватил меня рукой за плечи, прижимая потеснее к себе, чтобы удобней было шептать на ухо и не вызывать подозрений у наших попутчиков.

— Красивая вы пара, ребяташки! — высказалась вдруг женщина в костюме танцовщицы. Наверное, танцевала она и правда божественно, поскольку особой красотой не блистала. Так обычно и бывает, когда нужно компенсировать талантом неброскую внешность.

— Как свадебку надумаете сыграть, нас вызывайте. Уж такой организуем праздник, всем запомнится! — поддержал ее сидевший по правую руку карлик.

Я умиленно покраснела и обхватила Фомку за талию, сопроводив

объятия очень одухотворенным выражением лица. Все заулыбались, а я, прижавшись головой к плечу напарника и занавесив лицо волосами, продолжила шептать дальше:

— Есть у меня одно подозрение. Смотри сам, подделку изготовили в Волшебнии, это раз, золотой листок делали там же, это два, а вот поставщика магических вещей королевский двор менял лишь единожды, это три. Отсюда вывод: Джун Шир, оплативший странные манипуляции нашего слуги с листком, очень даже в курсе свойств этой вещи, более того, он может быть непосредственно связан с тем самым поставщиком, которого сменили. Он из нацменьшинств, так слуга говорил, то есть представитель коренного населения Волшебнии, у них основы мастерства передаются из поколения в поколение, а хранитель сказал, что заказы двор делает только у проверенных магов. Посол сразу отпадает, у него явно нет задачи магические штучки изготавливать, а вот Шир подходит под все определения и может оказаться тем поставщиком, которого сменили. Как и в нашем случае — взяли да убрали слишком много узнавших сыщиков.

— Логично, — коротко, но емко подтвердил напарник, — попытки откладываются. Будем давить на самолюбие?

— Еще как будем. Фомка, а как нам получить результат экспертизы по составляющим того самого раствора, если мы удрали из королевства?

— Не бойсь, на этот случай все продумано, Савсенович передаст по своим каналам результат. Выясним про пятно, будет тебе еще кусочек пазла.

— Да, — я широко зевнула, — пазлы — это хорошо.

Прикрыв глаза и покачиваясь в такт движению телеги, я так и уснула на своем мягком напарнике.

...Когда транспорт затормозил, дверца кареты отворилась, и мне подал руку мужчина в красной бархатной маске под цвет моего роскошного платья с длинным мерцающим шлейфом. Я отметила про себя удивительное изящество красивых длинных пальцев и в то же время их крепость, говорящую о явной принадлежности сильной мужской руке, и спустилась на землю у крыльца высокого сияющего дворца. Казалось, что его шпили пронзают небо, а под ногами вдруг оказались облака. Повернув голову к спутнику, который уверенно новел меня вперед, я вдруг резко затормозила, разглядывая, как губы мужчины изгибаются в знакомой усмешке.

— Артефакт! — прошипела, выдергивая руку и делая шаг назад.

— Алена. — Он непостижимым образом оказался совсем близко, а

ладонь разместилась на моей талии.

— Злыдень, что ты здесь делаешь? Я ищу тебя в другом месте.

— Ищи, неповторимая, это твоя работа.

— Ну, знаешь ли! — Я возмущенно сложила руки на груди, а вокруг все вдруг поплыло, подернулось дымкой, и на смену великолепному, освещенному разноцветными огнями сияющему дворцу пришел сад. Золотой сад, поскольку все растения в нем казались сделанными из золота.

— Где это мы? — позабыв про возмущение, огляделась, рассматривая совершенно нереальное место.

— В волшебном саду.

— Я вижу, что он волшебный. Где он находится?

— Там, где находился всегда.

— Какой же ты! — Я вновь развернулась к самому вредному существу на земле. — Сколько можно говорить загадками?

— А по-другому я не могу, прелестная.

— Ах, конечно, помню. Задавай правильные вопросы. Хорошо, про тебя не спрашиваю, про окружение тоже, но зачем я здесь?

— Потанцевать.

Вы видели, как у людей лица вытягиваются от удивления? Мое сейчас точно так же удлинилось.

— Я не буду танцевать, я на работе. Мне скоро допрос предстоит вести. С пристрастием.

— Очень жаль. — Артефакт натурально вздохнул, но из рук меня не выпустил, а, наоборот, положил на талию еще и вторую ладонь. — А я ждал того, что последует в конце.

— А что последует? — отклонилась я как можно дальше в его крепких объятиях. Еще чуть-чуть сожмет, и дышать станет труднее.

— В конце романтического танца следует умопомрачительный поцелуй.

— Вот кто-кто, а уж ты мне, — я специально выделила «мне» интонацией, — вряд ли сможешь помрачить разум своими поцелуями. Будь ты, например, Миком... — Я романтично вздохнула, а артефакт промолчал.

С подозрением взглянула в лицо мужчины, ожидая увидеть досаду или гнев, но имела счастье лицезреть очаровательную улыбку.

— И поцелуя я лишен вместе с танцем?

— Ты всего лишен. За вредность.

— А Мику все можно?

— Ему да. Мечте все дозволяется.

— Это ужасно, — с притворной мукой застонал артефакт. — Так я еще

поцелуев не добивался!

Отпустив меня, он вдруг развернулся вокруг собственной оси и превратился в Мика.

— Ой! — Я выдохнула в восторге — полнейшее сходство!

А Мик уже протянул руки, и я сама шагнула в его объятия, устроила ладошки на плечах и стала счастливо вглядываться в темные глаза, светившиеся совсем не Мининым лукавством.

— Есть разница, — я нахмурилась, — у него взгляд...

— Не важно, — перебил Мик-артефакт, — для обычного сна ты поразительно много думаешь, а я заслужил поцелуй за обращение. — И — склонился ко мне.

— Хм, высоковат для Мика, по росту как Фомка.

— Твоя привычка все анализировать убивает романтику момента, — заявил в ответ не-Мик, а я пожала плечами.

— Все так говорят. Ничего не могу поделать, это профессиональное.

— И как с этим быть? — озадачился фальшивый сыщик, глаза которого блестели слишком весело. — Сон для этого специально и придуман, а ты целоваться не хочешь.

— А на что тебе? — сразу же заподозрила я прохиндея в коварных целях. Прищулив глаза, вгляделась пристальней в лукавую физиономию, которая все больше становилась похожа на артефактскую.

— У меня чисто исследовательский интерес.

Интерес исследователя был настолько ближе моему сердцу, что я прониклась и решила пойти на уступки.

— Обратись кем-нибудь милым и не таким ехидным, тогда подумаю.

— Лапушка, ты просто вьешь из меня веревки, — заявил артефакт и вдруг стал котиком. Большим таким, белоснежно-пятнистым котиком.

— Ой, — восторженно выдохнула я, зарываясь рукой в мягкий мех прижавшегося к моему боку пушистика.

— Это у кого такие ушки, кто у нас такой хорошенький, уси-пуси, — засюсюкала я, ухватившись за морду большого барсика с янтарными глазищами, — так я тебя точно поцелую, — и прижала нос к мокрому носу котейки. Кот фыркнул и чихнул, а потом непостижимым образом поднялся на задние лапы, обхватил меня передними и по плечи обернулся мужчиной. Когтистые лапы очень нежно обняли меня за спину, острые коготки чуточку вдавились в кожу сквозь тонкую ткань платья, а вокруг моей талии обмотался длинный мягкий хвост. Это белоснежное чудо тут же привлекло внимание и показалось даже соблазнительнее вытянутых трубочкой мужских губ. Я не смогла удержаться, чтобы не погладить то, что само

просилось в руки, и словила совершенно нереальное выражение на лице артефакта. Ладонь как-то сама дернулась и провела по хвостику против шерсти.

— Фрр, — дернулся и скривился артефакт, прищурил на меня один глаз и окончательно выпустил из очень даже мягких и теплых объятий.

— Гладить не умеешь, — заявил он и с силой вытянул хвост из моих не желавших разжиматься пальцев. А потом, невзирая на явное разочарование, укоризненно взиравшее на него с моего лица, еще раз обернулся и лишился своей самой привлекательной части. Сад вокруг нас вдруг тоже замерцал и исчез, как и мое чудесное платье.

— Эй, а где же... — Я разочарованно покрутилась, глядя на привычные штаны и рубашку не самой первой свежести. Выстирать их более тщательно не было времени.

— Платье прилагается к поцелую и романтическая атмосфера тоже, — твердо заявил мерзавтус и, обаятельно улыбнувшись, стал похож на невиннейшего ангела. Потом как бы между прочим нежно провел пальцами по моей щеке, убрал в сторону выбившиеся пряди, опустил ладонь по плечу, руке и ниже, еще ниже, уже почти неприлично низко — и вдруг меня ущипнул.

— Эй! За что? — Я резко открыла глаза и увидела приземистые домики на том берегу, фруктовые сады вокруг них и небольшой мостик, у которого остановилась телега артистов.

— Пошли, Аленка. — Напарник снова меня ущипнул, приводя в чувство, и, прыгнув с телеги, протянул ко мне руки.

Я с готовностью упала в сильные ручки, а потом, прощаясь, помахала вслед отъезжающей телеге. Нам радостно и синхронно замахали в ответ, повозка с бродячими артистами затряслась сильнее, и в результате парочка лицедеев едва не перевалилась через бортик.

— Фух, — перевела я дух, — решила уж, Фомка, что нас и правда поженят, так что и оглянуться не успеем.

Сыщик философски пожал плечами.

— Жениться — не пропасть, как бы на жену-дуру не напасть.

— Это что еще за присказка такая? Кто здесь жена-дура?

— Не ты — точно. Пока свою светлую голову не выключаешь, дурнеть не начинаешь.

— Сомнительный комплимент, однако.

— Ну а что? Так часто бывает. Ухаживаешь за чудной милашкой, влюбляешься по уши, женишься, а потом девицу будто подменяют. Никакого житья и сладу с ней нет, пилит и пилит каждый день, только и

остается, что локти кусать.

Я прищурила глаз и оценивающе взглянула на Фомку, заподозрив в нем некий тайный опыт на данную тему.

— Откуда такие познания?

— Друганы поделились.

Ладно, друганы так друганы. Не время сейчас тянуть кота за хвост и выяснять подробности. Судя по тому, что мы с напарником попали в розыск, следовало поторопиться.

— Сначала — допрос? — выдвинула я предложение.

— Сначала — под мост.

Я проследила за указывавшей в сторону мостика рукой Фомки и без лишних вопросов последовала за начавшим спускаться напарником. Мост оказался совсем небольшим, однако под ним кто-то оборудовал для себя уютное местечко с дырявым креслом-качалкой, клетчатым пледом и столиком, сооруженным из наставленных друг на друга деревянных ящичков. Поверх них лежали выпуск свежей газеты и чья-то клетчатая кепка, оттенками цветов и материей гармонично сочетающаяся с пледом.

— Вот это да! — присвистнула я, оглядывая сие открывшееся под мостом великолепие. — Камина не хватает для полноты картины. Хотя в той ямке явно в сырую погоду разводят огонь.

— Свободное королевство, — заявил Фомка, — каждый живет, как ему вздумается.

Слова напарника сопровождались весьма необычными действиями вроде снятия сапог и закатывания штанов до колена. Затем Фомантий решительно шагнул в неглубокую воду и стал разгребать ручищами набравшийся под мостиком мусор, уплыть которому не позволяла застрявшая на дне коряга.

Поостерегшись использовать чужое кресло по назначению, я просто наблюдала за сыщиком, заткнув пальцы за пояс штанов и медленно раскачиваясь с носка на пятку. Напарник что-то тихо бормотал себе под нос. Отчетливо я расслышала лишь: «Где этот „би-и-ип“ знак!»

Когда меня уже утомило раскачивание на месте, Фомка вдруг издал столь громкий звук, похожий на рев медной трубы, что я вздрогнула. Вслед за ревом послышался оглушительный хруст, и сыщик прямо у меня на глазах отломил толстую ветку от деревянной коряги. Потрясая находкой, он радостно рванул на берег и сунул ее мне под нос.

— Как Савсенович и обещал... — С этими словами Фомка разломил пальцами толстую ветку, что вызвало у меня приступ кашля (я знала, конечно, что напарник силен, но все равно впечатлилась), а затем извлек

наружу небольшой непромокаемый тубус, а из него — свернутое в трубочку письмо.

— Что там?

— Результат экспертизы.

Не скажу, что сильно удивилась, поскольку за последнее время успела познакомиться со многими методами работы начальника, однако все же уточнила:

— Заранее договорились?

— Ага. Перед нашим побегом. Он описал основные пункты связи в разных королевствах и знак, который нужно искать.

Не подвел все же Савсенович, повезло нам с ним.

Только я хотела спросить о результатах, как послышался звук шагов, а затем под мост спустился весьма колоритный... мм... мужчина в твидовом пиджаке с заплатками, потертых кожаных брюках и жокейских сапогах, начищенных до зеркального блеска.

Приметив нас с Фомкой и оглядев наши выдавшие виды наряды, одиозный господин весьма решительно заявил:

— Уважаемые, не обессудьте, но это теплое местечко уже облюбовано мной. Присмотрите себе другую берлогу.

Однако!

Это была единственная мысль, возникшая в голове в ответ на прозвучавшую тираду. Местечко я бы назвала более сырым, чем теплым, а учитывая способность мусора издавать далекий от приятного запах, местечко было еще и с душком.

— Не претендуем, — разделил мое возмущение напарник и схватил меня за руку. — Пошли.

— Дико извиняюсь, любезные, — прозвучал в спину приятный баритон, ставший на пару тонов глуше после того, как гостеприимный хозяин узрел отступление возможного противника. — Мы прежде встречались?

— Мы редко посещаем столь необычные места, — вступила я в диалог, не удержавшись от желания ввернуть что-нибудь в ответ. Просто из-под моста меня еще не прогоняли, да и за бродяжку не принимали. Как-никак я уважаемый сыщик с дипломом! Умные люди всегда за версту чуяли опытную ищейку и тут же начинали глубоко уважать (так, на всякий случай).

— Я вас точно где-то видел... — В этот миг собеседник звонко шлепнул себя по лбу. — На заборе!

— Чего? — обернулся к одиозному господину Фомка, и на месте

несчастливого бомжа я не стала бы продолжать разговор, почуяв в тоне сыщика угрозу. Но жизнь под мостом, очевидно, убивает инстинкт самосохранения на корню, ибо собеседник упорствовал.

— Точно, точно, на заборе.

А ведь в Волшебнии на заборах только гадости рисуют и пишут, а еще похабные стишки развешивают и картинки сомнительного характера! Об этом даже у нас в королевстве немало баек ходило и присказка имелась: «Коли знатный чистоплюй, на заборе не малюй».

— Так это же вас ищут! — радостно воскликнул между тем господин бомж. — У меня превосходная память на лица, а вы на каждом втором заборе висите!

— Надо подправить ему намять, — буркнул Фомка, выпустил мою ладонь и стал решительно спускаться обратно.

— Э! — попытался испугавшийся бомж остановить прущий буром локомотив «Фомантий».

— Да я как бы не возражаю, висите себе. Я за свободу личности, разве не понятно?

— Чего непонятно? — глухо спросил мой напарник, уже держа бродягу на весу и прижимая кулак к длинному носу собеседника.

— Что я свободный волшебник и состою в секте таких же свободных волшебников. Ведь все мы селимся в местах наибольшего духовного раскрепощения.

Кулак прижался к носу еще плотнее и сделал господина еще разговорчивее.

— Да вы о сектах не слышали, что ли? Мы за жизнь вне границ. Прочь материальные блага! Даешь свободу духа!

— Давно здесь? — мотнул головой в сторону речки Фома. Он явно раскусил сектанта с первой громкой фразы про свободу. В коротком вопросе сыщика разом уместились его мнение о пресловутых сектах и понимание того, что нас сейчас пытались впечатлить примитивной бравадой.

— Дня три, — смешался сектант под пронизывающим взглядом моего напарника, — я днем прихожу, обретаю свободу духа, а потом домой. А то сырость, знаете ли.

— А многих коренных волшебников в городе ты знаешь? — решила я подключиться к разговору, пока свободный сектант, внезапно превратившийся в свободного допрашиваемого, висел в руках Фомки. Предположив, что три дня маловато для обретения истинной внутренней раскрепощенности, я сделала вывод, что нашего бомжика привлекали

подобные эксперименты и он мог сменить немало сект, а следовательно, завести немало знакомств.

— Еще бы! Почти всех! — выдал, не моргнув глазом, наш одиоз, но тут же чуть громче прогнусавил: — Самых коренных, я хотел сказать. Кореннее не бывает.

— Это хорошо, — улыбнулся в ответ Фомка, чем вызвал у собеседника нервную дрожь. — Нам тут один адресок нужен...

— Может, вломиться без разговоров, и все дела?

Кажется, напарник начал входить во вкус пусть и энергозатратных, но быстрых способов получения информации.

— Он же маг, Фомка. Коренной к тому же. А тут проникновение со взломом, есть оправдание для применения магии. А нас в Волшебнии и так не жалуют. Додумались же — на забор повесить!

Напарник кисло взглянул на меня и вновь посмотрел на выкрашенную синей краской дверь с медным молоточком и белым резным наличником.

— Обмозговать нужно, — задумалась я, подперев рукой голову.

Как и водится в таких случаях, умная мысль пришла опосля, минут через десять, когда вымотанный бессонной ночью Фома почти заснул рядом.

— Ну конечно, — выдача наконец, — есть идея! Чтобы он впустил нас спокойно и без лишнего шума, мы должны проникнуться высоким духом или что-то в этом роде. Пришло время отринуть все мирское, Фомка.

Напарник в ответ широко зевнул и ответил:

— С тех пор как перестал спать на удобной кровати, я и так все отринул. Мне не привыкать.

Подойдя следом за мной к двери, Фомка скромно замер за спиной и наблюдал, как я стучала и терпеливо ожидала ответа.

— Чего вы хотите? — Перед нами предстал высокий господин с длинными белыми волосами. Внимательно оглядел сначала меня, потом — еще более внимательно — Фомантия.

— Уделите нам минутку драгоценного внимания, уважаемый волшебник, — добавив в голос чуточку подобострастия, обратилась я к хозяину жилища.

— Кто такие?

В тоне господина тут же прорезалось высокомерие.

— Мы из общества свободных волшебников, — смиренно сообщила я. Господин скривился.

— Не интересуюсь, — и попытался захлопнуть дверь.

Носок Фомкиного ботинка очень удачно продвинулся вперед и застрял в проеме, не дав закрыться входу в вождеденное жилище.

— Значит ли это, что вы выступаете против свободных сект? — Мой голос растерял все подобострастие и обрел соответствующие моменту строгие и чуточку грозные интонации. — Назовите ваше имя, мы немедленно занесем вас в список противников нашей «Ассоциации свободных сектантов».

Волшебник, не знакомый с процедурой обретения душевного равновесия, растерялся и чуточку подался назад. Воспользовавшись его замешательством, я тут же протиснулась в просторную прихожую со словами: «То есть вы все же уделите нам время? Замечательно!»

Хозяин малость ошалел от нашего напора и от того, что двое оборванцев, не разуваясь, прошлепали через его прихожую прямо в небольшую гостиную и развалились на диване с жутко наглым и самоуверенным видом. Я бы на его месте тоже с точно таким же наливающимся малиновым жаром лицом разглядывала двух наглых «свободных просвещенцев», однако вступать в противоборство с сектой волшебник явно не собирался. Ну а дальше его мысли приняли совсем иное направление, поскольку я быстро отбросила в сторону замашки просветленного на всю голову жителя свободного королевства и приступила к допросу:

— Джун Шир, как я понимаю?

— Верно. — Теперь на лице субъекта медленно проступало удивленное недоумение, смешанное с неопределенным подозрением.

— А не хотите ли поделиться с нами информацией относительно похищения золотого артефакта?

Подозрение на лице мужчины сменилось прозрением, и я возгордилась тем, как ловко удалось просветить совершенно незнакомого волшебника, не прибегая к методу проживания под мостом. Я просто прирожденная сектантка!

Тем временем Джун Шир прошел к свободному креслу и устроился в нем с максимальным комфортом. Он явно не боялся двух сыщиков, которые пожаловали в его дом с допросом.

— Зачем мне что-то вам рассказывать? — спросил он. — Я нахожусь на территории своего королевства, а ваши полномочия тут недействительны.

О да, он был абсолютно и бесповоротно прав. Даже Фомка не смог бы сейчас припереть этого типа к стенке — в прямом и переносном смысле. Ну а раз не получается надавить на объект допроса, следует его убедить —

золотое правило сыска.

— Совсем не обязательно делиться с нами информацией, ведь нас отправили именно за украденным вами артефактом. В вашей ситуации нелогично поддаваться на уговоры, — подтвердила я правоту позиции мага, чем в очередной раз спровоцировала его недоумение.

— Совершенно верно, — тут же поддержал меня напарник, — вам не нужно признаваться в содеянном, поскольку мы даже не имеем права допрашивать вас или применять физические методы убеждения.

Недоумение проявилось еще сильнее.

— Мы приехали больше посочувствовать, — выразила я искренние соболезнования, — ведь именно вам придется теперь иметь дело с этой золотой сво... предсказателем, когда он обернется живым человеком, и обращать его тоже будете вы.

— Точно, точно, посредством поцелуя, — подтвердил Фомка.

— То есть?.. Какого поцелуя? — побледнел маг.

Ага! Стало быть, относительно особенностей артефакта он до сих пор не в курсе! Можно дожимать.

— Страстного, — очень выразительно подсказала я, — чтобы артефакт не утратил на рассвете физическую оболочку и обратился сильнейшим магом наших королевств. Намного сильнее всех прочих!

— Что поделатъ, — добавил Фомка, добивая сверх всякой меры пораженного волшебника, — раз вы его украли, на вас и ответственность, а наш долг донести до вас эту информацию. Теперь артефакт не оставит вас в покое.

— Как не оставит? Почему только меня? А в кого он обратится? — нервно уточнил Джун Шир, попутно схватив голубую бутылку с водой и отхлебнув прямо из горлышка.

— Ну-у, — протянула я, подав знак Фомке, — в мужчину примерно вот такой комплекции.

Напарник в это время продефилировал мимо открывшего рот Джун сначала в одну, потом в другую сторону, повернулся вокруг собственной оси и продемонстрировал правый, а затем левый бицепс. Маг был впечатлен, если не сказать — убит наповал.

— Как же...

— А вот так, — решительно и с необходимой долей жалости в голосе огорошила я вспотевшего волшебника. — Будьте начеку. В ночь обращения артефакт явится к вам, дабы требовать долг. А теперь нам пора. Прощайте.

— Нет, стойте, стойте! — завопил маг. — Его прочат в мужья принцессе, пусть она его целует, а не я! Чего бы о волшебниках ни болтали,

а я совсем не по этой части. Пусть он... пусть он другого... Да хотя бы посла, который придумал план. Я просто выполнял поручение — почти не по своей воле! Это же все из-за вашего короля, это ему вздумалось сменить поставщика после выполнения невероятно сложного заказа! А ведь мы со всем справились!

— Вот только не надо давить на жалость, — отмахнулась я. — Не первый год на службе, наслушались уже.

— Но вы просто не в курсе событий, — всплеснул руками испытываемый на прочность маг.

Фомка показательно зевнул, а волшебник повысил голос и принялся во всем сознаваться.

— Наш коренной промысел — это изготовление волшебных вещей, взаимодействующих с другими магическими предметами. А король Просвещения всегда делал заказы у нас, поскольку услуги на высшем уровне. В компании «Шир и сын» работают на совесть. У нас только избранные клиенты. Вы представьте себе, какой это был удар, когда пришло послание от королевского секретаря, гласящее, что в наших услугах более не нуждаются. Отец просто поверить не мог. А потом на наш запрос они еще постфактум и пояснение прислали, представляете? Предмет, мол, оказался бракованным.

Волшебник в волнении прошагал к письменному столу и вытянул из стопки бумаг лист с гербом нашего королевства.

— Вот, — сунул он бумажку мне под нос.

Я пробежала послание глазами, внимательно отметив дату.

— У нас никогда не было брака! Отец подобного не перенес и — вы только представьте! — теперь совсем не в себе. Занялся изготовлением детских игрушек. Забросил дело всей своей жизни — и совершенно неприлично счастлив!

Речь нашего оратора потрясала экспрессией, я же широко зевнула и с ленцой произнесла:

— Месть по статистике лежит в основе одной пятой всех совершаемых преступлений. И оно вам надо было?

— Официальный отказ вынудил меня обратиться к советнику. Он пообещал помочь с дальнейшими заказами в обмен на услугу. А еще я обязан был добиться справедливости, воззвать к истине.

— Ну так добились, теперь всем будет счастье.

— Послушайте, ответственность за процедуру обращения лежит вовсе не на мне. План принадлежал послу. Я лишь рассказал ему о шкатулке и шаре с натуральной проекцией артефакта для случаев, если кто-нибудь

станет настаивать на проверке. А все остальное — это не я.

— Да ладно, кому вы врите? Подкуп слуги — это вы, раствор, обладающий свойством примагничивать к любым предметам, — это вы, опять же украденный артефакт передали вам через слугу. Не отвертитесь, господин хороший!

— Да я его даже до королевства не донес! У меня его на полпути выкрали! Ищите этого ворюгу! Какой-то жутко вонючий тип оглушил меня и забрал шар. Ему-то и обращать предсказателя!

А вот это уже новость! И кажется, от отчаяния нам первым ее выболтали. Сдается, даже посол не в курсе случившегося.

Я так и подскочила с дивана, поскольку была уверена, что мы почти дожали похитителя артефакта и скоро шар нам вынесут на тарелочке с голубой каемочкой.

Джун, расценив это как окончательное решение покинуть его жилище и не искать больше никакого артефакта, вцепился в рукав моей рубашки. Бедная рубашка затрещала по шву и явила миру стремительно увеличивающуюся дырку.

— Эй, это же порча личного имущества! — воскликнула я теперь уже безо всякого притворства.

— Прошу прощения. — Волшебник махнул рукой, и дырка исчезла, а рукав окрасился в ядовито-желтый цвет.

— Это еще что? — Мое возмущение буквально плескало через край.

— Секунду, секунду, я же не волшебник по швейной части.

Джун снова махнул руками, и мои штаны вдруг стали укорачиваться и превращаться в неприлично обтягивающие кожаные бриджи черного цвета, а моя рубашка резко уменьшилась до топики ядовито-желтого цвета, тоже очень обтягивающего.

Задохнувшись от возмущения и позабыв обо всем на свете, я бросилась к магу и схватила его за шею, желая задушить. Оттаскивал меня Фомка, а когда оттащил на безопасное расстояние, загородил собой Джуна.

Не успела я заподозрить сыщика в излишнем человеколюбии, как уяснила причину столь странного поведения. Разозлившись на Шира за порчу единственной относительно приличной одежды, я не заметила показавшийся из-за высокого воротника-стойки кусочек серебристого шнурка. Да чтоб его! Это же защитный магический амулет, который срабатывает при нападении! Фомка умудрился заметить его раньше, пока я душила мага, вот и бросился ему на помощь. Я даже за голову не успела схватиться, как вдруг завывла сирена и по периметру комнаты замерцала частая решетка.

— Попали, — коротко резюмировал напарник.

Глава 8

ПРИСТАЛЬНЫЙ ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

— Ну что скажешь? — лениво вопрошал Фомантий, развалившись на узкой лавке и закинув руки за голову.

— Скажу, что камеры у них маловаты. И где это видано, чтобы мужские камеры делали смежными с женскими?

— Да это начальник группы облавы явно что-то перепутал. Погляди, на той стороне коридора на дверях всех камер значок — леди с зонтиком. По ходу дела тебя просто впихнули в мужскую.

— Где глаза были у этих болванов? Я как женщина имею право на место в женской камере!

— Да они у них были вон там, — Фомка показал пальцем на мою обтянутую желтым топиком грудь, — а у некоторых вон там, — и напарник ткнул мне за спину, намекая на обтянутую кожаными штанами выпуклую периферию.

Запрокинув голову, я тяжело выдохнула, глядя на высокий потолок, с размаху хлопнулась на деревянную скамью и тут же пожалела о степени собственного размаха. Периферия ощутимо заныла, а зубы клацнули, чуть не прикусив кончик языка. Я подперла голову ладонью и собиралась подумать, но тут же быстро обернулась и глянула в конец длинного коридора, откуда донеслись звуки шагов.

Погромыхивая ключами и шаркая ногами, к нам приближался начальник тюрьмы, о чем ясно свидетельствовали нашивки на его эполетах.

— Ну что, попалишь, голубчики? — широко осклабился он. Начальник довольно посмотрел на Фомку, а потом перевел взгляд на меня, и его улыбка постепенно угасла. Просто мужчина рассмотрел мой топик и штаны. Он в недоумении покосился на камеры напротив, потом почесал макушку и вновь уставился на меня. Глаза его упорно не желали подниматься на должную высоту, и как начальник ни старался, не мог оторвать взгляда от моей груди.

— Э-э-э... — изрек он.

Закатив глаза, я снова тяжело вздохнула. Вот тебе и «э-э-э». Скоро эта буква превратится в мое новое имя, поскольку такой звук с некоторых пор

стали издавать все встреченные мужчины. Неудивительно, конечно, учитывая моду Волшебнии — длинные бесформенные балахоны, всевозможные плащи и платья до пола.

— Вы по какому вопросу? — решила я остановить этот поток свободного сознания.

— Я как бы... ы-ы-ы.

— На допрос нас пришли сопроводить?

— Э-э-э... — Мужчина снова почесал макушку.

— А кто будет допрашивать?

— Н-у-у... — Невозможность сфокусировать взгляд крайне пагубно сказывалась на мыслительных способностях главного тюремного зрителя.

— Эй, Фом, — вздохнула я, — давай ты.

Напарник нехотя поднялся с лежанки, подошел к решетке своей камеры, отделенной от моей толстыми металлическими прутьями, и попытался привлечь внимание начальника.

— Эй, мужик! Эй! — Он пощелкал пальцами перед носом впавшего в созерцательную задумчивость собеседника. — Что там с допросом?

С величайшим трудом начальник повернул голову в сторону Фомы, и то только потому, что я удалилась к своей койке, улеглась на нее и сложила руки на груди. Жаль, что я того горе-волшебника не додушила.

— Так шами определяйте, — собрался наконец с мыслями шепелявый субъект, — тут нарушения по двум штатям. Первая — это перешагивание границы и жлонамеренное укрывательство от представителей официальных властей. Вам следовало явиться по повинной, было бы смягчающее обстоятельство. Надзорный пограничной службы отправил бы вас обратно в Провешентию. А вместо этого вы напали на коренного волшебника. Подобные тяжкие правонарушения ижучает шам шоветник его величества.

— Шам шоветник ижучает?

— Шам шоветник.

— И что нам выбрать?

— А за какое нарушение хотите понести наказание? Выбирайте либо надзорного пограничной службы, либо шоветника. У них кабинеты рядом, так что проведем, куда вам надо.

— А кто строже спрашивает? — попробовал сориентироваться напарник.

— Так шоветник, ясное дело. Надзорный вам права жачитает и обелителя предоставит, а тот расштолкует мотивы вашего поштупка. А

шове́тник приближенный, он плевать хотел на швободные жаконы. Его, ежели что, шам король обелит.

— Не врешь?

— Жуб даю.

— Ну тогда нам к...

— К шове́тнику, — вмешалась я, пока Фомка не успел выбрать «надзорного».

Напарник бросил на меня быстрый взгляд, еле заметно качнул головой и разочарованно вздохнул.

— Точно, что ли? — донельзя удивился начальник.

— Точно, — очень грустно отвечивал Фомантий.

Когда пораженный начальник тюрьмы удалился, заявив напоследок, что сегодня советник, в отличие от надзорного, точно не примет, Фомка подкатил к решетке и уставился на меня тяжелым взглядом.

— Ну и? — очень выразительно спросил напарник.

— Хочешь знать, почему советник?

— Попрошу по порядку. На кой тебе понадобилось бросаться на волшебника? Это часть плана?

— Чистой воды импровизация. Вzbесил он меня. Фомка. Сначала похитил артефакт, из-за чего на нашу с тобой голову свалились все неприятности, а потом еще и потерял его. Я ведь была уверена, что мы вот-вот получим золотого, а тут такое разочарование. Ну а то, как он мою одежду непонятно во что превратил, стало последней каплей. Хотя теперь думаю — что произошло, то к лучшему.

— Ну-ну, — сложил руки на груди напарник, продолжая сверлить меня недобрым взглядом.

— Сам посуди. — Я поудобнее устроилась на лавке, уперла локти в колени и принялась убеждать Фомку в том, что все сложилось замечательно. — На заборе наши с тобой лица только ленивый не видел, а значит, путь из Волшебнии и возможность дальнейших поисков закрыты. Нас все равно отловили бы на границе, а потом передали в рученьки нашего любимого монарха. Ну а там сам знаешь, какие перспективы. Нам же с тобой позарез нужно двигаться дальше, и теперь есть реальный шанс. Надзорный по долгу службы обязан возвратить нас королю Просвещению как беглых преступников, а вот советник сам себе голова. Слышал ведь, что говорил начальник. Советнику закон не писан, и творит он, что хочет, исходя из личных и королевских интересов.

— И? — Злой Фомка не отличался разговорчивостью.

— А то, что раз существовал сговор нашего мага с послом короля,

значит, и здешний монарх в курсе аферы, а следовательно, и советник — тоже. Тут о шкатулке те, кому надо, знают и молчат, поскольку им выгодно забрать артефакт себе. Никакого межкоролевского скандала не будет, хотя обиженный маг и проболтался о подделке.

— Конечно, не будет, — смилостивился наконец напарник, — тогда ведь им придется сознаваться в воровстве, а это уже второй межкоролевский скандал.

— Да. Наш вредный артефакт нужен всем, а тут два королевства мухлюют внаглую.

— Хочешь договориться с советником?

— А что местные власти от этого теряют? Ну вернут нас королю, тот отыщет артефакт с помощью других сыщиков, женит его на принцессе и снова заполучит предсказателя. Мы же предложим свои услуги в обмен на свободу. Пообещаем, что найдем шар и доставим его на центральную площадь в день обращения. А как им дальше действовать, пусть решают сами.

— И на основании чего мы дадим такое обещание?

— А что нам остается? На площади мы окажемся в любом случае, либо доставим шар, либо нас казнят.

— Верно, — вздохнул Фомка.

Вариант с побегом мы не рассматривали, ведь в случае побега пострадают наши близкие. Если преступник сбежал, в качестве замены арестуют другого представителя семьи. У Фомки есть младшая сестра, а у меня, скорее всего, отвечать вызовется отец. А еще Савсен Савсеновича поведут на казнь.

— Эх, окажись сейчас этот маг рядом, еще раз его придушила бы, — от всей души высказалась я.

— Я тоже, — поддержал Фомка, — какие у тебя планы по дальнейшему расследованию? Сложила уже пазлы в голове?

— Кое-что есть. Теперь, по крайней мере, загадка с пустыми ларцами решена. Подделку король у нас отобрал, а настоящий ларец украл маг Шир. Помнишь, как слуга натирал золотой листок? Это ведь тот самый магнетический раствор, результаты экспертизы которого прислал Савсен Савсенович.

— В отчете написано, что он примагничивает волшебную вещь к любой другой.

— Вот именно. А хранитель сокровищницы рассказывал, что листок всегда указывает на артефакт, поскольку он реагирует на волшебство и притягивается именно к магическому предмету, то есть к нашему золотому

шару. А в случае с раствором полюс магнита сбили, и листок указал на обычную, не волшебную шкатулку. Потому хранитель ошибся и вынес послам реальный артефакт.

Смотри сам: пинцет, листок и поддельная шкатулка — все находилось в тайниках совсем рядом. Помнишь, какое количество посетителей являлось во дворец в те дни? Просителям приходилось выносить настоящую шкатулку для предсказаний, а послам и прочим соискателям королевских милостей — поддельную. Немудрено запутаться. А тут вдруг золотой листок указал на подделку. Думаю, хранитель решил, что случайно перепутал шкатулки местами. Меня, правда, сначала смутило, что слуга разлил раствор, хотя и не весь.

— Это не имеет значения, — заявил Фома, — в результатах экспертизы четко написано, что достаточно даже небольшого количества раствора. Он не теряет свойства при разведении водой. По сути, со своей задачей служба справился. Меня интересует другое, Аленка. Кого нам теперь искать?

— А это хороший вопрос. Известно, что вор жутко вонял, а это наводит на определенные мысли.

— Тьмутумия?

— Ага. Это там у нас полное невежество, и вонять, как мы с тобой после канализации, местные жители почитают чуть ли не хорошим тоном.

— Значит, если договоримся с советником, отправимся прямиком в инквизиторское логово?

— Отправимся, — тяжело вздохнула в ответ. — А я, как назло, в такой одежде. Как пить дать, за ведьму примут.

— Если советник пойдет на сделку, может выдать нам и соответствующую экипировку.

— Надеюсь, а то после общения с начальником местной каталажки у меня насчет советника нехорошие предчувствия. Как бы не нарваться на кого-то похлеще нашего любимого короля.

— Вот завтра и посмотрим, — довольно оптимистично заявил напарник и спокойно направился к своей койке. — Как знаешь, Аленка, а я больше думать не в состоянии. Пора спать.

Услышав через минуту раскатистый храп, я только вздохнула и устроилась поудобнее на своем жестком ложе. В голове роилась сотня мыслей, я боялась, что не успела связать все ниточки и что-то упустила из вида, однако, как правильно заметил Фомка, думать сейчас получалось плохо, и я решила последовать примеру напарника и заснуть. Но когда провалилась в сон, все и началось...

...Приглушенный бой барабанов, звон медных монет, украшающих наряды танцовщиц, смуглые гибкие тела, извивающиеся в страстном танце, запах пота и дорогих благовоний. Полумрак, укрывающий от царящей за стенами дворца духоты, воздух, наполненный негой, легкий ветерок от движений большого опахала, шевелящий прилипшие к шее завитки темных волос.

Зевнув, взмахом руки отослала танцовщиц. Рабыни склонились до самой земли и поспешили покинуть полукруглый зал. Их место заняли загорелые полуобнаженные мужчины. Барабаны забили громче, задавая дикий первобытный ритм, и мои рабы вскинули вверх руки, припали на одно колено и вновь вскочили на ноги, закружившись в танце, исполненном необузданной страсти.

Скучно. Поведя плечами, высвободила левое из шелка бордового платья с глубоким вырезом на спине и снова взмахнула рукой. Музыка резко оборвалась, а невольники склонились до земли и покорно покинули зал.

— Чем развлечь тебя, о величайшая царица? — с отчаянием спросил один из доверенных приближенных, пав ниц и раскинув в стороны руки. — Ничто тебе не мило.

Я махнула рукой, отсылая проявившего непомерное усердие придворного, тот побледнел и отполз назад, не смея подняться на ноги рядом с тронном.

— Может, тебя развлечет казнь, о прекраснейшая? — выступил вперед высокий крепкий мужчина в красном колпаке с прорезями для глаз. — Твои воины с величайшим риском для жизни изловили наконец твоего злейшего врага. Его за мешок золота предал самый близкий друг, и теперь бунтовщик в нашей темнице.

В душе восторгался интерес, и я приподняла брови, а палач тут же поклонился и подал знак стражникам, стоявшим у дверей зала.

Через несколько минут из коридора донесся звон тяжелых цепей. В комнату втащили пленника. Он шел, гордо выпрямив спину, на коже виднелись следы ударов и порезов, спекшаяся кровь выделялась темными пятнами на загорелых, блестящих от пота мускулах, короткая набедренная повязка прикрывала бедра до середины. С обеих сторон бунтовщика держали по три высоких крепких охранника, цепи обвивали его шею, грудь и руки, а на ногах поблескивали кандалы. Он был огромен, выше всех окружавших его мужчин, но казался обессиленным, поскольку голова с золотистыми кудрями то и дело клонилась на грудь.

Я повела указательным пальцем, ткнула им на подножие трона, пленника подтащили ближе и бросили передо мной на колени.

— Вот, несравненная, тот, кто столько времени баламутил твой народ, призывая восстать и свергнуть свою законную и светлейшую царицу. Прикажешь казнить его прямо сейчас у тебя на глазах? Мы увенчаем его скальпом центральный вход во дворец.

При этих словах пленник поднял голову и взглянул прямо на меня. От пристального взгляда янтарных глаз, в которых не светилось и толики покорности, по коже побежали мурашки, а дразнящие огоньки в темной глубине расширившихся зрачков дарили пьянящее возбуждение.

Я видела, как пленник медленно поднимается на ноги, несмотря на то что его пытаются сдержать шестеро сильных мужчин, а потом одним движением разрывает свои оковы. Послышались испуганные возгласы и крики, а я даже не успела испугаться. Одним быстрым и гибким прыжком хищника узник бросился вперед и за руку сдернул меня с трона, прежде чем охрана успела выхватить мечи. Холодный клинок прижался к моему горлу, а спина коснулась его обнаженной груди.

— Если хоть один из вас шелохнется, кинжал проткнет шею вашей царицы. Бросьте оружие!

С металлическим звоном на каменные плиты пола посыпались клинки и кинжалы, а вся охрана и все подданные испуганно отступили к стене и смотрели, как пленник тащит меня к дверям, а затем дальше по коридору к высокому окну.

Он схватился за длинную веревку, свисающую с той стороны.

— Сторонники не оставили меня, царица, — шепнул он на ухо, легонько скользнув губами по моей щеке. — Теперь ты станешь пленницей.

Сильная рука сжалась вокруг моей талии, и узник выпрыгнул из окна, а я едва успела крепко схватить его за шею, чтобы не соскользнуть вниз.

Путешествие к подножию высокой башни было опасным, а веревка выглядела слишком хрупкой для того, чтобы удержать на весу два тела и не оборваться, но мой похититель оказался на удивление ловок. Он спустил нас вниз, и при этом на моем теле не появилось ни одной царапины.

Потом бунтовщик затянул меня на качающийся на волнах бурной реки плот и обрубил толстый канат. Вода потащила плот вниз по течению, унося нас все дальше от спасительного дворца. Судьба оказалась жестокой, оставив меня на волю опасного похитителя.

— Я мог бы бросить тебя в воды стремительной реки и стать полноправным правителем этих земель, — низким чувственным голосом заговорил со мной бывший пленник, — но я слишком долго ждал нашей

встречи.

При этих словах он выпустил из рук длинный шест, прикрепленный к основанию плота, и, притянув меня к себе, крепко прижал к своей груди. — Один поцелуй для недостойного, о гордая правительница, и я подарю тебе свободу, — прошептал он.

Его лицо неумолимо приближалось к моему, а я откинулась назад, запрокинула голову, плаваясь в жарких объятиях, и не думала о сопротивлении.

Его губы оказались совсем близко, еще мгновение — и они готовы были прижаться к моим устам, но вдруг похититель страстно выдохнул: — Я буду величать тебя своей несравненной Розабундой.

Ушат холодной воды или бурные воды реки — и то не оказали бы на меня такого отвезляющего воздействия.

— Кем?! — визгливые нотки моего оказавшегося на редкость противным голоса резанули слух обоим.

— Тебе не нравится? — удивленно спросил мужчина, отстранившись. Янтарные глаза сверкнули, и я могла бы поклясться, что в их глубине загорелись смешинки. — Могу ли я осмелиться называть тебя более ласково — Розабундушкой — о царица?

Я зашипела в ответ, все мысли о поцелуях и пленниках испарились из головы. Тогда я увидела, как постепенно тает мой шелковый наряд, превращаясь в топик и кожаные штаны, волосы пленника начинают испускать золотистое свечение, а янтарные глаза сверкают неприкрытой насмешкой. И вот тогда я его вспомнила!

— Артефакт! Сволочь!

Подавшись вперед, навалилась на зашедшегося в приступе веселого смеха мужчину и придавила его к плоту. Схватив за шею, стала изо всех сил трясти, приговаривая:

— Кто тебя украл, мерзавец?

Веселый смех оборвался, а оценивающий взгляд артефакта прогулялся от моего лица вниз, к обтянутой топилом груди, губы сложились буквой «о», а руки медленно поползли от спины к бедрам.

— Не смей меня лапать, гад! И немедленно отвечай, где ты? Где ты, артефакт? Я сейчас тебя придушу!

...Неожиданный удар по спине чем-то мягким, но увесистым, заставил открыть глаза. Тряхнув головой, я огляделась. В полумраке проявились очертания небольшой камеры, освещенной первыми лучами восходящего солнца.

— Фомка, ты обалдел? — перевела осуждающий взгляд с лежащей возле скамейки подушки на стоящего по ту сторону решетки напарника.

— Это тюрьма, Аленка, — рванул рубаху на груди напарник. — Смекнула?

— Не очень. Ты меня сильно оглушил.

— Светает уже.

— Все равно не смекнула.

— Люди спят на рассвете! — рявкнул напарник. — Очень уставшие люди! Сыщики там всякие и остальные криминальные элементы. Звукоизоляцией в камерах и не пахнет, а ты стонешь: «Артефа-а-а-акт».

— Да... — Я задохнулась от возмущения. И кто бы не задохнулся? Я ведь почти прижучила сиятельную заразу и выудила полезную информацию, а тут Фомантий с его звукоизоляцией. — Подумаешь, потерпел бы немного. Я так страстно стонала, что ты подскочил, хотя обычно тебя из пушки не разбудишь?

— Ты больше рычала, и громко. Спасибо скажи, что подушку бросил, а то вон оттуда, по соседству, могли и миской запустить.

Я посмотрела на соседнюю камеру. В утреннем полумраке за решеткой можно было разглядеть лишь очертания тела под одеялом, из звуков до меня доносилось громкое сопение, а из запахов — непередаваемое амбре винного перегара.

— Если его сейчас что-то и разбудит, Фомка, то только бутылка опохмелительной наливки. Зря меня поднял.

Я широко зевнула, улеглась на спину и, глядя в потолок, начала прокручивать в голове подробности сна. Напарник прошлепал обратно к своей скамье и тоже устроился с максимальным удобством.

— Лады, — снова слышался голос Фомки, — в следующий раз воздержись от подушки.

И так это прозвучало, что сразу представилась увесистая жестяная миска, летящая в мою голову.

— Типун тебе на язык. И этих двух снов за глаза хватило.

— И чего ему от тебя надо? — любопытствовал сыщик.

Вот пусть Фомка как хочет, а люблю его, и все тут. Сразу и по существу вопросы задает, а выводы сам делает, подробностей не выпрашивает.

— Поцелуя.

— Всего-то. — Фомантий громко зевнул, а я яростно фыркнула в ответ. — Так поцелуй его — он и сниться перестанет.

— Да сама уже готова, лишь бы отстал. Но он, поганка сверкающая,

сначала пристаёт, а потом как выкинет что-нибудь этакое, что сразу придушить охота, даже во сне. И слабости мои изучил, мерзавтус, знает, как я к именам чувствительна. Розабундушкой назвал! Да я его за это так окрещу! Будет он у меня Какакий Артефактович.

Фомка хмыкнул и уточнил:

— Ну а полезного во сне чего было? Или так, гредишь потихонечку?

— Не грежу! Внушенный сон, как пить дать. А по содержанию я его пытаюсь проанализировать, но подсказок так с ходу не вижу.

— А-а-а, — потерял интерес к моему сновидению Фомка, — ну, в следующий раз повнимательней смотри и рычи потише.

С этими словами он отвернулся к стене и тут же захрапел.

Менталист, определенно менталист. Только у них бывает подобный пронзительный изучающий взгляд, который ощупывает тебя так, что это ощущаешь физически. Теперь стало понятно, отчего начальник тюрьмы столь сильно удивлялся нашему желанию пообщаться с советником. Я вот в данный момент сама себе удивлялась и очень хотела попасть в тот, другой кабинет, по соседству, перед которым выстроилась целая очередь. К советнику короля, кроме нас с Фомкой, за все это время не заглянул ни один посетитель.

Зато нас встретили, можно сказать, очень приветливо. Улыбнулись так, что озноб по телу прошел, и ласково указали на два стула перед письменным столом.

Я глядела на сидящего напротив русоволосого мага с темно-зелеными глазами и размышляла на тему: внушат нам сейчас сотворить что-нибудь не слишком приятное или отделаемся обычным допросом?

Менталисты, по общему мнению, являлись самыми опасными среди волшебников, с ними связываться не желал никто. Они, если хотели, могли такие мысли в голову вложить, что по собственной воле и с большой радостью пойдешь, например, топиться. Хотя, если посмотреть с другой стороны, к особо внушаемым слоям населения мы с Фомкой не относились. Сыщиков обычно считали на редкость твердолобыми и упертыми личностями, на которых тяжело воздействовать ментально. Легче всего поддавались внушению эмоционально-неуравновешенные, а еще подверженные разным слабостям натуры. Тут главное — отыскать эту слабость и на нее надавить.

А еще с такими вот магами простые и действенные методы уносить ноги (типа точного удара в челюсть) не работали. Менталисты чувствовали направленную против них агрессию и успевали предпринять необходимые

контрмеры.

В данный момент советник короля Волшебнии сложил ладони лодочкой и сверлил нас взглядом, не спеша приступать к допросу, точно прощупывал эмоции и наслаждался нашим явным замешательством.

— Ну-с, — выдал наконец маг. — Перейдем к сути вопроса?

— Перейдем, — слаженно кивнули мы с напарником.

Советник улыбнулся еще ласковей и подарил нам нежный взгляд.

— Не желаете ли в чем-нибудь сознаться, так сказать, чистосердечно?

Мне в этот момент сразу же захотелось сознаться, вот только понятие «в чем-нибудь» было столь растяжимым, что я глубоко задумалась, не зная, с чего же конкретно начать.

Советник расценил наше молчание как отказ и перешел ко второй стадии допроса.

— Ну-с? Вы и есть те беглые государственные преступники, которых велено отловить и препроводить обратно в Просвещению со всеми мерами предосторожности?

Он поднял светло-бежевый лист с вензелями по краю и зачитал:

— Ваша цель «разжечь межкоролевский конфликт, очернить путем бредового навета своего законного государя и правителя и нанести вред двусторонним дружественным отношениям». Ну-с, — чиновник выдержал паузу и снова смерил нас взглядом, — разжигайте, я жду.

Мы с Фомкой переглянулись, напарник открыл было рот, но снова его закрыл. И я была с ним солидарна. После ночи в тюрьме на конфликты не тянуло, а вести себя хотелось законопослушной некуда.

— Ну-с, молчим? А если так? — Он взглянул на нас еще пристальнее, и у меня вдруг заболела голова. Судя по тому, как рядом вздрогнул напарник, тошнотворной мигренью накрыло и его.

— Не хотим мы конфликтов, честное слово, — с трудом удерживаясь, чтобы не обхватить голову руками, простонала я, и боль немного отпустила, — мы же, наоборот, желаем мира во всем мире. — После этих слов боль утихла.

— Ну-с, и каким образом этого достичь? — заинтересовался советник.

— Путем справедливого распределения волшебных ресурсов, — со всей искренностью ответила я.

Брови советника заползли на лоб и там удивленно изогнулись.

— Я имею в виду волшебный артефакт, который сейчас, перед обращением, жаждут заполучить все королевства. Хотя непонятно, зачем он нужен вам, магам?

— К большому сожалению, — снисходительно улыбнулся советник, —

редчайшим даром предсказания не владеет ни один волшебник.

— Вот и прекрасно, — обрадовалась я и тут же исправилась: — Печально, конечно. Потому мы и желаем уравнивать шансы, так сказать. Мы с напарником находим артефакт, доставляем его на центральную площадь родной столицы, где собираются представители всех королевств, и уже там происходит дележ.

В этот момент я так красочно представила, как все желающие вцепились в артефакт с разных сторон и пытаются разорвать на много маленьких артефактиков, что почувствовала невиданные воодушевление и энтузиазм.

— И вы даже не клянетесь доставить шар в Волшебницу в обмен на собственную свободу, когда поиски увенчаются успехом?

— Нет.

— Ну-с, и почему?

— Вы ощутите ложь, — привела я самое очевидное объяснение.

Советник довольно прищурился и посмотрел на меня чуточку другим взглядом.

— Девушка-сыщик, какое необычное сочетание, — он даже причмокнул, — а у вас в стране такие наряды приняты как униформа?

Я пожалала плечами, не пожелав вдаваться в подробности. Обратил-таки внимание и даже «э-э-э» не сказал. Действительно опасный тип.

— Ну-с, это предложение устраивает меня тем, что не придется отправлять на поиски людей, несведущих в данном деле. Вы в курсе всех подробностей... ведь так?

Кивать смысла не было, маг уже и сам знал ответ.

— Вот! На месте вашего правителя я бы тоже постарался заткнуть вам рты и подобрал бы более сговорчивого следователя. Более преданного короне, так сказать.

Хотелось возмутиться и заметить, что мы тоже преданны, но в данном случае благополучие короны грозит небольшим отделением головы от тела, а следовательно, приходится действовать по обстоятельствам. Да и язык мы за зубами держали, про шкатулку проболтались вовсе не мы, а их собственный маг, нарушивший все правила профессиональной этики. И это при том, что не являлся изготовителем! Нашему королю следовало на всякий случай взять клятву о неразглашении еще и с сына своего мастера.

— Ну-с, ладно, — решил закруглиться с разговорами советник, — насколько я знаю, времени до обращения осталось мало. Я готов подписать пропуск с вольной грамотой, чтобы продолжились поиски, — эту фразу он адресовал почему-то Фоме, — а в качестве гарантий оставим в Волшебнице

вашу напарницу.

Последние слова подкреплялись обращенной в мою сторону многообещающей улыбкой и выразительным взглядом на обтягивающий топик.

Мне же вдруг показалось, что советник очень даже неплох, возможно, снабжен парой-тройкой кубиков на прессе, которые я смогу пересчитать при более близком знакомстве. А еще улыбка у него такая... обволакивающая.

— Воды? — спросил маг, когда я попыталась откашляться, прочищая пересохшее горло. — Дистиллированной или минералочки?

Он вынул откуда-то из-под стола голубую и зеленую бутылки и собирался наполнить стаканы.

— Минералочки, — схватил голубую бутылку Фомка и за минуту ее опустошил.

— Это была дистиллированная, — недовольно буркнул советник, с подозрением поглядывая на оттягивающего ворот рубашки сыщика. — Ну-с, вы можете идти. Чтобы было быстрее, готов выделить вам средство передвижения — ковер-самолет. Вот техпаспорт на ваше имя. — Советник быстренько черкнул пару строк на бланке, пододвинул его к Фомке и указал на свернутый рулон в углу кабинета. — Я вас не задерживаю.

Напарник кивнул и поднялся, а его кулак, напротив, опустился и пришелся советнику прямо промеж сверлящих меня глаз. Представитель официальной власти Волшебнии разом окосел и аккуратно сполз под собственный письменный стол, а меня вдруг... отпустило.

Схватив зеленую бутылку, я отпила минералочки и шумно выдохнула.

— Фух! Фомка! Как ты умудрился? Напасть на менталиста нереально, а он даже угрозы не ощутил.

Напарник потер лоб, внимательно глянул на временно отключившегося от мирской суеты советника и объяснил:

— Я и не думал нападать, случайно получилось. Аллергия у меня с детства. Передоз неестественной магии вызывает необъяснимую и неконтролируемую агрессию. Вот видишь, — ткнул он пальцем в советника.

— А при чем здесь неестественная магия? Мы ведь в волшебной стране!

— А что естественного в том, чтобы я о мужике... э-э-э... неприлично так думал?

— Ты, значит, тоже кубики на его прессе считал?! — осенило меня. Мозги прочистились, и голова снова стала мыслить ясно.

— Ну-у, кхм... почти. Ладно, Аленка, пошли, пора нам с тобой в Тьмутъмию поспешить.

— Постой, — я схватила напарника за рукав, — меня не пропустят. Бумаги на тебя выписаны.

Фомка тут же схватил со стола бланк, словно желая удостовериться, что моего имени в нем нет, а удостоверившись, снова задумался.

— Оставить тебя одну не могу, Аленка. Савсенович не зря именно тебя главной в расследовании поставил, ему виднее. Значит, понимал, что у тебя все шансы раскрыть дело. Да и маги эти, — приятель бросил выразительный взгляд в сторону советника, — доверия не внушают. Хотя, конечно, внушают, но, однако, искусственно.

Я была согласна. У меня, кажется, тоже начинала развиваться аллергия на магов и всяких волшебных личностей типа артефактов, сопряженная со вполне объяснимой, но неконтролируемой агрессией.

Это же надо внушить мне, честной девушке, неприличные мысли!

В голове возникла одна догадка, которую я поспешила проверить. Решительно направившись к советнику, присела рядом на корточки.

Вот же — гнус! Обманул и глазом не моргнул. Никаких кубиков под рубашкой не оказалось. А ведь я усомнилась на мгновение — откуда им взяться при сидячей работе?

Пока я убеждалась в том, что ментальное воздействие не отражает истинной сути вещей, Фомка вытащил из угла определенное ему транспортное средство.

— Так, Аленка, топай сюда, — напарник расстелил ковер на полу, — ложись. — Он указал на волшебную вещицу ручной работы.

— Фомочка, а может, не надо? — жалобно спросила со слабой надеждой, что отыщется другой способ сбежать из Волшебнии.

— Надо, Аленка, надо! — стоял на своем Фомка.

С глубоким вздохом я легла на край ковра, сложила на груди руки, обреченно закрыла глаза и через пару минут оказалась плотно закатанной, как килька в жестяной банке. А потом меня в ковре перекинули через мощное Фомкино плечо и понесли к выходу.

Глава 9

В ТЕМНОЙ-ТЕМНОЙ ТЬМУТЬМИИ

Огни Волшебнии остались далеко позади. Мы с Фомкой летели в ночи навстречу абсолютно темной Тьмутьмии. Рассмотреть государство, чьи фонари гасли, едва на землю опускались сумерки, с высоты птичьего полета не представлялось возможным, однако мы делали ставку на правильность введенных параметров. А как иначе, если битых полчаса мы с напарником знакомились с инструкцией по эксплуатации ковра-самолета, а потом старательно скручивали нужные ниточки в слово «Тьмутьмия» и еще минут десять ждали окончания навигационного поиска? Когда все ниточки выплетенного нами названия приобрели равномерный зеленый окрас, ковер наконец-то взлетел.

Я тут же с комфортом устроилась на животе, свесив голову вниз и вдыхая свежий воздух прохладной ночи вместо удушливой пыли выдавшего виды самотканого транспорта. Фомка, покряхтев, уселся рядом, поджал ноги, обхватил колени руками и стал изучать звезды над головой. Вольготно разлечься, как это сделала я, он не мог физически, ведь в таком случае некоторые части его тела попросту свесились бы по сторонам ковра. Из-за тяжести напарника летающее средство самую малость проседало и кренилось, но соскользнуть я не боялась ввиду примагничивания пассажиров любой комплекции и веса к поверхности подобных парящих конструкций.

— Поспать, что ли? — зевнул Фомка. — Давно уже летим.

— А еще бы поесть, — поддержала я напарника, а меня поддержал заурчавший желудок.

— Кто на вахте? — решил уточнить сыщик.

— Я могу не спать, — тут же вызвалась поработать волонтером.

— Хех, — хмыкнул Фомка, — не желаешь снова повстречаться во сне с артефактом?

— А какая разница? В любом случае кто-то должен дежурить. Нельзя обоим уснуть и оставить ковер без присмотра. Так что устраивайся, — щедро предложила я Фомантию и даже сдвинулась чуточку в сторону. Напарник снова принялся кряхтеть, пытаясь устроиться на ковре в полулежачем положении, потом свернулся в три погибели, использовал мою спину в качестве подушки и затих.

Я же снова посмотрела вниз, вгляделась в ночь — на далекой земле различались неясные очертания и темные участки, перемежающиеся со светлыми пятнами.

Самым приятным для нас с Фомкой явился момент прибытия, когда ковер внезапно затормозил в воздухе, а потом стал плавно опускаться на землю. Он долетел до самой границы и не сбился с пути, чего мы втайне опасались.

Если говорить откровенно, у Тьмутьмии граница была односторонней. Так случается, когда войти в государство может каждый, а вот выйти из него — только избранный. А все потому, что если тебя избрали (ведьмой там или колдуном), то никуда ты уже не выйдешь.

— И как мне здесь перемещаться, Фомка? — спросила я сыщика, разглядывая маленькую пустую будку и поднятый шлагбаум. — В таком наряде меня даже из Волшебнии выпускать не хотели.

— Предлагаю замотать тебя в ковер.

В ответ на это предложение я отскочила от сыщика на безопасное расстояние.

Ну уж нет! Второго закатывания я не переживу. Да я и при первом едва дотянула до выхода на коврово-взлетную площадку. Хорошо еще на самой площадке проверяющие отсутствовали, поскольку у Фомки имелся пропуск, и нас впустили безо всяких проблем. Но снова дышать ковролином, нафталином и пылью я была не готова.

— Лучше давай я его как плащ поношу, пока мы до первого постоянного двора не доберемся?

— Ковер вместо плаща? — усомнился Фомантий.

— Ну... мало ли? Кто в темноте разглядит, да еще когда кругом ни души?

— Лады, — немногословно согласился напарник и собственноручно накинул ковер мне на плечи. Я немного сгорбилась, но стойко понесла наряд на себе, подметая длинным шлейфом землю и придумывая кары всем мастерицам, которые не додумались выткать это чудо техники более легким. Конечно, можно было сбросить «плащик» на землю, но вдруг откуда ни возмись возьмется инквизитор? Они ведь всегда так появляются — неожиданно. Нет уж, лучше чуток помучиться, чем потом оправдываться, что я не ведьма и наряд такой ношу не ради введения в соблазн всяких там слуг божественного провидения, а исключительно ради удобства.

Постоялый двор с уютным названием «У инквизитора» обнаружился в

паре километров от границы, когда я уже была готова снова переместиться внутрь ковра и позволить Фомке меня нести. Заведение это хоть и не озарялось снаружи фонарями, согласно законам страны, однако привлекало различных блудников (блуждающих в ночи без освещения) своими ярко блистающими в темноте окошками.

Хозяин заведения оказался чрезмерно любезным господином с заискивающей улыбочкой на лице.

— Выделить два номера? Что вы, конечно, это не проблема! — Он живенько вытащил из-под стойки два ключа с деревянными гирьками, на которых были вырезаны цифры.

— Это ваш, — протянул один ключ Фомке, — в мужском крыле. А это ваш, — гирька легла в мою ладонь, — в женском.

«Все как во дворце», — подумалось мне. И тут же вспомнилась дракон — дворцовая экономка родом из Тьмутьмии.

Внезапный взрыв хохота отвлек меня от воспоминаний, и я оглянулась на дубовые створки, похожие на подвешенные на петлях ставни. Они отделяли комнатку со стойкой от освещенного свечами зала с прибитой над входом дощечкой «Салун». Именно его окна так заманчиво блистали в ночи, привлекая на постоялый двор тех, кто в этой ночи шатался.

— А у вас во всех комнатах такие двери? — заволновалась я, обратив внимание, что входили мы через такие же «ставни».

— Имеете в виду пендельтюр? — слащаво улыбнулся хозяин. — Что вы, только здесь. Это новшество — ноу-хау нашего заведения. Разработано для удобства гостей. Они открываются в обе стороны и даже закрывать не нужно, пружины сами возвращают дверь на место.

«Удобненько», — оценила я пендельтюр, а пока смотрела на «ставни», из зала вдруг вышибли одного из посетителей. Двери плавно открылись, пропуская вылетающее тело, а потом снова закрылись. Я же отдала должное простоте названия, составленного, очевидно, из двух слов: «пендель» и «тюр», созвучного «тур», куда с помощью этого пенделя и отправляли.

— Шумновато у вас здесь, — заметила я.

— Что вы, что вы! Салун работает только до часа ночи, а потом мы гасим все свечи. Здесь, на границе, существуют определенные послабления в законе об освещении, но ему все равно приходится следовать. Просто сегодня как раз день заезда туристов из Небоскребии. Приехали нервы пощекотать. Не хватает им среди цивилизации острых ощущений. Казни посмотреть желают да байки местные послушать. Вот вы знаете, что эта гостиница построена на перекрестке, где прежде совершались казни?

Именно здесь стояло древнее поместье, принадлежащее самому Черному инквизитору.

— Кому-кому? — поинтересовалась я больше из вежливости, чем из желания слушать местные байки.

— Черному инквизитору! — замогильным шепотом повторил хозяин.

Впрочем, по его дальнейшей речи и богатой мимике, которая должна была внушить ужас слушателям, я догадалась, что эта байка рассказывалась не одну сотню раз.

— Он был самым безжалостным из всех инквизиторов, сражался с ведьмами и колдунами. Немало их запытал в застенках своего поместья, но однажды совершил роковую ошибку, приняв за ведьму невинную деву. В день своей гибели она прокляла злосчастного палача.

— Невинная дева смогла проклясть инквизитора? — Я не сдержала любопытства.

— Конечно! — и глазом не моргнул рассказчик. — Спустя три дня и три ночи его тело было найдено бездыханным, и с тех самых пор неупокоенный дух инквизитора бродит по опустевшему поместью. Каждому, кто встречает его, он предрекает скорую смерть, которая непременно случается в указанное время. Однако охотников повидать зловещего духа все равно немало.

— Почему? — Врал хозяин складно, даже интересно стало.

— Потому что дух может указать на клад, который при жизни инквизитор спрятал где-то в доме.

— Вот как? — уточнила я.

— Истинная правда! — поклялся хозяин.

— А откуда на месте казни взялся перекресток, если прежде в Тьмутьмии не было дорог, а граница проходила километров за пятьдесят отсюда? Если не ошибаюсь, в то время здесь росли непроходимые чащи, и, чтобы притащить сюда осужденного на казнь, нужно было продрасться сквозь настоящие заросли.

Эх, сыщичья моя натура. Ну что стоило просто кивнуть, а не пытаться вытянуть подробности выдуманной для привлечения туристов истории!

По сузившимся глазам и сердито поджатым губам стало ясно, какими эмоциями в данный момент проникся ко мне хозяин заведения. Еще бы! Вместо ожидавшихся боязливых охов и испуганных взглядов по сторонам я разрушила его легенду! Ну а с другой стороны, не люблю я призраков, вот и пытаюсь заранее распознать, проживают они в этом месте или можно спокойно спать всю ночь, не опасаясь услышать потусторонних шумов.

Все-таки зря не согласилась с версией древнего поместья и зловещего

духа, это я поняла уже тогда, когда нас вывели во внутренний двор. Квадратный участок опоясывало по сторонам деревянное строение, разделенное перегородками на небольшие комнаты с такими хлипкими дверями, что их вполне можно было заменить на пендельтюр.

Сверху шел еще один ярус, так сказать, второй этаж, на который вела шаткая деревянная лесенка. Там же, под лестницей, обнаружилось небольшое помещение без двери и с дыркой в земле.

— Санузел, — пояснил хозяин.

То есть попросту открытый туалет.

— А помыться у вас есть где? — решила задать вопрос. Фомка все это время упорно молчал и мало реагировал на происходящее. У меня даже закралось подозрение, что с момента прибытия он не прекращал спать, пусть и с открытыми глазами.

— Могу налить воды в тазик, — с видом великомученика ответил хозяин.

— Что вы, не хочу вас утруждать, — поспешила я отказаться, — как-нибудь обойдусь.

— Женское крыло у нас здесь, — показал на первый этаж владелец постоянного двора, — а мужское вон там, — он махнул вверх. — Ваша комната, — указал мне на низкую дверцу. — А вас я провожу, — обратился к Фомке. — Нужно подняться по лестнице, комната в самом дальнем конце коридора. Большая часть апартаментов уже занята.

Я проводила удаляющегося напарника тоскливым взглядом и направилась к своему временному жилищу. Внутри все оказалось еще проще, чем снаружи: деревянная скамья с поднятым изголовьем, которое, судя по высоте, призвано было заменить подушку, и расстеленная циновка. Стол, приколоченный к стене с одной стороны, с другой опирался на две палки, рядом — колченогий стульчик.

Отужинать хозяин не предложил, напротив, заявил, что кухня уже не работает и придется дожидаться завтрака. Потому пришлось растянуться на циновке и попытаться уснуть. К этому моменту я уже достаточно устала, и сил практически не было не то что на споры, даже на уговоры.

Когда начала проваливаться в глубокий сон, жуткий грохот прямо над моей головой заставил подскочить на жестком ложе. Протерев глаза, взглянула вверх — потолок буквально ходил ходуном, и со второго этажа доносился ужасный треск.

— Ломай перегородки, мужики. — Раскатистый бас прозвучал так громко, словно говорящий находился рядом. — Тащи наливку, братки.

Я застонала в голос. Ну неужели этой ночью не удастся поспать хотя

бы несколько часов? Голова гудела, тело болело, каждая косточка ныла и требовала хоть немного, хоть самую малость животворящего сна. Однако никому, кроме меня самой, до этого не было ни малейшего дела.

Буйство наверху продолжалось уже второй час, когда я не выдержала. Если бы Фомка находился рядом, попросила бы его разобраться, но будить измученного не меньше меня сыщика ужасно не хотелось.

Ведь могут туристы войти в положение бедной уставшей девушки и согласиться вести себя чуть-чуть потише? Мне много не надо, всего лишь чуточку, чтобы заснуть мертвым сном.

Дотащив свое брненное тело до второго этажа, я остановилась на деревянной террасе напротив двери, за которой раздавались смех и убойные вопли. Решив, что тихий стук не привлечет ничьего внимания, с ноги распахнула незапертую хлипкую створку, которая поддалась мгновенно. Застыв снаружи, нацепила на лицо вежливую улыбку.

Внутри внезапно замолчали.

— Видали, мужики, — раздался знакомый бас, — дверь сама открывается.

— Это Черный инквизитор, — поддержал его кто-то более тонким голосом.

— Да наврал индюк-хозяин, — опроверг эту мысль бас, — сии истории для лошпетусов, а мы не такие.

Скрип отодвигаемого стула сменился звуками тяжелой поступи, и в дверном проеме возникла коренастая фигура бритоголового парня в цветастой рубашке с распахнутым воротом и в шортах, разрисованных заморскими пальмами.

— Э-э-э, — выдал обладатель раскатистого баса, после чего кинул взгляд через плечо и уточнил, — кто мамзель в номера заказывал?

— Прошу прощения, — я поспешила исправить возникшее недоразумение, — я не мамзель, я ваша соседка снизу. Алена.

С вымученной улыбкой протянула руку. С такими вот элементами за неимением силы иногда срабатывает вежливость. Редко, конечно, и очень иногда, но я понадеялась на удачу.

— Быдлантий, — представился элемент, смачно харкнув на пол.

— Приятно познакомиться. — Скулы уже сводило от желания зевнуть, а зверское настроение, спровоцированное недосыпанием, потихоньку набирало силу, норовя превратить улыбку в оскал.

— Угу, — рассматривал меня Быдлантий, — заходи, раз пришла.

— Разбежался! — Это слово вырвалось как-то само собой вместо более вежливого варианта.

— Чего? — не понял элемент.

— Приезжие вы, говорю? Из Небоскребии? Отдохнуть нагрянули, поразвлекаться?

— Ну... — Быдлантий оперся о дверной косяк, а его взгляд прочно приклеился к желтому топику.

— Нагрянуть нагрянули, а правил не знаете. Нельзя здесь шуметь, — я понизила голос, придав ему зловещести, — древнее поместье и все такое.

— Какое такое?

— Инквизитора разбудите своими криками, он и явится по вашу душу.

— Чего? — снова выдал Быдлантий, умудрившись перевести взгляд на мое лицо. — Эй, а ты же такая дерзкая, за лошпетусов нас держишь? А может, совсем головой тронулась, как эти местные?

— Ага, из местных я, ведьма потомственная, — представилась, позволив улыбке трансформироваться в оскал.

— Ну так чеши отсюда, ведьма, пока ускорения не придали.

— Проклянущая ведь, — зловеще пригрозила я.

За спиной Быдлантия потихоньку собирались любопытные слушатели.

— Эй, Быдль, настоящая ведьма?

— Потомственная, — повторила, уперев руки в бока.

— Чего хочет? — спросил парень с тонким голосом, который больше всех опасался инквизитора.

— Чтобы вы себя потише вели, — пояснила, не давая Быдлю выразить свою точку зрения.

— А похожа на ведьму, — выдал из-за спины Быдля еще один элемент с таким же лысым черепом, — ведьмы все дерзкие.

— Да это дерзкая курица, — вынес вердикт начавший безмерно раздражать меня Быдлантий и для верности грохнул кулаком о дверной косяк, — не видишь, что ли?

— Ну все, ты наварался. — Я-таки озверела.

Следующим моим шагом было — подступить еще ближе к Быдлантию, точным ударом запястья в нос отвлечь его вновь опустившийся взгляд от топики, нежно обнять хама за плечи и познакомить мое колено с его междуножьем. Упирая на эффект неожиданности, я шагнула и... замерла на месте с открытым ртом.

Думаю, именно мой обалделый вид заставил остальных посмотреть за плечо Быдлантия, хотя не исключаю и последствий звуковых колебаний, создаваемых все нарастающими подвываниями, доносящимися из центра комнаты. Я вгляделась повнимательнее — уж больно знакомыми показались подвывания. Прямо над сооруженным из бывших перегородок

столом завис жуткий дух Черного инквизитора в черном-пречерном плаще с черным капюшоном и душераздирающе стонал.

Первым упал в обморок именно Быдлантий, а остальные поспешили последовать его примеру, торопясь притвориться мертвыми, дабы избежать исполнения жуткого предсказания. На ногах устоял только обладатель лысого черепа и тонкого голоса, но и он продержался ровно до слов: «Сокровище закопано под полом салуна».

Последовавший грохот подтвердил, что от счастья люди тоже падают в обморок.

Я сложила руки на груди, разглядывая неподвижные тела небоскребовских туристов. Жуткий дух тем временем поплыл в мою сторону, а когда приблизился, я могла поклясться, что вижу сверкающие в темноте черного капюшона белые зубы.

— Неповторимая, что занесло тебя в столь шумную глушь? Неужели ты не знаешь: привыкшие к тишине сокровищницы артефакты выбирают более спокойные берега?

— Значит, шар здесь проносили, — не столько спросила, сколько заявила я с убежденностью.

— Прелесть, а почему ты не радуешься нашей встрече? Неужели не соскучилась?

— Не успела, виделась недавно — во сне.

— Да ты что? — натурально удивился артефакт, а потом невинно добавил: — Разве сон заменит настоящую встречу?

Прищурившись, я вгляделась в нагло парящую проекцию, которая вновь сверкнула улыбкой из-под капюшона и кивнула в сторону торчащего из стены держателя для факелов.

— Дерни за крючок, прелесть, дверка и захлопнется.

— А что мешает ее просто закрыть?

— Ничего, но тогда замок не заклинит, а они скоро очнутся, — указал на груды туристов артефакт.

Вот это был серьезный аргумент.

Я схватилась за держатель и потянула. Жуткий скрип резанул слух, а потом металлический рот опустил. Но прежде чем дверь и вправду захлопнулась, плиты пола разъехались, и все туристы провалились вниз.

— Это что... — Я задохнулась от возмущения. — Ты же сказал, что дверь захлопнется и замок заклинит!

— Так и есть.

— А какая разница, если сейчас все они в моей комнате?

— Да мало ли комнат, найди себе другую, — щедро предложил

золотой пакостник, — зато твои друзья очнутся теперь только под утро.

Ну если так...

— Это такое своеобразное проявление заботы? — прищурила я правый глаз.

— Эффектное, дражайшая. Тебе понравилось?

— Неподражаемо.

— Все ради тебя, ненаглядная, — отвесил полупоклон неугомонный артефакт и исчез.

Я с чистой совестью отправилась дальше — присмотреть себе комнатку по соседству с Фомантием. Пусть хозяин теперь только попробует запихнуть меня в женское крыло. Что это за разделение такое, если у них посреди ночи мужчины на голову падают?

Рано утром проснулась от настоящего гвалта. Шумная у них глушь, лучше не скажешь.

Когда вышла из самовольно оккупированной ночью комнатухи, нос к носу столкнулась с напарником.

— Ты чего это тут? — удивился Фомка.

— А не понравилось внизу спать, циновки там жесткие. Вот решила в ваше крыло перебраться.

— Дверь-то как открыла?

— Они здесь не запираются, — пояснила я, — если только заклинит.

Внезапно усилившийся шум прервал мои объяснения. Фомка, тащивший на спине рюкзак, а в руке ковер, одним движением развернул чудо-транспорт и водрузил мне на плечи.

— Плащик бы мне хоть какой-нибудь, — жалобно вздохнула я, пока мы шли в комнату, где вчера оформлялись на постой.

— Доберемся до центра, попробуем достать, — ответил Фомка.

Я же тоскливо свела на груди концы ковра с длинными кисточками и потащила шлейф дальше.

Причину шума мы выяснили быстро. Крики и вопли создавались двумя сторонами — а именно, хозяином и туристами.

Быдлантий держал в руках динамит, а хозяин пытался его отобрать.

— Я говорю тебе, сам инквизитор к нам явился, сказал, что сокровища под полом. Сейчас взорвем, и всего делов. Ты совсем дурак, что ли? Отстроишь себе на эти деньги новый салун. Да там бабок на всех хватит!

Владелец постоянного двора, чья вера в инквизитора не была подкреплена явлением зловещего духа, выступал категорически против поисков несуществующего сокровища.

Я быстро потянула затормозившего Фомку за рукав, желая поскорее вытащить его на улицу, но в этот миг меня заметил обладатель тонкого голоса и визгливо выкрикнул:

— Вот она, ведьма! Потомственная! Она на нас натравила инквизитора, потом лишила сознания и перенесла в другую комнату.

И все посмотрели на меня. А я застыла на середине лестницы, вся такая в ковре-самолете, рука небрежно лежит на перилах, голова гордо поднята, рядом двухметровый Фомка в качестве личной охраны. Это вам не ночная вежливая девчушка, а потому:

— Какая я вам ведьма, да еще и потомственная, если я только вчера приехала?

Нет, кабы не вчерашняя стычка с хозяином, я бы гордо прошествовала дальше, махнув на прощанье шлейфом, и никто бы меня не остановил, а так...

— Погодите, погодите, уважаемая! Даже если вы из другого государства, я все равно обязан заявить. Любое подозрение в колдовстве требует справедливого рассмотрения в инквизиторской пыточной.

Нормальное у них название для местечка, где производятся справедливые дознания!

— Им спяну померещилось, — попыталась я отстоять свою невиновность, а для пущей убедительности кивнула на Быдлантия, который воспользовался заминкой и теперь за спиной хозяина пробирался в салун. — Чего людям не пригрезится, а они и рады, только дай что-нибудь взорвать!

Хозяин мигом повернулся, не нашел Быдлантия на прежнем месте и, громко вскрикнув, пулей пронесся в салун, только пендельтюр жалобно скрипнул вдогонку.

— Уносим ноги, пока есть фора, — вцепилась я в напарника.

— Оглушила, значит, и перенесла в другую комнату? — пытал меня Фомка, пока мы тащились по пыльной дороге с рытвинами и колдобинами.

Как не было в Тьмутьмии дорог, так и нет до сих пор, одно бездорожье. Однако это не помешало нам обоим ускориться, когда сзади раздался оглушительный звук взрыва.

— Ты взаправду ведьма, Аленка? — хохотнул сыщик.

— Да какая я ведьма? Окстись, Фом! Я с таким размахом не работаю. Не узнаешь почерк артефакта? Это он знал про потайной рычаг в стене. Думаю, в этой гостинице немало подобных ловушек и сюрпризов.

— Ведьмой тоже он туристам представился?

— Ладно тебе, хозяин все равно на меня зуб имел, в любом случае донос написал бы. Назвалась, не назвалась, без разницы. Зато сейчас, пока разберется со своими постояльцами, мы с тобой далеко уйдем. Жаль, ковер нельзя использовать.

— Засекут нас с ковром. В Тьмутьмии любое волшебство запрещено.

— Интересно, Фом, если инквизиторы в состоянии зафиксировать любой всплеск магии и отследить его источник, то они могли ощутить и воздействие золотого шара с артефактом. Нам бы только узнать, куда двигаться дальше, поскольку, кроме подсказок этого чуда, больше нет никаких зацепок. Я думаю, у них где-то должен быть архив с соответствующими записями. Возможно, в главном храме, нам бы только до него добраться.

— Ты, прежде чем мы снова в историю влипнем, о подсказке расскажи.

— Да ничего дельного. «Неповторимая, что занесло тебя в столь шумную глушь? Неужели ты не знаешь, что привыкшие к тишине сокровищницы артефакты выбирают более спокойные берега?» — процитировала я. «Спокойные берега» — такое растяжимое понятие, что совсем непонятно, где это. Берег озера, моря, реки, да в Тьмутьмии масса водоемов.

— Может, это метафора такая.

— Нет. Все его подсказки можно выделить из остальных фраз именно благодаря подобным зацепкам. Они будто выбиваются из общей речи. А самое удивительное — в образе проекции он дает подсказки, а во сне — нет.

— А что тогда он дает во сне?

— По расследованию — ноль. Сколько бы я ни анализировала, не вижу ничего, кроме нереальных событий, как в обычном сне. Отличие от простого сновидения в том, что я все помню ясно и отчетливо. Сны наваянные, я больше чем уверена, но вот теперь сомневаюсь, что они наваяны артефактом.

— То есть?

— Ну, с одной стороны, все вполне соответствует его манере, а с другой — слишком много пафоса, что ли. А еще сам артефакт очень натурально удивился, когда я ему рассказала о сновидениях, однако ничего отрицать не стал. И меня не оставляет вопрос, для чего это нужно, а еще, может ли предсказатель наваявать выдуманные сновидения?

— Слушай, ну если сны не от него, что ты в них так вцепилась?

— Да потому что кусочков много, но они не складываются в единую

картину, Фомка. Словно какой-то важный элемент упущен. Поэтому я пытаюсь анализировать.

— Лучше всего анализируется на сытый желудок.

Вот с этим не поспоришь.

На кого похожи сыщики лучшего агентства королевства, которым довелось брести по пыльной дороге весь день без еды и отдыха? Они похожи на бандитов с этой самой дороги, и настроение у них соответствующее — бандитское.

До центра мы, естественно, такими темпами быстро добраться не могли, а вот до города, где существовала вероятность разжиться лошадьми, соответствующей одеждой и едой, очень даже способны были добрести.

Но как и водится в таких вот особо подлых случаях, навалились мы в этом городе на неприятности. И первой из них оказалось вывешенное на столбе объявление. На него указал Фомка, сама бы я прошлепала мимо, торопясь к вожденной цели типа «трактир», видневшейся на другой стороне дороги.

«Указом Верховного инквизитора предоставление всевозможных услуг (включая жилье, пищу, одежду) иностранным жителям запрещено», — зачитал Фомантий. — Датировано сегодняшним числом.

— Это что еще за указ такой? — возмутилась я.

— Хотел бы знать. А еще важно понять, к нам это имеет отношение или связано со взрывом на постоялом дворе?

— А мне другое интересно — дорог у них нет, освещения толкового тоже, зато система оповещения работает отлично.

— Чему ты удивляешься? Должно же у них хоть что-то работать. А без кляуз от порядочных жителей инквизиторам работы не будет.

— И что теперь делать? Я есть хочу и пить тоже. Давай вежливо попросим у кого-нибудь одолжить местную одежду, чтобы сойти за своих?

— А давай, — неожиданно быстро согласился напарник.

Просил сыщик и правда вежливо, примерно так: «Будьте любезны позаимствовать нам свой плащ на неопределенное время. Мы обязательно все вернем, если вы оставите адрес». Однако жертва обходительного обращения отчего-то бледнела, слабела и, наверное, сползла бы по кирпичной стене подворотни, не держи Фомка нашего будущего благодетеля за грудки.

— Он непременно согласится, — повернул ко мне голову напарник, когда житель Тьмутьмии что-то тоненько пискнул, очевидно, выражая готовность отдать нам даже последнюю рубашку — исключительно из

сострадания.

— Мы не корысти ради, только из благих намерений, — продолжал уверять Фомка, однако я сомневалась, что методика сработает. Ну вот вы пробовали убеждать собеседника в искренности и чистоте помыслов, будучи ростом под два метра, в пустынной темной подворотне, и при этом — зажимая человеку рот? Мы тоже пробовали в первый раз, но я точно знала, что на месте убеждаемого не поверила бы ни единому слову.

С другой стороны, житель все же оказался на редкость сговорчивым, он согласился отдать свой плащ, как только сообразил, чего от него хотят. После этого Фомка на короткое время оглушил нашего благодетеля, чтобы успеть перебраться в другую подворотню.

— Теперь нужно тебе плащ достать, Аленка. По размеру, чтобы не привлекать лишнего внимания, а то если приметят женщину в мужском плаще, сразу возникнут вопросы.

— А чем они различаются? — попыталась я в сумерках присмотреться к отличительным признакам мужского плаща.

— У мужчин слева направо запахивается, а у женщин наоборот.

— И как ты разглядеть успел?

— Да так, рассказывали, — отмахнулся Фома.

Никак экономка поделилась знаниями о традициях своей родины. Что и говорить, сейчас эти знания оказались весьма кстати.

В общем, снова мы с напарником затаились, высматривая одинокую женскую фигурку. Первой ее заметила я. Дама в плаще неспешно шагала по мостовой и даже не догадывалась о том, что минутой позже этот плащ у нее попытаются отобрать с исключительно благими намерениями.

Убеждал ее Фомка примерно так же, как и предыдущего дарителя, а вот сопротивлялась дама намного ожесточеннее.

Сквозь зажимавшую ее рот ладонь доносилось мычание, которое можно было истолковать так: «Я приличная женщина». Вроде мы и не собирались спорить с ней на этот счет. Правда, когда Фомантий все же стянул плащ, самую малость подискутировать захотелось. Несмотря на то что длиной платье было до щиколоток, оно оказалось столь обтягивающим, что на излишние приличия и намека не осталось, да и на не излишние — тоже. А после стягивания плаща порядочная женщина и вовсе вцепилась в Фомку клещом, громко мычала, что ее лишают чести и достоинства, и, несмотря на мои потуги отодрать даму от напарника, отцепляться не желала. Ее руки крепко приклеились к могучим плечам сыщика, а ноги благодаря разрезу на подоле прочно зафиксировались вокруг мужской талии.

В общем, дама явно хотела стребовать компенсацию за свой плащ, и в этой ситуации нам могло помочь одно — крепкая веревка на ручках высоконравственной женщины, кляп во рту и транспортировка извивающегося нехуденького тельца в близлежащее открытое окно. К счастью, солнце уже скрылось за горизонтом, и темнота нам благоприятствовала.

Уже делая ноги от гостеприимно раскрытого окошка, занавешенного шторками веселенькой расцветки, мы услышали вопль, а следом за ним удивленное: «Брунгильда? Я не ждал тебя сегодня».

Дальше мы, естественно, слушать не стали, а поспешили убраться подальше от подворотен благотворительности и отыскать для себя тихий трактирчик, пока в городе не погасли все фонари.

Глава 10

АРХИВ — ДЕЛО ГИБЛОЕ

До центра Тьмутьмии мы добрались только после полудня следующего дня. Все благодаря лошадям, которых удалось взять на время за вполне справедливую плату. Тратить драгоценные, буквально уплывающие сквозь пальцы минуты на осмотр достопримечательностей (как то — центральная площадь с местом для казни) мы не стали, а сразу же отправились искать главный храм.

И нашли.

— Что ты мне предлагаешь? — возмутился Фомка. — Нагло прорваться сквозь толпу инквизиторов в их святыню?

— Нет, сначала конфискуем пару плащиков. Хороший способ, проверенный.

— И кто тебя примет за мужчину? Ты прикинула размер запаха на плаще? Он твои формы лучше облегающего платья обрисует. А тот, который не обрисует, будет следом волочиться, потому что ты ростом не вышла.

— Да уж, нашили себе узкой одежды, а нам голову ломать. Видно, не угадали с заказчиком, а носить надо и не отвертись.

— Ну так что? — нетерпеливо спросил теряющий терпение Фомка.

— Что? Достанем одежду послушника. Притворишься моим наставником, так и проберемся. Там наверняка есть архив, как в любом уважающем себя храме. Можно даже примерно предположить, где он находится.

— Предположить не проблема, найти сложнее, а вот выбраться обратно — это уже задачка не для слабонервных.

— Да нервы у нас железные, Фом.

— Как сказать, у меня в последнее время порядком расшатались. Все началось со встречи лба с полом сокровищницы.

— Ну хочешь, я тебя вдохновлю?

— Давай.

— Утром после полнолуния нас казнят.

— Спасибо, Аленка, — очень благодарно процедил напарник, — и правда вдохновила.

После этого воодушевленный Фомка отправился ко входу в храм, где и

замер, примостившись на паперти и усиленно изображая из себя не то плачущего, не то кающегося.

Усилия не прошли даром, поскольку сердобольные горожанки то и дело тормозили возле Фомантия и одну за другой бросали в подставленные широкие ладони круглые монетки с дырочкой посередине.

Мой напарник определенно пользовался у жительниц Тьмутьмии успехом. Уж не знаю, что их больше привлекало, его могучая фигура или прямой взгляд вкупе с решительным выражением лица, навевающим вдохновенные мечты о смелом и благородном рыцаре. Как я заметила, мужчины Тьмутьмии в отличие от инквизиторов оказались по большей части довольно тщедушными (вот секрет пошива узкой одежды — подгоняли под стандарт), да и ходили, низко опустив голову и явно боясь лишний раз продемонстрировать нездоровую и попросту опасную для жизни храбрость.

Наконец толпа горожанок привлекла к страдальцу внимание одного из топтавшихся на площади инквизиторов. Широкой поступью сей представитель законной власти (короля в расчет брать не следует, его власть была порядком ограничена) приблизился к Фомантию и, наклонившись, что-то сказал. Напарник глянул исподлобья, но поднялся и направился в храм за инквизитором.

Я осталась стоять в тени раскидистого дерева, притворяясь, что любуюсь внушительным строением. Примерно минут через двадцать из храма вышел очень рослый и могучий инквизитор в длинном форменном плаще. Я даже расслышала восхищенный вздох проходивших мимо меня горожанок и возглас: «Нового служителя завербовали! Нужно обязательно сходить на следующую службу».

Новый служитель чинно прошествовал мимо меня, якобы направляясь к чаше со святой водой в центре прихрамовой площади. Незаметным движением руки мне был подан знак, и я проследовала за инквизитором, умело лавировавшим в толпе горожан.

— Ух, Фомка! А если у послушника были вши? Наряд грязный и воняет.

— После каналезы еще и придираешься? Он мешковатый, Аленка, в таком тебя легко принять за мальчишку.

— Где ты поймал этого послушника?

— В храме. Меня их инквизитор завербовать пытался, так я пошел и уложил его немного подремать в келье, а потом заглянул в общую прачечную на заднем дворе и подыскал себе наряд по росту. Одежды

послушников не было, зато сам послушник нашелся в коридоре — подметал там полы. Я его в ту же келью отправил — отдохнуть после праведных трудов.

— Ты уже и заговорил по-инквизиторски.

— Вживаюсь в образ.

Я натянула поверх топики с бриджами темно-коричневые льняные штаны и такую же рубаху, подвязала волосы и упрятала под просторный коричневый берет, который немного сползал на лоб с левой стороны. Думаю, теперь я очень даже могла сойти за послушника.

Вот, собственно, в таком виде, вжившись в образы, мы с Фомой и вернулись к главному храму. Я то и дело почесывалась и поскребывалась, хотя к запаху уже принялась. Послушник, носивший коричневый наряд до меня, явно пренебрегал основными правилами гигиены. А впрочем, для многих жителей Тьмутьмии такое пренебрежение являлось естественным. Это Фомке повезло, что он плащ взял прямо в прачечной, а вот я бы предпочла накидочку вчерашней Брунгильды. Приличная дама точно спешила на свидание, а потому соизволила принять водные процедуры и надеть чистую одежду.

Когда мы приблизились к уже знакомым дверям, стремясь незаметно просочиться внутрь, над прихрамовой площадью вдруг раздался гулкий звук. Я задрала голову и рассмотрела, как на высокой колокольне звонарь раскачивает большие медные колокола с блестящими отполированными боками.

Этот звук послужил сигналом, поскольку все находящиеся на площади инквизиторы, прежде занятые сбором податей, приемом просительных писем, просветительскими беседами и тому подобными делами, вдруг зашевелились.

Я ухватила полу серого плаща и прижалась к Фомкиному боку, когда со всех сторон меня обступили фигуры в точно таких же плащах и втянули в движущийся к дверям храма живой поток. Не будь мой напарник столь нерушимой скалой, я бы точно упала кому-нибудь под ноги, а так отделалась помятыми боками.

Нас с новоявленным инквизитором втащили в огромный зал, в котором курились благовония и горели свечи. Они изо всех сил пытались разогнать полумрак, который старательно сопротивлялся и весьма неохотно прятался по углам. Высокие ворота с золотой решеткой закрывали вход в святилище, а на возвышении перед ним замер ну очень пурпурный тип.

Благородно-возвышенные оттенки пурпура преобладали в одеждах замершего субъекта, придавая типу величия. По остроконечному,

расшитому рубинами колпаку с золотой кисточкой я признала Верховного. Физиономию (язык не поворачивался назвать это лицом), находящуюся под колпаком, можно было описать как крайне упитанную. Маленькие глазки едва выглядывали из-за закрывавших их круглых румяных щек, нос походил на сплюснутую картофелину, из которой с легкостью удалось бы приготовить ужин на одну персону. Можно списать это на проснувшийся вновь голод, но рот напомнил мне два вареника, а многослойный подбородок состоял из нескольких ярусов.

— О слуги божественного провидения, — вскинул руки вверх этот импозантный мужчина, — братья мои!

— Сейчас Мордефунт опять все пожертвования отберет, — тихонько пробурчал кто-то за моей спиной.

— Истину молвишь, — ответил ему еще более безрадостный голос.

— Опустите все собранные у благочестивых жителей дары в нашу священную чашу, — повел упитанной дланью главный инквизитор, — да возрадуется нашим подношениям божественный дух.

— Можно подумать, божественный дух ополовинивает чашу каждое утро, — негромко, но с большим сожалением добавил первый голос.

Инквизиторы с толстыми мешочками в руках безрадостным ручейком потянулись к стоящей на возвышении чаше. Пока они ссыпали в нее круглые монетки, всеми правдами и только правдами выцыганенные у местных жителей, пурпурный Мордефунт вновь вскинул руки к небу и заголосил:

— О служители истины, нашему королевству угрожает опасность!

Инквизиторы приглушенно зароптали.

— В Тьмутьюю проникла дюжина колдунов. Они спровоцировали исчезновение целого постоянного двора, привечавшего на границе бедных путников, что шли к нам за просвещением. Эти же опасные святотатцы путем колдовства изгнали прочь честных туристов, которые мечтали принести королевству и нашему храму очень немалые пожертвования.

Инквизиторы зароптали громче. А я вдруг представила бегущего к чаше Быдлантия с увесистым мешочком в руках и очень сильно усомнилась в реальности такого предположения.

— Применив черную магию, они вызвали к жизни сотню зловещих духов, которые испарили стены, пол и крышу гостиницы, словно их и не было! И это еще не все злостные деяния, о братья!

Я помнила, что взорвался только салун, но должна признать, вещал Мордефунт очень вдохновенно. Я даже вспылала негодованием к страшным колдунам.

— Они коварным образом обманули жителей нашего славного города Тиля, пытались ввести во искушение всех благочестивых горожанок, а также лишить одежд всех добропорядочных горожан.

О боже! Любимое восклицание дворцовой экономки вспомнилось как нельзя более кстати. Эти колдуны еще ужаснее, чем я думала!

— Говорят, о несокрушимые сторонники божественного провидения, с колдунами пришла весьма могущественная ведьма!

Ропот превратился в гул.

Только одна? Маловато. Хотя инквизиторам, пожалуй, и одной за глаза хватит. Вон как обрадовались.

— Каждому, кто посмотрит в ее глаза, грозит немедленное превращение в камень! Все, кто встречался с ней взглядом, рассказывали, что на них накатывала странная оторопь, сковывавшая мозг настолько, что лицо ведьмы они не могли запомнить!

Я в этот момент чуть воздухом не подавилась, хорошо Фомка поперек груди обхватил и весь кислород выдавил.

— Мы должны поймать ведьму, о братья!

— Поймать! — ответил ему слаженный хор голосов.

— Пытать ведьму!

— Пытать!

— Сжечь ведьму!

— Сжечь!

— На этом покончим с главными вопросами, — принялся вещать дальше Мордефунт, — и перейдем к бытовым. Я вижу в наших рядах пополнение. О, назовитесь, новый брат.

— Кхм, Фомантий, — отозвался напарник, непроизвольно сжав меня еще сильнее.

— Приветствуем нового сторонника божественного провидения!

Все захлопали, кругом раздались бормотания типа: «Мы счастливы», — а Фомка наконец выпустил полупридушенную меня из захвата, развел руки в стороны, демонстрируя такого просвещенного себя, и, судя по сдавленному стону, умудрился кому-то засветить в глаз.

— А что за... хм... хлипкий юноша стоит рядом с вами?

— Послушник, — привычно коротко ответил сыщик.

— Так вы уже и послушником обзавелись? Похвально, похвально. Итак, о просвещенные последователи священного духа, наш новый брат Фомантий будет ответственным за сбор подаяния. У него к этому все внешние дан... самый настоящий дар. Что скажете, брат?

— Нормально, — кивнул Фомка.

— Превосходно, — искренне обрадовался Мордефунт. — Вскоре вам выделят келью, а теперь всем надо молиться, о братья!

Инквизиторы как по команде опустились на колени, сложили ладони и слаженно что-то забубнили. Мы с Фомкой последовали общему примеру и тоже стали монотонно и непонятно бубнить, а наивные инквизиторы даже не подозревали, что рядом с ними находится дюжина колдунов и одна очень коварная ведьма.

— Знаешь, Фом? — решительно заявила, пробираясь вслед за напарником по нижнему коридору, проходившему как раз под полом храма.

— Что?

— В следующий раз послушником будешь ты. А то у меня уже спина болит натирать их скамьи, драить пол, очищать подсвечники от воска. А еще послушник Мордефунта с меня глаз не спускал, ходил буквально по пятам. У меня даже подозрение возникло, что он влюбился.

— Хех! — хмыкнул Фомка.

— Тебе «хех», а я в мужском наряде. Смекнул?

— Что-то не смекается.

— А так? — Я ущипнула Фомку за то, что маячило впереди меня и до чего было легко дотянуться.

— Ну, знаешь! — Напарник бросил взгляд через плечо. — Я смотрю, воздух Тьмутьмии заразен. Если уж ты щипаться начала, Аленка...

— Не я, это он хотел меня так ущипнуть, когда наклонилась мусор смести, а я увернулась и вмазала ему веником промеж глаз. И к тебе вырвалась. Кстати, как там наши спящие красавцы?

— Продлил немного их отдых. Хотели очнуться, да передумали. Иначе бы этот инквизитор донес, что меня одного вербовал, а о послушнике речи не шло. В общем, Аленка, я ключ от архива снял с крючка на стене святилища. Действовать нужно быстро, Мордефунт тот еще жучара.

— Можешь не объяснять, — ответила я и резко затормозила, потому что Фомка тоже остановился.

— Дошли. Здесь архив, как мне объяснили.

Он достал большой медный ключ и вставил в неприметный глазу замок в стене. Громкий скрип, казалось, прокатился по всему подземному коридору, когда Фомка толкнул сливавшуюся с окружающим пространством дверцу.

Внутри было пыльно, очень-очень пыльно. Стоило зажженным мною свечам разогнать царившую в архиве темноту, как пространство внутри ожило, зашевелилось и побежало в разные стороны. Я даже смотреть не

стала, кто бежал, кажется, пауки или тараканы. Хотя чем они питались среди бумажных свитков? Видимо, это особая, специально выведенная порода свиточных тараканов, по типу книжных червей.

— Аленка, — шепнул Фомантий, — куда побредем?

О том, что свернутые трубочкой вместилища умных мыслей и другой полезной информации нужно хранить в строгом порядке на отведенных для них и пронумерованных полочках, дабы сыщикам было легче искать, братья, поклоняющиеся божественному провидению, не имели ни малейшего понятия. Они просто сваливали свои ценные записи в кучи, а полки прогнулись, накренились и давно еле стояли.

— Хм... Фом... Будем искать кучку почище и поближе к столу. Свитки с нужной информацией должны были заполнять недавно. А стол наверняка где-то есть. Ведь им тоже нужно вести учет, да хотя бы тех же келий и новых братьев, кому что выделили, кого завербовали. Не думаю, что этим занимается Мордефунт. Скорее посылают послушника или ответственного инквизитора, тот приходит сюда, составляет список, а потом кладет свиток в нужную кучку.

— Полагаю, что стол вон там, возле полок, — показал рукой Фома, а я только сейчас разглядела очертания чего-то квадратного.

Осторожно лавируя среди кладезей знаний, мы пробрались к заваленному «нечто» и действительно обнаружили стол. Оказалось, что свитки на нем еще не исписаны и девственно чисты. Мы с напарником стали осматривать близлежащие кучки с документами и нашли ту, которая отвечала нашим требованиям. Нижние пергаменты уже порядком запылились, а вот верхние слоем пыли еще не покрылись.

— О боже, — высказалась я в сердцах, не обратив внимания, как при этом восклицании вздрогнул Фомка. — Ну и язык! «Препьдобный брат Акінті іже ест? примечаніе рода деятел?ності ево, задолжал храму монет...» — Я отбросила свиток, это явно не про артефакт.

— Тут рядом еще кучка, Аленка, здесь пишется о всякой «Колдывской деятел?ності».

Я тут же бросилась к Фоме, и мы вместе принялись перебирать свитки, стремясь отыскать хотя бы намек на явление золотого чуда.

— Не то, не то, не то, — перебирала я свернутые в трубочки листы, один за другим откидывая их в сторону, — здесь вообще про покупку какой-то козы, явно кучки перепутали. А вот про...

Фомка так и не услышал конца моей фразы, поскольку наверху послышался колокольный звон.

— Вечер! Снова на молитву созывают.

— Ищем, быстро ищем, Фома, сейчас нас хватятся!

Мы ускорились, насколько могли, но в проклятой кучке не попадалось ничего о золотом шаре, о явлении предсказателя или хотя бы просто о какой-то необъяснимой каверзе типа исчезновения стен постоянного двора.

— Нет ничего, — вздохнул первым Фома, — надо было Тьмутьюю стороной облетать.

— И у меня. В последних записях сплошь упоминания о какой-то антиволшебной секте. Эти секты везде плодятся как грибы.

Я с тоской отложила последний свиток и вздрогнула от громкого удара в дверь.

— Открывайте! — раздалось с той стороны.

Фомка бросил на меня быстрый взгляд, а я качнула головой в ответ. Что нам теперь — запереться в пыльном архиве? Да нас здесь местные свиточные тараканы сожрут.

— Уж лучше наверх, к солнышку, Фомка, — прошептала я.

— Ага, — вздохнул напарник, — и к теплomu костерку.

— Именем божественного провидения открывайте дверь! — вновь грохнули с той стороны.

— Так не заперто, — лениво отвечивал Фома.

В ответ на это заявление снаружи резко стихли, потом раздался громкий шепот, слышный даже сквозь прикрытую дверь, а потом очень осторожно и медленно, с ужасным скрипом створка отворилась. В проем заглянула голова Жерди (так я успела прозвать послушника Мордефунта).

— А ну-ка вы, к-колдуны и в-ведьма, на выход. И б-без фокусов!

Мы с напарником спокойно поднялись и пошагали на этот самый выход, где, как оказалось, столпилась целая банда храмовников с факелами и почему-то с вилами. А где же святая вода и прочие священные атрибуты для охоты на коварную, превращающую в камень ведьму?

— Не смотрите ей в глаза, — громко пискнул кто-то.

— У-у-у, отродье, мужиком обратилась! — взвыл некто явно недалекий.

— Обманом и коварством в святилище пробрались, ироды!

— Кабы не брат Нуфнутий, так бы и творили здесь дела свои черные! — махнул факелом стоявший неподалеку низенький человечек. За его спиной я как раз и заметила того самого вербовавшего Фомку Нуфнутия. Хватились, видать, к вечерней службе, кельи обыскали. Печально!

— Думали сотворить непотребство и сбежать? От братьев божественного провидения никому не скрыться! Ибо справедливая кара

непременно настигнет!

— Вы бы архив в порядке содержали! Где это видано — тратить столько времени на поиск информации? — возмутилась я.

— Молчи, ведьма! — попытался кто-то заткнуть мне рот.

— Свалили все в кучи, полки починить не могут! А еще — полный храм мужиков! Руки у вас откуда растут?

— Завязать ведьме рот! — крикнул самый громкий из инквизиторов.

— Ты и вяжи, — ответил другой.

— Сам вяжи, — откликнулся первый.

— А ну! — махнул на всех факелом Жердь. — Ведите их наверх!

Непыльная работенка у инквизиторов, хорошо им охотиться на ведьм, когда во всем королевстве ни одной не осталось. За неимением таковых любая подозрительная особа женского пола сойдет за ведьму. И если эта особа умудрилась попасться, то доказывать, что она не та, кого следует сжигать, совершенно бесполезно.

Однако нужно отдать им должное — инквизиторы народ проворный, заковали меня быстренько в кандалы, а Фомку увели прочь. Мордефунт явно собирался убедить напарника, что среди сторонников божественного провидения ему будет лучше и пока еще не поздно вступить на путь служения божественному провидению. Нет, я бы на его месте тоже не стала разбрасываться ценными кадрами, обладающими природным даром собирать подаяние. Но лично мне было грустно в одиночестве стоять у каменной стены, да еще и руки над головой затекли.

Комната оказалась совсем небольшой, кроме окошка, кандалов и квадратного столика, в ней ничего не имелось, поэтому и стоять быстро наскучило. Я даже встрепенулась и с интересом уставилась на дверь, когда с той стороны забренчали ключами.

В мою временную темницу зашел древний старик, точнее, тоже инквизитор, но жутко древний. В трясущихся старческих руках он держал какую-то одежду, а голос скрипел не хуже двери, ведущей в подземный архив. Этот раритетный представитель ведьмоненавистнического племени вошел внутрь, безостановочно бубня что-то себе под нос. Прошаркал к столу, сгрузил на него то, что принес, и, непрестанно щурясь, сел корябать в свитке.

— Притащат не местных ведьм, — бурчал старикан, — а Липиду потом разбираться. По обряду им все подавай, сопляки зеленые. Сами ни обычаев, ни обрядов — ничегошеньки не помнят. Такая молодежь нынче пошла. Приди, приди, батюшка Липид, ведьму сжечь надо! Торжество

такое! Все обставь как следует. А мне бреди в храм, по ступенькам топай. Что ноги у старика болят, поясницу ломит, им и дела нет. Кто бы Липиду хотя бы подняться помог. Еще приказ на сжигание за них оформлять! Ишь ты, им надо как положено, чтобы королю сюрприз поднести, на казнь позвать по всей форме. У самих-то веры ни на грош, понатаскали волшебных вещиц, безбожники, позапирали в своих подвалах. То-то чует моя душенька — исполнится предсказание, навлекут кару на свою голову.

Вот если до этого момента я слушала вполуха, просто потому что скучно, то когда прозвучало слово «предсказание», наострила уши, точно гончая на охоте.

— Ух и наплачутся еще. Посжигать надобно непотребное во славу провидения, так нет, тащут все к себе, тащут, замками пудовыми запирают. А ты думай потом, как храм от скверны очистить.

— Прошу прощения, — очень вежливо вмешалась я, — а вы напишите представителям антиволшебной секты, они занимаются конфискацией магических вещиц и их последующим уничтожением.

— Это еще чего тут? — вскинул голову старик, будто только сейчас меня заметил.

— Просто ведьма, — представилась я и мило улыбнулась.

— Ух же ты нечистое отродье! — погрозила мне кулаком инквизиторская развалина. — Ходи тут из-за тебя в храм.

Потом он вынул из кармана ключ, отодвинул в сторону заполненный свиток и пошаркал ко мне. — Нашлась умная, советы дает, — забубнил, размыкая кандалы, — как будто Липид про освободителей наших не ведает, как будто не знает, кто истинно доброе дело во имя провидения творит. Да помяни мое слово, доведут они своими нечистыми помыслами и жадностью, как было предсказано, всех людей до беды доведут, все королевство.

Я поняла, что последние «они» относилось не к освободителям, которым старик явно благоволил, а к не помнящей обычаев молодежи.

Ух, с каким облегчением я вздохнула, когда смогла опустить затекшие руки! Несмотря на боль в запястьях и покалывание в ладонях, я принялась усиленно растирать их, разгоняя кровь.

— Вот тебе, — протянул старик ворох одежды, — форменный ведьмовский наряд для сжигания. Надевай да поторапливайся, там уж хворост на площадь носят.

— А может, я просто пойду? — спросила, глянув в сторону двери и прикинув, какова средняя скорость дремучего инквизитора.

— Куды ты пойдешь, коли там все только нас и ждут?

Да, далеко не уйду.

С обреченным вздохом развернула наряд ведьмы и обалдела.

— Что это?

— Платье ведьмовское, чего еще.

— А что оно такое... э-э-э...

Черное платье с корсетом на зеленой шелковой шнуровке и с зеленым шелковым поясом было столь коротко, что не доставало даже до колен. Под пышную черную юбку надевалась нижняя, состоящая исключительно из пенисто-воздушных зеленых кружев. Еще в комплект к традиционному ведьмосжигательному наряду шли черные чулки в зеленую полоску.

— Какое положено! — сказал старикан как отрезал. — Вам, ведьмам, лишь бы подержать да старшим поперек слово молвить! Вот какое в правилах написано, такое и выдаем. Старым ведьмам, стало быть, черный балахон, а молодым — срамоту эту! Тьфу!

— А если я против того, чтобы гореть в таком откровенном наряде?

— Да кто тебя спрашивать будет? Велено надеть, так надевай. Раньше вон совсем голышом сжигали, а теперь напридумывали нарядов.

— Голышом?! — Я без дальнейших споров стала очень быстро освобождаться от своей одежды, а старик снова пошаркал к столу.

Уже облачившись в соответствующие столь торжественному событию одежды, я спросила:

— А зеркала нет?

— Зеркало им всем подавай, — вновь пробубнил старик, однако поднялся, прошаркал к стене и с жутким скрипом сдвинул в сторону деревянную панель, за которой открылось большое зеркало, местами почерневшее, но вполне достоверно отражавшее картину неприличной реальности. Нет, ну правда неприличной, даже откровеннее, чем топик с бриджами! И хотя нижние формы юбка не обрисовывала, зато она очень задорно колыхалась при ходьбе вокруг бедер, а еще открывала ножки, и они казались совсем уж стройными и длинными. А еще чулочки эти полосатые. Они же шелковыми ленточками подвязывались, и кончики ленточек из-под юбки выглядывали, намекали на подвязки и разжигали желание заглянуть под юбку. А лиф совсем неприлично стискивал и приподнимал грудь, и округлые белые полушария тоже поколыхивались над черным атласом туго затянутого корсета. Старикан мне помогал облачиться, так что корсет он затянул на славу, как положено. О боже! Единственная хорошая новость — в этом платье не чесалось тело. Наряды ведь после сжигания старых каждый раз шились новые.

— Готова, стало быть? Сейчас по традиции пытки, а потом на костер.

Пытки?!

— Нет! Не готова, тут ленточки видите как торчат, нужно бантиками завязать.

И я принялась очень медленно завязывать бантики, а пока завязывала, попробовала старика разговорить.

— А вы про предсказание упомянули. Грядет, стало быть, судный день?

— Типун тебе на язык, ведьма! Истинные агнцы провидения спасут нас всех. Как последнюю, самую опасную их святыню уничтожат, так воспрянет Тьмутьмия и минует угроза.

— Чью святыню? — сделала я невинные глаза.

— Проклятую святыню! Волшебство их, которое пророчества вершит, из-за него все беды на нашу голову!

— А, вы про шар золотой, про дух артефакта? — спокойненько так спросила, а сердце заколотилось как бешеное.

— Есть он злостное непотребство, ибо не дано людям предвидеть будущее, не от божественного провидения такие силы!

— Так его невозможно уничтожить! — Я даже сумела выдать из груди издевательский смешок. — Зря стараетесь.

— Еще как можно! Утопить премерзкое порождение! Уничтожить в водах священной небесной реки.

Небесной реки! Небесной! Это же как в тех Ирийских солнечных сказаниях, что мы читали в библиотеке короля!

— А где...

Я не успела задать последний самый важный вопрос, поскольку дверь распахнулась и к нам вошел Мордефунт, а следом за ним просочился худосочный Жердь, несущий раскаленную докрасна кочергу.

Глава 11

ОБРЯДЫ И НАРЯДЫ

Главный инквизитор тут же подступил к старику и, забрав из его рук официальный документ, передал еще одному заглянувшему в дверь послушнику.

— А копия где? Для архива? — строго спросил он у Липида.

— Туточки, — ответил древний, соблюдающий все традиции инквизитор.

— Прекрасно, — потер ручки Мордефунт, — ладно, послушник, приступай, — кивнул в мою сторону, и послушник поднял кочергу повыше.

То есть на меня с кочергой?!

Так обидно стало, что тотчас захотелось придумать ответную гадость, и сразу вспомнился артефакт. Вот у кого надо поучиться подстраивать каверзы! Ведь как никто другой вредить умеет, всем вокруг достается. И стоило мне только подумать о золотой заразе, как пакость изобрелась сама собой.

— Не по правилам, — указала я на кочергу, — ведь правда? — обернулась к старикану.

— Чего? — проскрипел сторонник древних обычаев и традиций.

— Пытать пришли, а признания в том, что я ведьма, не требуют.

— Непорядок, — согласился Липид.

— Сперва попытаем, потом напишешь, — решил настоять на своей хронологии событий Мордефунт.

— А если так запытаете, что писать не смогу? — усомнилась я, и главный инквизитор задумался.

— А точно это признание требуется? — спросил он у старика.

Тот гневно глянул, еще и знак священный возле лба Мордефунта сотворил.

— Знамо дело! — скрипанул старикан. — Ничего святого у нынешней молодежи не осталось...

— Ну пиши, — махнул рукой инквизитор, стремясь прервать разглагольствования Липида.

Я придвинула к себе чистый свиток, оглядела со всех сторон и старательно разгладила. Жердь и Мордефунт внимательно следили за моими действиями, а потому я могла с успехом воплотить задуманное в

жизнь. Я припомнила неудавшийся щипок Жерди (послушник явно питал слабость к нижним формам), заняла положение поудобнее, то есть спиной к зрителям, и медленно нагнулась.

Результат не заставил себя ждать. Сначала раздалось громкое «ох!», а затем звон кочерги и душераздирающий вопль главного инквизитора, которому кочерга упала раскаленным концом на ногу.

Взглянув через плечо, я увидела интересную картину: Мордефунт, невзирая на габариты, очень бодро заскакал по комнате на одной ноге, выкрикивая страшные ругательства. Танец прижженного инквизитора продолжался минут пять, а потом трансформировался в искреннюю ярость, излившуюся на голову Жерди.

— Ах ты! — закричал Мордефунт и схватил с пола кочергу. Потом начался забег по периметру комнаты — инквизитор пытался догнать своего послушника, а тот старательно удирал. Закончился забег в углу, куда Жердь все-таки загнали. Следом раздался второй душераздирающий вопль, поскольку наставник без лишней жалости прижег верного сторонника божественного провидения, очевидно, вложив в это действие какой-то особый просветительский смысл. Затем инквизитор с чистой совестью повернулся ко мне.

— Написала? — грозно спросил он.

— Пишу, пишу, — ответила и, наклонившись, настрочила: «Чистосердечное признание: ведьма, как есть ведьма». Полюбовалась на формулировку. Замечательно! Избежала употребления личного местоимения. Теперь им еще доказать придется, что я себя имела в виду. Такую писанину опротестовать проще простого, может, здесь о совершенно другой ведьме идет речь.

Мордефунт вырвал заявление из моих рук, глянул одним глазом и сунул Липиду: «Приложить к делу!»

Эх, салаги! Я бы внимательней читала. А впрочем, я за годы службы навидалась признаний.

— Ну все, — зловеще вымолвил главный инквизитор и кровожадно потряс кочергой, — а теперь пытаться.

— Секундочку, — выставила я перед собой руки, — не имеете права.

— Чего-чего не имеем? — оскалился главный инквизитор.

— Права, повторяю для глухих, не имеете.

— Какие у тебя права, ведьма?

— А такие!

Я схватила копию приказа о сжигании, написанного Липидом для короля, и потрясла им перед носом Мордефунта.

— Здесь сказано, что сего дня и сего месяца производится казнь опасной и зловещей ведьмы — подданной соседнего королевства. Отсюда вывод: если я родом не из Тьмутумии, то в случае написания чистосердечного признания пытки можно исключить.

— Как так исключить? — натурально обиделся главный инквизитор. Ну словно ребенок, право. Возникло ощущение, что я у него конфетку отобрала.

— Верно ведьма глаголет, — заскрипел Липид, крепко сжимавший в руке мое чистосердечное признание, — по обычаю это, так водится.

Конечно, по обычаю. Зря я, что ли, столько свитков в архиве перебрала! Теперь про их традиции больше главного инквизитора знаю.

— Здесь обычаи устанавливаю я! — зарокотал Мордефунт.

— А вы уже документ королю отправили. Так что, если собираетесь нарушить традиции, то и вид казни придется изменить на современный, одобренный межкоролевским сообществом защиты прав человека. Есть у вас в Тьмутумии гильотина?

Мордефунт громко заскрипел зубами, мне даже показалось, что часть из них сейчас раскрошится.

— Нет у нас гильотины, — ответил за него Жердь, — завсегда на кострах ведьм сжигали.

— Напридумали казней новомодных, — заговорил Липид, — непорядок один. А все потому, что понатащут иностранных ведьм, и сразу начинает твориться непотребство.

— Для урегулирования спора предлагаю два решения, — продолжила давить на раздосадованного главного инквизитора. — Вы либо дожидаетесь утра дня, следующего за полнолунием, дабы наблюдать казнь ведьмы по всей форме, с использованием гильотины, но в соседнем королевстве, либо применяете пытки только после того, как в ваше королевство доставят более современное оборудование для лишения жизни.

Если мои слова и показались кому-то чересчур премудрыми и лишёнными смысла, то к таким людям относились Жердь и Липид, но никак не Мордефунт. Для старикана важнее соблюдения традиций не имелось ничего, для Жерди существовали приказы начальства, а вот главный инквизитор обладал хваткой и сообразительностью.

Яростно глянув на меня, он отрывисто приказал: «Тащи ведьму на костер».

Жердь тут же кинулся исполнять приказ, скрутил мне руки за спиной и хотел тянуть к выходу, когда в комнату вбежал еще один представитель

дружного братства.

— Брат Фомантий согласен отречься от бывшего и вступить под спасительную сень храма, — запыхавшись, поведал он, — если ему позволят проститься с ведьмой.

— Тьфу, — сплюнул Мордефунт, — околдовала, мерзавка.

Нормально. Совсем недавно сам называл Фомку «дюжиной колдунов», а теперь все на ведьму свалил, чтобы удобнее было вербовать даровитого сборщика податей. Пронырливый ловкач!

Главный инквизитор кивнул своему собрату, и тот мгновенно испарился из комнаты, чтобы несколькими минутами позже явиться в сопровождении Фомы и еще трех инквизиторов. Они явно опасались, что напарник попытается меня спасти, а именно это мой замечательный Фомантий и задумал. Я по его глазам видела, что разнесет сейчас сыщик всю эту инквизиторскую берлогу по кирпичику, зато потом его повяжут всей бандой, и не видать нам спасения как своих ушей.

— Прощай, Фомушка! — протянула я к напарнику руки, заметив, как слегка закосил его правый глаз. — Приму заслуженную казнь. Я уже чистосердечное написала. Ты, главное, — тут я всхлипнула, — не рассказывай им, не говори им... — рыдание вырвалось против моей воли, — ...где спрятан волшебный ковер. Прощай! — С этими словами я отвернулась от напарника и шагнула к Жерди: — Веди.

Тучи хмуро бродили по горизонту, словно им и дела не было до великого праздника. Все горожане принарядились к особому случаю, высыпали на центральную площадь и теперь слаженно скандировали: «Сжечь ведьму! Сжечь ведьму! Сжечь!!!» Судя по всеобщему воодушевлению, последний раз настоящую (или ненастоящую, что более вероятно) ведьму казнили уже давно, а само место для казни постепенно превращалось в объект паломничества туристов.

— Радость-то какая, — искренне восторгалась одна дремучая горожанка, — ведьму словили!

— Да уж! — вторил ей стоявший рядом мужик. — Сколько месяцев ни одной в глаза не видели!

— Совсем разленились инквизиторы, — попеняла на слуг божественного провидения бабка из толпы, — ни одной захудалой колдуньи найти не могут!

Собственно, именно все эти возгласы и давали понять, что счастье горожан от лицезрения меня, привязанной к столбу над кучей хвороста, было искренним и непомерным.

За порядком в толпе следили инквизиторы, они встали вокруг столба в оцепление и не давали особо радующимся приблизиться, дабы урвать от ведьмы кусочек на память.

— Сжигать ведьму следует в целости и сохранности, — наказал Мордефунт, а потом бросил на меня взгляд и злорадненько потер ручки.

— А чего ждем? — возмутился кто-то из толпы.

— Так короля с принцессой, — тут же ответили ему.

Главный инквизитор тоже едва сдерживал нетерпение, даже вскарабкался ко мне на помост, чтобы с высоты оглядеть окрестности — не едет ли его величество. Потеснил он меня на узком пространстве знатно.

— Это мое законное место, я за него расписалась, что вы влезли? — попыталась толкнуть Мордефунта бедром.

Мне даже показалось, что помост значительно просел под весом главного инквизитора.

— Ничего, потерпишь, — не внял справедливому возмущению Мордефунт, — недолго тебе осталось. Муа-ха-ха!

Закончив свою речь кровожадным смехом, инквизитор приставил руку ко лбу, вглядываясь в даль, и вдруг так громко крикнул: «Едут!» — что я бы обязательно подскочила, если бы не была столь плотно прикручена к столбу. Главный радостно полез вниз, чтобы бежать навстречу королю, и, если бы не дежурившие у помоста инквизиторы, мог бы скovyрнуться и красиво покатиться прямо в толпу. А так его поймали, что вызвало разочарованный вздох не только у меня, но и у жаждущего моей казни народа.

Чуть погодя толпа расступилась, пропуская вперед худосочного длинного мужчину в черном плаще и с короной на голове, а за ним такую же худосочную тощую девицу в черном длинном платье и накидке до пояса вместо плаща.

— Лучшие места для вас придержали, ваше величество, — суетился Мордефунт, — вот здесь стоять хорошо, можно даже жар от костра ощутить, а вот вам повязочки на рот, чуть позже пригодятся, — протянул он королю белые тряпочки.

— Молодцы, — похвалил монарх инквизитора, — симпатичную ведьму поймали, любо-дорого посмотреть.

Ну ничего себе! Пора нашему королевству наладить поставку самовоспроизводящих экранов. Шоу тут быстро обретут популярность. Вконец народ одичал, никаких развлечений у него, кроме казней. И с освещением у них неспроста такие проблемы, явно инквизиторы постарались.

— Вы готовы? — уточнил король. — Давать сигнал начинать казнь?

Мордефунт хотел кивнуть, но я запротестовала:

— Ваше величество, а как же древний обычай? Разве король не должен спросить, нет ли среди его подданных того, кто пожелал бы взять в жены ведьму и спасти ее от неминуемой гибели?

— Верно ведьма глаголет, — тут же послышался голос Липида, возникшего непонятно откуда, — по обычаю это, как водится.

Мордефунт вновь насупился, а король поправил корону и оглядел толпу.

— Может, опустим этот момент? — поинтересовался его величество у главного инквизитора. — А то вдруг найдутся желающие и мы сегодня никого не казним?

О, Мордефунт опустил бы этот момент с превеликим удовольствием, даже сомневаться не стоило. Однако, глянув на мое озарившееся счастьем лицо и сообразив, что сейчас я снова начну требовать гильотину и напирать на межкоролевское право, он быстро ответил:

— Да кто на колдунье женится?

Все же инквизитор явно лучше короля разбирался в характере мужского населения Тьмутумии. Явных храбрецов, способных забраться на помост и громко крикнуть: «Я беру ведьму в жены!» — истребили раньше самих ведьм.

Я обвела тоскливым взглядом все это молчаливое безрыцарское пространство, не обнаружила в нем даже захудалого дракончика, очень горестно вздохнула, а потом синхронно с огромной толпой изумленно выдохнула, когда совсем рядом раздалось:

— Я беру ведьму в жены!

В то время как Мордефунт с довольным выражением лица: «Ну я же говорил!» — глядел на короля, король тревожно вглядывался в толпу, принцесса стояла, рассматривая кончики собственных туфель, а толпа вместе с инквизиторами выглядывала в самой себе дурных на всю голову рыцарей, на мой помост незаметно забрался представитель этого вымершего рода. Но забрался он, конечно, для остальных, для меня же попросту возник рядом.

Он стоял, возвышаясь надо всеми, со своей до боли знакомой насмешливой улыбочкой на лице, в том же плаще, в котором изображал Черного инквизитора. Золотистые волосы, закрутившиеся в веселые колечки на кончиках, испускали знакомое сияние, которое можно было принять за игру солнечного света. Янтарные глаза искрились таким задором, точно артефакт явился не на место казни, а на самое что ни на

есть популярное шоу королевства.

Думаю, и говорить не стоит, какое впечатление его появление произвело на жительниц Тьмутьмии. Они застыли, широко раскрыв рты, и откровенно ощупывали глазами фигуру додумавшегося не являться обнаженным артефакта. Мужчины хмурились, а некоторые пытались одновременно закрыть и рот, и глаза своим спутницам, потерявшим разум от ослепительности красующейся проекции. Лицо главного инквизитора исказилось до такой степени, что я его не узнала, король смотрел на мир со вселенской тоской во взоре, а слуги божественного провидения вовсю задирали головы, пытаясь подробнее разглядеть моего полоумного спасителя.

— Феноменальное явление, — тихим шепотом прокомментировала я, заслужив внимание проекции.

— Я всегда стараюсь произвести на тебя впечатление, бесценная, — так же тихо ответил артефакт.

— Заметно. Даже жениться готов.

— Как же мне не жениться, Аленушка, когда ты... — золотой дух внимательно оглядел меня от кончиков босых ног до кончиков распущенных волос и улыбнулся еще шире, — в таком платье!

Я фыркнула и отвернулась.

— Еще и... — негромко произнес артефакт и многозначительно замолчал.

— Еще и — что? — не дождалась я конца фразы.

— Так беззащитно привязана.

Эх! Пнуть бы этого рыцаря с помоста от всей души, но куда там.

— Что же ты время тратишь, — решила подстегнуть артефакта, пока толпа медленно приходила в себя, — действуй, пока они не очнулись. А то как только исчезнешь, меня в два раза быстрее сожгут.

— Я и действую, пирожочек, я тяну время, — молвил золотой дух, мельком взглянув вверх, а потом с укоризной на меня, — а от тебя в ответ никакой помощи и даже тени улыбки. Ты единственная не рада меня здесь видеть.

— Неправда, — тут же опровергла я это нахальное заявление и взглядом указала на багровеющего Мордефунта, — я не одна. Да и привычки радоваться намекам, что меня скоро поджарят как пирожок, я не имею.

В этот самый момент главный инквизитор уже успел набрать в грудь побольше воздуха, чтобы призвать толпу к порядку. На его лице явственно отражалась усиленная работа мысли: он соображал, из какой незаметной

щели вырвался на свет такой сиятельный тип.

— Эге-гей! Люди! — зычно воскликнул инквизитор, и глас пронесся над притихшим народом. Я решила, что сейчас Мордефунт опровергнет все притязания артефакта и обоснует это новыми, срочно выдуманными традициями, но проныра оказался прозорливей.

— А нет ли среди вас еще желающих жениться на ведьме? — выкрикнул он, и, пока все вокруг изумленно шумели, глаза инквизитора уперлись в Жердь. Тот отчаянно побледнел, замотал головой и принялся стирать пот со лба, но взгляд Мордефунта был непреклонен и буравил послушника до тех пор, пока тот не пискнул: «Я желаю!»

Естественно, столь тихого желания никто не услышал, но инквизитор не растерялся и сам повторил для толпы: «Он хочет жениться на ведьме!» Указующий перст направился в сторону помоста, приказывая послушнику взобраться.

Я бросила полный тревоги взгляд на артефакта, тот ответил мне совершенно безмятежной улыбочкой, а его губы прошептали: «Сейчас начнется».

Гад золотоволосый, все бы тебе развлекаться!

— Если меня сожгут, — шепотом проговорила я, наблюдая за колебаниями медленно бредущего к помосту послушника, которого беспрестанно подгонял Мордефунт, — то тебя утопят. Доигрался в жениха?

— Разве я не могу хотя бы попытаться жениться напоследок? — очень тихо ответил артефакт. — А то исчезну навсегда и не пойму, что это такое.

— Я бы за тебя в любом случае не пошла. — Мой голос невольно стал громче, и подошедший к хворосту Жердь встревоженно посмотрел вверх. Он все приноравливался, с какой стороны удобнее карабкаться на помост, пока мой несостоявшийся спаситель, склонив голову набок, с усмешкой за ним наблюдал. От этого послушник приходил в еще большую растерянность и раз за разом съезжал обратно.

Вот незадача! Мордефунт влез с первого раза, когда выглядывал короля. Сейчас еще, чего доброго, поможет.

Инквизитор и правда решительно повернулся к помосту и подал сигнал братьям загрузить послушника.

— Прелесть моя, для чего люди женятся? — успел уточнить артефакт, пока Жердь пытался закинуть ногу на деревянный помост, с правой стороны которого крепился столб.

— Чтобы изводить друг друга, — фыркнула в ответ.

— Я бы справился с этим лучше любого другого, — ослепительно улыбнулся золотоволосый рыцарь, а я не сумела парировать, так как

бледный Жердь наконец преуспел в помостолазании. Поскольку самоуверенная проекция и не подумала потесниться и подлететь ближе ко мне, послушнику пришлось пристроиться с самого края, старательно балансируя и рискуя снова свалиться вниз.

— Вы видите, о люди, — стал громко вещать Мордефунт, — у нас два претендента на одну ведьму. Целых два! Но вдвоем они не могут жениться на ней. Эти сильные и здоровые мужчины могли бы выбрать себе по достойной жене, родить детей, построить крепкие дома и трудиться на благо нашей любимой Тьмутьмии, но в их сердцах колдовство! Они пленены нерушимыми чарами и никогда не избавятся от них.

Что-что, а говорить вдохновенно инквизитор умел. Даже я пожалела бедных мужчин, обреченных на одиночество и страдания из-за такой колдовской меня, и толпа прониклась похожими чувствами, особенно дамы, успевшие вообразить себя достойными женами артефакта.

— Разрушить подобные чары способно только истинное пламя! Ради блага нашей великой Тьмутьмии, о люди, ради будущей жизни, — Мордефунт схватил длинную, просмоленную с одного конца палку, — мы должны сжечь ведьму!

Гул сотен голосов пролетел над площадью, слившись в единое эхо:

— Сжечь ведьму, сжечь ведьму, сжечь!

— И этих страдальцев! — подкинул подлянку Мордефунт.

Не берусь описывать выражение лица бедного послушника, поскольку оно продержалось не дольше секунды, а мгновением позже Жердь попросту лишился сознания и рухнул на помост (ну почему не с него?!) прямо мне под ноги и, что намного важнее, сквозь проекцию.

Наблюдавшая сие падение толпа молчаливо застыла который раз за сегодняшний день, инквизиторы отскочили прочь, потеснив короля с принцессой, и попытались протиснуться в ряды горожан, а глаза жительниц Тьмутьмии наполнились неописуемым разочарованием.

— Колдовство! — послышался первый испуганный выкрик.

— Чародейство! — долетел следом второй.

— Он ненастоящий! — Этот душераздирающий вопль рвал сердце на части.

— Ведьма призвала зловещего духа! — перекрыл все голоса рев Мордефунта. — Она морочила нам голову!

Палку с просмоленным концом подожгли так быстро, что я не успела увидеть, с какой стороны поднесли огонь. Главный инквизитор ткнул горящим концом в хвост, и столб белого дыма затянул пространство вокруг. Треск разгорающегося пламени подсказал мне, что до полной

готовности пирожочка осталось совсем недолго.

Инквизиторы уже растаяли в толпе, народ приложил к носу белоснежные тряпочки, а Мордефунт с торжеством в глазах взирал на набирающий силу костер.

Легкий ветерок надорвал белый полог, бросил кусок дымного полотна мне в лицо, я закашлялась, а глаза заслезились. Сквозь шум в ушах я услышала веселый выкрик: «Нехорошо обижать симпатичных ведьмочек!» — а затем зловещий смех, который был перекрыт громким пронзительным визгом.

Неспособная нанести материальный вред проекция слетела с помоста прямо на главного инквизитора, который заверещал точно резаный и шарахнулся в сторону, желая укрыться в толпе вместе со своими подчиненными. Толпа воспротивилась и резко подалась назад, не спеша прятать преследуемого зловещим духом Мордефунта.

— Спасите, спасите! — взывал главный инквизитор, сея панику в рядах горожан.

Из-за нового порыва ветра, вновь заполнившего пространство передо мной белым дымом, я не могла видеть, что паника расплзается подобно пожару, но теперь крики слышались отовсюду. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы глотнуть немного кислорода, и вот тогда я наконец заметила летящего на ковре к костру Фомантия.

Пользуясь тем, что толпа, напуганная верещащим Мордефунтом, потеряла бдительность, мой истинный рыцарь приблизился к столбу и прыгнул прямо на помост. Доски просели еще ниже, а языки пламени, наоборот, взметнулись ввысь, малость опалив край ковра. Фомка выхватил нож и перерезал стянувшие мое тело веревки, а потом схватил меня за талию и бросил прямо на ковер. Узрев под ногами бессознательного послушника, сыщик подхватил и его тоже и кинул с помоста на землю, целясь подальше от пламени. Не выдержавшее нагрузки дерево с диким треском надломилось, Фомка в последний миг успел ухватиться за мои протянутые руки и повиснуть, и ковер воспарил ввысь, унося нас в бескрайнее и бездымное небо.

Если бы не примагничивание к коврику-самолету, мы с Фомкой могли бы ощутить, каково это — парить в свободном полете. А так сыщик, цепляясь за меня, взобрался на летающее средство и уселся на нем, старательно переводя дух.

— Ну что, Аленка, нужно задавать маршрут. Куда дальше лететь? У нас с тобой большой выбор — Бурундия, Романтия и монархическая республика.

— Надо искать Небесную реку, — со вздохом ответила сыщичу, — это название по звучанию ближе к Романтии.

— А не ошибемся? Два дня осталось.

— Все три страны облететь не успеем. В республике шаманы, и мне туда совсем не хочется, да и, насколько помню, нет у них рек, только озера, болота и море.

— Бурундия?

— У тех есть. Фом, а карта королевств у нас осталась или все вещи утеряны?

— В твоём рюкзаке осталась.

Фомка снял со спины вещмешок и открыл его, позволив мне нырнуть внутрь и порыться, ища карту. Вытащив наружу сложенный аккуратным квадратиком план, я занялась пристальным изучением местности.

— У бурундийцев две крупных реки: Желтая и Красная, они пересекаются примерно в центре страны и в разных направлениях текут дальше. Здесь нет ни одного наименования, напоминающего о чем-нибудь, связанном с небесами. В республике действительно нет крупных рек, даже названий не указано.

— А что с Романтией?

— А здесь очень много, — ответила я, проводя пальцем по пересекающимся голубым линиям, испещрившим страну вдоль и поперек.

— Как называются?

— Река Вдохновения, Летней музыки, Голубая и река Отдохновения божеств... ни одного источника с небесным названием.

— У этой реки может быть не одно название.

— Возможно, — я вгляделась в карту, пытаюсь найти хоть какую-то подсказку, — вот здесь, на окраине государства, где проходит гряда холмов, тоже есть река. Она почему-то выделена желтым цветом.

— А называется?

— Река Времени.

Мы с Фомкой уставились друг на друга, пытаюсь осмыслить полученную информацию.

— Слушай, — выдвинул предложение сыщик, — думаю, вернее всего будет пересечь границу Романтии и узнать у местных о преданиях, связанных с Небесной рекой. У тебя больше не осталось подсказок?

— Не осталось. Во время своего последнего явления он вообще со мной попрощался.

— Что значит попрощался? — напрягся напарник.

— Это значит, что он тянул время до твоего прилета и сказал, что

подумывал жениться напоследок, перед своим исчезновением.

— Та-а-ак, — протянул Фомка, нехорошо протянул. Мне тоже было не по себе из-за этого прощания с артефактом.

— Фом.

— Что?

— Как ты вырвался? — решила отвлечься от тягостных раздумий. — Сработала моя подсказка?

— Сработала, — ухмыльнулся напарник, — тебя увели из комнаты, и на меня тут же Мордефунт напал, стал пытаться насчет ковра, вытянул информацию и отрядил со мной послушников, чтобы те забрали волшебную вещь и доставили в храм. Когда мы пришли на место, нас там уже ждали.

— Дай угадаю, представители антиволшебной секты?

— Они самые.

— Их Липид предупредил, он ведь в комнате во время разговора присутствовал.

— В общем, насели на меня с обеих сторон, а я показал место, где зарыл свой рюкзак. Золотое правило сыщика — не прячь все яйца в одной корзине. Они там затеяли потасовку, выясняли, кто первым отроет мой рюкзак, а я вытащил из-под камня твой, потом достал спрятанный в ветвях дерева ковер. В этот момент сказался перевес в силах, антиволшебники стали одерживать победу, отобрали рюкзак у послушников, открыли — и не нашли в нем ковра. Я еле успел докрутить последнюю ниточку, как они всем скопом бросились ко мне. Одна парочка уцепилась за ковер с обеих сторон, насилию отодрал, уж очень настойчивые ребята оказались. Отправил обоих на макушку дерева. Кстати, один — послушник, а один — сектант. Может, пока сидят, договорятся о взаимодействии?

— Ага, и организуют всеобщую секту, в которой одни будут изымать магические вещи, а другие прятать их в храме.

— А почему именно Небесная река, Аленка?

— В ней хотят утопить артефакт. Согласно Ирийским сказаниям, это единственное место, где возможно от этой магической вещи избавиться.

— М-да, плохо дело. Значит, какой-то фанатик уже торопится к этой реке, а мы еще не знаем, где она находится.

— По крайней мере, в нашем королевстве новая гильотина и гуманные методы лишения жизни, это тебе не костер, — очень оптимистично заявила я.

Фомка искоса глянул и ответил:

— Отдохнуть тебе пора, Аленка, такой энтузиазм меня пугает.

Глава 12

РЕКИ, ГОРЫ И ПОЛНАЯ РОМАНТИЯ

Мы пили. Нет, не так. Мы ПИЛИ! Сидели и запивали стресс. То есть пили и пили. И делали это совершенно безбожно, потому что поминали недобрым словом всех последователей божественного провидения.

— Фом, я пас, — заплетающимся языком сказала напарнику и попыталась сползти под стол, но сыщик поймал меня за шиворот и аккуратно уложил мою опьяневшую голову щекой в салатик. Он, конечно, хотел устроить ее рядом с тарелкой, но промахнулся, а я не стала протестовать и попутно решила закусить кусочком огурца.

— Эй! — махнул рукой Фомантий. — Человек! Тащи еще пинту адского пойла!

— Позвольте заметить, друг, вы не правы, — раздался совсем рядом вкрадчивый голос, и к нам за столик кто-то присел. Я не видела кто, но, судя по голосу, кто-то мужской.

— Вы ведь не из Бурундии родом? Хотя пьете знатно.

— Повод есть, — пробурчал напарник.

— Я заметил, ваша спутница немного устала, позвольте составлю вам компанию, ведь питье в одиночестве уничтожает в алкоголе великую социальную функцию.

— Седай, — дал добро Фомантий.

— Разрешите поделиться советом опытного выпивохи. Сначала следует заменить напиток. Поверьте, в карте вин данного питейного заведения имеются куда более изысканные марки. Я предлагаю вам остановиться на нектаре. Что скажете?

Фомка сказал: «Угу».

— А лучшей закуской к этому дивному, выдержанному напитку послужит амброзия. Правильная закуска не крадет градус, да и алкоголя поместится больше. Более того, в верно подобранном блюде удобней дремать, ведь, право слово, предлагать даме салат в качестве подушки неэстетично.

Буквально через пару минут расторопный разносчик принес нам все указанные кушанья и напитки, а мне заменили тарелку на другую, с чем-то воздушным, мягким, с изумительным запахом.

Я не стала протестовать, ведь люди проявили заботу, да и кисловатый

запашок огурца начал раздражать.

— Так ты бурундиец? — продолжил разговор мой напарник.

— Все верно. Я исследователь. Путешествую по разным странам в поисках новых неизведанных напитков, чтобы составить самую полную карту вин в мире. А каким ветром вас навеяло в эту удивительную страну?

— Фольклор изучаем, — жуя, ответил Фома, — предания местные про реки.

— Да вы что?

— Угу.

— Значит, вы тоже исследователи?

— Похоже на то.

— Эй, человек! Мне и моим коллегам по две пинты нектара, самого лучшего! Я угощаю! — щедро предложил бурундиец.

Мне тоже поднесли две кружки и поставили рядом. И хотя я была не в состоянии составить компанию, но, опять же, внимание люди уделили, и я снова обошлась без протестов.

В этот миг к нашему столику подошел еще кто-то и тоже мужской.

— Пиванис!

— О, добрый друг! — судя по хлопкам, старые знакомые крепко обнялись и приветственно похлопали друг друга по спинам.

— Друзья, — а это уже бурундиец обратился к нам, — позвольте представить хозяина данного заведения.

— Я узнал тебя по заказу и вышел приветствовать, — радостно сообщил приятелю хозяин.

— Я встретил коллег, и мы не могли не воздать почестей лучшему нектару в Романтии. Они исследователи рек. Собирают старые предания. Друзья, лучше Брутуса никто вам не расскажет о легендах королевства. Верно я говорю, добрый друг?

— Верно! Сколько историй люди носят в таверны, чтобы в пьяном угаре обогатить ими умы всех, кто готов слушать! Самая глубокая истина кроется на дне винной бутылки.

Надо же, я полагала, там кроется осадок. Однако послушать опытных людей мы готовы в любое время. Профессиональная привычка.

— Ты присядь, присядь, мой друг. Только осторожней, здесь дама.

— Прошу прощения, — обратились ко мне, — не имел намерения вас потеснить. Впрочем, в дружной компании теснота не повод для обиды.

Экий философ этот хозяин питейного заведения! Он меня даже не подвинул, не то что потеснил. Дыхнул разве что в мою сторону.

— Выпьем, друзья! — раздался счастливый голос бурундийца

Пиваниса. — За наше знакомство.

Все дружно выпили.

— Вы чувствуете, друг мой, как тонко вкус амброзии вплетается в дивный букет нектара? — уточнил бурундиец у сыщика.

— Вплетается, — малоразборчиво подтвердил Фомка.

— Как полагаете, девушке удобно? Может, шея затекла? Не стоит ли повернуть голову в другую сторону?

— Подожди немного, Пиванис. Крепкий сон женщины укрепляет бодрый дух окружающих ее мужчин, поэтому сначала заменим тарелку. Кто, как не эти хрупкие создания, вдохновляет нас покидать теплые дома, на дружеские застолья? Однако даме не полагается спать в одном и том же блюде. Разносчик, новую тарелку! Все за счет заведения, и не желаю слышать протестов.

Нет, я знала, конечно, что лучший способ получения информации — это хороший собутыльник из местных, однако столь вежливые и философские личности вгоняли меня в ступор. Бурундиец был до неприличия мил, а хозяин слишком любил блеснуть красноречием.

— Нет, нет! Я плачу! Это мои коллеги.

— Даже не спорь!

А мы до преданий сегодня доберемся?

Кажется, я и правда задремала под равномерный гул пререканий, потому что проснулась, когда меняли блюдо и очень бережно поворачивали мою голову в другую сторону.

— Говорят ведь, что вино и мудреца сведет с ума, — рассуждал тем временем хозяин.

— Что верно, то верно, — поддакивал бурундиец. — Пить нужно с толком. Вот был у нас один умелец, хороший рыбак, а как-то отправился на рыбалку после двух кувшинов отборного хмельного напитка и вместо реки оказался в море. В Бурундии моря отродясь не водилось, поэтому как он там оказался, никому до сих пор не известно. Но мало того, он заметил в море дельфинов и недолго думая решил с ними искупаться. Сиганул с борта, и, как только ближайшего дельфина ухватил за плавник, так и распознал в нем акулу. Насилу тогда спасся.

— У нас таких баек не перечесть. Чего только люди во хмелю не творили!

— Реки осушали? — попробовал натолкнуть собеседников на нужную мысль Фомка, и я снова поразились нестигаемости напарника.

— Про реки болтают, что их названия древние в винном угаре придумывали. Вот река Отдохновения божеств, откуда название пошло?

Все один знаменитый балагур и весельчак, ополовинив в таверне хороший бочоночек с элем, поехал дальше своим ходом, а по дороге остановился освежиться. Сошел на берег реки и остолбенел: купаются в ней девы и мужи прекрасные, и сразу заметно, что не люди. Сияние от них исходит волшебное и красота нечеловеческая. Только никто, кроме балагура, божеств в той реке не встречал.

— А в Бурундии, сказывают, протекала Пиратская река. По ней торговые корабли в другие страны проплывали и, говорят, не раз и не два замечали на судах кровожаднейшего за всю историю пирата, самого Облачка Лю.

— Какого Лю? — поддержал разговор все еще вменяемый Фомка.

— Облачка! Это имя до сих пор наводит ужас и вызывает трепет. Пират прославился тем, что вывез на своих лодках бесчисленное количество рабов и сандалового дерева. Его не раз пытались поймать, но не смогли. Из-за того даже название реки изменили с «Пиратской» на «Красную». Мол, нечего пиратам почести воздавать.

— И у нас в Романтии есть реки, у которых названия меняли. Вот Голубая прежде называлась Кристальной, так как на ее дне каждый камешек виден, ну а позже завод по производству голубого рома выше по течению поставили, и все, стала река Голубой.

— Цвет сменила? — улавливать ход мысли собеседников становилось для Фомки все труднее. Новые знакомые умудрялись рассказывать свои притчи и попутно опустошать кружки с нектаром, а сыщику приходилось составлять им компанию.

— Не сменила, но всем, кто в ней искупается, воды потом кажутся голубыми.

— А реки... ик... реки Времени у вас нет?

Фомка решил идти напрямик, понимая, что время бодрствования его сознания на исходе, однако напрочь перепутал названия. Река Голубая натолкнула его на воспоминания о Небесной, но нектар окончательно затуманил разум, и напарник спросил про совсем другую реку.

— Чего нет, того нет. Была одна такая прежде, в горах протекала, высоко-высоко, ее в народе даже Небесной окрестили, — вот тут я умудрилась оторвать голову от тарелки и открыть один глаз, — но потом она исчезла. Пересохла, похоже.

Это как так исчезла? Как пересохла?!

Градус трезвости в организме резко повысился от такой новости. Я скосила глаз на Фомку, но напарнику уже было все равно, его не беспокоили ни реки, ни артефакты, ни тем более современные методы

казни. Сложив мощные руки на столе, а поверх них опустив взлохмаченную голову, мой несгибаемый и стойкий сыщик попросту спал, оставив меня один на один с пренеприятнейшим известием.

— А если я категорически возражаю? — возмущенно высказалась, обозлившись на все реки мира и введя в священный трепет нашего компанейского коллегу.

— Дама возражает! — дико расстроился бурундиец и даже подскочил на ноги.

Что самое удивительное, он на этих ногах устоял! Ведь судя по количеству кружек, выстроившихся на столе рядом со мной, они уже уговорили по десять пинт на каждого. Правдивы все же слухи, что бурундийцев приучают к вину едва ли не с пеленок.

— Возражения прекрасной леди — это худшее, что можно вызвать! — продолжал сокрушаться Пиванис. — Как завещал своим потомкам великий бог вина Бухатус: «Всегда пейтесь об удовольствии женщины, ибо довольная женщина — это лишняя пинта эля и хорошая закуска к нему».

— Истинно так, — кивнул хозяин.

— Как нам все исправить? — Бурундиец выжидательно воззрился на меня, а я, по правде, немного растерялась. Это что же им сказать — верните реку обратно? Все же трезвый пьяному не собеседник, у нас явно получилось недопонимание.

— Нам бы, — я старательно подбирала слова, не хватало еще и в этой не в меру гостеприимной стране влипнуть в какие-нибудь неприятности, — нам нужно туда, в горы. А то такая известная река — и вдруг исчезла.

— Ах, тут я помочь не в силах, — искренне огорчился бурундиец, — я ведь не местный, сам сколько уже времени не могу уйти дальше этой таверны, а все здешние законы.

— Да, законы у нас непростые, — со вздохом подтвердил хозяин, — но, как рекут великие: «Суровость закона говорит о его человеколюбии».

— А насколько здесь любят человекoв? — уточнила с подозрением.

— Ну, — замялся хозяин, — разрешение вам нужно получить на посещение пересохшего русла, а иначе в горы не пустят. У нас в горах и птицам без разрешения летать нельзя.

Наверное, я поторопилась насчет здешнего гостеприимства.

— А где получить разрешение?

— В Романтийском едином центре услуг, больше негде. Только сначала там же оформите временную регистрацию и зафиксируйте время пересечения границы. Боюсь, что сегодня не успеете, сначала вам нужно подыскать себе место для ночлега и там же получить талон с адресом и

точной датой прибытия, — очень подробно пояснил хозяин.

— В этом плане вам повезло, — радостно улыбнулся бурундиец, — вы можете остановиться прямо здесь. У моего доброго друга есть разрешение на прием иностранных постояльцев.

...И почему у меня ощущение, что мы с Фомкой снова вляпались в историю?..

— А я вам говорю, что не обязана проверять принимаемые документы! — Очень серьезная дама в очках с исконно романтийским именем Мегера в который раз доказывала обалдевшим сыщикам, что они не донесли очередную нужную справку.

— Но ведь вы проверяете! — предприняла я попытку указать на очевидное.

— Отнюдь. Я лишь сверяю с перечнем необходимых для оформления пропуска бумаг.

— А почему бы не сказать сразу, какие документы нужны? Ведь уже в пятый раз к вам возвращаемся.

Мы с Фомкой с раннего утра, едва очнувшись (Фомку пришлось безжалостно расталкивать), только и делали, что бегали в этот их центр, а потом шли в очередное специализированное учреждение, выстаивали очередь, приобретали нужный бланк, заполняли согласно форме и возвращались к строгой тетечке в очках.

— Я вам только что объяснила, неужели непонятно? И не хамите мне, девушка! Моя работа — просто принять. Я же пытаюсь помочь, потому что иначе вам вернут все бумаги с требованием донести и дозаполнить. Разве не вы желаете получить все прямо сегодня?! Разве не у вас вопрос жизни и смерти?! — И она так скривилась, словно была здесь единственной, кому эта самая смерть грозила, и к тому же исключительно по вине настырных сыщиков.

Не знаю, кого как, а меня подобная несокрушимая логика просто убивала. Теперь все понятней становилось, почему Пиванис застрял именно в Романтии и никак не мог продвинуться дальше в своих исследованиях. Я же все больше осознавала, что наши шансы добраться до артефакта стремительно приближаются к нулю.

— Одно счастье, Фом, — со вздохом повернулась к непривычно бледному напарнику, — возможно, нашего уничтожителя артефактов тоже задержали на самой границе.

— И на ковре быстрее перемещаться, — попытался проникнуться оптимизмом мой товарищ.

— Пойдите! У вас отдельное транспортное средство и вы молчали? — тут же встряла в разговор строгая тетечка, а очки укоризненно блеснули. — Вам необходимо оформить разрешение!

Мне захотелось взвыть.

Смеркалось.

Уйма времени была убита на оформление документов, а к концу рабочего дня нас собрались вытурить из центра с настоятельной просьбой прийти завтра. Вопрос жизни и смерти мог потерпеть один денек ради более важного процесса, связанного с правильным оформлением необходимых бумаг.

Два взмыленных сыщика встретили это предложение без энтузиазма, а потом Фомка встал и со словами: «Я принесу все необходимое!» — исчез за дверью, оставив меня сидеть на стуле, в который я вцепилась изо всех сил, дабы не вцепиться в прическу строгой тетечки. Вернулся напарник минут через десять. В руках он нес большой торт, который водрузил на стол романтической барышни со словами: «Это за вашу помощь».

Я смотрела на кремовое чудо ошалевшими глазами, понимая, что Фомка спустил на него последние монеты, оставшиеся после покупки плащей и ботинок для меня. Строгая тетенька, заметив мой взгляд, напряглась и быстро пододвинула торт к себе. После этого она с не замеченной ранее живостью достала из стола печать, подышала на нее и поставила большой жирный штамп в нижнем углу официального разрешения. Как по волшебству к нему тут же присоединились дозволение на вылет и пояснительная об осмотре русла реки Времени.

— Летите с миром, — добавила тетенька, махнув на нас рукой, а сама достала из стола большой нож и примерилась к невероятно вкусному на вид угощению.

Уже на улице я тоскливо взглянула на Фомку, а он пожал плечами и буркнул: «Если уж волколоты любят торт, то мегеры и подавно. Я пошел на крайние меры, Аленка. Все ради дела».

Мы летели над равниной, за которой, собственно, и начиналась гряда холмов. Летели и понятия не имели, что мы там найдем. По всем данным река пересохла и ее попросту не существовало. Впереди нас ожидали последняя ночь, полнолуние, а за ним тот самый рассвет, когда наш непоцелованный неугомонный дух удерет на свободу, а мы с Фомой склоним повинные головы на выкрашенном свежей краской и специально для этого случая увитом цветами помосте.

— Подлетаем, — информировал меня сыщик.

Он весь день сегодня был молчалив и непривычно бледен, а временами даже зелен. Кажется, лучший нектар Романтии казался таковым только Пиванису, поскольку бурундиец не успел попробовать других нектаров, а мне сильно повезло, что обошлась адским пойлом. По крайней мере, цвет лица сохранился нормальным, а захваченные в таверне любезного Брутуса пирожки совершенно свободно попадали в желудок и не требовали, чтобы их немедленно выпустили обратно.

Что и говорить, в наших совместных расследованиях Фомка всегда брал на себя самые сложные задачи и отдувался за двоих, поэтому я его искренне жалела.

— Какие предположения, Аленка? — позеленевший в очередной раз сыщик мужественно запрокинул голову, глотая свежий горный воздух, а я задумалась, как лучше сформулировать ответ.

— Полагаю, поступить следует так: отыщем пересохшее русло, а затем полетим к истоку, попытаемся обнаружить место, где река брала начало. Реки ни с того ни с сего не пересыхают. Может, произошел обвал, сформировалась искусственная плотина, река разлилась и превратилась в озеро или что-то подобное. У нас с тобой больше вариантов нет.

— Ищем, — кивнул Фомантий и судорожно сглотнул.

Я снова легла на живот и свесила голову, а сыщик настроил высоту полета, чтобы нам удобнее было обозревать поверхность.

— Вот оно! — указала я рукой на длинное узкое углубление с задернованными склонами и пересохшим дном. — Судя по карте, это точно река Времени, летим над ней, Фом.

Извилистая лента тянулась между холмами, солнце уже скрылось за горизонтом, на небе повсюду зажигались яркие звезды и красовалась полная луна. Я взглянула на круглый белый шар и закусил губу — никогда еще ночное светило не вызывало такого количества эмоций — от глухого раздражения до острого отчаяния. Кабы знать, поклоняются ли в Романтии божеству луны! Я бы тогда точно помолилась, чтобы она сегодня вообще не всходила.

— Впадина, Аленка. — Напарник указал вниз, а ковер начал стремительно снижаться.

— Это точно не исток, — заявила я несколькими минутами позже, когда мы обошли котлован по кругу, — мы летели не в том направлении.

— Устье, — с досадой подтвердил напарник.

— А знаешь, Фом, чем волколотики отличаются от мегер?

— Чем? — спросил жутко разочарованный сыщик.

— Они после получения тортика действительно отпускают с миром, а

мегеры подсовывают карты с неправильными пометками.

— Дала нам первую попавшуюся, Аленка, чтобы мы поскорее ушли.

— Это уже не важно, поскольку время потеряно впустую и нужно лететь обратно.

И снова мы погрузились на ковер и помчались вдоль русла, стараясь не потерять его из виду, хотя все указывало на то, что река действительно пересохла. Однако отступить я не могла. Столько времени и сил было потрачено на погоню за артефактом, и каждый раз золотой шар ускользал, когда казалось, что вот-вот найдется, но мы опять заходили в тупик.

Я заскрипела зубами, прикрыла глаза и попыталась отключиться ото всех эмоций, усталости, злости, а потом выдохнула:

— Летим быстрее.

— Предельная скорость, Аленка. Да и нет там воды.

— Все равно летим.

— За воздух хватаешься, напарник.

Я молча сложила руки на груди и приняла самую решительную позу. Не сдамся. До последнего не сдамся.

Мы тщательно обследовали каждый камень горного завала, засыпавшего устье реки Времени и все растущие рядом кусты. Судя по представшей глазам картине, камни завалили источник, и река исчезла.

Я сползла с очередного валуна, обняла его и прислонилась к холодному камню щекой, позволив себе секундную передышку, и вдруг мне послышался шум. Сердце екнуло от волнения, я насторожилась, а потом быстро распласталась на земле и приложила к ней ухо.

Звук исчез.

Схватившись с досады за волосы, я тряхнула головой, а затем снова прижалась щекой к валуну — и вновь услышала монотонный журчащий звук.

Ведь не показалось, точно не показалось!

— Фом! — Мой крик разнесся далеко по округе, напарник выскочил из кустов, точно перепуганный кролик, заметил, что я лежу на земле, подошел и присел рядом на корточки.

— Что?

— Шум. Точно вода шумит, послушай.

Фомка прилег рядом и замер.

— Похоже.

— Она внизу, Фом, внизу! — Я настолько воодушевилась, что готова была рыть землю зубами, лишь бы добраться до журчащего источника. —

Среди камней должна быть расщелина, река промыла себе дорогу и ушла под землю. Поэтому возле валуна так хорошо слышно.

— Мы можем не пролезть, Аленка.

— Давай искать лаз. Ведь антиволшебник должен был как-то спуститься. Уж его точно снабдили всем необходимым. Шумит здесь, значит, ищем поблизости.

На некоторое время мы с сыщиком уподобились двум вынюхивающим добычу гончим, рыскающим среди зарослей, потом земля рядом с одним камнем вдруг показалась мне слишком мягкой.

— Фом!

Набрав в грудь больше воздуха, я уперлась руками в камень, а подоспевший Фомка тут же оттеснил меня в сторону и в одиночку сдвинул валун.

Глава 13

ВРЕМЯ И ЕГО ВРАЩЕНИЕ

Лаз был явно рассчитан на взрослого мужчину. Причем секта точно выбрала не самого хилого послушника, поскольку, по моим ощущениям, в этот проход мог пролезть даже Фомка.

Я схватила камень и бросила в темноту, а когда услышала стук, сделала вывод, что до дна пещеры недалеко. Достав из своего рюкзака веревку, обвязала ее вокруг талии, а второй конец взял в руки сыщик. Схватив за руку, Фомка стал медленно опускать меня в лаз, а затем выпустил, и веревка натянулась. Я ухватилась за нее и повисла в свободном пространстве, а ноги нащупали твердый камень.

Подергав за веревку, подала знак напарнику, а минуту спустя твердо встала на ноги и отошла в сторону, ожидая, пока вниз спрыгнет Фомка. С его ростом сыщику даже веревка не требовалась, он просто протиснулся в отверстие и вскоре приземлился рядом со мной.

— Темень, хоть глаз выколи, — попенял сыщик, — а фонарик остался в моем рюкзаке.

— У меня только спички, но, думаю, лучше не выдавать себя.

— Угу, — согласился Фомка и схватил меня за руку.

Ощупав стены, определили, что очутились в небольшой подземной пещере, где я могла встать в полный рост, а напарнику приходилось пригибаться. Водя ладонями по холодному камню, мы двинулись вперед. Река шумела совсем рядом, где-то за каменной стеной.

Мы старались шагать осторожно, производя как можно меньше шума. Вдруг сбоку подул легкий ветерок, а шум реки стал громче. Затянув меня в боковое ответвление пещеры, напарник резко ускорил шаг, в лицо дохнуло новым потоком воздуха, и впереди обозначилось приглушенное свечение.

Мы дошли до выхода из каменного коридора и синхронно прижались к стене. Теперь вода шумела совсем громко. Нам видна была лишь часть нового тоннеля, вот именно оттуда вытекала в созданный природой горный зал мелкая, но относительно широкая речушка. В нее можно было ступить ногами и не намочить их даже по щиколотку, однако чуть дальше вся эта масса воды обрывалась водопадом с каменного уступа. Подземное эхо разносило шум, делая его оглушительным. А еще от воды исходило слабое голубоватое свечение, и выглядел подземный пейзаж очень даже

впечатляюще.

Впрочем, замерли и распластались вдоль стен мы не по этой причине. Просто в первый миг я и мой замечательный напарник малость струхнули. Я дала слабинку и не проявила положенной отваги, потому что с недавних пор стала особенно чувствительна ко всяким подземным коридорам и подсознательно ожидала от них пакости. Хорошо, что сама пакость нас совершенно не ожидала, она преспокойненько стояла себе на месте, крутила обеими головами по сторонам, а при этом ее конечности копошились в похожем на наши с Фомкой вещмешке.

Не зря говорят, что внешность обманчива. Я заподозрила обман через несколько минут после пристального рассматривания пакости. Станным показалось, что, роясь в мешке, она даже один из длинных клювов в него не засунула. Как можно искать что-то в чем-то, крутя головой в разные стороны?

В этот миг Фомка махнул рукой, привлекая мое внимание, и изобразил неприличный жест. На нашем с ним языке это означало «Хреновка или дурная маскировка». Вот на кой этому посланнику антиволшебников (а я его уже признала по серому плащу) понадобилось цеплять на себя маску какой-то двуглавой птицы, если от шеи начинался плащ, а не перья? Или это традиционный костюм для уничтожения артефактов, или у него нет разрешения, и антиволшебник притворился чудовищной тварью, лишь бы пробраться к реке. Если он пернатое, то с размером не угадал. А если конечности — это крылья, то для начала хотя бы больше перьев воткнул, а то сильно ощипанная птишка получилась.

Я очень возмутилась. Извините меня, это ведь форменное издевательство! Почему двум благородным сыщикам нужно весь день мотаться, точно полоумным, по разным заведениям, дабы соблюсти все местные правила и получить разрешение, а другим достаточно нацепить идиотский наряд? Я бы тоже могла скинуть свой плащ и пролететь на ковре мимо поста ведьмой в полосатых чулках. Как это чудо-юдо заставу горную миновало? По откосу проползло? И эти там возле будки в нем ничего человеческого не углядели? Или перепугались настолько, что сделали вид, будто никто мимо не ползет? А подумать головой? Оно же лететь должно, судя по наряду!

Фомка махнул рукой, прерывая поток моего бурного, но молчаливого возмущения, и снова указал на вскочившую на ноги пакость. У нее действительно оказалось человеческое лицо, хорошо видное теперь, когда это нечто подняло голову. Однако физиономия антиволшебника меня совершенно не заинтересовала, поскольку алчущий взгляд приковали к

себе «крылья», в которых переливался и тускло светился золотой шар.

У меня даже ком подступил к горлу. Ну неужели вот он, вот, на расстоянии нескольких шагов? Гадость ты золотая, родненький артефактушка, только бы дотянуться, только бы в руки заполучить, королю показать, а потом сама с удовольствием в реке утоплю.

Напарник осторожно двинулся вдоль стенки, попутно дав мне знак. Он предлагал действовать сообща и брал на себя задачу по отвлечению внимания антиволшебника. Я кивнула, что все поняла, и бросила быстрый взгляд в сторону довольного птица. Тот наконец стащил с головы кошмарную маску и стал не спеша освобождать телеса от неудобного костюма, готовясь провести ритуал утопления.

А дальше события развивались стремительно. Фомка рванул вперед первым и почти настиг злодея, когда тот успел стянуть лишь одно крыло. Стоит отдать должное хорошей реакции топителя артефактов. Не зря именно ему поручили такую важную миссию спасения всей Тьмутьмии. Он вскинул голову и успел отклониться в сторону в последний миг, попутно подставив Фомке подножку. По его расчетам сыщик должен был упасть и прокатиться на животе туда, где весело шумел водопад. Однако Фомантий у меня всегда был парень не промах, он перепрыгнул через выдвинутую ногу, но вот на экстренное торможение и разворот ушло драгоценное время. Именно его вор использовал, чтобы замахнуться артефактом в сторону обрыва.

Утонул бы наш золотой с веселым бульком, кабы тьмушник принял в расчет меня и тот факт, что я повисну на его спине, вцепившись в руку. Замах не вышел, и артефакт не полетел, а покатился к водопаду, постепенно набирая скорость. Я свалилась со спины пакости тяжелым кулем и, пока Фомка сбивал противника с ног, прошмыгнула под вытянувшимися ко мне руками. У меня оставалось всего несколько секунд, чтобы успеть схватить золотой шар перед его падением в бездну.

Совершив прыжок, я вытянулась вперед всем телом, выбросила руки и, упав, пропахала животом каменный пол, но дотянулась кончиками пальцев до шара и поймала его над самым обрывом. Ладони намертво обхватили гладкую сферу, и я пронзительно завизжала:

— Фома-а-а-а!

Ухватив шар, я сама лишилась возможности ухватиться за что-то, злосчастная инерция продолжала тянуть вперед, а рядом веселым каскадом срывалась с обрыва река Времени.

Я пыталась тормозить ногами, но это не помогало, уже половина туловища зависла над бездной, из которой на лицо брызнули водяные капли

и пахло сыростью, остальные части тела медленно смещались следом. Внизу виднелись глубокое озеро и стремительно вращающаяся воронка, которая закручивалась против часовой стрелки. Скопившаяся масса воды постепенно втягивалась в нее, исчезая в еще одном провале горной породы.

Я перестала дышать, когда по камням проехала грудь, затем живот, следом скользнули бедра... Зажмурившись, сорвалась вниз, ощутив секунды свободного полета, а потом резкий рывок и неслабый удар локтями о каменную стену обрыва. Тут же раскрыла глаза — от рывка вышибло дух из груди, и я едва не упустила шар. Помогло лишь то, что пальцы так крепко вцепились в артефакт, будто приклеились к золотой поверхности.

Фомантий уже тянул меня вверх за щиколотки, локти ныли, тело саднило, но душа ликовала.

С громким «уф!» напарник вытянул меня на пол перед обрывом, уложил на каменной плоскости. Неподалеку без сознания лежал пришибленный тьмутъмиец, не выстоявший против крепкого сыщика, а птичий наряд и вовсе успел превратиться в лохмотья. Сыщик попытался отобрать у меня артефакт и не преуспел.

— Аленка! Отдавай.

Я отрицательно покачала головой.

— Моя прел-лесть!

— Ночь на исходе, прорицателя обращать пора, а ты вцепилась! А ну разжимай пальцы!

Вот Тьмутъмия! Его еще и целовать придется! Чудовище этокое!

Сыщик помог мне сесть, поддержал за спину мое напрочь ушибленное тело, и я наконец разжала ладони и взглянула на тускло светящийся шар.

— Как его вызвать? — уточнил Фомка.

Я пожала плечами, поворачивая артефакт в разные стороны. Кнопки не было, грани не смещались, половинки в разные стороны не проворачивались. Просто цельный золотой шар с вензелями, за которые дергать бесполезно.

— Его же из шкатулки доставали. Крышку откидывали, листик держали... Фом, дай что-нибудь, артефакт накрыть.

Напарник не придумал ничего лучшего, как подать мне одно из крыльев.

Я накрыла шар и даже подоткнула перья со всех сторон, чтобы полностью изолировать артефакт от внешнего света, подержала так несколько минут, а потом отбросила крыло в сторону.

Пару секунд ничего не происходило, а затем вокруг разлилось золотое

свечение, ослепившее отвыкшие от такого сияния глаза, и посреди горной пещеры возник золотоволосый обнаженный мужчина.

Он посмотрел на нас равнодушным взглядом, поднял выше голову и громко произнес:

— Какое предсказание вы, воззавшие к силе солнечного артефакта, желали бы услышать?

Фомка нахмурился, перевел взгляд на меня, а я... Я открыла рот и кроме громкого хрипа не смогла выдавить ничего. По телу прошла волна дрожи, меня затрясло так, что, даже вытянув вперед руку, я никак не могла удержать ее ровно и коснуться стоявшего совсем рядом мужчины. Кое-как я все же дотянулась до него и... ладонь прошла сквозь проекцию.

— Подделка, — в шоке выдохнул Фомка.

Фальшивка! Обманка! Липа!

Настоящий артефакт вообще так не разговаривает! Это всего лишь имитация золотого шара, искусная вещица, изготовленная волшебниками для нашего короля. Та самая, с помощью которой обманывали послов и всех остальных, кто мог похитить ценную вещь. И именно по этому ложному следу мы все время шли!

— Где мы прокололись, Аленка? — Фомка сжал голову руками, а я... я пнула золотой шар изо всех сил, он со звоном покатился по камням, врезался в стену, а проекция пошла рябью, точно вода, и исчезла. Отскочив от камня, поддельный артефакт покатился в противоположную сторону, и я с мрачным удовлетворением наблюдала за его падением с обрыва.

— Не мы — я! Я прокололась! Я вела следствие, — голос сорвался на шипение, — с-с-с...

— Сбились со следа? — подсказал Фомка, пытаясь держать себя в руках. Он очень старался, но подрагивающие кулаки подсказали, что напарник, как и я, хотел сокрушить все вокруг.

— С-с-сволочь!

Желание бить и крушить становилось все сильнее, я начала кровожадно посматривать в сторону тьмушника, который либо все еще был без сознания, либо попросту притворялся, опасаясь лишней раз пошевелиться.

— С-с-свинтус! С-с-сатрап! С-с-сквернодей! С-с-сколопендра! С-с-саядуга! С-с-склещ! С-с-склоп! Это все он, Фома! Все он! С-с-стервец! С-с-сумел провести! Убью мерзос-с-сть!

— Как ты его убьешь? До восхода меньше часа.

Напарник прислонился спиной к каменной стене и толкнул носком

ботинка неподвижного антиволшебника. Мой сыщик отличался таким нравом, что закипал медленно, подобно чайнику, но вот гневному Фомке лучше было не перечить и вообще на глаза не попадаться.

— Он вел нас по ложному следу, ты понимаешь? Все его подсказки, все его проекции... Где эта зараза?!

— Вещи пакует в далекое путешествие на свободу. — Голос напарника становился все глуше, в нем проскальзывали ну очень нехорошие нотки, а взгляд снова многообещающе остановился на тьмутьмийце.

— Ну нет! Нет! Обвести нас вокруг пальца и спокойно исчезнуть?!

— А есть варианты? — Выдержка Фомки дала большую трещину, и он кивнул на антиволшебника. — Давай гада этого, из-за которого в горы поперлись и столько времени потеряли, тоже с обрыва скинем!

Я взглянула на тело, которое хоть и не двигалось, но выглядело сейчас таким несчастным и беззащитным, что на мгновение даже жалко стало. Хотя — только на мгновение.

— Давай, — кивнула я.

Однако стоило напарнику сделать шаг в сторону антиволшебника, как последний взвился на ноги с такой прытью и таким громким воплем, что даже уши заложило. Он рванул от нас в глубину тоннеля, через который я и Фомка спустились под землю, нарушив тем самым кровожадные планы двух озверелых сыщиков.

Напарник громко вздохнул и уселся на пол, а я заходила взад-вперед по пещере, на ходу пиная остатки маскарадного костюма.

— Ведь все так отлично сходилась. Подсказки каждый раз приводили к новому результату, все вписывалось в общую картину, за исключением разве что одной да еще дурацких снов.

Я резко затормозила.

— Сны! Фомка, они словно специально насылались, чтобы меня отвлечь. Но от чего? Разве что от настоящей зацепки? От того, что могла заметить, но упустила? Первый сон я увидела по пути к волшебнику и все размышляла, какой в нем смысл. Второй приснился перед визитом к советнику, опять же в Волшебнии. Что же там было такого в этих двух событиях? Нечто общее, Фом?

— Да что общее? Сначала волшебник нагло себя вел, потом перенервничал, попытался с нами договориться, затем и вовсе с перепуга изменил твой наряд.

— Угу.

— Ну а советник все время себя нагло вел, там больше мы нервничали. Давил своей магией, выяснял, как бы ему и артефакт к рукам прибрать, и

тебя заодно оставить.

— Нервничали, Фом! Вот именно. Когда Джун Шир нервничал, он пил воду, ты помнишь? Советник нам тоже предложил испить, заметив наше состояние. Он две бутылки достал. Джун пил из синей, то есть дистиллированную воду. Ты понял теперь?

— Понял, что он пил дистиллированную.

— Нет, не в этом дело. Вспомни, как слуга пролил жидкость и долил воды. Откуда он взял воду? У него не было времени бежать в ванную комнату, он схватил то, что оказалось под рукой. На тумбочке могла стоять синяя бутылка, согласно предпочтениям Джуна ему приносили именно дистиллированную воду. На экспертизе же использовали обычную! Она не меняет свойств магнетической жидкости, но дистиллированная, Фом, другое дело! Ты понимаешь?

Мы считали, что свойства магнетической жидкости не изменились, что она подействовала на золотой листок, сбила полюс магнита, и он указал на поддельную шкатулку. Итог — послам вынесли настоящую и был украден настоящий артефакт. Но дистиллированная вода плохой проводник, жидкость совершенно не воздействовала на листок, полюс магнита не изменился, как думали все: ты, я, волшебник и даже королевские дознаватели. Листок указал на настоящую шкатулку, как и прежде, и хранитель вынес поддельную. Именно подделку украл посол и передал через слугу Джуну. Именно ее похитил этот пернатый, исполняя миссию уничтожения величайшего зла и угрозы для Тьмутьмии. И здесь снова артефакт постарался, неспроста такое предсказание распространилось, Фом. Он нарочно все спланировал, чтобы мы бросились вдогонку за подделкой и у нас не осталось времени.

— То есть твои сны...

Чистой воды обманка. Я слишком сосредоточилась на изучении деталей, пытаюсь найти логическую цепочку или подсказку, связать их с нашим расследованием, а это была пустышка, и я упустила из виду момент с водой!

— Вот же дух! Вот прохиндей! — покачал головой Фомантий. — И куда скрылся?

Я огорченно взглянула на напарника, постигая великий размах нашего прокола.

— Он у нас в конторе.

— А? — не поверил сыщик.

— Он тихие берега предпочитает, Фома. Лежит себе спокойно в настоящей шкатулке, которая стоит на полке с вещдоками.

— Что-о-о? Да такого не может быть, Аленка.

— Может! Может, потому что отец Джун Шира получил информацию о смене поставщика. Он с досады поменял форму деятельности, а вот его сын задумал отомстить королю и сговорился с советником, а тот отрядил посла за золотым шаром. Вспомни один момент — когда Ширы получили отказ, они, как полагается, послали запрос с требованием прояснить ситуацию. Джун показан мне листок как доказательство королевского вероломства. Я видела дату. Это число, когда исчез артефакт, а объяснялось происшедшее с Ширами тем, что качество продукции более не устраивает королевский двор. Джун божился, что за качество они отвечают, а значит, король, желая избавиться от лишних свидетелей, мог придумать для постоянного изготовителя другую, более достоверную отговорку, но написали именно о браке. В чем дело?

— Обнаружили какой-то неслабый дефект.

— Именно! Шар исчез! Вот тебе и дефект. Все решили, что настоящий похищен, а другой взял и испарился, и вторая шкатулка оказалась пуста. Некачественные подделки тем и отличаются — когда оригинала поблизости нет, фальшивка попросту исчезает, не получив нужной подпитки от волшебной вещи. Вот и все. Подмененный послом шар вытащили, шкатулку, считавшуюся настоящей, для большей сохранности вернули в тайник (где мы ее нашли), а вот реальную по ошибке всучили для так называемой экспертизы.

— Могли бы выдать оригинал.

— Они и выдали.

— По ошибке. А если на нем были отпечатки пальцев?

— Точно не было. Помнишь, «Звездное агентство» раньше нас все проверило и ничего не нашло, нам отдали точную копию, чтобы провели экспертизу, но при этом настоящую шкатулку из дворца не вынесли.

— Но в результате экспертизы ничего обнаружено не было.

— Да, никаких зацепок и следов, но он там, Фомка, он там! Артефакт все время был у нас под самым носом. Я не знаю, как он это провернул, о его свойствах, если помнишь, не нашлось никакой информации. Мы понятия не имеем, что способен делать дух. Может, он обладает свойством становиться невидимым... понимаешь?

— Понимаю.

— Паршиво, Фом.

— Паршиво. За час на ковре не долетим.

— Не долетим.

Напарник вздохнул, подпер голову кулаком и уставился в стену.

— Про какую неиспользованную подсказку ты говорила? — со вздохом поинтересовался сыщик. Он спросил безо всякой задней мысли, а вот я резко застыла и затаила дыхание.

— Мамочка! — шепотом прошептала я.

— Что?

— Время. Оно не переносится вперед и не крутится назад. Это единственное, что пока оставалось непонятным.

Я повернулась к краю обрыва, очень осторожно подошла и в ужасе посмотрела вниз, где черная вода закручивалась воронкой.

— Река Времени вращается против часовой стрелки, Фом. То есть это не провал в породе.

— Провал во времени?

— Не переносится, не крутится... Временем управлять не дано. Это провал в пространстве, Фомка... наверное.

Я с самым настоящим отчаянием посмотрела на напарника.

— Ну нет, Аленка, — покачал головой сыщик, — нет. Может, здесь какие-то особенные процессы, которые заворачивают реку не в ту сторону, а на деле она уходит в толщу горы. Этот гигантский водоворот тянет туда все, что падает вниз.

Я вновь посмотрела на воронку и ощутила острый приступ акрофобии.

— Не вздумай, — категорически заявил Фомка, — убьешься.

Либо на площади, либо здесь. Выбор невелик, но решаться на подобное самой намного страшнее, чем когда тебя вынуждают и тащат силой.

— Ой, ой, — шептала я, делая миллиметровые шажки к краю, — папочка!

— Хорошо, Аленка. Назад! — велел напарник и стал подниматься, желая оттащить меня от обрыва.

— Фомочка-а-а! — отчаянно выкрикнула я и оттолкнулась ногами от края скалы.

Мой пронзительный визг сотряс свод пещеры и резко оборвался, когда голова ушла под воду. Глубина озера оказалась такой, что, погрузившись в него полностью, я не доставала дна. Затаив дыхание, забарахтала руками и попыталась выплыть наверх, чтобы глотнуть кислорода, но течение уже подхватило и потащило к воронке. Меня закрутило в бурном водовороте, словно маленькую щепку, в голове потемнело от недостатка воздуха, потом меня поволокло вниз, засосало, точно пробку в бутылку, утянуло в воронку. Несколько секунд откровенной паники, когда я уже перестала анализировать то, что происходило вокруг, а потом резкий рывок вверх,

словно снизу толкнули изо всей силы, и я вынырнула, кашляя и отплеываясь в... В полнейшей растерянности огляделась вокруг: темные дома прижимались друг к другу на широкой улице, в окнах еще не горел свет, а на горизонте уже обозначилась светлая полоска. Я сидела в воде посреди круглого фонтана, а точнее, бассейна, поскольку фонтан еще не работал.

Потерев кулаками глаза, удостоверилась — мне не привиделось. Это Просвещения, мое королевство. Улица Листовая, та самая, на которой находится наша контора. Вон там, чуть наискосок от фонтана. Боже мой! Я все еще поверить не могла, только времени на сомнения совсем не оставалось, и солнце стремилось поскорее подняться над горизонтом.

Я доползла до бортика фонтана и, перевалившись через него, растянулась на земле. Потом, ухватившись за мраморную стену, с трудом поднялась на ноги. Коленки подрагивали, дыхание все еще не восстановилось, но я со всей решимостью оттолкнулась от фонтана и помчалась к конторе.

Ключей не было, даже лом в рюкзаке не завалялся, поскольку и рюкзака не было. Не стоило, конечно, уподобляться вандалам, но если речь шла о поимке золотой заразы, можно было решиться и не на такое. Я схватила с земли самый большой камень, который только смогла отыскать, и швырнула в окно (за это Савсен Савсенович мог открутить голову не задумываясь). Стекло с жалобным звоном посыпалось вниз мелкими осколками, а я подступила ближе и убрала торчащие из рамы острые куски, чтобы влезть внутрь.

Забравшись в кабинет шефа, проползла в своем мокром перепачканном наряде по усеянному бумагами столу (стол как раз стоял у окна) и спрыгнула на пол. Кабинеты мы не замыкали, так же как и чулан с вещдоками, но даже будь он заперт, это меня не остановило бы.

В полумраке приемной я повернула налево, с силой потянула за ручку, распахнула дверь и ворвалась в чулан. Шкатулка была там, наверху, но я даже не стала тащить сюда стул, вскарабкалась на самую нижнюю полку, затем на следующую, дотянулась до шкатулки, а потом рухнула вниз вместе с ней и громко треснувшей полкой. Всех этих ушибов и падений я попросту не замечала, ибо была одержима самыми примитивными чувствами: отыскать, достать, убить!

Я выбралась из чулана в приемную, где с каждой минутой становилось все светлее, и дыхание вдруг сбилось от испуга, что в эти последние минуты могу не успеть. Завела руки над головой, размахнулась посильнее и швырнула деревянную вещицу в стену с криком: «Выходи, подлый

артефакт!»

Крышка с громким треском отвалилась, бархатная подушка вылетела и упала на пол, замок отскочил, а нижнюю часть шкатулки пересекала большущая трещина. От развороченного замка отделился микроскопический шарик, покатился по полу, вращаясь все быстрее и быстрее и испуская знакомое золотое сияние. Если бы не этот свет, ни за что бы не заметила такую мелочь. Шар рос в размерах, и блеск становился все нестерпимее, я закрыла ладонями глаза, а когда открыла вновь, предсказатель уже стоял передо мной.

Золотое свечение волос и тела становилось все глуше, а потом погасло совсем — на расстоянии нескольких шагов от меня стоял обычный, живой мужчина. Он поднял руки и сжал ладонями голову.

— Аленушка, — вымолвило это чудовище, — ненаглядная моя, зачем же так бросаться?

О-о-о! Я бы многое могла ему сказать про «зачем» и «почему», даже рот открыла, но увидела за окном небо! Его уже прочертила золотистая полоска, и первый луч солнца норовил выскочить из-за горизонта.

Подобно бегуну на короткой дистанции я взяла низкий старт, разбежалась и прыгнула. Что и говорить, еще никогда в жизни не кидалась с подобным остервенением на совершенно голых мужчин. Он поймал меня и удержал, я же вцепилась пальцами в золотистые кудри и впилась в губы артефакта с бешеным желанием немедленно обратить его в человека, а первый солнечный луч пробился в этот миг в полутемную комнату.

Мое вырвавшееся из-под контроля страстное желание крушить, ломать и кусать совершенно неожиданным образом трансформировалось во что-то такое... ну такое... я даже понятия не имею, во что такое.

Премерзкий артефакт мне ответил! Он в своей наглоющей манере перехватил инициативу и теперь — у него нет совести! — меня целовал. С удовольствием, даже сказала бы, с наслаждением и с редким, стоит отметить, умением. Я немного растерялась, поплыла куда-то и о чем-то важном забыла. Согласно логике такого произойти не могло, но мне — боже мой! — это действие понравилось. Или не мне, а моим губам. Определенно губам. Мне оно не могло понравиться! Я бы это солнечное чудовище в землю закопала! А мои губы... эти предатели не возражали, они не подали в мозг сигнал укусить негодяя, а самым коварным образом раскрылись навстречу мужским губам! Таким мягким, но уверенным и настойчивым, очень странно воздействующим на мое сознание.

И я что-то совсем расслабилась, даже пальцы ослабели и не сжимали больше мягкие пряди артефакта, грозя выдрать их с корнем.

Когда процесс очень приятный, ему поддаешься безо всякого злого умысла — честно-пречестно, никакого умысла, все происходит по инерции. Ну как при торможении, тормозишь себе, тормозишь, а тебя все равно несет вперед. Вот и меня понесло. Может, вперед, может, назад, может, в сторону, направление сложно было определить, потому что заштормило, как в той воронке. А страсть все усиливалась, температура тела возрастала, удовольствие трансформировалось в блаженство.

И как кульминация этого необъяснимого с точки зрения здравого смысла и совершенно не поддающегося логике действия раздался финальный «ба-бах!»

Дверь в приемную вышибли, она распахнулась и повисла на одной петле, а артефакт, держа меня на руках, сделал шаг в сторону. Рядом пролетело что-то металлическое и со звоном упало на пол.

— Аленка! — Рев Фомки огласил пространство, и, пока я поворачивала затуманенную голову, стремясь неясным взглядом разглядеть рискнувшего сигануть в водоворот сыщика, верный напарник вдруг стушевался.

— О, вы это... обращаешь, да? Э-э-э, помочь, что ли?

— А? — Все еще не ориентировалась я в пространстве.

— Может, мне выйти?

Вот тут потихоньку все вокруг стало проясняться, я опустила взгляд вниз, на голую мужскую грудь, к которой притиснулась своей, едва не выскакивающей из тугого лифа ведьминского наряда, потом посмотрела выше, на губы в нескольких сантиметрах от моего лица, от которых с трудом оторвалась только благодаря громкому баху, потом на золотистые прядки, пропущенные сквозь мои пальцы, а затем уже в янтарные сверкающие глаза, и... и выдала Фомке:

— Я не виновата. Это он! Он применил запрещенный сногшибательный прием. Поцеловал так, как меня еще не целовали, и дезориентировал.

— Я так и понял, — ответил Фомка, при этом отвел взгляд в сторону и легонько кашлянул.

— Лучше помоги мне его убить, — наконец вспомнила я о своем важном первоначальном намерении.

— Да никто не против, — поддержал меня сыщик (настоящий золотой напарник!), — но давай его сначала оденем.

Я замерла, осознав, что, собственно, так и сию на голом артефакте, ноги в чулочках вокруг его поясницы, его руки на моих... о-го-го, на моих не бедрах!

— Ты совсем страх потерял? — обвинила невозмутимое золотко. — Ты за что хватаешься?

— Бесподобная, — впервые за все время разговора подал голос артефакт, — ты же соскальзываешь, я взялся, где удобнее.

— Опус-с-сти, — зашипела, точно целое логово гадюк.

Меня очень бережно поставили на ноги и даже отступили подальше от моих сжавшихся кулаков.

Я придиричиво оглядела артефакта, который уже, конечно, был не артефакт, прикидывая, с какой части лучше начать нанесение тяжелых телесных повреждений, и поняла: Фомка прав.

Обернувшись к напарнику, спросила его весьма решительно, очень стараясь не краснеть:

— А ты с рюкзаком прыгал?

У Фомки опыта работы больше, он нужные вещи не забывает, даже если падает с высоты обрыва в подземный водоворот.

— Взял, — подтвердил напарник.

— Там твои лосины из дворца лежали, достань.

Напарник вытянул из-за спины мой рюкзак, запустил в его недра руку и, порывшись, вытянул белые лосины. Он подал их мне, а я протянула за спину, туда, где стоял артефакт.

— На! Вон там надевай, — кивнула в сторону кладовки с вещдоками.

Человеческое воплощение солнечного духа забрало лосины и послушно скрылось за дверцей. Я, не зная, куда глаза девать, уставилась на пол, отвернувшись от Фомки и пнула ногой остатки золотого шара. Сзади слышались стон и грохот. Резко повернув голову, успела только рот открыть, но почти сразу ощутила болезненный укол и упала.

Терпеть не могу королевских ищеек! Всегда не могла терпеть! Поэтому даже не думала о том, чтобы поступить на этот факультет в академии. Вот сыщики — другое дело. А ищеек муштруют, вдалбливают в них необходимость всегда следовать уставу, а еще фуражки надевают, те на голову дают и напрочь отбивают даже малую природную склонность логически мыслить. Ищейки могут сколько угодно караулить в засаде, пока не дождутся твоего возвращения, а после выстрелят исподтишка из фукии, [1] засадят дротик, смазанный анестезией, куда придется, и поволокут несопротивляющихся жертв на выход. А если спросить: «Не отыскиали ли вы артефакт?» — а потом стрелять? Вот у кого вместо мозгов сахарная вата в голове! Прокрались в выбитую Фомкой дверь и взяли нас совсем тепленькими.

Пока нас тащили до закрытой повозки, я с тоской поглядывала в сторону удаляющейся конторы, но не могла ни пошевелиться, ни слова сказать. Затем меня и напарника погрузили внутрь, забросили, точно кули с мукой, и закрыли деревянные двери с решетчатым окном. Нас повезли прочь, а артефакт остался.

Глава 14

ГУМАННЫЕ СПОСОБЫ КАЗНИ

— Ты руки-то просовывай, просовывай. Чего, совсем шевелиться не можешь?

Старая обрядчида пыталась натянуть на меня серый просторный балахон, но выходило у нее не очень. Стоило старухе меня отпустить, как я заваливалась обратно на лавку, на которую меня и выгрузили ищейки, притащив в камеру для приговоренных.

— Ну да ладно, как на помост заволокут, так сможешь. Люди там собрались, стыдно, должно быть, в глаза смотреть? Солнышко наше упустили, предсказателя золотого, единственного! У кого теперь спрашивать, к кому на поклон идти, коли что приключится? Каждую неделю приемы проводили, всех страждущих одарял прорицаниями, а теперь что? Не будет у нас больше артефакта, некому о процветании королевства заботиться. И как только таким вот бездарям дело ответственное доверили?

Ну, знаете ли! После наших мытарств мы же еще и виноваты? Да мы лучшие, а тут бездарями обозвали! И как это солнышко всем голову задурил? Спаситель, надежда, опора королевства, а про характер дурной никто и не заикнется. Это только мне счастье выпало его истинный облик лицезреть?

Старуха завязала на моей талии обрывок веревки и, закончив обряджать, подхватила с лавки ведьминский наряд, растянула в разные стороны, осмотрела, покачала головой:

— Племяннице заберу, любят они обряджаться на игрищах своих.

С этими словами она закинула на плечо дарованные для сожжения платье и чулки и прошаркала прочь из комнаты.

— Выносите, — донеслось из-за двери.

Внутри заглянули охранники, схватили меня за руки и за ноги и потащили наружу, где уже ждала телега с лежащим в ней Фомкой.

Когда это разбитое корыто с кривыми колесами покатилося вперед, подсакивая и покачиваясь на нашей в общем-то ровной мостовой, окна домов открывались, и из них выглядывали хмурые лица жителей. Кто-то умудрился запустить в телегу гнилым помидором, но попал в голову возницы.

— Эй! А ну там! — погрозил мужчина кулаком и даже привстал на козлах, зловеще свистнув хлыстом, а ближайшее окно со стуком захлопнулось.

Возница тряхнул головой, скидывая кусочки помидора, и покатил дальше.

К помосту мы подъезжали медленно, потому что народ никак не желал расступаться, так и норовили дотянуться до нас с Фомкой, а дежурившая охрана пыталась растолкать недовольных пиками. Как сказал бы Мордефунт: «Казнить нужно в целости и сохранности».

Действие анестезирующего средства медленно сходило на нет, чувствительность возвращалась, и, когда нас довезли до помоста, ноги уже кое-как слушались. С поддержкой тех же охранников мы вскарабкались по ступенькам, потом нас поставили на колени на краю помоста и связали руки за спиной. Древние обряды, чтоб их! Уже во втором участвую, а прекрасно обошлась бы и без подобного опыта.

Возле наточенной и блестящей гильотины установили нарядную, украшенную бантиками корзину, а рядом замер палач. Он был обряжен в свою самую парадную форму: с голым торсом, в красных бриджах и красном колпаке с узкими прорезями для глаз.

— Покаяться перед славным народом Просвещении не желаете? — доброжелательно спросил он, а мы синхронно замотали головами. Это в чем нам каяться?

— Ну как хотите, — пожал плечами палач.

Я оглядела море лиц, среди которых было на удивление много приезжих, они выделялись в толпе своими нарядами. А еще тут присутствовало немало журналистов, борзописцев, обозревателей, очеркистов, желтопечатников — пресса, в общем, явилась. Я их сразу разглядела, поскольку прежде приходилось иметь дело в ходе ряда исследований. Помимо значков на одежде и всяких технических приспособлений людей этой профессии отличала особая пробивная манера. Благодаря ей самый пробивной представитель умудрился протиснуться к краю помоста и невозмутимо стоял возле охранников, а его шипастый микрофон на длинной палке так и норовил упереться одному из них в нос.

Да уж, колоритных личностей по душу артефакта явилось немало количество. Некоторые и на нас поглядеть собрались, но все же в основном приехали наблюдать золотого во всей красе, а теперь отовсюду слышались разочарованные вздохи. Кабы не обещанное зрелище отсечения головы, половина собравшихся точно покинула бы площадь. Среди толпы я разглядела даже Мордефунта, явившегося наблюдать за действием

гильотины и гуманной казнью наглой ведьмы.

На небольшом, более свободном участке я заметила отца, а рядом маму, рыдающую на его плече. Неподалеку стояли такие же несчастные родители Фомки и его младшая сестренка, упорно пытавшаяся вывернуться из рук матери. Рядом с родными дежурили охранники и то ли не давали возмущенной толпе излить на голову родственников свое негодование, то ли следили, чтобы последние не вздумали оказать нам помощь при побеге.

Я отвела взгляд от родителей. Так по головам этим ищейкам настучала бы, ведь из-за них пока членораздельной речью не владею, ни слова сказать не могу! Родные расстраиваются, а мне тоскливо. Отвернулась в другую сторону, чтобы заметить на обтянутом красным шелком возвышении установленные в ряд стулья и на них короля с принцессами. Почему с принцессами? Потому что они все явились, и не одни, а с сопровождающими.

Принцесса из Тьмутьмии мне уже была знакома, но она сменила черное платье на более нарядное — черное в белый горошек. Наше ее высочество тоже расстаралась и просто поражала непредвзятых зрителей роскошностью наряда, однако лицо ее было заплаканным и все время кривилось, а плечи так и сотрясались от рыданий. Что поделать, она же потеряла сегодня своего Артура!

Совсем рядом с нашей сидела другая, отдаленно напомнившая мне строгую даму из Романтии, наверное, потому, что у нее тоже были очки, правда, очень стильные, удлиненной формы, в золотой оправе. По деловому костюму я признала в бизнес-леди принцессу из Небоскребии. Она в этот миг небрежно протянула нашей носовой платок, а сама уткнулась в серебристую тонкую дощечку и стала делать на ней какие-то пометки.

Кстати, романтическая принцесса, это такое небесно-воздушное белокурое создание в белоснежном платье наподобие тоги, тоже здесь присутствовала. А за стулом другой русоволосой девушки в переливающимся наряде наверняка из зачарованной материи стоял не кто иной, как советник короля Волшебнии. Он осуждающе покачал головой, заметив, что я на него смотрю. Мол, осталась бы ты у меня, Алена...

Методом исключения я распознала принцессу из монархической республики. Она уже достигла определенного порога зрелости и отличалась еще более аппетитными формами, чем наше высочество, однако потрясающая воображение шляпа в форме лебедя (тьмутьмиец со своим птичьим нарядом обзавидовался бы!) с лихвой компенсировала маленький возрастной недостаток. Другую румянощекую шумную деву с пышным

бюстом, рядом с которой стоял поднос не с водой, а с вином, я причислила к принцессам Бурундии.

В общем, все дамы выглядели малость разочарованными (некоторые просто убитыми горем), осознав, что явление их потенциального мужа народу не состоится. Они так недобро поглядывали в сторону проштрафившихся сыщиков, ожидая начала казни, что я снова принялась разглядывать толпу. Сердце встрепенулось в груди, когда рядом с ищейками увидела Мика. Кто-кто, а он не должен считать, что я потерпела неудачу. Пожевав язык, попыталась определить, вернулась ли чувствительность, и радостно поняла, что почти в состоянии говорить.

— Мы ефо нафли, — прошамкала, обращаясь к палачу.

— Что? — не понял работник гильотины, который в свободное от палаческих обязанностей время (а это значит — круглый год) разводил брюкву и иные овощи и содержал лавку в городе.

— Нафли алтефахт.

— Что она говорит? — повернулся к Фомке палач.

— Отышкали, — ответил напарник, а господин овощник почесал лоб и посмотрел на стоящих у подножия помоста охранников.

— Чего они хотят?

Самый молодой из охранного эскорта пожал плечами и ответил: «Последнее желание исполнить просят».

— Ну конечно! — хлопнул себя по лбу палач. — Вам же положено. Загадывайте.

Я обменялась обреченным взглядом с Фомкой. Последнее желание так последнее желание. Надо же извлечь пользу из этого положения, вон некоторые артефакты это умеют делать в любой ситуации. Ведь предвидел, гаденьш, что нас утащат из конторы именно в тот момент, но пошел себе спокойненько одеваться. Ух, как жаль, что я его не задушила!

— Поцеловать, — сказала я.

— Чего? — уточнил вершитель казни и снова посмотрел на молодого охранника.

— Поцеловать, — перевел тот.

— Меня? — Палач бросил растерянный взгляд на добровольного переводчика, а тот задумчиво почесал макушку. Я закатила глаза и махнула в сторону черноволосого сыщика.

— Ефо, Микона.

— О-о-о, — понял палач. — Того молодого человека!

— Народ! — очень громко выкрикнул он, перекрывая гомон толпы (вот за голос его в палачи и взяли!). — Осужденные на казнь желают

исполнения последних желаний. Девушка просит перед смертью поцелуя вон у того юноши.

Ищейки расступились, а Мик даже малость смутился, но все же преисполнился гордости, осознав себя последним желанием, и направился к помосту. Я радостно следила за его приближением — ну наконец-то моя мечта исполнится! Рядом фыркнул Фомка и покачал головой, а я вздернула подбородок и сделала вид, что ничего не заметила.

Мик взошел на помост, палач помог мне подняться, толпа замолчала, кто-то особо романтичный даже восторженно вздохнул. Что и говорить, трагическая картина: маленькая дева в робе осужденной и высокий черноволосый красавец с темными глазами, который вот-вот подарит ей последний поцелуй. Сыщик обхватил меня за плечи, склонился, я прикрыла глаза, замерла в предвкушении — и Мик поцеловал.

О, я ожидала взлета, падения, шторма в конце концов, а получила что-то невнятное, пресно-мокрое с претензией на мастерство. Стон вырвался против моей воли — полный разочарования и горечи крушения надежд. Какой ужас! Мерзкий артефакт целуется лучше мечты! Теперь мне просто незачем жить. Казните меня, пожалуйста!

Сыщик принял мой стон за выражение особенного удовольствия от процесса и усилил напор.

Все же артефакт гадкий! Если бы он меня не поцеловал, а спокойно позволил себя обратить, я бы никогда так не разочаровалась. Испортил все и удрал. Удобнее некуда — жениться не нужно, предсказания делать тоже, да и не запрут больше в сокровищнице. Никто не знает, что ты жив, здоров и способен творить пакости дальше.

За подобными размышлениями я совсем отвлеклась от происходящего, а вовлеклась обратно, услышав знакомый веселый голос:

— Напекаешь тебе, намекаешь... и что за сыщик такой непонятливый?

А потом неведомая сила повлекла Микона прочь от меня, оторвала от деревянного настила и, вдруг оказавшись руками артефакта, бросила прямо в толпу.

С ума сойти! Это чудо умудрилось взобраться на помост, пока все отвлекались на последнее желание.

Я раскрыла рот, наблюдая крушение мечты в действии. Мик был выше меня ростом и хилым не выглядел, однако воплощенный артефакт оказался размером с Фомку, только сложен был более гармонично, я бы сказала, идеально. Те самые лосины, которые столь колоритно выглядели на напарнике, сейчас способствовали потере моей нижней челюсти. То есть я бы даже не подумала, что этот предмет туалета, одетый на конкретного

человека, способен вызвать обильное слюноотделение. А еще с прискорбием пришлось убедиться, что и силой артефакт обладал — Фомкиной. Мик пролетел над головами публики и скрылся... где-то там.

— На минуту оставишь, а ее уже кто-то целует, — попенял артефакт, пока я пыталась прийти в себя.

— Жатянулашь минута, — ответил вместо меня связанный напарник, а солнечный воплощенец небрежно пожал плечами.

— Чтобы возыметь эффект, появление должно быть впечатляющим. Крики: «Я здесь!» — вслед отъезжающей телеге могли оказаться тщетными, зато сейчас... — Он повернулся лицом к толпе и вскинул руки: — Приветствую, друзья мои!

Сначала последовал синхронный выдох, а потом будто гром грянул.

— Это же...

— Наш...

— Артефакт!

Раздались первые робкие голоса, напоминающие отдаленный гул грозовых туч.

— Золотой дух!

— Наш предсказатель!

— Живой!

Послышались более громкие крики, свидетельствующие о приближении громовых раскатов.

— Невредимый!

— Настоящий!

— Ура! Ура! Ура-а-а!

Прогревели радостные и громкие вопли. И под завязку раздался истошный визг:

— Мы любим тебя, наш Арти!

Толпа попыталась хлынуть на помост, охранники тут же выставили вперед пики, и народ поспешил отхлынуть обратно, но возгласы не смолкали. Осчастливленные жители, во плоти обретшие любимого духа, достали спрятанные было букетики цветов, подарочки и прочие мелочи, включая даже женские подвязки, приготовленные для одаривания любимца, и принялись закидывать помост.

Пресса активизировалась — раздавались щелчки, блистали вспышки, слышались равномерное потрескивание и громкое жужжание, говорящие о ведении прямой трансляции. Тут же замелькали листочки блокноты, а не пробившиеся к помосту представители славной профессии попытались исправить упущение.

На возвышении, где сидели король с принцессами, и вовсе началось светопреставление. Девушки повскакивали с мест, послы и советники выглядывали из-за их спин, что-то разбилось, пара кресел перевернулась, одна принцесса чуть не свалилась на землю, стремясь рассмотреть подробности, а наш король замахал руками, пытаясь призвать гостей к порядку, но не преуспел. Потенциальные жены уже принялись отпускать восторженные комментарии:

— Он идеален! — выкрикнула романтийская принцесса. — Он как наш Аполлон!

— Ему присущи черты бога Бухатуса и столь же живой блеск в глазах! — шумно восхитилась бурундийка.

— Артур, мой Артур, он жив! — вытирая слезы, ахала принцесса Просвещении.

— Теперь ведь понятно, о чем я говорил? — взглянув на Фомку, уточнил артефакт.

— А то! — подтвердил сыщик.

— Позер, — подытожила я.

— Она совсем меня не любит, — огорчился золотоволосый, вновь обратившись к напарнику.

— Быфает, — глубокомысленно заметил последний.

— Было бы за фто, — тут же прояснила я ситуацию и пробурчала, — шам-то!

— Влюбился с первого поцелуя, — прижал руку к сердцу артефакт, а я в ответ закатила глаза.

В это время гомон толпы немного поутих, а король смог взобраться на табурет, и ему откуда-то принесли автоматический усилитель голоса.

— Тише, тише, жители Просвещении! Наш предсказатель не исчез! Как случилось сие чудо, о, солнечный ду... о, солнечный?

— Меня отыскиали посланные тобой сыщики, твое величество, — спокойно, серьезно и с нужной толикой уважения в голосе (но я-то видела смешинки в его глазах) ответил артефакт, — теперь я почти человек.

— Как это почти? — удивился и заметно разволновался король.

— Потому что мне должны дать имя. Тот, кто отыскал, имеет право его придумать. Так меня отныне будут звать все.

— Немедленно придумывайте! — отдал приказ король, кажется, решивший, что артефакт снова может исчезнуть.

А для меня еще никогда простые слова не звучали такой музыкой. Ведь я его отыскала! Король уже дал сигнал, чтобы нам развязали руки, а артефакт ждал, пока я поднимусь и подойду ближе.

О да! У меня есть имя, очень подходящее имя.

— Ты сможешь произнести его достаточно громко, Аленушка? — уточнил артефакт.

— Очень поштараяушь, — радостно потерла я руки.

— А это не пригодится? — указал артефакт на стоящего у подножия помоста борзописца с микрофоном.

— Еще как! — согласилась я.

— Конечно, конечно, пользуйтесь, — обрадовался представитель прессы, — будьте добры нажать вот сюда, на запись, — протянул он шипастую штуковину, случайно заехав по лбу ближайшему охраннику. Пока тот потирал шишку, принявший микрофон артефакт галантно подал его даме (тоже мне, рыцарь в белых лосинах), а я вцепилась в голосоусилитель и набрала в грудь побольше воздуха. Поднесла усилительный набалдашник к губам и как можно громче выдала: «Какакий Артефактович».

— ...кий Ар... — с громким шипением повторил микрофон, безжалостно обрезав часть букв.

Что? Я нахмурилась, постучала по шипастой штуке, она зашипела в ответ, заискрила, и я уронила ее на голову другого стоящего внизу охранника.

— Ой! — Борзописец встревоженно подхватил свалившийся под ноги ушибленному караульщику микрофон, потряс, подул и успокоил меня: — Ну ничего, иногда такое случается.

Я бросила испепеляющий взгляд в сторону невозмутимого артефакта, который одарил меня ответной сияющей улыбкой.

— И куда ты нажал? — прошептала возмущенно, а над толпой уже летел громкий вопрос короля:

— Как, как? Кийар? Очень необычно! Жители Просвещения, отныне нашего предсказателя зовут Кийар! Он...

А что дальше хотел сказать король, осталось неизвестным, поскольку у него усилитель отобрали.

Монарх крайне удивился, я, признаюсь, тоже, а вот принцессу из Небоскребии ничего не смутило.

— Позвольте! — заговорила она в магическую вещицу, — это почему вашего? Золотой шар принадлежал Просвещению на основании того, что вы укра... добыли его первыми, а вот о воплощенном предсказателе подобной речи идти не может. Королевские помощники консультировались с королевскими юристами, и те сказали со всей ясностью — он не ваш!

— Он собирается жениться на моей дочери! — попытался сказать в

усилитель, оттеснив от него наглуую гостью, король.

— Мы с Артуром поженимся! — громко выкрикнула наша принцесса.

— Это спорный вопрос, — отчеканила сиятельная особа из Небоскребии. — Нашей стране тоже необходим предсказатель, например, для бизнес-прогнозов, а вы уже сто лет прожили в процветании и благоденствии, так что обойдетесь.

— Как так? — выкрикнула наша наивная принцесса, и на глазах ее вновь выступили слезы. — Папа, я хочу за него замуж!

Я, знакомая с Быдлянтием, могла с уверенностью предположить, что никакие формы убеждения против небоскребцев не сработают, однако в этот миг поднялась бурундийка. Схватив одной рукой бутылку с вином, она стукнула ею бизнес-леди по голове и отобрала у ошалевшей принцессы усилитель.

— Живое воплощение нашего бога Бухатуса должен жить на своей родине! — отрезала она.

— На какой такой родине?! — Оказалось, что голос белокурой красотки из Романтии мог повышаться до ультразвука, отчего бутылка в руках бурундийки попросту раскололась, оставив ту без веского аргумента. — Да он же вылитый Аполлон, он обязан провести жизнь в нашем королевстве, мы сможем воздать ему соответствующие почести.

И она продемонстрировала такой прогиб жрицы и так опустилась на колени, простерши в сторону артефакта руки, что мои слабые потуги побледнели перед истинным мастерством. Даже у Фомки глаза расширились на пол-лица, и он гулко сглотнул.

— Все вы ведьмы! Сжечь! — пролетел вдруг над площадью громогласный бас принцессы из Тьмутьмии.

— Сжечь! — поддержал ее знакомый голос из толпы.

Это Мордефунт подкатился к нашему помосту и одолжил микрофон у борзописца. Он, кажется, планировал произнести одну из своих пламенных и убедительных речей, но произошло непредвиденное.

Стоявший рядом со мной артефакт вдруг резко подался в сторону, и подкрававшаяся сзади леди из монархической республики, которая не вступила в спор с остальными принцессами лишь по той причине, что пошла сама добывать себе мужа, пролетела мимо Кийара. Она упала с помоста прямо в объятия Мордефунта и погребла того под собой вместе с бедным микрофоном.

Народ, до этого бурно приветствовавший своего любимца, вел себя крайне тихо и с интересом наблюдал новое шоу «Отвоюй предсказателя». Кажется, кто-то предприимчивый даже начал делать ставки. А потом все

титулованные спорщики резко замолчали, причем настолько резко, будто у них совсем пропал дар речи.

Вперед выступила неприметная принцесса из Волшебнии и очень мелодичным и нежным голоском, который почему-то слышали все, сказала:

— Кийар желает выбрать в жены меня, — и так посмотрела на бывшего артефакта, что я сразу поняла: колдует. Причем колдовство это, как и в случае с советником, который старался очаровать меня, а заодно зацепил Фомку, распространилось на всех, оказавшихся в зоне воздействия.

— Я женюсь на тебе!

— Нет я!

— Нет я!

Несколько мужчин из толпы помчались к принцессе, а девушка поспешно отступила и попробовала спрятаться за советника.

— Все едем во дворец! — пролетел над площадью громкий приказ короля, приведший в чувство охранников с пиками, и те наконец сообразили окружить солнечное яблоко раздора плотным кольцом, а заодно поволокли следом и нас.

— Не хочу во дворец! — пыталась упереться ногами, когда нас с Фомкой вытаскивали из повозки у крепостной стены. Домой хочу!

— Приказ короля, — отвечали мне охранники, продолжая тащить, а навстречу уже спешил главный караульный.

— Какая встреча! — душевно пожал он руки мне и Фомке. — Вот же радость, что не казнили! А мне как донесли, что вы попались, я сразу расстроился. Ну, думаю, дураки, оставались бы и дальше в бегах. А так Мик этот примчался, сказал, что вернулись. Гнилой человек. Ведь сыщик как-никак, мог и промолчать.

— Это он ищеек на нас натравил? — уточнил Фомка, разминая пальцы до хруста.

— С ними дежурил. Король награду обещал тому, кто вас первым отыщет. Вот этот первым и заметил, и остальным сигнал подал. Ищейки за вами по следу шли, но вы быстро перемещались, так и не успели поймать до полнолуния.

Начальник караулки собирался добавить что-то еще, но замер, раскрыв рот. В этот миг ко рву подъехали кареты. Из своих экипажей выбрались принцессы с послами и советниками, а из королевской — монарх, наше ее высочество и сам его солнечная сиятельность Какакий.

— Глазам не верю! Отыскали? Артефакт нашли! Живой, что ли? Взаправду?

— Живее некуда. Аленка лично обращала, а она к каждому делу с ответственностью подходит. Артефакт после такого еле лосины натянул.

— Хых! — ответила я на подначивание напарника и попыталась пнуть Фомку, но он увернулся.

Начальник караулки тут же проникся ко мне еще большим уважением и, схватив мои руки, с чувством пожал.

— Ну ты мужик! Уважаю!

— Сыщиков разместить во дворце и не выпускать без моего ведома! — долетел приказ короля, и я снова захотела взвыть. Начинается!

Посмотрев в сторону карет, узрела такую картину: король вышагивал рядом с Кийаром, который был на голову выше всех окружающих (прямо как в одном из моих снов), наше высочество жалась к своему Артуру с одного бока, а со всех других сторон предсказателя взяли в оцепление соседские принцессы. Мне на миг показалось, что, когда эта процессия приближалась ко входу во дворец, артефакт точно так же, как я недавно, сделал попытку упереться ногами, но его просто втащили внутрь, навалившись общей массой.

— Попал мужик, — озвучил мои мысли Фомка.

— Жалко даже, — подхватил начальник караульной службы. — Столько баб на него одного. А король его в зятя желает. Живым мужик из дворца не выберется, порвут на части.

— Так ему и надо, — отрезала я, сложив руки на груди и попутно возмущаясь в душе, как это наглочие принцессы примчались на все готовенькое! То есть я страдала, выслеживала, жизнью рисковала, обращала, опять же, а эти теперь приз делят!

— Ну что, Аленка, расстроилась? — толкнул меня в бок Фомка.

— Вот еще! Пусть хоть на ленточки для причесок порвут, я и глазом не моргну.

— Да я про Микона. Говорил же тебе, что продаст и недорого возьмет.

— А-а-а, про него. Да артефакт с ним! Все равно целоваться не умеет.

Комнату мне выделили размером побольше. Здесь и кровать была шире, и ванная имелась с бассейном и в придачу функциями подогрева и пускания пузырьков. И целый огромный гардероб прилагался к спальне, правда, без одежды.

Чуть позже мне принесли официальный бланк с приглашением на торжественный королевский ужин, посвященный воплощению артефакта, такой же, думаю, получил и Фомка.

Вот интересно! Что же мне прикажете надеть? В этом рубище идти

ужинать? Я оглядела подвязанный веревкой балахон осужденной на казнь. Захотелось побиться головой о стену. Не мыслит наш король такими масштабами, которые позволили бы предусмотреть крайне важные мелочи вроде миленького платья для почетной гостьи. Я ведь почетная? Мне и желание положено за то, что его будущему зятю исчезнуть не дала.

Зевнув, я решила сначала посетить ванную, чтобы отмыть всю скопившуюся в волосах и на теле грязь, а потом уже озадачиться извлечением из небытия подходящего наряда.

И вот когда, расслабленная и ощутившая вкус жизни, лежала в мраморном пузырящемся бассейне в ароматной пене, а мозг активно обрабатывал полученные за последние часы бешеной гонки данные, я пришла к таким выводам относительно золотоволосого воплощения, что чуть под воду не ушла.

— Какого артефакта! — выругалась от души. — Я могла не успеть!

Вцепившись в бортики бассейна, чтобы не соскользнуть на дно от испытанного после открытия потрясения, тряхнула мокрыми волосами, а в голове составились в цепочку все факты.

Пять лет назад артефакт пообещал показать свою предвзятость. Он выделил меня как лучшую, отправил в контору к Савсен Савсеновичу, чтобы именно нас король призвал расследовать самое запутанное дело. Этот дух вел меня по следу, нарочно затягивая время поиска и подкидывая ложные сны. Значит, он предвидел, что я либо не прыгну в воронку реки Времени, либо от страха затяну с прыжком. До сих пор не понимаю, как оттолкнулась ногами от обрыва, тело от страха почти не слушалось. А очутись я в нашей конторе на минуту позже — попросту не успела бы.

Артефакт говорил: его непредвзятость в том, что он раздает задания, с которыми человек гипотетически в состоянии справиться, а люди сами выбирают путь своими поступками. То есть он видит вариант возможного развития событий с какой-то большой долей вероятности, но человек в состоянии в последний момент все изменить! Мне он выбрал задание, с которым я не должна была справиться! Не должна! Я даже чуть не задохнулась от возмущения. Ах ты мерзавец солнечный! Скажи мне только, где тебя поселили, и ночью я тебя придушу!

Глава 15

ПИР, ПЛАВНО ПЕРЕКЕКАЮЩИЙ В НОЧЬ

Ко времени ужина я уже была готова променять свое честно заработанное желание на порядочное платье. Мне оно требовалось просто позарез, чтобы явиться на прием и устроить предсказателю несчастный случай, например, с утоплением в чаше пунша или королевского супа. Однако, когда я собралась позвать слугу, чтобы потребовать исполнения желания, в дверь постучали. За дверью оказался именно слуга, в руках он держал большую сумку.

Это что теперь, стоит очень сильно захотеть — и мечты сбываются? А может, там и Кийар уже того?

Я выглянула в коридор, игнорируя удивленный взгляд слуги, но шума, топота ног и криков: «Мой бедный Артур!» — не раздавалось.

— Жив и здоров, значит, — горько вздохнула я.

Работник дворца посмотрел еще удивленнее, а потом кашлянул и попытался меня обойти, чтобы затащить свою ношу в комнату.

— Вам прислали, просили передать, что от родителей, — пояснил молодой человек, отдуваясь.

Ах, роднунечки мои! Когда только вещи собрать успели? Не иначе планировали побег с гильотины организовать!

Я в полнейшем счастье присела на корточки и принялась потрошить сумку. Внутри оказалось очень много практичной одежды, в такой удобно отправляться в бега. Еще нашлась пара ботинок, всякие предметы первой необходимости и личной гигиены. Я чуть духом не пала, когда в боковом кармане все же отыскался шуршащий сверток.

«Точно мамулечка постаралась», — подумала, с улыбкой вынимая из бумаги новое светло-бежевое платье в пол, приталенное, без рукавов, из мягкой струящейся материи, с красивым V-образным вырезом с волнистым краем. Прижав ткань к лицу, вдохнула аромат дорогого магазина одежды, куда мама умудрилась затащить папу, узнав, что с площади нас увезли во дворец.

Так, я опустила платье, а туфли где?

Бежевые туфельки-лодочки отыскились в другом боковом отсеке. Просто прелесть! Как раз по моей ноге, удобные, с небольшим каблучком.

Да, так, как мама, мое желание ни один король в мире не смог бы исполнить!

Одевшись и причесавшись, я с удовольствием посмотрела на себя в зеркало и отправилась убивать — точнее, ужинать.

Принцесски, наверное, захватили в Просвещентию весь свой гардероб. С другой стороны, понять можно, они ведь ехали добывать себе мужа, а на столь пугливого и совершенно дикого зверя нужно выходить в полном боевом облачении.

О боже! Облачение юных и не очень дев поражало воображение, у меня в глазах так зарябило, что я даже перестала считать жемчужинки на вороте, бриллиантики на кружевах и перья на шляпах. Да ну их всех, лучше одеваться просто, но со вкусом.

Отвернувшись от роковых красоток, попыталась отыскать свое место за длинным П-образным столом, когда слаженное «ах!» вновь заставило посмотреть на двери. Через них в зал как раз входили мужчины. Впереди шли король с Кийаром. Повезло, что в руках у меня не было ни бокала, ни другой хрупкой вещицы, она бы непременно разбилась. А еще, к счастью, стол находился рядом, потому я на пол не упала, а всего лишь облокотилась бедром о столешницу. Неплохо также, что во рту не оказалось никакого напитка, в противном случае я могла подавиться. Ох, да простят меня все безвинно пострадавшие от рук артефакта, но мне вдруг стало жалко уничтожать столь совершенную мужскую красоту!

Его золотистые волосы, расчесанные и уложенные расстаравшимися дворцовыми стиливедами, спадали мягкими блестящими волнами, и только веселые колечки на концах все так же завивались на уровне шеи. А вот костюм для Кийара выбрали матового жемчужного оттенка. Жилетка была расшита золотыми нитями и камушками янтаря, очевидно, стремились, чтобы наряд сочетался и с волосами, и с золотистыми глазами носителя.

Собственно, именно в этот момент я и пришла к неутешительному выводу, что нагло красивому субъекту идет любая одежда, от костюмов и белых лосин до совсем без одежды.

Кажется, у меня даже испарина на лбу выступила, потому что вдруг стало жарковато и захотелось обмахнуться веером наподобие романтической принцессы. На белокурой красотке всеми оттенками кораллового переливалась очередная длинная тога, а в руках девушка держала расшитый капельками рубинов предмет, который мне сейчас очень пригодился бы.

Требовалось срочно выпить, вернуть себе хладнокровие и вспомнить, что я предпочитаю брюнетов, иначе план мести рисковал провалиться.

Хорошо еще, что имелся отвлекающий фактор в виде стола, который вот-вот собирались уставить разнообразной снедью. Я помнила, как вкусно готовят во дворце, и с нетерпением ждала, чтобы нас пригласили поскорее занять свои места.

Однако «поскорее» не вышло. Начались всякие церемонии, представления принцесс и смотр невест. Называлось это, конечно, иначе: все гости решили продемонстрировать, каковы культурные традиции их королевств, показать свои таланты, умения и прочее, прочее. То есть перед столь ожидаемым ужином, оказывается, планировался настоящий концерт! Уж не знаю, как король допустил такое безобразие, но полагаю, что его приперли к стенке и потребовали дать покрасоваться всем потенциальным женам.

Из столовой нас через широкие двери проводили в музыкальную гостиную и усадили на стулья. Впереди сели король и солнечный мерзавтус, которого монарх не отпускал от себя, рядом наша принцесса и прочие сиятельные особы. Позади них, на втором ряду, устроились послы и всяческие советники, а на третьем — важные придворные и почетные гости, среди которых были и мы с Фомкой. По правде говоря, мы почести заслужили верой и правдой, только приглашение получили в весьма странной форме, а вот каким образом тут оказался Мик, который сидел через пару стульев от меня?

Бросив косой взгляд на сыщика, я увидела на его лице искусно замазанный синяк. Узнала Фомкину руку (синяк точно он поставил!) и решила, что с замазкой постарались стиливеды. Выглядел Микон почти так же привлекательно, как обычно, и не думал оставлять свои джентльменские замашки. В данный момент все обаяние он обратил на дворцовую экономку, которая расположилась справа от него и периодически кидала полные надежды взгляды в сторону моего Фомантия.

Итак, гости устроились, представление началось, а я пыталась не зевать и не засыпать, всхрипнула всего разок, когда романтическая дива вздумала заиграть на арфе. Лучше бы танцы жрицы исполнила, это всяко вернее при ловле мужа. И когда уже есть позовут? Хоть бы буфет переносной организовали!

— Сколько королевств, столько и чудесных умений, — выплыл на сцену церемониймейстер. — А в заключение свои удивительные таланты продемонстрирует принцесса Мириам из нашей благословенной предками Просвещенности.

И церемониймейстер с улыбкой оглянулся на сцену, а потом вдруг напрягся и, уже вымученно улыбаясь, вновь повернулся к зрителям.

— Небольшие технические неполадки, — выдал он, явно лихорадочно соображая, как бы выкрутиться из щекотливой ситуации. Принцесса, которая была обязана (я уверена, по коварному плану так и задумывалось!) поразить воображение присутствующих, никак не выходила, остальные претендентки уже все продемонстрировали и всех покорили, а король косил гневным оком, явно намекая, что всякие неполадки следовало предусмотреть, а гильотину наточили с утра. — Наша страна славится своим гостеприимством, — продолжал вещать побледневший церемониймейстер, — и очаровательными девами, чьи голоса подобны трелям соловья. Музицированию и пению наших девушек обучают с детства, — продолжил распинаться придворный, но поймал новый гневный взгляд короля, судорожно сглотнул и решил уступить свое место другой жертве, — что, я уверен, сейчас с большим удовольствием продемонстрирует кто-то из наших почетных гостей.

А? Я не ослышалась? К слову сказать, в этом зале я была единственной почетной гостьей. Согласна, что по традиции Просвещении девочки начинают заниматься музыкой и пением еще до школы, но я-то из семьи потомственных следопытов, у меня дед — следопыт, отец — следопыт, мама... Нет, мама получила классическое воспитание, но над единственной и любимой дочкой подобным образом не издевалась. Да я вообще в пении не сильна!!!

— Просим, просим! — подбежал ко мне церемониймейстер. Схватил за руку и прежде, чем я раскрыла рот, шепнул: «Принцесса умоляет потянуть время, вышел небольшой конфуз».

— Я петь не умею, а играть тем более... — шепнула в ответ, но меня не стали слушать, потянули к сцене и втащили на нее по ступенькам.

— Вот, — заметно расслабившись, церемониймейстер вновь улыбнулся и усадил меня за рояль. Он явно отнес совершенно искренние слова на счет моей природной скромности.

Единственным в моем скудном репертуаре, что я могла наиграть и напеть, являлась любимая песенка моей тетушки. Папина сестра так часто ее распевала, приезжая к нам в гости, что я даже слова выучила, а позже тетя научила меня музыкальному сопровождению.

— Кхм, — прокашлявшись, бросила взгляд на жалостно глядящего на меня ведущего, на кулисы, из-за которых на миг показалась взъерошенная, не менее жалобно смотревшая принцесса — точно побитый песик. Ну все понятно, заграничные аферистки подстроили каверзу. Сценический костюм испортили и прическу заодно. Битву за мужика предлагаю считать официально открытой. Вот же змеюки! Наверняка понимали, что ставка

делается на нашу Мириам, а король еще заявил, что артефакт желает на ней жениться. Ладно, девы, пришел черед услаждать ваш слух, сейчас я на нем отыграюсь.

Бам-бам-бам-бам, зловеще вторили моим мыслям клавиши. Я приняла соответствующую ситуации позу и выдала:

— Стихи народные, исполнение мое, поехали! — и затянула любимую тетину песню:

Ох, уе-, ох, у ели мы расста-а-ались,
Ох, уе-, ох, уехал милый мой,
А я в же-, а я в жены собира-а-алась,
Ведь я ж це-, ведь я ж целый год ждала...

Не знаю, как считали принцессы, а по мне — так душевная песня, и если ее исполнять соответственно, с надрывом, то и расчувствоваться недолго. А я исполнила как надо, после чего встала и поклонилась.

Где же овации?

Я подняла голову и сразу увидела артефакт, который, прижав ладонь к лицу, а другой рукой вцепившись в сиденье, заходился от смеха. Нет, он в голос не гоготал, так только — плечи тряслись, но я уверена, что точно не плакал от душевности исполнения. Да потому что бездушный гад, куда ему проникнуться? Хотелось снять туфлю и кинуть в него. Вот все остальные — впечатлялись.

Король хорошо держался, с достоинством, лишь цвет лица менял оттенки от салатного до зеленого. Принцесски демонстрировали разную степень недоумения, кто больше, кто меньше. Особенно недоумевавшие точно размышляли на тему: неужели прекрасным и гостеприимным девам нашего королевства настолько трудно дается обучение музыке и пению — их с детства учат-учат, а они не поддаются! Другие явно задумались о своеобразном репертуаре и очень необычных вкусах коренного населения Просвещении, песенка-то народная.

Надо отдать должное послам, дипломаты на то и дипломаты, чтобы сначала робко, а потом более уверенно захлопать в ладоши и крикнуть пару не слишком громких «браво» и одно «би...», завершившееся натужным кашлем. Советник тоже сидел с очень задумчивым видом. Может, размышлял — а так ли сильно ему хотелось оставить меня в Волшебнии?

Из всех слушателей только Фомка не подкачал, поднял оба больших пальца вверх, улыбнулся мне во весь рот, а потом наклонился вбок,

выхватил из рук возмущенного Мика букетик цветов и запустил в меня. Я цветочки словила, снова раскланялась, пару раз присела в реверансе, а потом, очень гордая собой, спустилась по ступенькам. Что могла, то и спела, зато время потянула на славу, и никто не уснул, можно считать — это успех.

Немного заикающийся церемониймейстер занял мое место на сцене, а когда я проходила мимо сидящей с краю бурундийки, та негромко поинтересовалась, нельзя ли записать слова песни для исполнения во время королевских застолий. «Очень подходящая», — заметила она. Я тут же преисполнилась ответной симпатии и припомнила, как принцесса стукнула бутылкой гостью из Небоскреби. Значит, бурундийка — сторонница открытых конфликтов, а потому не могла сделать подленькую пакость нашему высочеству. Человек оценил любимую песню тетушки, чутко ощутил, когда ее лучше петь, и преисполнился желания передать ценные знания остальным. Подтвердив кивком свое согласие, я вернулась на место и стала ждать выступления Мириам.

Смущающаяся, но уже переодевшаяся и заново причесавшаяся принцесса вышла на сцену, нашла глазами своего Артура, восхищенно застыла и не сразу вспомнила, зачем вышла. После негромкого покашливания церемониймейстера она поспешила к роялю и вдохновенно заиграла какую-то прелестную сонату, которую, как позже выяснилось, сочинила сама во славу Кийара. Нет, ну верно Фомка когда-то сказал: «Хороша девка». Жаль золотому отдавать, она с ним не справится.

Счастью моему не было предела, когда все наконец вкусили духовной пищи и были приглашены отведать пищи материальной. Первое время за столом царил тишина, по крайней мере, на том конце, где сидели мы с Фомкой. Остальные, не такие голодные гости, даже поддерживали светскую беседу, переговаривались о чем-то, а я ни на что, кроме названий блюд, произносимых лакеями, больше не реагировала. Я не ела, кажется, вечность, а еще не спала. И из всех благ цивилизации успела вкусить только радость принятия ванны.

Спустя довольно продолжительный промежуток времени, когда желудок, измученный долгой погоней за артефактом, ощутил, что и ему уделено должное внимание, я стала замечать окружающих и слышать общие разговоры. С этого момента начала наблюдать и за Кийаром, который вел себя как человек, прекрасно знакомый с правилами этикета, но при этом кое-что подзабывший и сейчас вспоминаящий все заново. Иногда предсказатель хмурил брови, поддевая на вилку кусочек чего-то съедобного, или вертел в руке нож. Напитки часто рассматривал на свет,

изучая насыщенность и глубину оттенков королевских вин. Одно суфле и вовсе подцепил пальцем и слизал, после чего у наиболее впечатлительных гостей выпали вилки из рук.

Со стороны предсказатель напоминал любопытного ребенка, которому вложили в голову, как следует хорошо себя вести, но он периодически об этом забывал, так как стремился попробовать и рассмотреть все, вызывающее интерес.

Примерно к середине вечера я заметила, что кроме Фомки, расположившегося с правой стороны от меня, есть сосед и с левой стороны, это был не кто иной, как сам советник Волшебнии. После того как я его обнаружила, менталист решил заговорить.

— Вижу, вам все удалось, — кивнул он в сторону золотоволосого, которого в этот миг засыпала вопросами дама из монархической республики. Она уже сменила своего шикарного лебедя на шляпу с целым блюдом искусственных фруктов на макушке. Кстати, волшебническая принцесса тоже сверлила Кийара взглядом, очевидно, пробовала на нем свои чары.

— Разфе кто-то сомневался? — уточнила, тщательно прожевывая вкуснейшую рыбу под сливочным соусом.

— Эта уверенность понравилась мне еще во время нашего разговора в кабинете, — заявил менталист, а его взгляд снова пробуравил меня насквозь.

Колдует? Колдует! Этот взгляд я хорошо помнила. Прищурившись, внимательно оглядела волшебника, силясь найти в нем жутко привлекательные черты. Однако на сей раз что-то не выходило, наверное, сказывались память об отсутствии кубиков на прессе или подозрение, что советник вряд ли умеет умопомрачительно целоваться.

Как раз в этот миг к нам подошел один из лакеев с очередным ароматным блюдом — нежным мясом индейки в соусе из красного вина с гарниром из бобов, приправленных шалфеем. Если бы не мое неослабевающее внимание к солнечному мерзавтусу, я бы не заметила, как тот, балуясь, щелкает ногтем по разноцветным горошинам, украшающим его блюдо.

Проследив за траекторией полета одной из них, увидела, как она подкатилась к нашему краю стола и замерла рядом с тарелкой менталиста. В этот миг лакей, меняя блюда, поднял тарелку. Щелк — следующая горошина подкатилась к первой, стукнула по ней круглым боком, а вдогонку подкатились еще несколько. Через минуту все они исчезли под днищем неглубокой пиалы, поставленной расторопным слугой. Я открыла

рот — предупредить, но блюдо уже поехало по столу и опрокинулось прямо на колени волшебника.

В первый миг менталист покраснел, стал хватать ртом воздух, но вместо вопля издал шипение и, подскочив, принялся стряхивать еще дымящееся яство со штанин. Бесспорно, он владел магией, но не сразу сообразил призвать ее, чтобы удалить с коленей жирные пятна и ликвидировать неприятные ощущения, вызванные густым наваристым соусом.

Вновь переведя взгляд в сторону пакостливого чуда, я обнаружила, что артефакт совершенно мирно беседует с королем, который только сейчас заметил облитого волшебника. Слуги бросились помогать, однако менталист уже сам справился с ситуацией при помощи магии и отмахнулся от работников дворцового сервиса. С этого момента я решила внимательно смотреть под свою тарелку, а заодно и вокруг.

Когда после происшествия с советником все успокоились, мерный гул голосов за столом стал тише — окружающие внимательно прислушивались к беседе короля и солнечного чуда. Речь как раз зашла о процессе обращения духа в человека.

— Поцелуй привязывает дух к физическому телу, — вещал предсказатель, а принцесски старательно запоминали, явно млея не только от самой темы, но от ласкающего слух грудного голоса с выразительными модуляциями. Я к этому моменту уже ощущала приятную сытость, расслабилась и готова была отправиться спать, но воспоминание о способе обращения артефакта как-то резко встряхнуло и заставило потянуться за стаканом с холодной водой.

— Обретя человеческую оболочку, дух не теряет своего дара предсказания?

— Нет.

— И ему доступно все, что доступно обычному человеку? Он может выбрать любую девушку, жениться, завести детей...

— Не совсем любую. По традиции дар заслуживает лишь та, которая прошла все испытания и обратила духа в человека.

Я как раз допивала свой стакан, но после чудовищных слов поперхнулась, закашлялась и забрызгала сидящего рядом советника. В этот момент все посмотрели на меня.

Подстава!

В глазах принцесс зажглись нехорошие огоньки, наше высочество поглядела на меня как на предательницу, король нахмурился, явно прокручивая в голове способы избавления от столь нежелательной особы, и

только Фомка участливо похлопал меня по спине.

— Почему? — возмущенно выдавила в перерывах между кашлем, а вызвавший реальную угрозу моей жизни негодяй улыбнулся и пояснил:

— Ну как в сказке, Аленушка. Дар просто не достается. Нужно железные сапоги сносить, железные хлеба сгрызть.

Дважды подстава! Кто так ласково зовет девушку по имени в присутствии кучи свидетелей? Зараза солнечная!

— Это кто дар? — Я просто поверить не могла тому, что слышу.

— Я, — еще шире улыбнулся кошмарный Кийар, а во мне созрело твердое убеждение, что дальше ждать не стоит, вот схвачу прямо сейчас чашу с пуншем, и...

— А насколько строго следует придерживаться традиции в конкретном случае? — проявила деловой подход бизнес-леди из Небоскребии. — Ведь обычаи всего лишь пережитки прошлого, устойчивые нормы поведения. Они не осознаются как нечто непреходящее, то есть подвержены изменениям.

— Можно выбрать другую жену? — спросил напрямик король. Ну а что, он мог себе это позволить. Зря, что ли, столько времени потерял, пытаясь оставить живого предсказателя у себя. А в случае отказа мог поступить еще проще, например, избавиться от сыщицы, пролезшей вне очереди.

— Зависит от желания.

— Чьего?

— Моего, — заявил бывший солнечный дух.

Принцессы радостно заулыбались, король разом подобрел, а у послов успокоились нервы. Ну какой, скажите на милость, нормальный человек даже по традиции выберет обычную девушку, когда вокруг столько принцесс?

Когда всех выпустили из-за стола, нам с Фомкой разрешили удалиться в свои покои. Некоторые обитатели дворца получили такое же дозволение, а вот Кийара король потащил куда-то за собой, за ними поспешила Мириам, а следом увязались остальные принцессы и послы.

Я была счастлива, что могу добраться до кровати и упасть на перину, забыв про всяких артефактов и прочих красивых, но гадких личностей. Похоже, месть откладывалась, поскольку сыщица устала — ну просто очень. На сытый желудок и по трезвом размышлении не переполняло желание немедленной расправы, и я пришла к выводу, что, если пойду ночью в комнату взрослого и сильного мужчины, к тому же предсказателя, моя месть не удастся.

— Нет, не пойду, точно не пойду. Теперь и вовсе на пушечный выстрел к нему не приближусь.

Спасибо, но грозных взглядов за столом мне хватило! Еще получить бы разрешение уйти из дворца, однако король явно задумался на сей счет и пока на всякий случай будет держать меня рядом. Пожалуй, пора планировать очередной побег, но уже завтра, на свежую голову.

С такими мыслями собралась идти в ванную, но в дверь постучали. Я с нехорошим предчувствием отворила ее, выглянула в коридор и с облегчением улыбнулась, увидев Фомку. Напарник, засунув руки в брюки, с невозмутимым видом зашел в спальню, прошагал к креслу и обессиленно в него упал. Он, бедняга, вымотался не меньше моего.

— Я тут посижу полчасика?

— Дракон у покоев дежурит?

— Ага.

— А ты в окно пролезь, — предложила я.

— Идея, — обрадовался напарник, после чего подошел к моему окну, выглянул наружу и вернулся.

— Парапет узкий, ползти до другого крыла вдоль стены опасно.

— Пошли, — кивнула я на дверь, — у меня веревка есть. Родители кучу полезных вещей передали. Сейчас на третий этаж поднимемся, там балкон по периметру, с него спустишься прямо к своей комнате.

Напарник одобрительно хлопнул меня по плечу:

— Спасибо, Аленка, на тебя всегда можно положиться.

Отправив сыщика в его комнату и проследив сверху, как он благополучно забрался внутрь, я смотала веревку и вернулась к себе. Заперлась на замок, ключик оставила в замочной скважине, подумала немного и, пытаясь, передвинула к двери массивное кресло, а потом спокойно отправилась умываться и менять вечернее платье на ночную рубашку.

Когда я, чистенькая и довольная, выходила из ванной, резко затормозила в дверном проеме, узрев на своем окне мужчину в жемчужной рубашке, таких же брюках и... со взлохмаченными золотистыми волосами. Он сидел, вальяжно устроившись на подоконнике, и покачивал босой ногой.

— Можно войти, Аленушка? — имел наглость поинтересоваться этот субъект, спрыгивая на пол моей комнаты.

— Конечно, — мило улыбнулась я и запустила в предсказателя подвернувшейся под руку табуреткой.

Он, конечно, уклонился, ловко отпрыгнул с траектории полета

деревянного снаряда, а табурет разлетелся на составляющие от удара о стену. Я изначально понимала, что вряд ли попаду, но отказать себе в удовольствии не могла. Это какую безмерную наглость нужно иметь, чтобы после всего еще и в гости заявиться? И когда успел? Пока я Фомке помогала спускаться? А как? Неужто по парапету шагал, пока я веревку к металлическим прутьям вязала и страховала напарника? И только пошла в ванную, как он сразу на подоконник? Судя по тому, что артефакт пришел босиком, от рубашки оторвались две верхние пуговицы, а рукава были закатаны для удобства, именно подобный способ забраться ко мне он и выбрал.

Романтика зашкаливает, чтоб его! И ведь если начну сейчас кидаться всем подряд, только шум лишний подниму, а его не достану. Как бы мне дотянуться до шеи, столь заманчиво белеющей в распахнутом вороте рубашки? Аленка, новое испытание — обмани предсказателя! Соверши нечто такое, что никак нельзя отнести к области наибольшей вероятности!

Я вновь приветливо растянула в улыбке губы и пошла к замершему на месте Кийару, который ослепительно улыбнулся в ответ и спокойно ждал дальнейшего развития событий.

— Да ты присаживайся, — нежно взяла нежданного гостя за руку, — вот сюда садись, — подвела его к кровати. И встала рядом, ласково глядя на золотоволосое чудовище. — Что ты здесь позабыл? — очень обходительно поинтересовалась у присевшего на постель визитера.

— Единственная, — Кийар протянул руки и, взяв мои ладони в свои, бережно сжал, — можно я здесь побуду до утра? Меня принцессы всю ночь осаждают собираются. Придут соблазнять, а я же теперь в человеческом теле...

— И что?

— Я спать хочу, — ответил нахал и широко зевнул.

Уже второй за вечер спать хочет, но ни один не считается с очень уставшей сыщицей. А это моя комната, между прочим.

— Спать ко мне пришел? — прищурила я глаз, стараясь не смотреть столь выразительно на его шею.

— Да. Ты ведь не станешь соблазнять, чтобы я потом женился?

— Ха! Определенно!

Смерив меня изучающим лукавым взглядом, Кийар выпустил мои ладони и вновь принял невинный вид.

— А других комнат во дворце нет? — все еще сдерживалась я.

— Все пустые покои обыщут, — ответил артефакт и, вздохнув, проникновенно добавил, — быть человеком очень неудобно.

Взъерошив золотистые волосы, он потянулся, оглядел широкую кровать, примеряясь (какой наглый мерзавец!), как бы прилечь покомфортнее.

— То эмоции, то голод, то усталость. Летать невозможно, перемещаться через пространство тоже. Я практически не вижу плюсов в этом теле.

— Бедняжка, сочувствую, — поддержала его, встав на изготовку и оценив расстояние до ближайшего средства для битья, — зато пакостить удастся по-прежнему хорошо.

Пока нахальный гость поворачивал голову в мою сторону, я совершила бросок. Прыгнув на упавшего на спину мужчину, схватила подушку, накрыла его голову и навалилась всем телом.

— Оставайся, мерзавец, тебе здесь очень хорошо будет! Навек упокою! Наглый! Беспринципный! Манипулятор! Ты настолько не видишь плюсов в этом теле, что пожелал стать свободным духом и сбежать, хладнокровно допустив мою казнь?

— Не пошталал, — донеслось из-под подушки.

— Ах, не подставлял! — Я подняла подушку, а потом опять несколько раз опустила на золотоволосую голову. — А как ты поступил?

— Аленушка, — отплевавшись от перьев, но не делая попыток к сопротивлению, Кийар округлил честные глаза и пояснил, — королю было оставлено послание, он получил бы его на площади до вашей казни.

— Какое послание? — требовательно спросила, для большей искренности снова чуточку придушив артефакт.

— Что если казнят лучших сыщиков, будет нанесен великий урон королевству, — судорожно глотнув кислорода, ответил Кийар. — Ему ничего не оставалось, как помиловать вас, проявив королевское великодушие.

— Помиловать? — Я вновь шлепнула по солнечной физиономии перьевым оружием. — И какова была вероятность помилования? Очень большая?

— Абсолютная. Большинство моих предсказаний сбываются.

— Большинство?! — Мое страшное орудие мести взлетело высоко и снова опустилось — и так несколько раз, пока напрочь взъерошенный артефакт не расчихался от набившегося в нос пуха.

— Ты, — я обвинительно ткнула в него указательным пальцем, — ты повсюду распахивал горошины со своими предсказаниями, заставил гоняться за собой по всем королевствам. Редкой беспринципности гад!

— Бесподобная, у меня не было выбора.

— Не было? — Я от души прижала изворотливого наглеца и надавила посильнее.

— А жениться, значит, можно на той, которая железные сапоги истоптала? Подставил с расследованием, подставил с обращением, подставил с благополучным завершением дела! Сейчас придушу, а потом вынесем тебя с Фомкой и прикопаем в саду.

— Мм, — выдал из-под подушки негодяй.

— Что? — на миг отвела снаряд.

— Мне так неудобно разговаривать.

— Ай! — взвизгнула, ощутив, как резко переворачиваюсь, а через секунду уже лежала на спине. Сверху восседал воплощенный солнечный дух, который решительно отшвырнул подушку в сторону, а мои взметнувшиеся вверх руки быстро прижал к покрывалу. Тряхнув головой, чтобы убрать упавшие на глаза волнистые пряди, мужчина заявил со всей искренностью:

— Я не планировал твою казнь, ненаглядная.

В ответ он получил громкое: «Фыррр!»

— Я вынужден был играть по правилам, отсюда и невозможность давать прямые подсказки и откровенно жульничать с предсказаниями.

— Ну-ну!

— Насчет дара — все правда. Лучший следопыт получает в подарок артефакт.

Как бы его спихнуть? Если резко согнуть колени и попытаться повернуться на бок...

— Ох! — выдохнула почти весь воздух, когда наглющий Кийар из сидячего перешел в полулежащее положение, не отпустив при этом моих рук, слегка навалился на мою грудную клетку своей и приблизил ко мне лицо.

— Алена-а, — покачал головой почти мертвый артефакт, — даже не пытайся, — и тут же продолжил в привычной манере: — Изумительная, это жутко тоскливо и утомительно — находиться взаперти, оставаясь привязанным к магическому предмету. Целых сто лет служить вещью! Разве можно придумать что-нибудь хуже?

— Вот не знаю. Как по мне, так тебе это лишь на пользу.

Кийар усмехнулся в ответ, а у меня сердце екнуло. Вот же красивый, зараза!

— Мне было дано двести лет, чтобы служить людям, сто из них я находился в плену магического шара, не имея права выбора, а потом получил возможность избавиться от проклятия. Я мог стать свободным

духом, вырваться из заточения, а мог обрести еще одну слабую оболочку и вновь оказаться связанным.

Что-то дельное говорит, но нить разговора стала теряться.

Сложно не отвлекаться, глядя в завлекательный вырез распахнутой рубашки, чувствуя при этом тяжесть мужского тела и ощущая близость притягательных губ. В свете только что полученных пояснений освобожденное от праведного гнева воображение понесло не в ту степь.

— Очень интересно, — откашлялась я, — а теперь слезь с меня, так тяжело сосредоточиться.

Солнечное чудо нехотя освободил мои руки, а потом вдруг резко наклонился, подарил мимолетный поцелуй, который я и распробовать не успела, и уселся рядом на покрывале как ни в чем не бывало.

Я потеряла лицо и медленно выпрямилась.

— А теперь поподробней, что ты там не имел права делать? — потребовала объяснений.

— Через сто лет заточения я мог обрести свободу, но при условии, что меня не найдут. Поскольку победить предсказателя непросто, я обязан был играть честно, поэтому уравнивал свои шансы с тем, кто отправился на мои поиски. Я выбрал лучшего следопыта, единственного, способного справиться с поставленной задачей.

Ах, тысяча улик, приятно слышать!

— Ты путал следы.

— И давал точные подсказки. Твоей задачей было замечать нужное и делать правильные выводы.

— Ты сбивал меня со следа навешанными снами.

— Я не могу создавать сны, — широко улыбнулся Кийар, и слова прозвучали совершенно искренне.

— Допустим, — прищурилась я (еще вытяну из него подробности!), — твои фразочки про правильные вопросы связаны с этим?

— Да.

— Шансы были равны?

— Равны.

— Где доказательства?

— Я ни разу не нарушил поставленных мне условий, потому что не мог. Иначе не вырвался бы на свободу.

— И что же ты предвидел в конце? Как мы с Фомкой не успеваем тебя поймать?

— В случаях, подобных этому, мне недоступны абсолютные предсказания, лишь наиболее вероятные. Все зависело только от тебя,

Аленушка. А ты оказалась еще более смелой, чем я предполагал.

Просто вечер комплиментов. Задобрить решил.

— Как ты видишь будущее?

— После встречи с человеком могу проследить связанные с ним события или людей, которые встретятся на его пути. Я старался оказывать тебе помощь, неотразимая.

— И заодно пакостить.

На это наглец пожал плечами — мол, надо же как-то время взаперти коротать!

— Вот и хорошо, что я тебя поймала. Послужишь людям, побудешь в нашей шкуре и на себе ощутишь, как это непросто. Кто бы тебя ни заточил — мудрый был человек.

— Он не человек, — вздохнул Кийар, а потом широко зевнул и потянулся. — Спина затекла, — поставил меня в известность воплощенный дух, — как слаба физическая оболочка...

— У тебя слаба? Да ты слабых не видел!

Перевернувшись на живот, усталое солнечное чудо растянулось поперек кровати и блаженно вздохнуло. Его ноги свесились с одного края, а голова с другого.

— Я прежде не ощущал усталости, а теперь она наполняет каждую мышцу. Мне не требовался сон, а сейчас без него не обойтись. Я ощущаю холод, боль, я смертен и связан массой разных слабостей вроде человеческих души, тела и мозга. Это неудобно и утомляет.

— А раньше ты человеческих эмоций не ощущал?

— Это было иначе. Они не связывали меня.

— И после этого станешь утверждать, что как-то особенно заботился обо мне? Ты не мог чувствовать как человек.

— Аленушка, — голос артефакта становился все глуше, а зевки слышались все чаще, — я выделял тебя из всех и берег до самого конца задания. Может, я не был способен ощущать человеческой привязанности в вашем понимании, но духи судят по справедливости и воздают по заслугам.

— Ты так меня берег, что не забывал развлекаться за наш с Фомкой счет, а заодно и за счет всех остальных. Чего стоят маскировки и эти записи на горошинах. А что за люди выполняли твои задания? Ты раздавал задачи, например, спрятать горошину туда-то, а в обмен делал предсказание? А какие объяснения придумывал для исполнителей? Вот возьмем один случай — слуга схватил флакон с магнетической жидкостью и уронил его. Непроста ведь уронил? Флакон чем-то смазали? Ты отправил кого-то в покои до прихода слуги, мол, пойдите, намажьте бутылочку маслом ради

шутки?

Ответом на мои размышления была тишина.

— Эй, хватит расслабляться, я еще не все выяснила, — толкнула бывший артефакт в плечо, — ты сам кто такой? Эй!

Кийар на тычок не среагировал.

— Поверить не могу! Ты уже уснул? Я не давала согласия, чтобы ты здесь спал!

Соскочив с кровати, схватила мужчину за щиколотки и потянула изо всех сил, стремясь стащить на пол. Не тут-то было. Тяжесть артефакта явно превышала мои физические возможности, и, даже упершись ногой, я смогла лишь чуть-чуть сдвинуть предсказателя. Теперь его ноги свисали еще больше, зато голова оказалась на покрывале, и он уткнулся в него носом.

Снова вскарабкавшись на постель, я повернула голову Кийара к себе, похлопала по щеке, однако пушистые ресницы даже не дрогнули, янтарные глаза по-прежнему оставались закрытыми, а дыхание было глубоким и размеренным. Мужчина совершенно не реагировал на манипуляции.

— Богатырский сон называется, — пробурчала себе под нос. — Мужик сказал, мужик сделал. Пришел спать и даже приставать не стал.

Я снова всмотрелась в безукоризненные черты умиротворенного лица, которое в спокойном состоянии казалось слишком безобидным.

— Просто чистый ангел с ужасным характером. Ведь спит и не боится, что я снова схожу за подушкой.

Вздохнув, поймала на палец блестящий золотистый завиток, потянула его и отпустила, наблюдая, как тот снова подскочил вверх неугомонной пружинкой.

— Вот как можно сочетать в себе несочетаемое? Наглый и самодовольный, но жутко симпатичный. Эй, Кийар, тьфу, и что за трудное имя! Какак... Еще длиннее! Кай, а Кай, а ну иди спать к Фомке!

Ноль реакции.

— А если очень громко закричать тебе в ухо, ты проснешься? Или лучше окатить холодной водой? А если тебя лысым сделать?

Я снова потянула за золотистую прядь, но выдирать ее вдруг стало жалко. Она была мягкой на ощупь, пахла ванилином (что за артефакт такой, сдобой пахнет!), и у меня рука не поднялась ее дергать. На новое удушение подушкой сил уже не осталось. Наверное, именно с этой целью хитрый наглец и позволил от души себя поколотить. За водой следовало идти в ванную, а заодно искать сосуд для жидкости. А если очень громко кричать, может кто-нибудь прибежать, что мне совсем без надобности. Ну его, этот

дар лучшему следопыту, пусть себе спит. Сделаю ему подарок в честь дня рождения, а утром продолжим разговор.

Я откинула свободную от тяжести мужского тела часть покрывала, подлезла под него, устроилась поперек перины и сладко зевнула. Мой рост позволял не свисать с кровати. Уснула я так же быстро, как и предсказатель.

Глава 16

КРЫЛЬЯ И МЯГКАЯ ПОСАДКА

Я проснулась с поцелуями. Да, да, все правильно. Не из-за поцелуев, а именно с ними. А все оттого, что они были легкие, невесомые, вплетались в утреннюю дрему, делая ее еще слаще, и вызывали щекотные мурашки на коже. Сначала почти неосязаемое прикосновение к макушке, потом к виску, легкое, чуть скользящее касание щеки, шеи и нежный поцелуй в высвободившееся из ворота ночной рубашки плечо.

Однако стоило проснуться окончательно, как все приятные ощущения исчезли, растворились вместе с остатками сновидений, будто их и не было. Раскрыв глаза, посмотрела в потолок, но не нашла там причины внезапно накотившего разочарования, зато, когда повернула голову вбок, заметила личный источник досадного раздражения.

Взъерошенный мужчина с упрямо лезшими в глаза золотистыми прядками, которые он периодически откидывал со лба, столь нагло вторгшийся вчера в мою комнату, приподнялся на одном локте и смотрел на дверь. Взгляд был такой пакостливый, что мне мигом стало не по себе. А потом на лице коварного типа мелькнула и пропала полная лукавства усмешка. Он опустил глаза, заметил, как я на него смотрю, выражение лица вмиг стало невинным-невинным, точно у младенца, и потом этот не в меру загадочный тип имел наглость заявить:

— Доброе утро, волнительница.

— Я что-то сомневаюсь, что оно доброе.

Солнечный тип, которого я для удобства окрестила Каем, шевельнул губами, словно что-то произнес в ответ, но я не расслышала ни звука.

— Что? — переспросила в тревоге.

Губы снова шевельнулись, и до меня долетел негромкий шепот: три, два, один.

— А-а-а! — ворвался через раскрытое окно отдаленный дикий вопль.

Я в ужасе подскочила в кровати.

— Что ты натворил? — вцепилась в отвороты рубашки предсказателя.

— Ничего, — бессовестно соврал наглец, безмятежно глядя мне в глаза.

— Тогда что ты сделал?!

Я затрясла любителя говорить загадками, а он в ответ обнял за талию,

притянул меня к себе, а через секунду стащил с кровати.

— Семь минут на сборы.

— Какие сборы?

— К побегу.

Выпустивший меня пакостник тут же оказался возле кресла, где стояла моя сумка, подхватил ее и исчез в ванной комнате. Оттуда он выскочил буквально через пару секунд, держа под мышкой туфли и на ходу запихивая в боковой карман сумки мое чудесное платье.

— Ты бы все равно это взяла, — заявил он и бросил мне выуженный из главного отделения черный костюм.

— Надевай, Аленушка, я отвернусь.

Не знаю, что больше всего взбесило меня в этот момент — его наглость, его зашкаливающая наглость или его наглость сверх всякой меры.

— Да я с тобой никуда...

— Через пять минут здесь будет принцесса Мириам, через семь — стражники короля.

— С-с-с какой целью? — Я резко понизила голос.

— Принцесса как скромная и благовоспитанная девушка решила навестить меня не ночью, а сегодня утром. Я оставил для нее записку, в которой написал всю правду: мы не можем пожениться, поскольку я безумно люблю Алену.

— А-а-а?!

— Три минуты! Не успеваешь одеться в комнате. — Артефакт закинул на плечо сумку, промчался мимо, на ходу выхватил у меня черный костюм и впихнул его на прежнее место. — Пути к отступлению перекроют через четверть часа, — обернулся он у самой двери и протянул мне руку. — Ты со мной, Аленушка?

— Я не пойду в канализацию, — зашипела на эту ходячую катастрофу, подскочила к нему и попыталась выдернуть сумку, — я еще не соскучилась по волколотику.

— А со мной туда и не нужно, — рассмеялся дико бесящий самоуверенностью воплощенный дух, схватив меня за руку, выволок за дверь и потащил в сторону, противоположную выходу из женского крыла.

— Я не собираюсь с тобой сбегать, — невольно понизила голос до шепота, с трудом поспевая за златоволосым чудовищем.

— Справишься без меня? — хмыкнул предсказатель, и сразу стало понятно — не справлюсь.

Хотелось заявить нечто вроде: «Я останусь во дворце, исчезни, зараза солнечная!» — но меня же растерзают!

— До выхода и не дальше, а там расстанемся на веки вечные. Ты меня услышал, проклятье лучшего следопыта?

— Конечно. Я хорошо слышу в этом теле.

— Безмерно рада!

В этот миг мужчина затормозил на самом углу коридора, а я с разбегу впечаталась в его широкую спину. Тряхнув головой, приподнялась на цыпочки и осторожно выглянула сначала из-за артефакта, а потом из-за угла. У запасной лестницы почти в самом конце коридора показалось трое бегущих по направлению к нам стражников.

— Они сейчас добегут до угла и увидят нас, — зашептала, пытаюсь втянуть горе-помощника за угол.

— Давай я прижму тебя к стене и буду страстно целовать, — тоже шепотом отозвался наглец, — а они пробегут мимо.

В ответ я только стукнула нахала по спине и прошипела: «Тогда они точно мимо не пробегут», — и именно в эту минуту со стороны стражников донесся ужасающий грохот. Один из них неожиданно поскользнулся на чем-то и упал на пол во всем обмундировании, а напарники зацепились за его тело, распластались сверху и заскользили на своем сослуживце по полу, точно на санях. Все вместе доехали до поворота и впечатались в стену.

Я затаила дыхание от страха, а невозмутимый солнечный воплощенец осторожно, но совершенно хладнокровно повел меня мимо оглушенных стражников. Мы на цыпочках прокрались совсем рядом с обездвиженными слугами короля, а потом, почти не торопясь, зашагали к запасной лестнице. Я от испуга лишилась дара речи и непрестанно оглядывалась, пока не увидела, как стражники зашевелились, а тот, который был сверху, попытался стянуть с лица надвинувшуюся слишком низко кирасу.

Артефакт отворил дверь и втащил меня на лестничную площадку, как раз когда один из служителей короны приказал: «Ищем комнату триста девятнадцать, и поосторожнее, остолопы!»

— Они нас не заметили? — не могла поверить я.

— Нет, — осчастливил коротким ответом артефакт и потянул вниз по ступенькам. А мне вдруг очень сильно не захотелось идти с ним дальше. Ведь снова что-то задумал и намеренно подставил меня с этой запиской.

— Нет! — вырвала руку. — Не пойду с тобой. Просто опиши мне путь.

— Расписывать по минутам нет времени, — пожал плечами негодяй, — но раз не желаешь идти, оставайся. — И он пошел дальше. Один!

— Сумку оставь, — велела я вдогонку, в ответ последовало короткое пожатие плечами, и мерзавец, не прекращая движения, скинул с плеча

сумку.

Я глядела вослед, и с каждой секундой на душе становилось все тревожнее. Сколько осталось времени до того, как перекроют выходы? Меньше десяти минут? Как я выберусь одна? Мне не хотелось идти с этим хитрецом, но и шанс сбежать из дворца без него был слишком мал. Остаться же казалось — смерти подобным.

Подскочив к сумке, я выхватила костюм и поспешно натянула брюки, а потом сменила ночную рубашку на черную куртку. Ноги в походные ботинки всовывала буквально на ходу, сумку поспешно закинула на спину. Предсказателя догнала внизу — он замер у двери, ведущей не куда-нибудь, а в караулку.

Обернувшись, воплощенный дух приветливо улыбнулся, а затем вновь сосредоточился, явно отсчитывая про себя секунды.

Я вцепилась в его руку, а он толкнул дверь и спокойно вошел в совершенно пустое на данный момент помещение. Однако стоило раскрыть рот, как Кай быстро обернулся, схватил меня в охапку, потащил назад и прижал к стене прямо под крючками с одеждой. За нами сомкнулись форменные мундиры, доломаны, ментики и плащи. Я придавила спиной сумку и замерла не шевелясь, а в караулке послышалось движение. О боже, а если они заметят среди сапог наши ноги?

— Мушкет тебе на что, дурная голова? В кого стрелять собрался? — послышался голос начальника караулки. — Велено взять обоих живьем и привести к королю.

— А если сопротивление окажут?

— А если ты предсказателя подстрелишь? Голову с плеч снимут.

Хм, а меня, значит, подстрелить можно? Однако обидеться я не успела, поскольку начальник тут же добавил:

— Аленку не трогать, понятно? Коли волосинка упадет с ее головы, я лично спрошу.

— Да понятно, начальник.

— Ну, вперед!

Хлопнула дверь, и снова наступила тишина. А нас снова никто не заметил! Я бы, пожалуй, тоже не стала обыскивать караулку или шарить среди вешалок с обмундированием, плащами и стоявшей внизу обувью. Не столкнувшись со столь вопиющей наглостью, которой в избытке обладал артефакт, ни за что не сможешь просчитать его действий.

Воплощенный дух среагировал на выход потенциального противника мгновенно. Он вытянул меня из груды одежды и потащил к другой, маленькой и неприметной дверке. Когда мы, согнувшись в три погибели,

протиснулись через дверной проем — оказались по ту сторону крепостной стены, прямо на краю окружавшего дворец рва.

Артефакт тут же запрокинул голову, поглядел на что-то вверху (но в небе только птицы летали), а затем обернулся и без лишних слов подхватил меня на руки. Я едва успела поймать сумку, а он уже шагнул вправо и толкнул что-то ногой. Совсем рядом оказалась прислоненная к стене длинная узкая деревянная доска, которая теперь отделилась от каменной громады и верхним концом упала на другой берег. Кийар ступил на этот своеобразный мост и, балансируя со мной на руках, перешел через ров, а потом опустил меня на землю.

Мы очутились с той стороны, откуда не видно главных ворот. На зеленой лужайке на другом берегу рва не наблюдалось людей, зато вдалеке, где пригорок бежал вниз, белой лентой стелилась подъездная дорога, по которой ехали всадники.

— Вот здесь и расстанемся, — заявила я, вырвав у золотоволосого руку, которую он вновь крепко сжал. — Дальше сама доберусь без проблем.

— Не пойдешь со мной, Аленушка? — с грустью в янтарных глазах переспросил Кийар.

— Да ни за что на свете! — фыркнула я, на корню задавив все признаки невероятно глупого сожаления. — Прощай навсегда, Кай.

Я многого могла ожидать от невозможного мерзавца, но только не того, что последовало дальше. Стоило отвернуться, как меня резко обхватили поперек талии, а на рот опустился белый платок, пропитанный некой жидкостью с очень знакомым запахом. В первый миг я чисто по инерции судорожно вдохнула, а потом затаила дыхание, но и первого вдоха оказалось достаточно. Голова пошла кругом, и я осела прямо в руки кошмарного предсказателя.

— Тогда я похищаю тебя, Аленушка, — донеслось издалека.

...Голова была тяжелой, во рту ощущался неприятный привкус, глаза не открывались. И надолго этот мерзавец меня усыпил? Дозу явно рассчитал на продолжительное время.

Я приходила в сознание, фиксируя собственные ощущения, а заодно анализируя, что творится вокруг. Меня несли на руках, голова лежала на мужском плече, и я точно знала на чьем. Легкий аромат ванили залетал в нос, смягчая горьковатый привкус на языке.

Под щеку скользнула широкая ладонь, приподняла голову, и меня аккуратно опустили на что-то мягкое. Послышался тихий шорох раздвигаемых занавесок, и полумрак вокруг рассеялся.

Я лежала не двигаясь, точно зная, что скоро онемение пройдет. Следовало лишь немного подождать, а заодно внимательно послушать.

До меня донесся звук, похожий на скрип отворяемой двери, затем раздался голос золотоволосого, услышав который, я едва не закричала зубами.

— Благодарю за помощь, мой друг.

— Ужасно рад новой встрече, я не сразу поверил твоему письму, но приготовил все, что ты просил.

— Воздушные пути отслеживают по всем королевствам, уйти сможем лишь на нелегальном транспорте.

— Ты выбрал самый опасный.

— Нет способа вернее добраться куда нужно.

— На крыльях лететь хуже всего, неверное движение, и уже не впишетесь в поток, выбросит, закрутит, и рухнете вниз.

— Ветер будет благоприятствовать, а как только переменит направление, мы спустимся.

— Ты еще и с девушкой. Одному уйти было бы проще. Хоть ты видящий, а все же человек. Что если не справишься?

— Если уж похищать даму, то красиво, мой друг, — рассмеялся мерзавец. — Никто не мог изготовить эти крылья лучше тебя.

— А если она будет возражать?

— Что ты, мы спокойно поговорим, все обсудим, и она посмотрит на ситуацию иначе.

— Спокойно? Ты уверен?

— Конечно. А теперь идем, я хочу взглянуть на крылья.

— Идем.

Когда собеседники покинули комнату, открыла глаза. Чувствовала я себя все лучше, пришла пора осмотреться.

Обстановка напоминала гончарную мастерскую. Я лежала на набитом чем-то мягким мешке, рядом виднелись полки, уставленные глиняными горшками и кувшинами, а в другой стороне — печь для обжига.

Я схватилась рукой за стену, стала подниматься, прислушиваясь, не кружится ли голова. Нет, слабость больше не мучила. Стоило ощутить, что уверенно владею собственным телом, и я тут же бросилась к единственной в этой комнате двери. Только подбежала, как она отворилась, и проход загородила высокая мужская фигура.

— Ненаглядная, ты очнулась!

Я отступила, пятясь к полкам, совершила резкий рывок и нащупала за спиной кувшин. Замах... но мерзавец уклонился. Ничего, глиняных

изделий здесь хватает, если непрерывно бросать одно за другим, что-нибудь да попадет.

План был хорош — добить артефакт горшком и сбежать. Но наглец не был бы самим собой, не предусмотрел он возможности самозащиты. Следующий его маневр состоял в том, чтобы уйти с линии обстрела и очутиться у другой стены. Там, к моему огромному разочарованию, стоял специальный гончарный экран. Обманщик невинных дев рывком вытянул гармошку прозрачного щита, вставшего полукругом и разделившего комнату на две части. Входная дверь осталась на той стороне.

Я взбесилась дальше некуда. Все, что попадалось под руку, летело в прозрачную преграду, принимавшую на себя удары. Все происходило в полной тишине, если не считать звона бившейся посуды. Ни я, ни беспринципный мерзавец не произнесли ни слова. Мы оба были слишком сосредоточены, чтобы отвлекаться на способствующие потере энергии обвинения.

Воплощенный дух держал экран, поскольку подставка осталась в углу, я же молотила по защите своими боеприпасами.

Через несколько минут, чуточку выпустив пар, я взяла себя в руки ровно настолько, чтобы шагнуть вперед и, подхватив с пола глиняный осколок, подойти к перегородке. У подобных защит всегда имеется слабое место. Если тихонько ударить по нужной точке твердым предметом, весь щит рассыплется в пыль. Я шла вдоль полукруга, ведя ладонью по стене и не отрывая кровожадного взгляда от Кая.

— Радость моя, — произнес тот, до кого я стремилась добраться, — если ты настолько против крыльев, я раздобуду метлу.

Я, не сдержавшись, закрипела зубами, но промолчала. И в этот момент пальцы нащупали небольшую впадинку на гладкой поверхности. Зловеще усмехнувшись артефакту, отвела руку назад и ударила острым концом осколка прямо в нужную точку. Щит осыпался к нашим ногам, а я запустила куском горшка в голову наглеца. Пока он уворачивался от одного снаряда, схватила с пола другой. Все вокруг было усеяно осколками, Каю оставалось только очень быстро уклоняться — с такими скоростью и злостью я бросала в него черепки.

Убедившись в тщетности попыток попасть в предсказателя, вновь рванулась к полкам и, целясь в ноги, кинула приличного размера кувшин. Пока мужчина отпрыгивал, запустила горшком, метя туда же. Ликованию не было предела, когда раза с седьмого я все-таки попала! Кай отшатнулся, босые ноги наступили на груды черепичных осколков, поранивших ступни, и мужчина упал.

Я бросилась вперед с единственным намерением — пнуть лежащего. Он ушел от замаха ногой, откатившись в сторону, я прыгнула следом, твердая подошва удобных пинательных ботинок прохрустела по глиняным осколкам. Артефакт неожиданно крутанулся навстречу, прямо под ноги, и, ухватив за щиколотку, рванул меня вниз.

Я упала на него и тут же сделала попытку ударить локтем в солнечное сплетение, ловя момент на вдохе, когда мышцы живота расслаблены и нужная точка открыта. Показалось, попала удачно. Противник задохнулся от острой боли, временно перестал ориентироваться в пространстве и потерял сознание.

Мне оставалось только вскочить и броситься наутек, когда неожиданно по бедрам прошли широкие ладони «находящегося в отключке наглеца», а потом безмерно дерзким образом сжались на самом мягком участке. Теперь уже я задохнулась от возмущения и замахнулась для пощечины, а Кай перехватил запястья, резко потянул вниз, второй же ладонью надавил на затылок, пытаясь приблизить к себе мою голову. Предсказатель с таким ожесточением впился в мои губы, что на миг действительно оглушил. Ненадолго, потому как вывести меня из строя не просто, через секунду я уже пришла в себя и ответила на этот бешеный поцелуй не менее ожесточенно, с той же безрассудной яростью, с какой только что убивала.

Увы, но легкое покашливание у двери нас в чувство не привело, более громкий стук по деревянной панели и прочие неэффективные методы — тоже. Ничто не помогало хозяину жилища привлечь к себе наше внимание, пока на нас обоих не пролилась холодная вода из кувшина.

— Извини, — тут же пробормотал мужчина, поймав шальной взгляд выпустившего мою голову артефакта, — ты просил привести в чувство, когда вы будете... мм... разговаривать.

— Все правильно, — тяжело дыша, ответил золотоволосый, — просто я перешел к контраргументам, и нам как раз требовался независимый объективный свидетель.

Мне ужасно захотелось едко высказаться относительно таких контраргументов, но я поняла, что голосом пока не владею, и благоразумно промолчала.

— Аленушка, — посмотрел на меня золотоволосый, — нам пора спешить, чтобы поймать попутный ветер.

Я громко фыркнула и поднялась с распластавшегося на полу мужчины.

— Не полетит, — покачал головой хозяин развороченной гончарной мастерской.

— Не полечу, — кивнула и повела рукой в сторону горшков, —

простите, я немного увлеклась. Горшки у вас замечательные, не слишком тяжелые, делать замах легко и очень удобно бить прицельно.

— О, спасибо, — засмутился хозяин, — но мастерская — это только прикрытие.

— Я так и подумала.

— Почему? — явно удивился гончар.

— А вы не прибежали сюда, как только услышали звон первого разбившегося горшка, значит, не слишком дорожите этими изделиями. И вы не часто их изготавливаете, поскольку на некоторых скопилась пыль.

— Я, — замялся гончар, — я больше по летным видам транспорта.

— По запрещенным?

— Да, — сознался собеседник, растерявшись под градом вопросов профессионального сыщика, и принялся оправдываться: — Это более прибыльно, хоть и нелегально. Я из семьи гончаров, но терпеть не могу все эти горшки. Ар когда-то здорово помог мне с летным делом, а то бы я мучился и по сей день тянул лямку.

— Причиненный ущерб все равно оплачу.

— Да вы что, не стоит! Ар уже все оплатил.

— Каким образом? — нахмурилась, кинув взгляд на невозмутимо отряхивавшегося артефакта.

— Он сказал, где зарыт горшок с золотом. Там денег на годы вперед! Плевать на посуду.

Нет, ну нормально! А мне он не хочет сказать что-нибудь такое в качестве компенсации за все страдания?

Я требовательно взглянула на предсказателя, а тот покачал головой в ответ.

— Нет, — заявил бездушный воплощенный дух, — не хочу.

— Ну и ладно, — обиделась я.

— Вот полетишь со мной, Аленушка, и будешь купаться в золоте.

— Да больно надо! Обойдусь без твоего золота. Выпускайте меня отсюда!

Гончар в ответ на мой приказ заметно растерялся, а золотоволосый наглец и бровью не повел, только поднял ногу, осматривая подошву на предмет многочисленных кровоточащих порезов.

Я поморщилась.

— А что, о сапогах позаботиться не мог?

— Не мог, — пожал плечами несносный Кай.

— Ар, извини! Не вспомнил! — тут же спохватился гончар. — Я сейчас все принесу, — и он сноровисто выскочил за дверь.

— Что так? — уточнила я, проводив хозяина взглядом.

— Тогда бы ты меня не пожалела, как сейчас, — улыбнулся наглец, а я закатила глаза. Совершенно неисправимый!

Уперев руки в бока, взглянула исподлобья на солнечное чудо.

— И что, не будешь меня отпускать?

В ответ меня одарили абсолютно солнечной улыбкой, а затем бывший артефакт сделал шаг к табурету и тихо сказал: «Ой».

— Да что это такое? — возвела очи горе. — Зачем ты сразу на всю стопу ногу ставишь? Сначала посмотри, не попали ли в порезы мелкие осколки, затем обработай ранки, чтобы не воспалились. Иначе даже в сапогах будет больно ходить. Что ты, элементарных вещей не знаешь?

Воплощенный дух пожал плечами и уселся на табурет.

— Ты же все предвидишь?

— Предвижу.

— Ну и?

— Душевная, я вижу картинки, но чувствовать — это другое.

— Тебе все ощущения в новинку?

— Если слово «ощущения» включает в себя чрезмерно богатый спектр эмоций, от физических до духовных, которые непонятно каким образом вмещаются в это уязвимое человеческое тело, вызывая совершенно невероятные реакции, то да, они абсолютно новы для меня.

Удивительно! Даже не так. Невероятно! Предвидит, но не предчувствует. Я считала, его жизнь — тоска зеленая. А оказывается, ему даже веселее, чем нам всем вместе взятым. Мы-то давно смирились с тем, как сложно устроены. С этим Каем с каждой секундой все чудесатее и чудесатее.

Пока я раздумывала над своеобразием воплощенных духов и размышляла на тему — как весело сначала предсказывать, потом проживать да еще развлекаться за чужой счет, — явился наш гостеприимный хозяин. Он тащил в руках четыре пары сапог.

— Те подойдут, — указал на черную пару бывший артефакт, хотя гончар еще рта не успел раскрыть.

— Они почти новые, — обрадовался друг Кая и протянул ему сапоги.

Ох уж эти мужчины! Размышляют о великом, а важные мелочи упускают из виду. Ведь здесь простая логическая цепочка: наступил на осколки — поранился — требуется промыть обеззаразить — потом сапоги.

— Он же порезался. Воды ему принесите и мазь заживляющую.

Гончар мигом перевел взгляд на ступни своего друга, все вспомнил и вновь умчался за дверь.

— Сдается, я нужна тебе в качестве няньки. Зачем еще меня с собой тянуть, куда бы ты там ни собирался?

— Алена, у меня дар предвидения, у тебя чудесный дар делать верные выводы и видеть ситуацию на много ходов вперед. Мы созданы друг для друга.

— Ха! И ты безумно влюблен, просто жить без меня не можешь! Ты поведешь меня к самому краю вселенной и подаришь мне во-о-он ту звезду! А в итоге я буду чистить твои сапоги, готовить тебе еду и стирать твою одежду. Нет уж, увольте! Никуда не пойду. Да ты слишком стар для меня! Тебе уже за сотню лет! Скоро будешь дорожки песком посыпать.

— Бесподобная, духи не имеют возраста. А как человек я только появился на свет.

— Зачем я тебе? Куда ты собрался? Почему утащил меня из дворца? Там Фомка один остался!

— Не волнуйся за него, волшебница.

— Вот только не говори, что записку оставил.

Мне нежно улыбнулись.

— Оставил?! Кому?! Что ты там написал?

— Я предсказал принцессе Мириам, что человек, уготованный ей самой судьбой, это Фомантий.

Я зашлась в приступе кашля.

— И они будут счастливы до конца своих дней.

— Да кто купится на твою ложь? — возмутилась такой наглости.

— О, люди обожают бездумно верить предсказаниям. Почему бы им в таком случае не сбыться?

Ага, сам виноват, что сам дурак.

— Да как можно? Ты не имеешь права сочинять небылицы, ты же предсказатель!

— Человеку свойственно выдумывать. Часто ли люди доверяют друг другу? Как дух я служил верой и правдой сто лет, как человек могу вести себя подобно всем остальным. Если принцесса решит, что Фомантий ее суженый и они обречены жить счастливо, разве им кто-то сможет помешать?

— Фомка не купится на твое предсказание.

Мне снова ласково улыбнулись.

— Да не может быть!

— Что мешает ему использовать ситуацию ко всеобщему счастью? Принцесса очаровательная девушка и изначально ему нравилась.

— Ну не-э-эт! Король ни за что... Ох ты ж!.. Очередное предсказание

конца света?

Мне даже не нужно было ждать его ответа.

— Интриган! Прожженный интриганище! Ты всеми вертишь, как тебе заблагорассудится. Ты самый опасный тип! Тебя нужно изолировать от общества!

— Я это и предлагаю сделать, Аленушка. Пути назад нет. О родных беспокоиться не стоит, у короля нет оснований призывать их к ответу за то, что дочь сбежала после блестяще выполненного задания. К тому же они получили дружеский совет уехать в одно чудное и тихое местечко и пожить там какое-то время. Есть ли смысл возвращаться, если можно двигаться дальше?

— Куда?

— Туда, куда мало кто из людей имеет счастье попасть.

— ???

— Если согласишься, увидишь собственными глазами и сама для себя решишь, что это за место. Ты получишь ответы на вопросы, которые еще остались неразгаданными.

Ох ты ж и негодяй! Ударил в самое больное место. Решать сложные задачи не только моя главная слабость, а настоящее призвание. Это нокаут!

— Ты ведь лучше других знаешь, когда я говорю правду, — склонил голову набок артефакт.

— Я знаю, что тонкая лесть в нужное время — твоя сильная сторона.

— Летим, Алена?

— Лишь при условии, что мы не разобьемся.

Я поддалась уговорам, хотя прекрасно понимала, что он подвел меня к этому решению своим коронным способом — сплестя воедино прошлые и грядущие события и не оставив иного выбора. Собственно, у меня действительно был лишь путь вперед. Вернуться — значило рано или поздно угодить в лапы к ищейкам, а потом снова попасть к королю, который начнет пытаться, где теперь его предсказатель. А еще просто до дрожи в руках хотелось увидеть воочию то место, откуда родом было это невероятное существо, воплотившееся в облике обычного мужчины.

Моя решимость начала медленно таять, когда на глаза попались так называемые крылья. Затормозив на середине пути, я рассматривала большую летную конструкцию, представлявшую собой трубчатый каркас, тросовые растяжки и натянутую на каркасе ткань. Две боковые трубы и задняя кромка материи образовывали фигуру, напоминающую треугольник.

— Вот на этом лететь? — уточнила больше у гончара, чем у увлеченного Кая.

Предсказатель уже вовсю ощупывал ткань, осматривал тросы, а я подумала, что пора развернуться и пойти обратно в мастерскую. Я была готова к очередным действенным методам убеждения и всяким аргументированным уговорам, произносимым таким приятным обволакивающим голосом, что даже сопротивляться не возникало охоты, но меня упрашивать не стали. Как только я развернулась, Кай насмешливо бросил в спину: «Трусиха» — и невозмутимо вернулся к своим крыльям.

Спокойствие, только спокойствие. Он просто наглый артефакт, а я самодостаточная, уверенная в себе личность, настоящая сыщица, талант от Бога. Пусть себе подначивает. Что обижаться на сирых и убогих?

Я сделала разворот на сто восемьдесят градусов и пристально взглянула на «убогого». Он как раз наклонился, приподнял крылья за правое колесо и внимательно его разглядывал, мышцы на руках напряглись, рубашка на груди натянулась, а я сглотнула.

«Вот даже в спор не буду вступать», — приняла решение и тут же ответила:

— А кто-то говорил, будто я смелее, чем он думал?

— Я мог ошибиться, — не растерялся Кай, — просто один страх оказался сильнее другого.

Нет, ну посмотрите! Практически угадал, мерзавец.

Откашлявшись и приняв соответствующее ситуации выражение лица «аз есмь кирпич», ответила самым спокойным тоном:

— Ладно, посмотрим, как смело ты будешь парить в вышине на этом аппарате. Машина рассчитана явно на двоих и по весу, и по размеру. Без меня ты просто не справишься.

— Ты все же решила лететь? — с коварно-соблазнительной улыбочкой уточнил Кай.

— Я позабыла, что решила, — фыркнула в ответ, — ты напрочь ослепил меня своей мускулатурой, пока так старательно осматривал эту конструкцию.

Ответа не дождалась, поскольку даже слепой мог заметить, какой беззастенчиво активный напор осуществлялся на неустойчивую психику оголодавшей сыщицы. С подобными рычагами давления сама вскоре начну разбрасываться контраргументами. Поэтому при всем понимании самих методов бороться с ними у меня пока не выходило. Я также шла на поводу солнечного ослепенца, как и другие несчастные, а вот его личные мотивы и конечные цели до сих пор были непонятны.

— Ну что, — развернулась я к нашему авиаконструктору-любителю, — цепляйте уже куда положено. Снова мне мир спасать.

— Ой, мамочка, — шептала я, не веря, что решилась лететь.

Наш друг как раз дергал за ремни подцепки, на которых меня подвесили прямо над артефактом, проводя заключительную проверку аппарата.

— Управление на тебе, — дал напутствие летных дел мастер, хлопнув предсказателя по плечу.

— Ну как, Аленушка, — повернул золотоволосый голову, — ты мне доверяешь?

— Абсолютно и безоговорочно нет. Сейчас я руководствуюсь логикой. Тебе нет смысла тащить меня с собой, чтобы красиво бухнуться с огромной высоты на землю.

— Я справлюсь, драгоценная, — хмыкнул летун в ответ, а гончар приготовился толкать аппарат, и я что есть силы обвила артефакт руками поперек груди.

Нас столкнули вниз по пригорку.

Мне захотелось громко заорать, когда конструкция с двумя горизонтально подвешенными пассажирами, набирая скорость, покатила с горы, но я побоялась оглушить и дезориентировать Кая. Просто широко раскрыла рот от страха, но не выдавила из себя и звука, а колеса оторвались от уходящего вниз склона.

— Держись за вертикальные поручни! — крикнул полупридушенный Кай, и я послушалась исключительно из чувства самосохранения.

Мы полетели, лавируя в восходящих потоках и набирая высоту. Мои ноги удобно лежали в подвесном мешке, грудь и талию охватывал широкий ремень. Первые минуты я училась заново владеть дыханием и пыталась унять дикое сердцебиение. Успокаивала себя тем, что лечу не одна, а с настоящим провидцем, и мы наверняка долетим благополучно, и вон то металлическое колечко, которое держит ремни моего мешка, не треснет вдруг пополам, ведь оно точно рассчитано на мой вес. Сами ремни также останутся целы. Стальные тросы выдержат, а поперечная балка определенно не сломается. А еще на нас не нападет гигантская птица, и даже торнадо по пути не встретится.

В общем, пока я подобным образом самоуспокаивалась, накрутила себя до такой степени, что даже стала вертеть головой во все стороны, выискивая нереально больших птиц. И хотя водились таковые только в старых сказках, любое пернатое размером чуть больше воробья уже

казалось мне огромным. В конце концов, пришлось перевести взгляд на Кая и попытаться отвлечься.

Он управлял довольно уверенно и вел крылья в воздушных потоках, держась за горизонтальную перекладину и перенося вес тела то на одну, то на другую сторону. Наш аппарат летел по известному лишь предсказателю маршруту, иногда забирая немного левее, иногда поворачивая вправо. Парили мы достаточно спокойно, без резких виражей и наклонов. Меня равномерно покачивало в мешке, но понимание того, что над землей держат лишь парусиновые крылья и ремни, заставляло сердце замирать. Осознание, что Кай — виновник моих терзаний (ведь именно он затащил меня на такую высоту), подогревало настойчивое желание за что-нибудь его ущипнуть. Я бы непременно так и поступила, но слишком опасалась лишний раздохнуть в его сторону и не нашла ничего лучшего, как затеять разговор:

— Ты управлять-то умеешь?

— Нет, — ответил довольный жизнью пилот, нисколько не заботясь о моих нервах.

— А?.. Ты так пошутил?

— Не волнуйся, Аленушка, — ответило невозмутимое солнечное чудовище, — я просто знаю, как это делать.

— Знаешь?

— Предвижу.

Затевать разговор было глупой идеей, в чем я снова убедилась, спросив:

— А мы на землю сядем?

— Конечно, сядем, моя радость.

— Благополучно сядем?

— Просто сядем.

Ему точно нравилось испытывать мое не бесконечное терпение.

— Что значит — просто? — повысила я голос.

— Аленушка, это значит просто наслаждайся полетом. Отпусти поручни, раскинь руки и пари как птица.

Ух! Так бы и стукнула, но не буду. А вдруг силу удара не рассчитаю — тогда все, конец, и птичку жалко.

— А если я раскину руки и изменю таким образом направление попутных воздушных потоков? Нас закрутит, завертит, и мы все умрем?

В ответ мне прозвучал такой веселый смех, что я могла бы ощутить себя полной дурой, не веселись Кай искренне и от души. У него это выходило как-то совершенно необидно, скорее, веселье было

заразительным.

И я решилась.

Зажмурилась, заставила собственные пальцы отцепиться от металлических поручней и раскинула руки. И когда аппарат не понесло в сторону, а меня не закачало сильнее, отважилась открыть глаза и наконец-то увидела совершенно иную, не искаженную моей паникой картину.

Вдалеке синели холмы, а мы проплывали над полями, поросшими зелеными травами с солнечными прожилками ковыля. Облака, в которые, казалось, вот-вот влетим на полном ходу, скрывали в пушистых перьях яркое небесное светило. Оно так и норовило выскользнуть из крепких объятий, а рассеянные лучики косо ложились на землю, точно струи солнечного дождя.

Дух захватило теперь от красоты открывшейся внизу картины. Все выглядело слишком крошечным и ненастоящим, будто нарисованным торопливым художником, поспешно нанесшим на полотно расплывчатые акварельные мазки. От ветра пришлось на миг зажмурить глаза, и влажные дорожки пробежали по щекам. Я вдохнула пряный воздух высоты всей грудью и неожиданно рассмеялась.

Теперь ощутила себя птицей, настоящей гигантской птицей. За спиной у меня были крылья, вокруг проплывали облака, над головой открывалась бесконечная высь. Я вдруг почувствовала настолько полное счастье, что на эти мгновения безграничной свободы полюбила весь мир. Мне даже ужасно захотелось обнять и поцеловать Кая за то, что подарил мне небо.

И ведь летала уже с Фомкой на ковре-самолете, но там ощущения были совсем другими. Возможно, причина заключалась в свойствах волшебной вещи и в том, что упасть не представлялось возможным. Один полет осуществляли ночью, а во время второго слишком нервничали, боясь опоздать. Сейчас же я точно парила в воздухе, видела внизу землю и наслаждалась всеми непередаваемыми ощущениями на пару с воплотившимся духом. Наверное, сложно лишиться возможности летать, приняв облик обычного человека, ведь это ни с чем не сравнимое чувство.

Я перестала ощущать время и пространство, окунувшись в удовольствие созерцания природы, и недоверчиво выдохнула, увидев вдалеке Скалистые горы. Быть не может!

— Куда мы летим? К горам?

— Именно, обворожительная.

— Ты хочешь пересечь горы на крыльях? — не могла поверить в безумную идею.

— Они не поднимут нас на подобную высоту, лучезарная.

— Хватит уже награждать меня эпитетами, — разозлилась я. — Мы не перевалим через горы! Это отвесные скалы, как вскарабкаться наверх? С какой целью? Ты в курсе, что все, кто перешел через эти горы, канули без вести? А мы не духи, мы люди!

— Я все это знаю, прелесть.

— Нет, ты человеческий язык понимаешь?

— Это не эпитет, — хмыкнул невозможный дух и как ни в чем не бывало продолжил: — Мы попробуем совершить невозможное.

— Зачем?

Ответа я не получила по простой причине. Я слишком расслабилась и увлеклась, позабыв о том, что с Каем нужно всегда быть начеку. Вспомнила об этой простой истине, когда услышала треск, зловещий и очень отчетливый, похожий на треск рвущейся материи. Я тут же попыталась задрать голову, ища источник взволновавшего меня звука, но ничего рассмотреть толком не удалось.

— Кай! — в панике закричала пилоту. — Ты слышал?

— Да, Аленушка, ткань крыльев рвется.

— Как? Что? Что значит рвется? Ты предвидел?! — оглушительно закричала практически ему в ухо, уже не заботясь о том, что могу дезориентировать пилота. — Как ты мог не предупредить меня?

— В этом не было смысла. Ты лишь разволновалась бы раньше времени и лишилась многих приятных ощущений, ожидая крушения.

— Ожидая чего???

— Летного происшествия, звезда моя. Все будет хорошо.

Новый треск убедил меня, что не будет.

«Как, ну как я могла снова довериться ему?» — в страхе спрашивала себя, упорно задирая голову вверх.

— Мой друг использовал парусину, которая слишком долго лежала на солнце. Лучи повредили целостность ткани, долгий полет способствовал ее износу, поэтому она лопнула.

— А ты, ТЫ не мог попросить его взять другую ткань?

— Для ее заказа мой замечательный помощник потратил бы драгоценные дни и упустил шанс изготовить крылья к нужному моменту. После обращения у меня было совсем мало времени, чтобы предсказать новые события и сделать необходимые приготовления. Мы с тобой потеряли бы шанс сбежать. Я выбрал меньшее из двух зол.

— У-у-у! — крикнула в ответ и вцепилась в артефакт изо всей силы.

Ветер рванул пострадавшее крыло, и в полотнище образовалась стремительно растущая дыра. Нас резко повело в сторону и вдруг

завращало в бешеном ритме.

О боже! Всем моим существом овладела паника. Сделать хоть что-нибудь я была не в состоянии и не имела на то ни единого шанса. Зато уловила краем глаза, как артефакт выбросил в небо какой-то цилиндр, в мозгу пронеслась мысль «парашют», которая, впрочем, тут же исчезла под натиском совершенно кошмарного ощущения — сейчас мы разобьемся.

Мгновенно проанализировав скорость вращения, нашу высоту и то, как стремительно сокращалось расстояние до приближающейся земли, я успела проститься со всем белым светом и полностью растворилась в невероятном по своей мощи чувстве, что жить осталось всего несколько минут. Хотелось бы сказать, что приготовилась смело встретить свою смерть и даже расцепила пальцы, выпустив злосчастный артефакт, но ничего подобного я не сделала. Напротив, хваталась за мужчину до последнего, поскольку тело жило одними инстинктами, и руки цеплялись сами по себе.

А потом был резкий рывок вверх, парашют раскрылся, и вращение прекратилось. Мы повисли над верхушками деревьев и стали медленно планировать вниз. Порыв ветра подхватил и понес нас, точно течение, влекущее подвластную ему щепку.

Все еще находясь во власти пережитого страха, я никак не могла прийти в себя, казалось, что ткань зацепится за ближайшие ветки, а потом мы упадем. Однако в момент, когда это чудилось неизбежным, ветер вдруг пронес аппарат в просвет между деревьями, и нас бросило в болото.

Глава 17

САМЫЕ ОТВЕСНЫЕ СКАЛЫ

Я не знаю, как артефакт проводил расчеты на основе собственных видений, но в который раз убедилась, что он точно планировал каждый шаг, дабы результат полностью удовлетворял его желаниям.

Кай успел высвободить ноги за секунду до падения летательной конструкции. Именно поэтому он не повис безвольным кульком, подобно мне, а, держась за металлические перекладки, получил возможность отстегнуться и отцепить от кольца пассажирский мешок, пока вся летная конструкция медленно погружалась в воду. Предсказатель доплыл до берега, волоча спеленутую сыщицу, точно на буксире. Единственное, что я могла, — это помогать, загребая руками, ноги же были скованы мешком. На землю воплощенный дух меня вытянул уже в полувмняемом, а не обморочном состоянии, после чего освободил из плена и положил на освещенный солнцем участок — обсыхать.

Никому не пожелала бы испытать эмоции, выпавшие на мою долю. Я могла ориентироваться в сложных ситуациях, включать логику и принимать мгновенные решения, когда того требовали обстоятельства, но в этом падении предпочла отказаться от тщетных попыток спастись и возложила всю ответственность на плечи кошмарного авантюриста. Он втянул меня в невообразимое приключение, не предупредил и не рассказал о собственных расчетах. Возможно, в его утверждениях относительно моего незнания и была доля правды, но сейчас это мало волновало, больше беспокоил вопрос — а сможет ли мое сердце когда-нибудь биться в прежнем ритме.

Именно поэтому, когда артефакт наклонился и похлопал меня по щекам, заботливо спросив: «Как ты?» — я ответила:

- Четвертовать, колесовать, линчевать.
- Радость моя...
- Повесить, вздернуть на дыбе.
- Котенок...
- Надеть на голову мешок и утопить.

Артефакт замолчал, прекратил попытки поддержать беседу, а потом лег рядом, сложил руки на груди и лежал до тех пор, пока на нас не напали злобные, противно жужжащие и кровососущие насекомые.

— Аленушка, а может, пойдем? — имело наглость предложить это

чудовище.

— Полагаешь, что я после всего этого куда-то с тобой пойду? Ненормальный! Я с места не сдвинусь. Пусть лучше меня сожрут на месте жуткие насекомые, чем ты доведешь до разрыва сердца.

— Аленушка, — принялся ласково увещевать солнечный гад, — больше половины пути позади, осталось совсем немного, — еще и по волосам нежно погладил, а я в ответ зашипела.

— Укушу с-с-сейчас, мерзавец. И яда хватит, чтобы тебя кондратий хватил.

— Не пойдешь? — уточнил нахал.

— Нет! — Я сложила руки на груди, прекрасно понимая, что этого мерзавца ничто не проймет. Перевела взгляд вверх, рассматривая густые кроны деревьев. У ног плескалось болотце, по веткам прыгали какие-то пернатые, а возле уха жужжало настырное кусачее насекомое, напоминая мне, что я еще жива.

Бессовестный Кай присел на корточки и погладил меня по щеке, а я дернула головой, избегая его ласки, и снова зашипела.

— Отрада моя, я никогда не подверг бы тебя подобному испытанию, будь у нас другой выход.

— Исчезни, солнечный! — открестилась я и в точности воспроизвела обережный знак, сотворяемый сторонниками божественного провидения. После чего твердо решила хранить холодное молчание, но безмолвствовала не больше минуты, не сдержалась от обвинительной реплики: — Кто мешал тебе приземлиться раньше, до поломки аппарата?

— Время, сокровище. Мы могли сесть только на ровном месте, а потом пришлось бы долго добираться до гор более длинным и опасным путем. Я вынужден был тянуть до последнего, чтобы обеспечить мягкую посадку.

— Да, в болото.

— Зато твои ножки не пострадали.

— У тебя на все есть объяснения, но я даже слушать не хочу. Просто уйди и оставь меня в покое навсегда, понял? Я передумала спасти от тебя мир, это не в моих силах.

— Больше никто не справится, Аленушка.

— Да плевать. Хоть Армагеддон устраивай.

— Точно не пойдешь?

— Нет.

Артефакт вдруг встал на колени и поднял меня на руки.

— Эй! А ну опус-с-сти, где взял! — снова зашипела я и попыталась

извернуться, но не тут-то было. Меня крепко сжали, притиснули к груди и не собирались отпускать, сколько бы я ни молотила по этой груди кулаками.

Бывший артефакт выпрямился и молча, невозмутимо пошагал вперед между деревьями, как если бы я тихо и мирно лежала в его объятиях.

— Ты совсем совесть потерял?

Молчание.

— У тебя в облике человека хотя бы ее зачатки имеются?

В ответ — тишина.

Мой градусник, измеряющий артефактскую наглость, зашкалил и окончательно сломался, но самого невыносимого из предсказателей это нисколько не взволновало.

Ну иди, иди. Посмотрим, долго ли протянешь, — устала я трепыхаться в его руках.

— Ты совсем легкая, точно пушинка, — удостоили меня ответом.

— Ну-ну.

Я сложила руки на груди, не желая обнимать мужчину за шею и тем самым облегчать его задачу.

— Ты уже устал? — спросила через пять минут.

В ответ он отрицательно качнул головой.

— А сейчас устал? — спросила через десять.

Очередной отрицательный жест.

— Ну а теперь? — уточнила через двадцать.

— Голубка, ты так сильно хочешь, чтобы я тебя отпустил?

— И заодно хочу позлорадствовать, какой ты хилый и немощный, раз обессилел через пару километров. Девушку унести — и то не можешь.

Женская логика мощная вещь. С ее помощью можно здорово помотать нервы собеседнику. Потому в ряде случаев я прибегала даже к этому суровому методу, задвигая подальше истошно протестующего сыщика.

— Могу, — был ответ, и артефакт сжал меня еще крепче. А потом я заметила неуловимую хитринку-смешинку, притаившуюся в правом уголке его рта. Насмешливую и озорную, которая умело скрывалась и была почти незаметна.

Пока я отвлекалась на эту смешинку, меня наглым образом спровоцировали. Кай будто непроизвольно покачнулся, соступил с не приметной среди зелени тропы, и я услышала громкий шорох. Глянув в сторону источника звука, успела заметить исчезнувший в ближайших кустах длинный хвост испуганной артефактом змеи.

— Ай! — Я вцепилась в шею предсказателя, и теперь он не смог бы

оторвать меня от себя, даже если бы сильно постарался.

— Так действительно удобнее, спасибо, Аленушка, — прокомментировал мои объятия нахал.

Я прищурилась и снова присмотрелась к его губам. Ну вот же она, эта хитринка. Прячется, ускользает. И мне просто дико захотелось ее поймать. Руками такую не подцепишь, слишком грубый метод, ее только губами ловить. Хотя можно попытаться и зубами.

— Устал? — еще более озверело, чем прежде, спросила у моего добровольного носильщика.

— Нет, — был краткий ответ.

Ага! Много не разговаривает, значит, вот-вот одышка мучить начнет. Правда, на землю я теперь не спущусь, даже если он попытается меня на нее поставить.

Противный Кай не сдавался, невзирая на все мои издевки, и невозмутимо шагал вперед, не сбавляя шага и крепко держа меня на весу. Я бы на его месте уже перекинула себя через одно плечо, а он все держался.

Заметив, что смешинка вновь благополучно спряталась, я принялась рассматривать остальные части артефактского лица и с радостью заметила бисеринки пота на виске.

— Бедняжка, тебе жарко? — злорадно уточнила, стирая пальцем испарину. — Подуть? — и я знойно подышала ему в шею.

Он слегка дернул плечом в ответ, а хитринка вновь проявилась в уголке рта. Я напряглась, ожидая подлянки, но с шага воплощенный дух не сбился, продолжал идти по лесу, который становился то гуще, то реже. Отчаявшись зацепить невозможное чудо со странными янтарными глазами, в самой глубине которых светилась столь не подходящая ему мудрость, а в уголках губ таилась смешинка, я ухватила золотое колечко волос и подергала, стремясь хоть на нем выместить свою досаду. Колечко не возмутилось, а спружинило в исходное положение, стоило его отпустить. Тогда я дернула и за другое, и за следующее, и так передергала все, пока, увлекшись, не отвернулась от Кая, а он взял и куснул меня за мочку уха.

Я вздрогнула и могла бы свалиться на землю, окажись объятия менее крепкими. По телу прошла дрожь, добралась до кончиков ног и жаркой волной вернулась обратно, сдавив грудь, сжав горло и наполнив огнем голову. Я пыталась глубоко вдохнуть, чтобы рассеять заволокший взгляд красноватый флер, когда воплощенный дух внезапно шагнул прямо сквозь заросли. Только через несколько секунд стало ясно, что мы оказались на небольшом, свободном от растительности участке, который с трех сторон окружал лес, а с четвертой — уходящая ввысь отвесная скала.

— Дошли, Аленушка, — сказал бесчувственный и невозможно вредный артефакт, ставя растерянную меня на ноги. А я даже не воспротивилась, поскольку все еще приходила в себя. Непроизвольно подняла руку и потерла ухо, пытаюсь понять, как такое простое действие смогло выбить из колеи, а потом до меня дошел смысл фразы.

Скальные горы! Это правда они! Я задрала голову, но не увидела конца бесконечной стены. С ума сойти! Не веря своим глазам, прижала ладонь к поверхности горной породы, почувствовала несокрушимую мощь и холод векового камня. Находясь под впечатлением от созерцания этой громадины, столь внезапно выросшей на пути, я обернулась к Каю и спросила:

— Как ты планируешь туда забраться? Или целью было просто дойти?

— Моя цель — вершина горы, — ответил ненормальный артефакт и удобно развалился на травке, раскинув в стороны руки и позволив себе перевести дух.

— Дотянул все-таки? — не упустила я возможности кольнуть Кийара.

Предсказатель явно потратил больше сил, чем демонстрировал внешне. Возможно, падение на нем тоже сказалось, все же перегрузка была неслабой, а он еще и меня нес всю дорогу.

— Конечно, Аленушка. Мне любовь придавала сил.

— О да! Так я и поверила.

Кай жестами изобразил, как его удручает мое неверие, чем заслужил новую гримасу с моей стороны.

— Тогда интересно, — продолжила я расспросы, когда мы закончили обмениваться жестами и взглядами, — как ты планировал туда вскарабкаться?

— Я объясню тебе позже, счастье.

— Лучше покажи.

— Как скажешь, — усмехнулся воплощенный дух.

— А еще долго ждать показа? — уточняла в сотый раз, высунув голову из-за кустов, в которые загнал меня Кийар.

— Совсем недолго, драгоценность, — повторял воплощенный дух, сооружая на земле веревочную петлю.

— А чего тянем? Я извелась в ожидании представления.

— Какого, прелесть?

— Ну как? Представь только: ползущий по отвесной скале мужчина, мышцы рук напряжены от невероятных усилий, брюки практически трещат по швам, пока ноги ищут опору на небольшом выступе, пот катится градом, риск для жизни очевиден...

— Как интересно, — перебил феерические фантазии артефакт, — значит, ты представляла эту картину только в мужском исполнении?

— Определенно. Самая планирую остаться внизу.

— Здесь совсем неинтересно, Аленушка.

— Кому как.

— Я организую незабываемый подъем, и это не потребует от тебя никаких усилий. Согласна забраться наверх при таких условиях?

— О, ну если никаких усилий...

— Смотри. — Кай вытащил из кармана сверток, и я привстала на цыпочки, раздвигая руками ветки и наблюдая, как он извлекает наружу кишачий червями кусок мяса.

Зрелище оказалось малопривлекательным, я даже резко утратила чувство пробудившегося недавно голода.

— Это ведь не наш обед?

— Что ты, сокровище, я не склонен отбирать еду у слабых зверюшек.

— Зверюшек? — В голове промелькнуло на удивление яркое воспоминание о волколотике. Он, по меркам Кая, слабый или нет?

Воплощенный дух уложил кусок сомнительного деликатеса прямо посередине петли и, отступив, полюбовался на дело рук своих. После чего бодро развернулся и протиснулся сквозь кустики ко мне.

— Ну а теперь главное сидеть тихо. Саргант уже близко, — заявил предсказатель и крепко сжал в руках другой конец веревки.

Меня не стоило просить дважды. Я затаилась как мышка, напряженно вглядываясь в просветы между зеленью и усиленно размышляя, кого же дух собирается поймать. Судя по приманке, это был некий представитель местной фауны, мне незнакомый (прежде данный регион посещать не доводилось).

Минут через пять раздался треск веток, послышалось чье-то разъяренное фыркание, а потом сквозь кусты на свободный участок вырвалась «слабая» зверюшка. Этакое парнокопытное, наделенное витыми рогами с очень острыми концами, тонкими ножками, утолщенной шеей, короткой головой и выпуклым лбом. Данный представитель местной фауны явно был способен поднять на своих рогах пару-тройку воплощенных артефактов. По его красной шерсти пробежали огненные всполохи, а из ноздрей — я могла в этом поклясться! — вырывался дым. Сие чудо-юдо принялось, фыркнуло, повело головой в стороны, а потом медленно приблизилось к приманке.

— А теперь, — зашептал на ухо наклонившийся ко мне предсказатель, — когда он возьмет мясо, я затяну на морде петлю. Пока

буду удерживать, ты запрыгнешь на его спину вон с того камня.

Я повернула голову и взглядом сказала все, что думаю о ненормальных артефактах.

— Ты его не удержишь, поэтому оседлаешь первая, — пояснил артефакт, — и не бойся, его шерсть не обжигает.

А в следующий миг, очевидно, решив, что этих объяснений достаточно, он рванул веревку и затянул петлю на морде вкушающего мясо зверя.

— Скорей, Аленушка! — крикнул Кай, выскакивая из кустов и хватая сарганта за рога.

Еще чего не хватало!

— Так и бросилась объезжать этого козла!

— Я его долго не удержу. Он упертый и выносливый. Силы на трех взрослых человек!

— А ты отпусти и убег.

— Если выпустить, он совсем озвереет и нас с тобой забодает.

Что-что? Я не ослышалась? То есть люди после моей кончины будут вспоминать не героические подвиги и вереницу великолепных расследований, с придыханием произнося мое прославленное имя, а станут говорить: «Это та, которую забодал скальный козел»?

— Да ты капец что такое! — прокричала артефакту, вырываясь из кустов, и на всем скаку взлетела на нужный камень. Кай тут же уперся обеими ногами и подналег на длинные рога сарганта, тесня того ко мне.

Я набрала полную грудь воздуха и с диким криком: «Ай-а!» — запрыгнула на спину козлорога.

Тот, наверное, хотел бы взбрыкнуть, но я его оглушила. Воплощенный дух, пользуясь моментом, отпустил один витой рог, держась за другой, оттолкнулся от земли и заскочил на спину животинки позади меня. Мужские ладони вновь сомкнулись на козлячьих рогах, а я оказалась крепко притиснутой к голове сарганта с одной стороны и к груди артефакта с другой. Шанс съехать вбок и упасть под ноги копытного резко уменьшился, здесь меня надежно страховали литые мускулы артефактских бедер.

Кай резко потянул рога на себя, а потом ударил пятками по бокам зверушки и погнал животное не куда-нибудь, а прямо в отвесную стену.

Мне в который уже раз захотелось помолиться божественному провидению, однако дальнейшие действия солнечного чуда снова отвлекли от благостного намерения. Используя рога как поводья, он заставил козлорога (боже ты мой!) резко повернуть вбок, а потом запрыгнуть на

небольшой выступ скалы.

Нет, я слышала прежде, что есть такие животные, которым под силу карабкаться по отвесным скалам, но чтобы их использовали в качестве высотного транспортного средства с двумя посадочными местами! И ведь если уточнить у артефакта, каково его предсказание будущего на данный момент — абсолютное или изменчивое, — он ответит «абсолютное» в обоих случаях.

— Выдержит, не выдержит, упадем, не упадем, — принялась гадать на камушках, а точнее, на уступах, по которым прыгал полыхающий безобидным огнем саргант. Очевидно, это был его защитный окрас для отпугивания хищников. Вниз даже не рисковала смотреть, уж слишком быстро увеличивалось расстояние до земли.

Не думала раньше, что можно так стремительно перемещаться по отвесной скале. Зверюшка столь ловко это делала, что любой скалолаз обзавидовался бы. Козлик касался камня на мгновение и, прыгнув, летел дальше. Использовал любые скальные неровности и умудрялся передвигаться по крошечным выступам. Мышцы у зверюги действительно оказались ну очень сильными и тренированными, поскольку в следующий момент он раскорячился между двумя вертикально идущими стенами, как раз в небольшом углублении с зияющей бездной внизу. Передние копыта будто прилипли к небольшому камню впереди, а задние соответственно позади.

«С таким весом на спине он сейчас точно поедет вниз», — подумала я.

По воле разыгравшегося воображения мне отчетливо слышался скрежет копыт, шорох осыпающейся породы, я ощущала, как спина сарганга прогибается под нашей тяжестью и все мы медленно скользим в бездну. В этот миг артефакт наклонился и поцеловал меня в висок, быстро переключив мысли на иной лад.

Мало того что я от страха замирала и даже кричать боялась, так он еще центр тяжести сместил в самый ответственный момент!

— А ну не двигайся, — сурово шепнула предсказателю, не рискуя слишком повышать голос, а пока отвлекалась, козлик уже вскарабкался по расщелине и встал на узкую, уходящую ввысь каменистую тропку. Когда его копытца зацокали по камню, я впервые рискнула посмотреть вниз и так впечатлилась отвесной скальной стеной, что пожелала нового отвлекающего маневра, а вредный артефакт, как назло, не шевелился.

Следующий скачок явился неожиданностью.

Очередной испуг и судорожная попытка вспомнить все слухи о ловких животных-скалолазах, а конкретно о частоте их падений, окончились тем,

что я не заметила, как саргант запрыгнул на край утеса.

Поддерживающая меня опора в виде рук, ног и груди артефакта вдруг исчезла. Я в ужасе оглянулась, дико испугавшись, что при финальном скачке Кай не удержался и сорвался в бездну. Оказалось, что этот заставивший оборваться мое сердце мерзавец спрыгнул на землю. Секунду спустя стало понятно почему. Когда козлорог достиг вершины и почувствовал себя свободней, он решил воспользоваться ровной поверхностью и скинуть нежеланных седоков со скалы. Зверушка взвилась на дыбы, а я не успела ухватиться за рога. Вскрикнула, заваливаясь назад, и полетела прямо в руки успевшего рвануть меня к себе артефакта.

Мы упали на самом краю, он на землю, я сверху, а рядом плясал озверелый козлик. О том, что теперь нас точно забодают, или затопчут, или столкнут, я размышляла уже практически равнодушно. Все же у моих нервов имелся предел выносливости, за которым наступал полный отстранизм.

— Хорошо лежим, Аленушка, — улыбнулся Кай, пока рядом злобно пыхтела и фыркала полыхающая огнем «слабая» зверушка.

— Неплохо, — согласилась с ним и вгляделась в безмятежное лицо артефакта.

Если Кай так спокоен, это неспроста. И лежит, что называется, где упал, не двигается.

Я опустила голову на грудь предсказателя, повернула ее в сторону сарганта для дальнейшего наблюдения и устроилась со всеми удобствами. Пусть я про козлорожков ничего не знала, зато ушлый воплощенец был явно хорошо осведомлен об особенностях данной породы. Вот не доставлю ему удовольствия громкими воплями и прочими признаками паники, и так развлекла сверх всякой меры. Да я, считай, каждый день бесперебойно «поставляла» ему лекарство от скуки.

В общем, лежали мы так, ветерок обдувал, на вершине воздух оказался более разреженным и холодным, но солнышко грело. Зверушка рыла копытом землю, фыркала, но отчего-то не нападала. Интересно. А что, если этой животинке несвойственно добивать поверженных противников, потому солнечное чудовище блаженно разлеглось на самом краю утеса и в ус не дуло? Ну, если так, тогда лежим дальше.

Возмущенный козлик еще какое-то время постукивал возле нас копытом, вызывая на бой, а потом обиделся на полнейшее равнодушие и бесчувственность. Он нас возносил на вершину, а мы даже от честного поединка отказались и рогами бодаться не стали. Ну нас, нехороших! Он найдет себе другого достойного противника! И, гордо фыркнув напоследок,

саргант с высоко поднятой головой скакнул с утеса.

Я тут же подхватила, вскочила с артефакта и кинулась к краю скалы, чтобы вновь, но уже со стороны, наблюдать потрясающее воображение схождение по отвесной стене. К горлу тут же подступила тошнота, мне резко подурнело, когда вспомнила, что мы недавно сидели на спине резво скачущего животного, и голова пошла кругом.

— Жемчужинка, если хочешь прыгнуть, то лучше вон с той стороны, — слышался дружеский совет предсказателя, я поспешно отступила, а уже потом повернула голову в его сторону. Кийар указывал на противоположный край утеса.

Кто-то другой точно решил бы, что артефакт спятил, но я знала это чудовище уже достаточно долго. Все его фразы несли вполне определенный смысл, не всегда фигуральный, по этой причине я решила уточнить:

— Скажи, пожалуйста, я правильно сейчас поняла? Мы карабкались на эту вершину, чтобы взять и спрыгнуть с нее с другой стороны?

— Да, — и глазом не моргнул Кай.

— И подробнее рассказывать не станешь?

Несносно-вредный артефакт пожал плечами:

— За сто лет разучился говорить без ребусов?

— Зачем описывать в деталях, прелесть моя, если ты превосходно справляешься с разгадыванием всех загадок?

— О да! Со мной можно не напрягать себя лишними объяснениями.

— А тебе разве так не интересно? — с улыбкой поинтересовался Кийар, а я возмущенно отвернулась и направилась разгадывать очередную головоломку.

С того края утеса, на который указала его сиятельность, видна была отнюдь не целая неизведанная страна. Королевства, по преданию лежащего за Скальными горами, здесь и в помине не было. Внизу, насколько хватало взгляда, простиралась покрытая бурой растительностью равнина. Где-то на горизонте поблескивала вода, возможно, море или огромное озеро.

Я смотрела по сторонам, пытаюсь разглядеть хоть что-то, но разве на равнине скроешь здания и людей? Или они невидимки? То есть способны на совершенно невероятную магию?

Предположение не было лишено смысла, если не учитывать одного слова во фразе артефакта — «прыгнуть». Оно наводило на определенные раздумья, однако пространство передо мной было совершенно неподвижным — настолько, насколько может быть неподвижным воздух. Никаких воронок, смерчей или чего-то иного, хотя бы отдаленно

указывающего на пространственный портал, похожий на тот, в пещере. И зачем прыгать, если логически подобное необъяснимо?

— Портала нет, — сказала я очевидное.

— Нет, — согласился солнечный.

— Он открывается в определенное время? Какое-то особенное положение солнца?

— Не совсем, — оказал мне честь своим пояснением артефакт.

— И как туда попасть? — решила спросить напрямик.

— Людям вход закрыт, лишь по особой милости они имеют право пройти сквозь пространство.

— А проклятому духу такую милость окажут?

— Не попробуешь, не узнаешь, — философски заключил Кийар, а потом резко метнулся в мою сторону. Хотя я сделала попытку увернуться, он предугадал маневр, поймал меня, обхватил за талию и увлек в безумный прыжок со скалы.

Дух захватило от стремительности падения, теперь уже без крыльев, парашюта и даже без козлика.

А потом, чуть левее, неожиданно, стремительно расширяясь, возник ослепительный солнечный свет — огромная воронка, втянувшая нас в себя в мгновение ока.

Я снова приземлилась удачно, то есть на артефакт. Воплощенный дух шмякнулся на скальную поверхность, а я добила его своим «легким, как пушинка» телом. Кай выдохнул разом весь воздух, но мужественно промолчал.

— Сильно ударился? — приподнявшись на локтях, уточнила я. Прозвучало это ну очень злорадно.

— Я в порядке, сердце мое. А ты не могла бы не упираться локтями мне в грудь?

— Вот так? — Я привстала и уперлась еще сильнее.

— Именно, — выдавил Кай, а потом перехватил мои руки и вытянул над своей головой, — они у тебя слишком острые.

— Это ты еще коленок не прочувствовал, — просветила воплощенного духа, резко подтянула колени к животу и приподнялась над артефактом, удачно перенося вес тела, чтобы Кай уж точно все ощутил и имел шанс сравнить.

Наблюшый предсказатель опять сдержал страдальческий стон, а в ответ дернул меня за запястья, и я снова на него упала, но в этот раз не лицом на его грудь, а своей грудью на его лицо.

— Эй! А ну, мерзавец, отпусти меня!

Негодяйский артефакт отрицательно покачал головой, и я именно грудью это качание ощутила. Требовалось срочно принять меры по сползанию на землю, иначе стремительно слабеющие руки, ноги и, собственно, все тело в скором времени отказались бы сползать.

Я резко крутанулась с артефакта и распласталась рядом, а ему пришлось выпустить мои запястья, чтобы не вывернуть руки.

Теперь у меня появилась возможность осмотреться и понять, что мы лежим на той же самой скале, с которой прыгали, однако небо вокруг было совсем иным, не голубым, а золотистым, точно на закате. Привстав, я стала смотреть внимательней и увидела сверкающий город. Глядеть на него было так же больно, как и на яркое солнце. Что удивительней всего — город находился не в долине, он висел в воздухе, прочно устроившись на золотистых облаках.

— Боже мой! — подскочила я на ноги. — Это что?

— Это Ирий, — ответил артефакт, поднимаясь и вставая рядом со мной.

Я невольно сделала пару шагов вперед, а Кай тут же дернул меня назад.

— Мы почти на краю, Аленушка. По воздуху ты до него не дойдешь.

— А как люди туда добираются? — повернулась к Кийару.

— На жар-птицах.

— Каких птицах? Снова лететь?!

— На этот раз перелет будет совершенно безопасным, главное, не злить птицу и не выщипывать ей перья.

— Какой дурак будет выщип... о-о-о!

Последний возглас принадлежал именно мне, поскольку я увидела двух больших птиц с рыже-золотым оперением и огненными крыльями, приближающихся со стороны парящего города.

— Я хочу перышко на память, — заявила Каю, восторженно сложив на груди руки и наблюдая за плавным полетом красивейших созданий. — Из хвоста, — добавила, заметив потрясающе роскошные хвосты, переливающиеся всеми оттенками золотого.

— Как-нибудь потом подарю, — усмехнулся предсказатель.

— Ох! — Большого я была сказать не в состоянии, потому что птицы приземлились на краю плато.

На спине каждой было приторочено изящное седло, на первый взгляд изготовленное из чистого золота. Я с опаской приблизилась к ближайшему летуну, но красивенное создание со светящимися глазами не подавало признаков агрессии, а послушно ждало моих дальнейших действий.

Оглянувшись на Кая, увидела, что он спокойно подошел к птице и запрыгнул в седло.

Я садилась менее смело и более аккуратно, но, как оказалось, не стоило осторожничать. Удивительные существа были хорошо обезджены и без сигнала наездника со скалы не взлетали. По примеру артефакта я устроилась в удобном седле и, внимательней к нему присмотревшись, уверилась, что оно действительно из чистого золота.

— Батюшки мои! — изумилась до глубины души и чуточку поковыряла сидишку пальцем, а вдруг отковырну кусочек?

— Готова, Аленушка? — крикнул Кай.

— Поскольку в этот раз никто меня не сталкивает, и даже мнением моим интересуются, я готова.

Артефакт улыбнулся, а я, как и он, схватила поводья, чуточку натянула и ослабила. Птицы расправили крылья. Широкий взмах — и летуны оттолкнулись лапами от скального плато, отправляясь в полет к солнечному городу.

В полнейшем восторге, широко раскрыв рот, я пыталась рассмотреть детали всего, чего прежде не могла представить даже в самых бурных фантазиях. Сверкающие перышки чудесных птиц развеивал ветер, и каждое из них сияло ярким золотистым светом. Подлетая к городу, жар-птицы дружно издали пронзительный крик и, сделав небольшой круг, пошли на снижение.

Глава 18

ИРИЙСКИЕ СОЛНЕЧНЫЕ СКАЗАНИЯ

Я усиленно вертела головой, чтобы успеть разглядеть как можно больше деталей: дома, похожие на миниатюрные сказочные дворцы; переливающиеся всеми цветами радуги сады; перламутровые дороги. Бедные мои глаза, еще не привыкшие к подобному слепящему великолепию, заслезились, пришлось прикрыть их как раз в тот момент, когда птицы приземлились. Когда я рискнула снова посмотреть вокруг, не удержалась от нового удивленного возгласа, обнаружив нас на ровной круглой площадке вблизи золотого дворца.

— Это же из моего сна, — выдохнула, указав Каю на невероятно красивое огромное здание. — Он реально существует!

— Конечно, — совершенно спокойно согласился артефакт, — где же еще жить местному королю, как не во дворце?

Мне захотелось в одночасье задать тысячу вопросов, но в этот момент на ступеньках дворца появились... существа. Я пока не могла понять, следует причислять их к людям, или к духам, или к иным сущностям. Встречающие, стремительно перемещаясь, подлетели к нам и замерли рядом с площадкой в нескрываемом изумлении.

Я услышала шепот, который становился все громче, потом до слуха долетела самая громкая фраза: «Его высочество вернулся!» А затем эти сущности нам поклонились.

Мне захотелось присесть или, точнее, бухнуться на площадку и просидеть там все время, пока новоявленного принца не уволочут во дворец. Потом я могла бы потихоньку добраться до ближайшей жар-птицы и удрать отсюда подобру-поздорову.

Оказывается, я на местное его высочество руки, локти, колени и вообще все тело поднимала, и теперь мне совсем не помешало бы эффектно испариться подобно духу. Однако скорость движения сыщицы сильно уступала быстроте местных сущностей, которые, пока мои глаза вовсю косились на бывший артефакт, успели донести невероятное известие до дворца.

Когда я рукой пошевелила, собираясь дернуть... точнее, вежливо и со всем уважением потянуть за золотистую прядку, дабы привлечь внимание сосредоточенного принца к одной пораженной девушке, на ступенях

прекрасного здания возник король!

Его невозможно было не узнать. Уж слишком великолепным оказался правитель, а еще на его волосах обнаружилась корона. Волосы, кстати, сияли тем же ярким золотом, что и у артефакта до его обращения в человека.

Кай тут же соскочил с площадки и устремился навстречу раскинувшему руки отцу, а тот в мгновение ока оказался возле нас и заключил сына в крепкие объятия.

— Ой!

Кай не издал ни звука, это я вскрикнула и тут же велела:

— Отпустите его! — а потом опомнилась, сообразила, что обращаюсь к королю, и быстро добавила: — Ваше величество.

На коже Кая, там, где его касались руки правителя, появились волдыри, и она покраснела, точно от сильного ожога.

Король мгновенно отстранился, быстро оглядел сына и отступил еще на шаг, после чего подул. На моих глазах волдыри исчезли, а кожа вернула прежний оттенок. Я выдохнула, и Кай, кажется, тоже, а местный государь пораженно спросил:

— Ты обычный человек, сын?

— Как видишь, — спокойно и, я даже сказала бы, радостно улыбнулся в ответ предсказатель.

— Кто же опередил тебя? Кому оказалось под силу обойти провидца?

— Лучшему следопыту. — Улыбка на лице принца стала еще шире, а указующий перст нацелился в мою сторону.

Очень захотелось спрятаться, когда на меня посмотрели с особым вниманием, но, как назло, я стояла на самом виду, посреди площадки, а остальные столпились у ее подножия и взирали на лучшего следопыта снизу вверх в прямом смысле этого слова.

— Девушка, — теперь уже улыбнулся король.

— Самая прелестная, — не поскупился на комплимент несносный Кай, вогнав меня в еще большую краску.

И чему он так радуется? Мне вот очень не по себе. А минуту спустя стало намного хуже, когда к площадке приблизились еще две сущности, и тоже в коронах.

— Брат!

— Ты вернулся!

Счастливые принцы сделали попытку обнять Кая, но их остановили слова короля:

— Осторожней, он человек.

Кажется, изумлению обоих не было предела.

— Что-что? — уточнил первый с невероятными синими волосами.

— Он проиграл? — еще сильнее изумился второй с серебряными прядями. — Кому?

— Лучшему следопыту, — повторил слова Кая король и указал в мою сторону.

И опять на меня посмотрели все. Когда же это закончится? Пора уже сбегать с возвышения. Где там жар-птицы?

— Девушке? — понизил голос до шепота синеволосый.

— Человечку? — намного громче уточнил серебряноволосый. — Ты, брат, продул обычной земной девчонке?

Кай промолчал, но я заметила появившуюся в уголке рта смешинку и заволновалась. Кажется, не я одна, потому что оба принца как-то разом напряглись, смешались и попробовали разрядить обстановку, очень бережно и осторожно похлопав брата по плечу.

— Мы жутко рады, что ты вернулся, — заявил синеволосый.

— Ужасно скучали, братишка, — добавил второй, с серебряными волосами, — без тебя было гораздо спокойнее и намного скучнее.

Мне стало интересно, как Кай отреагирует на такой завуалированный намек, но он и бровью не повел. Спокойно приблизился к площадке и протянул ко мне руки.

— Аленушка, пора тебя со всеми познакомить.

Я упала в его объятия в лучших традициях чувствительных барышень из любовных романов и прижалась к солнечному, стремясь хоть так укрыться от повышенного внимания и улыбок окружающих. Принцы буравили меня взглядами, а король очень внимательно следил за моими действиями.

— Не пугайся, — шепнул Кай, а затем повернулся к отцу и, к большому сожалению, выпустил меня из рук. — Папа, это Алена. Лучший следопыт одного из земных королевств, заслужившая дар — артефакт предсказаний. Это мой отец, король Солнце, — представил он правителя.

— В-ваше величество, — собственно, все, что я смогла сказать. По этикету еще полагался реверанс, но коленки как-то сильно дрожали. Все же я основательно перенервничала.

— Очень рад приветствовать вас в Ирии, — сердечно поздоровался король.

— Это мои братья, — развернул меня в другую сторону Кай, видимо осознав, что сама я пока двигаюсь с трудом.

— Старший сын короля, принц Небо, — указал он на синеволосого.

Тот галантно поклонился, я тоже попыталась что-то изобразить, и хорошо, что Кай ухватил меня за талию и удержал от падения.

— Средний сын короля, принц Воздух, — представил он другое высочество, убедившись, что я снова стою на ногах.

— Вы самый симпатичный следопыт из всех, кого я видел, — заявил принц с серебряными волосами и сделал попытку взять мою руку, однако ее вдруг так сильно закололо, что я ойкнула и быстро выхватила ладонь из его пальцев. Очень вежливо улыбнувшись, обернулась к воплощенному духу.

— А себя почему не представляешь, возможно, я неправильно тебя называю?

— О, вы же удостоились чести дать брату земное имя! Как теперь его зовут в облике человека? — тут же заинтересовался Небо.

— Ну это...

— Какакий Артефактович, — без запинки выговорило солнечное чудовище с широченной улыбкой.

— Один раз только так назвала, — побледнела я, стараясь не встретиться взглядами с сиятельными особами, казавшимися мне слишком великолепными и подавляющими. Ясно, что таким личностям подобное имечко покажется, как бы это помягче сказать, своеобразным.

— Что оно означает? — немного нахмурился король.

— Что-то невероятное и благородно-возвышенное, — быстро пояснила я.

— Возвышенной не бывает, — продолжил измываться над моим смущением его невыносимость.

— А воспринимается как нечто приземленное, — не к месту проявил догадливость второй брат.

— Я тебя Кай звала! — подсадовала на хорошую память (и слух, кстати, тоже) бывшего артефакта. А потом попробовала переключить внимание присутствующих и отвлечь его от специфики земных имен, чтобы не углубляться в ненужные детали. — Как тебя зовут-то в конце концов?

— Солнечный Луч, — представился третий принц.

Лучик? Серьезно? Вот это двухметровое чудо? То есть даже не солнечное чудовище или занозище? А я за это время как только его не называла, начиная с Артура и заканчивая Кийаром. Теперь даже не уверена, как именно к нему обращаться.

Мои важнейшие размышления о способах обращения к члену королевской семьи были прерваны визгом — самым обычным женским

визгом. В возмущении вскинув голову, я успела увидеть, как на крыльце дворца возникают женские фигурки, но меня быстро задвинули за широкую спину и перекрыли весь обзор. Младший его высочество закрыл меня собой, а старшие братья загородили нас обоих своими спинами.

— Они его растерзают, — довольно мрачно предсказал Небо.

— Определенно, — ответил Воздух.

Артефакта растерзают? Дайте мне на это взглянуть!

Я попыталась оттеснить несдвигаемого Кая, а он тесниться не пожелал. Все так же, стоя спиной ко мне, вытянул назад руки и, обхватив, крепко прижал меня к себе.

— Где он? Где Луч? — разнесся над придворцовой площадью громкий крик.

— За что растерзают? — приглушенно пробурчала я из-за младшего высочества. — Он их тоже довел? Всех сразу?

— Нет, — ответил Воздух, — он их любимчик, а в облике человека он уязвим. Правда, маловато леди, не находишь, Небо?

— Пожалуй, не все еще узнали. Стой прямо, брат, они заметили Сола.

Нас четверых едва не снесло мощной звуковой волной, означавшей, что Луча действительно приметили и несутся к нему на всех парах.

И в этот миг я испугалась. Это же мой дар лучшему следопыту! Мой — со всеми золотыми колечками и смешинкой. Я его выстрадала и без боя отдавать не собираюсь!

Новая попытка вырваться из крепкого захвата, чтобы ринуться наперерез орущим барышням, опять же, успехом не увенчалась. А потом король Солнце, спокойно стоявший в стороне от нашей живописной группы, вдруг хлопнул в ладоши.

— О-о-о! — долетел слаженный женский стон.

— Оте-эц, — вторил ему возглас среднего принца.

Старший Небо только громко вздохнул.

Я вытянула шею, чтобы иметь возможность взглянуть хоть на одного из их высочеств, и увидела, что Небо теперь стоит, а не парит, как прежде, над землей.

— Душеньки, — произнес король мягким увещающим тоном, — сегодня большая радость, мой сын вернулся во дворец, но он не выиграл испытание и пришел в облике человека. Он смертен и уязвим, а посему нам всем следует на время стать людьми.

— А магия? — жалобно спросил чей-то тоненький голосок.

— Солнечный Луч не обладает даром.

— Как так? — заволновались по ту сторону Кийаровой спины. —

Разве это не было условием его обращения в человека? Вы нам обещали, что часть магии останется при нем. Мы же умоляли вас, ваше величество.

Кажется, король несколько смутился.

— Он недообращен, — пояснил правитель.

Последовавшие за сим утверждением ахи и охи просто выбили меня из колеи, а вдобавок ко всему я ощутила, как подрагивает от смеха спина младшего принца. Этот наглец снова забавлялся, пока я пыталась свести воедино новые данные. Да неужели начальник караулки был прав? Сразу вспомнилась его фраза: «Это как артефакт в мужика одним поцелуем превратить? Там, кажись, не в поцелуях-то дело. Мужчину мужчиной женщина делает, а иначе не-э-э-эт».

Засада! То есть это я должна была его... Не просто целовать, значит? Это они как себе представляли? Пришел следопыт, нашел артефакт и... Ах-ха! Король же хотел его до восхода солнца заполучить. Теперь понятно, что наш ушлый правитель имел в виду, когда собирался обвенчать артефакт с принцессой в ночь обращения. Чтобы утречком готов был целый человеческий маг-прорицатель. Он же так и говорил тогда: «Одно дело, когда дух просто обращается в мужчину, а другое, когда на одну ночь становится настоящим смертным, но сильным магом. В эту ночь он может связать свою жизнь с женщиной и жить с ней как обычный мужчина».

Ну что это такое! Одни недомолвки и размытые высказывания. И ясно-понятно, это дело рук солнечного. Он у нас любитель недодавать ценную информацию. Но опять же, с какой целью?

— А если мы его дообратим, вы вернете нам обычный облик? — очень томным тоном протянула какая-то вертихвостка. Я не поняла, куда она собралась протянуть свои ручки?

— Да-да, ваше величество, мы готовы!

Да они совсем как наглющие принцессы! Ни стыда ни совести. А этот! Вот же мерзавец, он ржет как конь!

И я собралась от души наступить на сапог младшего принца, позабыв на секунду, что он, собственно, принц. И надо же было именно в этот момент его братьям отступить и открыть Луча взгляду всех желающих его довоплотить, которые и узрели, как из-за солнечного мерзавтуса высовывается чья-то нога.

Тишина. Ее ножом можно было резать, настолько полной она стала, как только стихли восхищенные, радующиеся встрече женские голоса, шепотки и вздохи.

— А это кто там? — прозвучал первый подозрительный возглас.

И столь надежно обнимавшие руки вдруг разжались. Этот рыцарь в

белых лосинах отступил в сторону и открыл меня взгляду всех присутствующих.

— Это моя Аленушка, — представил он растерянную сыщицу толпе наглющих... Да без лупы видно — они все идеальны! И если артефакт у нас был безукоризненным образцом мужской красоты, то девицы из дворца блистали фигурами и лицами богинь в прямом смысле слова — настолько безупречными, что даже противно.

И в третий раз все посмотрели на меня. Однако что отличает женские взгляды от мужских? Мужчины могут смотреть оценивающе, но при этом не сканируют тебя, разбирая на атомы, как это делают женщины. Взгляды представительниц слабого пола просверлят насквозь и приметят крохотную соринку, приставшую к рукаву даже не с внешней, а с внутренней стороны, они заметят, как одна волосинка выбилась из совершенно идеальной прически, они, наконец, узрят то, что предпочли не замечать мужчины, и вынесут приговор.

— Это что за убогонькая земная девчонка в безвкусном наряде?

Я прикусила губу от обиды, старшие братья откровенно растерялись и сконфузились, а младший принц натурально заозирался.

— Где? — в полнейшем недоумении произнес Луч.

— Там, — указали на меня почти все женские особи.

Предсказатель обернулся, отступил на шаг, склонил голову к плечу и оглядел меня совершенно новым пристальным взглядом.

Ну и чего так внимательно в моей внешности ищем? Впервые заметили, что Аленушка далеко не идеал?

У меня в носу подозрительно защекотало, будто я собралась позорно разреветься. Хотя с чего? Мне всегда было плевать на чужое мнение, главное, чтобы своя голова на плечах держалась. И ведь предвидел ситуацию, мерзавец!

— Это самая красивая женщина на свете! — на полном серьезе заявил солнечный и при всех меня обнял.

И вот тут ураган и цунами в одном флаконе накрыли с головой. Череду разнообразных эмоций, начавшихся со смущения от встречи с королем и закончившихся обидой, нанесенной поклонницами младшего принца и его короткой, но такой емкой фразой. Ведь стоя перед этими идеалами женской красоты, я натурально расстроилась, что сравнение не в мою пользу.

О боже! С каких пор я так смущаюсь перед королевскими особами? И с каких пор переживаю по поводу собственной внешности?

От слов принца о самой красивой женщине на свете меня и вовсе захлестнуло. Кажется, пришла пора делать от артефакта ноги, и чем скорее,

тем лучше.

— Пора во дворец, — заявил ужасный Кай, сжав меня еще крепче.

Я запрокинула голову, вглядываясь в лицо хитрого, расчетливого и жутко умного предсказателя. Он всегда знает больше всех, а я ему ни капельки не верю! Где факты, где доказательства? Одни лишь слова, и это главная проблема.

Нарастающий женский гомон со стороны дворца подвиг короля действовать быстрее. Новый хлопок в ладоши перенес всех принцев, меня и правителя в удивительный внутренний зал, который иначе как солнечным и назвать было нельзя. Круглый, с открытыми окнами, расположенными со всех сторон, он озарялся мягким солнечным светом, а посередине отливало золотом красивый резной трон.

— Они скоро все сюда ринутся, — сделал замечание Воздух.

— В облике людей долго забираться будут, — ответил Небо.

Судя по открывавшемуся из окон виду, тронный зал находился высоко над землей, скорее всего, в какой-то отдельно стоящей башне.

— Ваше величество. — Мне требовалось срочно начать претворение в жизнь плана побега.

— Да? — мягко улыбнулся король.

Я искоса взглянула на Лучика, которого быстро взяли в оборот родные братья. Воплотившись в людей, уже не стесненные приказом короля, они с радостью набросились на младшего принца и обнимали его с таким пылом, что со стороны это больше напоминало дружескую потасовку.

— Не обращайтесь внимания, — махнул рукой король. — Хоть они давно выросли, но порой ведут себя как дети. Особенно после столь долгой разлуки.

— Вы его сто лет не видели?

— Двадцать пять.

— Сколько? Время в Ирии идет не так, как на земле?

— Верно, здесь оно течет медленней.

Я была удивлена, и это сразу бросилось в глаза королю.

— Вам очень многое хотелось бы увидеть и услышать? — подкупаяще улыбнулся правитель. — Раз вы не знали о времени, то, полагаю, мой сын не рассказывал подробностей о нашем королевстве. Это в его духе.

— Да уж, — фыркнула я, — хотелось бы узнать больше.

В ответ на мои слова прозвучал еще один хлопок, и мы с королем вдруг очутились на краю высокого утеса в миниатюрной, но очень красивой беседке. Пока я озиралась, ирийский правитель присел на

широкую лавочку без спинки, повернулся в сторону крутых горных склонов и похлопал ладонью рядом с собой, приглашая устраиваться поближе.

— Давайте пообщаемся, пока мальчики заняты рассказами обо всем, произошедшем за время разлуки. Можете спрашивать о том, что хотите узнать.

Эти слова тут же пробудили небывалый энтузиазм. Чего только мне не хотелось разведать, но главный вопрос, который требовал немедленного ответа, это: кто проклял принца и заключил его в артефакт?

— Я.

Что-то подобное я заподозрила, услышав, как ирийские красотки умоляли правителя сохранить магический дар Луча в человеческом теле. А еще тот факт, как король одним хлопком обратил всех в людей.

— За что?

— Находите, я был слишком суров?

Ну-у-у, если бы меня папа запер в какой-нибудь шарик, обязав сто лет служить людям, едва ли я могла бы прийти в неземной восторг.

— Учитывая характер вашего сына, для него это было непростое испытание.

— Я понимаю. Порой мы суровее именно с теми, кого больше всего любим. Поверьте, его здесь все обожают. Сола сложно не любить, даже невозможно. Он ведь точно знает, как именно вам понравиться. Не правда ли?

Король улыбнулся, а я улыбнулась в ответ. Правитель обладал потрясающей способностью располагать к себе. Даже от его слов исходило удивительное тепло. Глаза светились подкупающей искренностью, каждая черточка лица дышала настоящей и столь редко встречаемой на земле добротой.

— Он с самого детства обладал этим удивительным даром — предсказывать будущее. Самый младший ребенок, мы баловали его как могли.

— Вы?

— Все, кто его окружал.

— А где... — Я замаялась, не зная, можно ли спрашивать про мать Кийара.

Правитель снова улыбнулся без малейшего намека на недовольство, а потом продолжил:

— Когда-то мой отец спускался на землю, чтобы выбрать себе жену из людей. Тогда оба наших мира были очень близки.

— Ему пришлось обратиться в человека?

— Ирий населяют сущности, которых нельзя назвать людьми. Мы имеем два облика: один — это дух. Он позволяет нам летать, проходить через пространство, управлять теми материями, что недоступны людям. Второй облик ближе к человеческому. Но мы неуязвимее, сильнее, быстрее, выносливее. Нам сложно причинить вред, боль. Мы обладаем сильной магией. Обе личины можно менять по собственному желанию.

— Поэтому вас называют свободными духами?

— Совершенно верно.

— А вам доступно заключить любого подданного в тот облик, в который пожелаете? Даже заморозить магию?

— Я правитель этого королевства. Мне доступно многое. Сила переходит вместе с солнечным венцом, — он указал на свою корону, — когда прежний владыка назначает своего преемника.

Когда мой отец спустился на землю и полюбил земную девушку, ему не повезло остановить свой выбор на той, которая обладала прекрасным лицом, но черной душой. Ее породили темный дух и земная женщина, и она унаследовала черный дар отца. Колдунья хотела заполучить солнечный венец в свои руки. Решив, что гибель мужа позволит ей стать более могущественной и править Ирием, она заточила короля в золотой шар, решив его утопить.

— И он не догадался заранее?

— Он и правда любил жену и разгадал ее намерения слишком поздно. К тому же ее поддерживали темные духи, и отец оказался в безвыходном положении. Накажи он колдунью без серьезных оснований, обвини без доказательств, и разразилась бы война. В ней могли погибнуть многие, а в первую очередь люди.

— Он принес себя в жертву? А дальше?

— Солнечный король канул без вести. Наш род мог прерваться, если бы на помощь Ирию не пришли люди. Они отправили на поиски колдуньи лучших следопытов.

— А что могло случиться с землей, не сохрани власть светлые духи?

— Погрузив землю в вечную темноту и ночь, править стали бы темные.

— Я читала легенду про следопыта. Ему в дар был поднесен артефакт предсказаний.

— Да. Отец заключил в шаре часть солнечной силы, хотя тот артефакт и не обладал столь мощными способностями, как мой сын. Его силы хватило лишь на сто лет. Однако именно с тех самых пор в нашем

королевстве почитают следопытов.

— Расскажите, как Кай стал артефактом?

— В Ирии каждый житель обладает определенной магией, а забота о людях важнее всего. Это наше главное предназначение.

Матерью младшего сына была одна из моих подданных, очаровательная девушка — дух. Солнечному Лучу достались ее обаяние и ее свободолюбие.

Мать Сола покинула нас несколько веков назад, отправившись на поиски новых миров и желая узнать, что лежит за пределами знакомых королевств. Свобода всегда манила ее больше семейных уз.

Сын напоминал мне о ней, возможно, поэтому я был так снисходителен ко всем его проделкам. Он не любил слушать чужих указаний и обожал проказничать в своей особенной манере. На него сложно злиться. Пожалуй, я оставался единственным, к чьим словам он прислушивался. Старшие сыновья всегда являлись моей опорой в деле заботы о людях, а младший любимый ребенок ставил себя выше земных созданий, в чем имелаась и моя вина. Когда я осознал, какую опасность это несет, учитывая его дар, принял решение связать сына волшебными узами.

— Откуда у него такой дар?

— Мой дед был великим предсказателем.

— А почему Кай не сделал попытки сбежать, если предвидел, что произойдет?

— Сын любит меня. Он понимал, что я действую не во вред ему, а желая спасти. И не мог пойти против моей воли, как и совладать с силой правителя. Сын должен был поставить себя на место людей и для начала помогать им в облике духа, являясь слугой, исполняющим чужие желания.

— Слугой, — хмыкнула в ответ, — да они все ему поклонялись.

Король улыбнулся моему замечанию и продолжил:

— Последующие сто лет я обязал его прожить в человеческом теле под защитой охранных чар, не позволяющих погибнуть раньше срока.

— Но дали возможность избавиться от проклятия?

— Тяжело наказывать собственного ребенка.

Даже ради его блага.

Следующая интересующая тема была несколько щекотливой, чтобы ее поднимать, но в конце концов я ведь не невинная принцесса, поэтому...

— Извините, а сам ритуал обращения, мм... ну вот окажись лучший следопыт мужчиной...

Король рассмеялся так солнечно и открыто, что я улыбнулась в ответ.

— Женщина делает мужчину мужчиной, отсюда и ритуал обращения. Однако нашедший шар следопыт получал в дар если не сам артефакт, то возможность в любое время обратиться за помощью и предсказанием. — С улыбкой поглядев на меня и помолчав немного, король уточнил: — У вас больше нет вопросов?

У меня был еще тысяча и один вопрос, но правитель дал богатую пищу для размышлений, и сначала требовалось разложить по полочкам эту информацию, а затем переходить к следующей.

— Пока остался один.

— Говорите, не робейте.

Да я и не робела. В разговоре с таким милым королем смущению не оставалось места.

— Если я захочу домой, меня отпустят?

— Конечно, — улыбка его величества была искренней и совершенно не предполагала обмана, — духи не навязывают людям свою волю, хотя и обладают возможностями делать это.

— То есть перенесете в любой момент, когда попрошу?

— Если вы так хотите.

— Хорошо. И остаться можно, насколько пожелаю?

— Об этом даже не стоит спрашивать. Для вас открыли врата в Ирий, вы здесь желанная гостья.

Ух ты! То есть впустили бы врата только Кая и я бы пролетела мимо? Надеюсь, в таком случае принц не столкнул бы меня со скалы? Остается надеяться.

Пока король очередным хлопком в ладоши переносил нас обратно во дворец, я успела принять решение остаться до тех пор, пока не выведу сиятельного хитрована на чистую воду и не выясню главный вопрос — какую роль в этой многоходовой комбинации отвели мне.

Нет, я поверила, что младший принц любит отца, да и всю семью. Он к ним стремился, он был рад всех видеть. Я поверила, что он не мог обойти магию солнечного короля или переубедить родителя и заставить изменить мнение относительно наказания во благо. Но в то, что солнечное чудо покорно приняло необходимость двести лет благородно служить людям, я не верила. Против сего протестовала целая масса фактов, которые обрушились на наши с напарником бедные головы в ходе расследования.

Я отвлеклась на собственные мысли и потому не сразу поняла, что стою в коридоре дворца.

— Это ваша комната, — указал король на деревянную дверь с золотой резьбой, — почувствуйте себя как дома, если что-то понадобится, просто

хлопните в ладоши.

— Спасибо, — успела поблагодарить правителя перед тем, как он исчез. Все же отец Кая мне очень понравился, и, что примечательно, он не пользовался никакой ментальной магией. Я не ощущала воздействия на чувства, они все были совершенно естественными.

Сделав пару шагов к двери, застыла на месте, прислушиваясь к гомону за поворотом коридора. Гомонили исключительно женские голоса. Встав на цыпочки, я прокралась вперед и осторожно выглянула из-за угла.

Дворцовые дамочки сформировали длиннющую очередь до двери еще одной комнаты, и я даже догадывалась, кому она принадлежала. При этом дамочки не прекращали пререкаться друг с другом.

— Позвольте, леди Роса, вы здесь не стояли.

— Я просто выходила на минутку. Туманная дама подтвердит, что я за ней занимала. Верно?

— Ой, не спрашивайте, не спрашивайте, здесь уже столько народа позанимало, что я забыла, кто был за мной.

— Эй! — Еще один окрик перебил стоявших в конце спорщиц. — Леди Цветов, куда вы без очереди?

— Мне только спросить.

— Все хотят спросить, кого младший принц выберет для дообращения. Если не видите, мы здесь уже давно ждем. Идите в конец очереди.

— А кто-нибудь уже выходил?

— Еще нет.

Я медленно отступила и, развернувшись, пошла в свою комнату.

— Повезло, — пробормотала себе под нос, отгоняя прочь все остальные мысли и ощущения, — теперь всю ночь спать не смогу из-за этого гомона.

На всякий случай я прошла по периметру просторной комнаты, в окнах которой отсутствовали стекла и сквозил теплый вечерний ветерок, позаглядывала в шкафы, под стол и под кровать.

Да нет, диво дивное не пряталось бы, а вместо этого уверенно оккупировало приглянувшуюся ему удобную поверхность.

Стянув ботинки, я зашвырнула их подальше, не особо глядя куда. Куртку и штаны тоже сняла, осталась в длинной майке до бедер и открыла дверь в ванную.

Рот открылся синхронно с дверью. В моем розовом мраморном бассейне в ароматной белоснежной пене возлежал голый младший принц. Рядом на подносе стояли угощение и бутылка игристого вина, бокал с которым держал в руке Луч.

— Аленушка, ты, как всегда, вовремя, — очень обрадовалось его высочество.

Мне гостеприимно махнули рукой, приглашая войти.

— А ты... А ты... — Дар речи меня подвел. Вдохнув и выдохнув, я возмущенно ткнула пальцем в направлении входной двери, выпалив: — Это моя комната.

— Согласен, — невозмутимо кивнул принц, — я бы пригласил в свою, но там такая очередь, мы не стоим.

— Э-э-э... Я... Я всякий раз тебе поражаюсь!

— Это совершенно нормально.

— Нормально забраться голым в мою ванну? В прошлый раз ты в комнату хотя бы одетым пролез.

— Купаться в одежде очень неудобно.

— А зачем тебе вообще здесь купаться?

— После изматывающей дороги мне необходимо освежиться.

— Ах, ну это все объясняет, даже не вижу причин возражать. — Я схватилась руками за голову и простонала: — Слов нет!

— Когда нет слов, можно выразить восхищение или одобрение.

— Тобой могут восхититься во-он там. А выражать одобрение кошмарному путешествию? Оно твоих рук дело. Мне после такого тоже нужно освежиться.

— Потому я все и приготовил, Аленушка. Вот теплая водичка, расслабляющая пенка, вкусная еда и ароматное вино, а вот я.

Обе мои ладони намертво приклеились к лицу, но, приложив героические усилия, я снова вдохнула, выдохнула и как можно спокойнее произнесла:

— Комнату отвели мне, значит, бассейн тоже мой. Одобрять наличие тебя в нем не собираюсь. И купаться я буду одна, ты занимаешь слишком много места. Имей совесть, артефакт! Я хочу отдохнуть.

— Ты все равно не уснешь, лапушка.

— Попроси шумных леди удалиться из коридора, и я буду спать как младенец. Они же к тебе стоят.

— Дамы обидятся и расстроятся. Давай я останусь и почитаю тебе сказки на ночь, чтобы крепче спалось.

— Нет!

— Сладость, ты ведь проголодалась, — принялся искушать принц очень аппетитным на вид угощением. — Я принес все, что ты любишь.

— Нет! — вновь решительно возразила, сглотнув слюнки и отведя взгляд от подноса с тонкими ломтиками холодного мяса, золотистыми

пирожками, сладкими лепешками, воздушными пирожными и спелыми фруктами.

— У тебя тело ломит от усталости, я могу сделать расслабляющий массаж.

— У-у-у! — Да разве можно так безбожно искушать?

Не имея больше сил спорить с невыносимым принцем, я хлопнула в ладоши, и прямо из воздуха ко мне шагнула некая сущность.

— Ой! А король не всех в людей обратил?

— Нет, — пояснил Кай, — сумеречные тени остались.

— Кто?

— Бывшие слуги темных духов, которые сбежали к нам и живут в Ирии.

Надо будет выяснить про темных, о них здесь много говорят.

— Простите, — обратилась я к молча взирающему на меня, парящему в воздухе существу. Голова его оказалась совершенно лысой, а тело скрывал длинный темный балахон. — Не могли бы вы проводить принца в его комнату?

«И желательно побыстрее, пока он меня не соблазнил», — добавила про себя.

Сущность обернулась к лежащему в пене принцу и поклонилась.

— Вашему высочеству требуется помощь?

— Нет, — широко улыбнулся солнечный гад.

— Его высочество может выйти сам, — проинформировала меня сущность и исчезла.

— Эй! — попыталась ухватить воздух.

— Аленушка, — обратил на себя внимание наглоющий воплощенный дух, — прежде чем снова хлопать в ладоши, вспомни, что я принц. Мне здесь все повинуются.

— Прямо все?

— Я не беру в расчет отца и братьев, — безмятежно улыбнулся Кай.

— Духи не должны навязываться людям!

— Я не дух. А люди очень даже навязываются людям.

— Вот он, целый дворец, где тебя все слушаются, а это — одна-единственная моя ванная. Что ты позабыл именно здесь?

— Аленушка, я просто не могу долго находиться вдали от тебя.

— О да! Если ты насчет дообращения, то пришел не по адресу. Вон там полный коридор желающих.

— Умница, кроме тебя мне никто не нужен.

— Как чудесно! Тогда ты не мог бы всех разогнать?

— А ты меня поцелуешь?

— Нет.

— Что, никакой компенсации за вселенское горе расстроенных душеньек?

— Компенсацией станет здоровый сон — для человека он крайне важен.

Кай горько-прегорько вздохнул, отставил в сторону бокал и стал медленно подниматься из пены, а я снова захлебнулась слюной и поспешно отвернулась. Вот только вида обнаженного совершенства мне на ночь глядя не хватало.

Позади полилась вода, потом раздался плеск, потом шуршание, но я стойко держалась. Когда на пол ванной шлепнулось что-то мокрое, предположительно полотенце, я рискнула обернуться и увидела принца уже в легких светло-серых штанах.

Его высочество как раз закупоривал бутылку с вином, после чего зажал ее под мышкой, взял в обе руки поднос и невозмутимо прошествовал мимо меня в комнату.

Устроив все угощение на прикроватном столике, он щедро указал на поднос рукой, промолвив:

— Приятного аппетита, чаровница! — после чего спокойно дошел до самой двери, а уже там остановился и обернулся, сопроводив последующие слова призывным взглядом: — Ягодка, ты не передумала?

— Нет.

— Искусительница, человеческое тело ужасно тяжело держать под контролем. Я практически на волосок от того, чтобы сорваться.

— Что-что? — посмотрела я удивленно. — Совсем не понимаю, о чем ты.

Ответом послужил еще один горький вздох, а потом его высочество соизволило покинуть мою комнату.

— Наконец-то, — пробормотала ему вослед. — Если бы этот голый торс пробыл здесь еще минуту, сорвалась бы уже я. Нет, ну какое дообращение, если мне непонятны его мотивы?

Дойдя до подноса, не удержалась и, усевшись на кровать, стала уминать угощение, восхищаясь тем, что в Ирии все оказалось даже вкуснее, чем во дворце короля Просвещения.

Какой Кай заботливый, о еде для измученной им сыщицы побеспокоился.

Когда запивала вином свой вкусный ужин, в дверь так ожесточенно замолотили, что я подавилась.

— Да сколько можно? — откашлявшись, возмутилась новому визиту и пошла открывать.

Я открыла рот — сказать, что раз здесь все люди, то должны понимать необходимость полноценного отдыха, но промолчала. Думаю, любой бы промолчал, увидев за дверью полчище разгневанных девиц.

— Он нас прогнал! — выкрикнула самая высокая.

— Он отказал даже Прелестной даме! — добавила еще одна с чудесными розово-белокурыми локонами.

— Он заявил, что будет хранить невинность для своей Аленушки! — очень возмущенно высказалась тоненькая, как тростиночка, но умопомрачительно сложенная леди.

— Да! — поддакнула еще одна красавица. — Сколько продержится!

— Э-э-э... — Что тут скажешь? Фраза про невинность артефакта меня добила. Конечно, он воплотился в человека, и тело новое, но кошмарного нахальства избалованного женщинами принца это не отменяло.

— Мы готовы были ждать, пока он перестанет горевать о неблагодарной девице! — заявило сразу несколько дворцовых душенек.

— Но смотреть на горе его высочества просто невыносимо! — почти хором подхватили они.

— Ступайте, — указали мне направление изящные пальчики, — и утешьте его!

— Сейчас, — пообещала я и захлопнула дверь.

На последующую барабанную дробь просто не обратила внимания, но раздавшиеся по ту сторону громкие всхлипы заставили прижаться к створке ухом.

— Нас он не желает, а она не хочет утешить его и вернуть ему магию, — плакали с той стороны.

— Какая невероятная жестокость!

— Мы тоже обречены оставаться в облике беззащитных девушек, не владеющих волшебством, — еще горше завыл кто-то.

— Страдания его высочества важнее!

— Конечно, но что, если темные духи заявятся и захотят овладеть нами? — в ужасе воскликнула одна особа, и ее истерику поддержало взволнованное, полное возмущения всеобщее «ах».

— Успокойтесь, успокойтесь, леди, — послышался чей-то здравомыслящий голос, — милый принц нас предупредит и защитит.

— Король ведь заключил с темными духами перемирие.

Мне показалось, что голоса стали отдаляться от двери.

— Но эта следопытша бессердечна, а наш принц отказал всем.

— Верно, он прежде никого не выделял.

— Он не желал вызывать ревность в остальных и портить наши душевные отношения. Он всегда был таким очаровательным и заботливым.

— Ах, просто душка!

— Самый-пресамый!

— Жестокая и неблагодарная землянка совершенно изменила его.

— Какой эгоизм с ее стороны.

— А если мы его очень и очень попросим, может, он согласится и забудет о ней?

— Надо попробовать, душеньки, но сначала следует чуточку отдохнуть. Ох, я так устала.

— И я.

— И я.

Убедившись, что дворцовые леди действительно направились восвояси, я покинула подслушивательный пункт и подошла к одному из окон. Высунувшись наружу, полюбовалась на серебристый небосклон. Он весьма отдаленно напоминал ночное небо в россыпи сверкающих капель, похожих на наши звезды. Закончив любоваться, гаркнула во всю силу легких:

— Солнечное чудовище! А ну выходи на разговор!

Сначала ответа не последовало, а немного погодя сверху раздалось удивленное:

— Это вы мне?

Запрокинув голову, увидела взъерошенного принца Небо, который свесился из окна над моей комнатой.

— Нет, что вы, ваше высочество, — миролюбиво улыбнулась потревоженному принцу.

— Я не претендую на солнечного, да и чудовищем меня называют впервые, — раздалось слева, и, взглянув в ту сторону, я заметила Воздуха.

— Это прозвище вам совершенно не подходит, ваше второе высочество, — тут же попыталась исправить ситуацию, — вы заметили совершенно верно.

Если сейчас и король выглянет, можно будет провалиться сквозь облака.

— Карамелька, — раздался наконец долгожданный ответ, — ведь можно поговорить в комнате, — выглянул из своего окна младший принц.

— Я в коридор ни ногой, а к твоей комнате не подойду! — заявила, погрозив Каю кулаком. — Сколько можно натравливать на меня свои фан-клубы?!

— Я всего лишь велел им уходить, как ты просила, Аленушка.

— Ты заявил, что я единственная гожусь для дообращения! Теперь они станут нести вахту в коридоре, а потом свяжут меня и потащат в твою постель.

— Ты преувеличиваешь, солнышко, — невозмутимо парировал наглюнтий.

— От солнышка слышу! — высказалась в сердцах.

— Ну если их сильно разозлить, — поддержал принц Воздух, — они и не то смогут.

— Смело, брат, — восхитился сверху Небо, — ты дал всем леди от ворот поворот? Это пахнет человеческим сумасшествием.

— Моя прелесть настаивала, чтобы я всех прогнал, — не моргнув глазом Кай.

— Подобная жестокость к своему полу свойственна земным леди? — испугался Воздух.

Мне показалось, что я шокировала обоих принцев невероятным по бездушности требованием.

— Э-э-э... — более убедительная фраза на ум не пришла.

— Всем спокойной ночи. — Я быстро юркнула обратно в комнату и хотела захлопнуть напоследок окно, но хлопнуть было нечем. Пришлось довольствоваться тем, что принцы не восприняли мой уход как позорное бегство, поскольку их мысли были заняты другим.

— Держись, братец, — раздался сочувственный голос Неба.

— Отец и правда сурово тебя наказал, — поддержал младшего Воздух.

И, несмотря на то что Кай промолчал, я воочию увидела, как он беззвучно смеется над всеми нами.

Глава 19

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ УБЕЖДЕНИЯ

Нахальный предсказатель оказался прав, заснуть я так и не смогла. То мне мешал слишком светлый небосвод, то казалось, что облака внизу излучают раздражающее золотистое сияние, то ласковый ветерок очень некстати залетал в комнату.

Извертевшись в удобной и мягкой кровати, я скинула на пол подушку и свесила вниз голову, не зная, чем занять себя, чтобы крепко уснуть. Составление логических цепочек дальнейшего расследования отпадало сразу. Этим лучше заниматься на свежую голову, хорошо отдохнув.

Ну что за создание этот воплощенный дух? Его образ оказался намного сложнее облика пакостливого духа. Некое сочетание детскости во всем, что касалось новых ощущений, которыми он наслаждался, как дети наслаждаются всеми впечатлениями, и совершенно невероятного взгляда на жизнь, особой мудрости, обусловленной тем, что предсказатель предугадывал события.

— И язык не повернется назвать его ребенком, но разве его увидишь серьезным? — продолжила говорить сама с собой и вздохнула: — Может, овец посчитать?

Подобный способ мне обычно не помогал, но, вконец утомленная, я не знала, что еще придумать.

— Одна овца, две овцы, три... — я зевнула, — три артефакта, четыре артефакта, тьфу!

Сев в постели, потерла лоб.

— Выходи из моей головы, невыносимая личность, — велела прочно засевшей в мыслях сиятельной занозе.

И вдруг моя комната ярко осветилась, и пришлось зажмурить глаза, а когда открыла их, сияние уже померкло. Рассмотреть удалось только мужскую фигуру, темнеющую на фоне окна.

— Это еще что?

— Жар-птица, — ответил предмет не дающих уснуть раздумий, — я летал проветриться и случайно перепутал комнаты по возвращении.

— Да ты что?

— Давно не был во дворце, лапочка, заблудился. А ты не спишь?

— Меня разбудил свет твоей птицы, — соврала я и не покраснела.

— Разумеется, — в голосе Кая послышался смешок, — их перья очень ярко сияют, особенно ночью.

— Твоя спальня дальше по коридору, — сделала милость, указав принцу направление.

— А давай я все же расскажу тебе сказку, упрямица. Ты непременно уснешь, обещаю.

— Я что, маленькая девочка — сказки слушать?

— Большие девочки тоже их любят.

— Хых, — высказала свое мнение на этот счет, хотя предложение показалось заманчивым. Все равно ведь не сплю. Суровая выдержка дала большую трещину, а несносный предсказатель уже угадал, каким будет ответ, и уверенно оккупировал мою кровать. — Рассказывай оттуда. — Я указала на кресло.

— Сам знаю, где лучше рассказывать, — ответил воплощенный дух и, схватив меня в охапку, затащил к себе на колени. Наряд его высочество так и не сменил, остался в тех же штанах и с тем же обалденным обнаженным торсом. На мне, как это повелось во дворцах, было лишь банное полотенце. Ну не отдал Кай сумку, а вызванный мной сумрачный дух пожал плечами и заявил, что отыскать сей предмет в покоях принца не может.

— Слушай и не перебивай.

Предсказатель устроил меня поудобнее, еще и голову к себе на плечо положил. Одна рука бережно поддерживала спину, а вторая поглаживала по волосам. Ловкие пальцы пробегали по спутавшимся прядям, ласково касались головы, а голос, то набирающий силу, то опускающийся до шепота, обволакивал и завораживал. Я положила ладонь на теплую грудь, туда, где под рукой билось сердце, и закрыла глаза, вслушиваясь в чарующие звуки и наслаждаясь приятным низким тембром голоса. Куда деваться? Артефакт действительно обладал сильной харизмой, проявлявшейся абсолютно во всем. Оставалось только расслабиться и получать удовольствие. Он ведь пообещал, что усну.

— Жил-был король Солнце, — начал Кай.

— Ты как закончишь, сразу домой, — перебила я.

— Как хочешь, Аленушка, — слишком покладисто пообещал предсказатель.

— Очень любил король своих подданных, — продолжил он, — всяко помогал им и заботился о них. И было у короля три сына. Первого звали Небо, и во всем он батюшке помогал, и был опорой отцу. То в засушливую пору дождик с неба прольет, то скитальцу в ночи звездой путь укажет.

Второго сына звали Воздухом, и не такой он уродился серьезный, как Небо, но тоже батюшке подсоблял чем мог. То попутным ветром по морю пройдет, паруса наполнит, то поможет семена разнести, землю засеять. Ну а третьего сына Солнечным Лучом называли. И больше прочих сыновей лежало к нему батюшкино сердце, и радовал он, и развлекал, и много важных вестей приносил, поскольку был Луч быстрее всех на свете и раньше прочих обо всем узнавал. Однако из-за нрава веселого и смешливого много хлопот доставлял он людям.

— Это про тебя, — вмешалась я в ровную речь Кая.

— Слушай молча, а то не уснешь. — Для верности принц прижал к моему рту ладонь и продолжил: — То скакнет с вышины, ослепит кого-нибудь на мгновение, и оступится путник, в грязь попадет. А то вдруг молнией в грозу обратится и пойдет баловаться, честной народ пугать. Вздыхал батюшка, вздыхал, глядя на проделки Луча, а затем призвал младшего сына и велел ему за горы отправляться, среди людей пожить, на себя жизнь людскую примерить. Наказал ему служить верой и правдой, делиться даром своим, а как познает, каково человеком ходить по земле, дозволено ему будет в родные края возвратиться.

Я широко зевнула и куснула артефакт за оказавшийся в пределах досягаемости палец.

— Сейчас я тебя укушу, — пообещал принц, и я быстро притворилась спящей.

— Прежде жили все люди в мире и согласии, — приступил Кай ко второй сказке, — правителя небесного почитали и дары солнечные с благодарностью принимали. И щедро батюшка Солнце всех одаривал, кого магией, кого процветанием. Кто о чем просил, то по заслугам своим и получал.

— Я поняла, — снова перебила тихую речь принца, — именно вас почитают в наших королевствах. В Романтии — это разные божества, в Просвещении — культ предков, а в Тьмутумии — божественное провидение. Скажи, это ты Аполлон? Принцесса оказалась права? Бухатус тоже ты?

Его высочество низко склонил голову и шепнул прямо в губы:

— А ну спи!

Ух! Мурашки по коже пробежали. Я заерзала, пытаюсь устроиться поудобнее, Кай громко вздохнул, но терпеливо подождал, пока я успокоюсь, и продолжил:

— Короли, что во главе королевств стояли, каждый год созывались в Ирий, достижениями похвалиться, премудростями поделиться, об успехах

и невзгодах рассказать, порадовать солнцеликого или же помощи у владыки попросить. И длилось счастье сие до тех пор, пока не появились на свет сыновья королей.

Оказался среди них один, шибко жадный до чужого счастья да добра. Все мнилось ему, что у соседей лучше, а царь Солнце на других благосклонней глядит. Ведал владыка небесный, что на сердце правителя таится, однако никогда он в судьбы людские не вмешивался, воли чужой не навязывал, силой неугодных со света белого не сживал, иначе не был бы он всемилостивым царем Солнце.

Послал царь людям предупреждение о том, чтобы чистые помыслы хранили, зависть в сердца не впускали, но не все мудрых указов послушались, зато прониклись речами жадного короля. И тогда между народами вражда вспыхнула, а огорченный владыка с тех самых пор закрыл врата в Ирий.

К концу второй сказки я заснула. Все же ирийские солнечные сказания и правда действовали на меня усыпляюще. Больше двух я вынести была не в состоянии, что в королевской библиотеке, что на руках ирийского принца. И Солнечный Луч точно знал, как меня убаюкать.

Утром проснулась в крепких мужских объятиях. Младший принц и не подумал покинуть мою спальню после того, как я заснула. Ну кто бы сомневался. Я даже могла предположить его ответ, что-то вроде: «Ты просила, чтобы я шел домой, Аленушка, а здесь я везде дома».

Вздохнув, позволила себе понаслаждаться всего несколько минут, а затем потихоньку вывернулась из рук обнявшего меня спящего высочества. Не смогла удержаться от того, чтобы замереть на секунду, вглядываясь в расслабленное лицо, и чуточку полюбоваться. Руку, потянувшуюся погладить его по щеке, я все же в последний момент удержала. Быстро отвернулась и сползла на пол, после чего увидела на кресле целую грудку платьев.

Бросив еще один взгляд в сторону предусмотрительного предсказателя, не сдержала улыбки. Отдал сумеречным духам приказ доставить наряды в мою комнату к определенному времени! Теперь, кроме погладить, захотелось еще и поцеловать, но я снова сдержалась, помня, какими свойствами обладают поцелуи младшего принца.

Опустив взгляд на полотенце, убедилась, что оно за ночь даже не развернулось. То есть его высочество и пальцем не притронулся к спящей девушке, а судя по тому, как крепко он спал сейчас, перед тем, как заснуть, еще полночи бодрствовал. Ну что поделаешь (тут я снова не сдержала

улыбки, причем довольно ехидной), тяжела жизнь в человеческом теле, пора привыкать.

Скинув полотенце, потянулась к местному нижнему белью, напоминавшему тонкий полупрозрачный купальник на завязочках из очень нежной и приятной материи. Натянула, посмотрела на себя в зеркало (заодно кинула взгляд на принца, но он крепко спал) и удивилась, зачем им вообще что-то под одежду надевать. По виду — что белье есть, что его нет, почти одинаково.

Среди платьев отыскалось нежно-малиновое длиной до колена, отдаленно напомнившее мне наряд ведьмы. Я не удержалась и остановила выбор именно на нем. Завязав на шее красивый бантик из длинных шелковых ленточек, покрутилась перед зеркалом и осталась очень довольна. У местных душенек язык не повернется высказаться по поводу наряда.

Прекрасно! Теперь еще надо позавтракать и поймать огненную птичку, чтобы полетать вволю, хорошенько осмотреться и удовлетворить ядерную смесь женского и следопытского любопытства. Да и поторопиться следует, пока его высочество не проснулся отдохнувшим, полным сил, готовым к дообращению.

Я огляделась в поисках обуви и нашла под креслом целую коробку. Малиновые матерчатые туфельки на небольшом каблучке лежали сверху и конечно же прекрасно мне подошли. Нет, я его все-таки поцелую как-нибудь позже, когда выясню, что он задумал.

В превосходном настроении я тихонько отворила входную дверь и, сбежав от Кая, отправилась на поиски ирийских впечатлений. Хотя лучше бы я осталась с принцем. Ведь, зная его ослепляющее злодейство, следовало предположить, как все может обернуться на самом деле. Однако я была далека от мысли, что сама примчусь обратно — и даже без прямого участия одного невинно спящего духа.

Лучше бы они вставили стекла, такие ветра во дворце просто недопустимы. Я пробиралась в башню, где под практически шквальным ветром жили жар-птицы. Один раз пришлось ухватиться за колонну, потому что меня потащило назад, и туфельки заскользили по паркету.

Вчера ветерок был ласковым и теплым, а сейчас я почти замерзла.

— Н-не простой такой ураганчик, — клацнула зубами, не спеша отцепляться от колонны. Однако это удивительно, король ведь лишил всех местных их магических способностей. — Эй! — воскликнула в пустоту, пытаясь перекрыть шум нарастающего ветра. — Сумеречный ду-у... Ух!

На простой окрик странные существа совершенно не отреагировали. Это вынудило разжать пальцы и, рискуя здоровьем, хлопнуть в ладоши.

Дух явился и застал меня разъезжающей по полу просторной залы на спине.

— Слушаю, — невозмутимо поинтересовалась эта сущность, летя за мной следом.

— Ветер оста... Ай! Остановите! — велела, сбив плечом какую-то вазу. Могла и макушкой, но я вовремя извернулась.

Дух покачал головой и продолжил лететь, наблюдая, как я сношу все новые и новые препятствия.

— Не можете? — выкрикнула я.

— Нет, — проинформировал сумрак, перестал лететь, и ветер внезапно прекратился.

Я поднялась на ноги, отряхнулась, попробовала пригладить волосы, выругалась и попросила:

— Верните мне приличный вид, пожалуйста.

Дух облетел вокруг меня пару раз и один раз дунул.

Я потрогала ершик из волос на голове и убедилась, что он исчез.

— Не нравится мне это, — проинформировала пустоту, намекая вовсе не на прическу.

— Что-нибудь еще? — довольно кисло осведомился сумеречный дух, проигнорировав фразу о моих антипатиях.

Недовольное существо вдруг ужасно напомнило нашу суровую библиотекарку из академии. У нее даже преподаватели боялись брать книги.

— Не вы остановили ветер?

— Нет.

— А как тогда?

— Сам прекратился.

— Король вернул душенькам магию?

— Нет.

Так. Полагаю, здесь тоже следует задавать правильные вопросы, поскольку темные духи еще вреднее светлых.

— Откуда взялся ветер?

— Оттуда же, откуда гроза, — просветил дух и, устав отвечать, исчез, прежде чем я спросила: «Какая гроза?»

Ответ пришел сам — довольно зловещим раскатом грома.

Я еще ни разу не видела, чтобы облака собирались вместе так быстро, сталкиваясь, чернея, напитываясь тяжелой влагой прямо из воздуха.

Удивительно, шквальный ветер прекратился, но тучи продолжали стремительно лететь по небосводу. Особенно не по себе становилось от направления их полета, а направлялись они ко дворцу.

Я находилась в одном из залов неподалеку от жилых покоев, однако вокруг не было ни души. Даже придворные красотки не попались мне на пути, после того как очутилась в коридоре. Либо эта часть дворца отведена исключительно для представителей королевской семьи и их почетных гостей, либо все разом вымерли. А может, и то и другое.

В общем, пока я согласовывала подозрительные факты, ощущая, как неумолимо растет в душе осознание глобального попадания, черные страшные тучи подлетели к окошку (вот тут у меня широко открылся от ужаса рот) и снизились до его уровня. Вся жуткая кучевая масса попыталась протиснуться внутрь и прекратила эти попытки, только когда дворец отозвался дрожью. Тогда она медленно отплыла обратно и отпочковала от себя облачко поменьше.

Дальше я уже не присматривалась — рванула к двери, но не добежала. Втиснувшись в открытый проем тучка полетела мне наперерез, пришлось срочно разворачиваться и нестись к другому входу. Сзади гроыхало, рядом свистели молнии, и я порадовалась, что в атласных туфельках очень удобно бегать. Ускорившись на винтовой лесенке, поскакала через ступеньку, но коварная туча и не подумала лететь следом. Она всего-навсего вылетела в верхнее окно, впорхнула в нижнее и зависла над площадкой.

Радостно поприветствовав припрыгавшую меня раскатом грома, туча пролилась сверху ведром холодной воды. Волосы тут же прилипли к лицу, платье намокло, видимость резко ухудшилась. Однако это мелочи, я могла брести под дождем и не таять, но необычное природное явление не желало позволить мне столь легко отделаться.

Туча загрохотала, наэлектризовываясь, а я, сообразив, какой сюрприз мне готовят, снова резко ускорила, юркнула в боковую дверь и помчалась дальше по коридору мимо замирающих при моем появлении обитателей дворца. Я их даже рассмотреть не успевала, поскольку была сосредоточена не только на бегстве, но и на поиске подходящих укрытий, за которые нырять, спасаясь от свистящих молний.

Побег от тучи закончился в комнате с мраморными статуями. Черное облачко вдруг просто рассеялось в мгновение ока вместе с дождем и электрическими разрядами. Получив передышку, я наклонилась, уперла ладони в колени и попыталась отдышаться. В любое другое время не упустила бы возможности более пристально рассмотреть скульптуры в

этом спасительном убежище, а пока только огляделась. Явно сделанные людьми, они изображали разных божеств. Порыскав глазами, увидела статую Аполлона. Сие чудо с идеальными телесами стояло чуть поодаль, склонившись над телом другого, поверженного к его ногам божества (точно не человека, такие совершенные пропорции людям не свойственны), а в высоко поднятой руке держало шар с солнечными лучиками.

К сожалению, я не успела как следует насладиться мастерством скульптора или задуматься о смысле композиции, потому что заметила туман. Настоящая белая мгла выползала из-за статуи, мягко стелилась по ногам замершего Аполлона, ласково поглаживая мраморное тело, и неумолимо приближалась ко мне.

Я шагнула назад, а потом еще и еще, а туман, недовольный отступлением, вытянул вперед щупальцу и попытался схватить меня за ногу. Новый забег позволил умчаться от очередного подозрительного явления, но добежать удалось только до дверей, выходящих на внешнюю террасу дворца. Я ошибочно полагала, что в незакрытом пространстве туман рассеется, но не тут-то было. Когда он меня догнал, я очутилась в непроницаемом воздушном молоке, а легкий ветерок, обдувавший лицо, не мог поколебать стойкости «обнявшего» меня белого марева. В другой ситуации можно было бы просто присесть и переждать, когда туман рассеется, а не брести на ощупь, рискуя ступить не туда и отправиться в свободный полет. Но мгла очень неприятно покусывалась, точно стайка голодных комаров. И только движение помогало хоть немного этих комаров «разогнать». А еще марево было промозглым.

Вот так я и брела куда-то вперед, ничего не видя, чувствуя себя очень маленьким колючим существом из сказки, заблудившимся в тумане.

— Медвежо-о-онок, — всхлипнув, позвала в пустоту. — Лоша-а-адка!..

К сожалению, в Ирии ни лошадок, ни медвежонков из сказки не водилось, поэтому никто не откликнулся, и пришлось одиноко брести дальше, ежась от сырого воздуха и потирая руками плечи.

Когда я решила, что брести уже не могу, туман в один миг рассеялся, а меня со всех сторон окутало ласковое солнечное тепло Ирия.

— Б-д-д-д, — обрадовалось тело, а зубы выбили счастливую барабанную дробь. Удивительно, но, двигаясь на ощупь по внешней дворцовой террасе, я добрела до той самой башни, где обитали жар-птицы. Наверх можно было подняться по внутренней и наружной лестницам, а я сейчас оказалась на середине внешней. Она огибала башню спиралью, постепенно набирая высоту, и заканчивалась балконом с дверцей.

Запрокинув голову, я призадумалась, а стоит ли при таком

разнообразном количестве природных явлений карабкаться выше, тем более летать, но додумать не дали. Я отступила, и вдруг левая нога внезапно заскользила, следом за ней правая, а потом и все тело.

— Мамочка-а-а! — Я завизжала, плюхнулась на попу и набрала скорость на превратившейся в ледяную горку лестнице. Перила не давали улететь в сторону, у меня даже появился шанс обозреть прелестные окрестности, ведь башня была высокой, а лестница длинной, но стремительное скольжение способствовало трению, и это отвлекало. Вмиг одной части моего тела стало очень тепло, а попытка схватиться за перила и притормозить не увенчалась успехом. Стоило попробовать, как перила тоже покрылись льдом, и пальцы соскользнули. Вот так я, громко голая, и съехала по захватывающему дух спуску неожиданного аттракциона и приземлилась в снежный сугроб.

И снова замерзла, хотя пятая точка радостно зашипела, охладившись. Вынырнув на поверхность и отплевавшись, попыталась выгребсти на бесснежный участок.

— Вот только ж-же согрелась, — стучат зубы, пока я героически карабкалась из сугроба. — И что в-вы за светлые духи такие? Кто вам магией разрешил пользоваться-ться?

Мне даже не требовалось сейчас задавать вопрос местному сумеречному помощнику. В процессе обдувания, поливания, затуманивания, скольжения и замерзания я успела прийти к выводу, что никто, кроме вчерашних душенек, не был способен так ожесточенно и единодушно атаковать лучшего следопыта. Женская месть за отказ от чудесного, милого и бесконечно замечательного дара, который от этого безумно страдал, оказалась поистине изощренной. Лучшим доказательством моих выводов являлось то, что сумеречный дух не остановил ветер. И это неудивительно, поскольку, умея темные помощники совладать со светлой магией, они бы точно не служили в Ирии, а расположились здесь на правах хозяев.

Пусть король и лишил душенек волшебства, но ведь для людей на земле природных явлений не отменишь. Чтобы несчастные не страдали без дождика или первых заморозков в преддверии зимы или еще чего-нибудь столь же важного, король Солнце возвращал каждому обитателю Ирия его способности в порядке очередности — не дольше чем на пятнадцать минут. Примерно такой временной промежуток занимало каждое мое новое испытание. И можно было не сомневаться, от кого дамочки понахватались столь уникальных способов мести. Я и сама однажды применила ноу-хау «солнечная пакость» по отношению к Жерди.

— Это называется кто кого? Да? — Кажется, вопросы в пустоту скоро станут моим излюбленным способом проводить досуг.

— Бульк, — подтвердила пустота, — бульк, бульк.

Опустив голову, я увидела, что сугроб превратился в грязь, в очень вязкую, безумно липкую грязь, которая потихоньку затягивала меня в себя.

— Ой. — Я рванулась в сторону.

Хлюп, ответила грязь и потянула обратно.

Еще никогда не ощущала себя мухой, попавшей в сироп. Можно было жужжать крылышками, трепыхаться и махать лапками, но это нисколько не помогало. Грязь неумолимо втягивала до тех пор, пока я не оказалась в ней по самую шею.

— Если я утону, принц будет безумно страдать.

Бульк, злорадно ответила грязь.

— Нет, не утешите. Он будет безутешен.

Бульк, не поверила грязь и подползла к моему рту, желая его залепить.

— Все-все, убедили! — выкрикнула, задрав голову. — Я готова его дообратить.

Хлюп, не поверила грязь и чуточку отхлынула от лица.

— Прямо сейчас, честно-честно. Пойду и дообращу, даже если будет сопротивляться.

Пш-ш-ш, протяжно выдохнула грязюка и медленно растаяла в пространстве.

Ну все! В который раз за эту прогулку встав на ноги, я преисполнилась железной решимости. Отряхиваться не стала, и так сойдет. Нормальный вид, полностью соответствует настроению и яростному желанию дообратить. Я только полоски на щеках провела, как на плакатах со следопытами специального назначения, чтобы артефакт не усомнился в твердости моего намерения. Не отступлю ни при каких обстоятельствах.

Хлопок в ладоши перенес к подножию жар-птичьей башни унылого сумрачного духа. Увидев меня, он сделался еще унылее.

— Слушаю, — прокисшим тоном выразил желание немедленно услужить.

— А перенесите-ка меня к младшему высочеству.

— Приличный вид возвращать? — скучно поинтересовался Дух.

— Оставьте как есть.

Ну, Кай, держись, я иду к тебе. И даже не пытайся сбежать. Одно обидно — ничего этому ослепительному злодею не предъявишь. Находясь на том конце растянутой пружины, он всегда выходит сухим из воды. Когда он отпускает пружину, она сама прицельно сбивает нужный

объект, но предсказатель, как обычно, ни при чем. А ведь именно этот сиятельный мерзавец планирует большинство операций. Все, идеалище, допланировался.

— Вы уснули, что ли? Переносить будем? — рявкнула на впавшего в задумчивость сумеречного духа.

Удостоверившись в том, что я действительно собралась в таком виде к принцу, суровая сущность подлетела и схватила меня за руку. Мороз прошиб до кончиков пальцев, к счастью, ненадолго. В следующий миг мы очутились в пустом тронном зале. Как обычно, дух не стал дожидаться вопросов и исчез, а я огляделась.

Честно говоря, полагала, что Кай уже ожидает меня в постельке, в неглиже и, так сказать, во всеоружии, а здесь оказалась не спальня и даже не ванная.

Младший принц обнаружился полулежащим на троне и, что удивительно, полностью одетым. Одну ногу он закинул на подлокотник, а левой рукой подбрасывал и ловил небольшой желтый мячик. Вольготная поза свидетельствовала о том, что его высочество совершенно расслаблен и абсолютно не обеспокоен моими решительными планами. Однако показательное выступление меня не остановило. Выставив ножку, приняла соблазнительную позу и сказала:

— Я пришла, мой сладкий, раздевайся.

Солнечный наглец оторвался от увлекательного занятия запускания мячика в стену и взглянул на меня.

— Раздеться, Аленушка, — принял он озадаченный вид, — зачем?

И ведь прекрасно знает зачем! Опять строит из себя невинность!

— Буду дообращать, — чуть ли не прорычала я, хотя позу не изменила и жутковато-ласковую улыбку с лица не стерла.

Принц еще раз внимательно меня осмотрел и заявил:

— Можно не раздеваться, сластена.

— Да? — Я удивилась только на миг, но не растеряла ни капли решимости. — А ты прав, дело-то на пару минут. Тогда расстегнись.

— На пару? — Артефакт изогнул бровь, а на губах мелькнула улыбка. — Моя прелесть, я не о том. Просто сейчас не время.

Хм, значит, все же сопротивляется.

— А душеньки полагают, что самое время.

— В этом вопросе с ними не поспоришь.

— Вот и не спорь.

— Поверь, искушительница, я счастлив получить от тебя столь заманчивое предложение, но сейчас вынужден отказаться. Лучше, если ты

перенесешь в собственную комнату.

— А что так? — изогнула я бровь в ответ. — Ты занят?

— Определенно.

— И чем?

— Тренируюсь.

— Тренируешься бросать мячик?

— Ты наблюдательна, как всегда, звездочка.

Нет, будь на моем месте любая другая женщина, она бы жестоко оскорбилась и гордо хлопнула дверью. Где это видано, чтобы девушка сама предлагала дообратить, а объект предложения активно отказывался. Однако я решила повременить со скандалами, прекрасно зная: Кай просто так ничего не делает. Правда, и зал покидать я не спешила. А вдруг просто артачится, вернее, артефактится, забавляется и жаждет уговоров? Он ведь может? Может.

— Ладно, перенесусь к себе, но учти, предложение ограничено парой минут.

На сие несущее угрозу заявление принц никак не отреагировал, зато сказал: «Поздно».

А что поздно, я поняла через секунду, когда свернутые до этого трубочкой экраны на окнах вдруг разом развернулись и сами собой нацепились на крючки, погрузив большой тронный зал в непроглядную темень. Теперь я поняла, зачем в залитой солнечным светом комнате горели свечи. Без них сейчас ничего нельзя было бы разглядеть. Полагаю, зажег их именно Кай, поскольку сумеречных помощников и дух простыл. Я ведь хлопнула в ладоши, планируя вернуться к себе, но никто не отозвался.

По периметру комнаты прошел сквозняк, и снова стало очень холодно. А потом мороз сосредоточился в центре зала, там даже воздух затрещал и раскололся. Из морозного раскола вышел еще один свободный дух в своем человеческом облике. В темных одеждах, с черными прямыми волосами до плеч и с черными глазами, он уверенно остановился посередине комнаты и обвел ее взглядом. Странно, но этот дух чем-то неуловимо напомнил мне Кая.

— Какая встреча, Аданон, — насмешливо приветствовал младший принц, продолжая подкидывать мячик на ладони, — я смотрю, ты торопился.

— Узнал о твоём возвращении, — глухо ответил визитер, и от его голоса озноб пробрал по коже.

— Неужели соскучился?

— Пришел взять реванш, — ответил гость, а потом вдруг прищурился

и громко воскликнул: — Что я вижу!

Это восклицание очень темного, внушающего желание спрятаться духа заставило меня напрячься.

— Ты человек! Уязвимый смертный человек!

— Пока убить нельзя, — хмыкнул Кай, — подожди еще сотню лет.

— Но боль причинить можно, — злобно прошелестел дух. — Когда я узнал о твоём возвращении, даже не предполагал, что меня ждет подобная удача!

— Ай-яй-яй, Аданон, и не стыдно? Пятьсот лет Ирий и Навь не могли заключить мир, а теперь ты намерен этот мир нарушить?

— А кто сказал, что нарушу? Я всего лишь причиню тебе невыносимую боль. Это ведь не повод рисковать с трудом заключенным перемирием? — И он рассмеялся очень злобно и жутко. — Человеческое тело слабо, правда? Очень слабо. А ты попросишь папочку тебя добить, когда я всажу в это тело сотню ледяных копий? Поползешь жаловаться королю, а, Сол? «Ой, папа, папа, — принялся он дразнить принца, — он меня уколол!»

С этими словами ненормальный визитер рассмеялся и, напугав меня, обратился в духа. Его ноги оторвались от земли, волосы окутал черный туман, и явившийся мучить Кая темный полетел к младшему принцу, проходя сквозь все встречающиеся на пути предметы. Сол не изменил своей позы, даже не бросил глупого занятия и продолжал забавляться с мячиком, а вот я испугалась.

— А ну не трогай мой дар! — выкрикнула, бросаясь наперерез жуткому типу.

— Что это? — резко затормозил дух. — Человечек? Девчонка? Земная? Аданон выглядел ошарашенным.

— В Ирий притащили землячку? Ты кто? — требовательно спросил он, а я бросила взгляд на Кая, недоумеваю, почему он никого не зовет на помощь. Хоть бы покричал королю, раз сумеречные помощники не отзываются.

— Лучший следопыт, — представилась по всей форме, а сущность в ответ прищурилась и подлетела ближе. Мне очень захотелось отступить, но я не пошевелилась. Тело будто сковало, оно отказывалось двигаться с места.

— Ха-ха-ха! — раздался громкий смех жутковатого посетителя. — Ты продул девчонке! Тебя обратила землячка! Ха-ха-ха! Вот она! — и еще пальцем на меня указал.

— А тыкать в людей невежливо, — просветила я заходящуюся в

хохоте сущность.

— Что у тебя за вид такой, следопыт? — продолжал ухахатываться дух. — Вы думали меня этим напугать?

— Это боевой раскрас для охоты на темных.

— Ха-ха-ха, — пуще прежнего зашелся Аданон, — Сол, а Сол, твой следопыт не кусается? А то я боюсь! Малышка, — тут же подлетел он ближе, — ты знаешь, что бывает за оскорбление наследника темной династии? Ты мне угрожала, а людям такое с рук не сходит.

— Отойди от нее, Дан.

— Отойти? Что, не прикасаться к твоей малышке? — Дух тут же меня коснулся, стало ужасно больно, просто невыносимо. Я не удержалась на ногах и упала на колени.

— Ой, я забыл, люди ведь так слабы. Смотри, Сол, ей плохо. Может, стоит помочь? Дай мне ручку, малышка.

— Дан, я предупредил.

— А-ха-ха! А что наш принц может в облике человека? Ты даже не сразишься со мной на равных. И с этого трона соскочить не успеешь, потому что я в сотню раз быстрее. Ты уже продул, братишка. Сначала продул землячке, а сейчас продуешь и мне. Дар не поможет одержать верх. Что ты можешь сделать?

— Могу запустить в тебя мячиком.

— Что-о-о? — Дух зашелся хохотом, копируя людские повадки, согнулся пополам и схватился за живот. В облике темного призрака ему достаточно было холодно сказать: «Ха-ха» — это произвело бы более жуткое впечатление, но Аданон от души развлекался.

— А кидай! — крикнул он Лучу. — Но учти, за это оскорбление я убью твоего следопыта.

У меня от страха свело судорогой речевой аппарат. Даже увидев, как Кай легким движением посылает мячик в духа, я не смогла крикнуть: «Ты с ума сошел!»

Естественно, желтый снаряд пролетел сквозь тело жутко довольной темной сущности, Аданон уже обернулся ко мне, но мячик отскочил от стены, отлетел в противоположную сторону и ударился о подоконник. Он случайно зацепил и сбил крючок, один из экранов с хлопком взлетел вверх, закручиваясь, а в комнату хлынул солнечный свет и попал как раз на тот пятачок, где витал кошмарный гость.

Я успела заметить выражение ужаса на лице темного духа, а в следующее мгновение он с легким «пшик» растаял в воздухе.

— Алена... — Голос принца не смог отвлечь меня от созерцания

пустого пространства, на котором даже мокрого места не осталось. — Испугалась? — продолжал спрашивать Кай, опустившись рядом со мной на колени.

Испугалась? Не то слово, я до сих пор пребывала в полнейшем ступоре.

— Ну зачем ты к нему бросилась, девочка? — Принц ласково провел по щеке, повернул к себе мое лицо. Приподнял его за подбородок, заглядывая в глаза.

— И давно у вас так? — все, что смогла выдавить из себя.

— Века, — пожал плечами Кай.

Его рука ласково погладила мои плечи, а вторая легла на талию. Принц крепко прижал меня к себе, и я почувствовала, как он зарылся лицом в мои волосы. Испачканные, спутанные волосы, которые наверняка не пахли розами. А он еще и целовать их принялся. Сначала их, потом обхватил ладонями мою голову, следующий поцелуй пришелся в висок, потом в лоб, потом в переносицу, потом в щеки, — он целовал миллиметр за миллиметром с такой щемящей нежностью, что даже испытанный мгновения назад страх начал отступать.

— Ты мне жизнь спас? — хрипло шепнула, когда он на секунду отстранился. — Он точно убил бы?

Кай промолчал.

— Ты рискнул с трудом добытым перемирием, уничтожив наследника темной династии?

В ответ меня просто привлекли к себе и поцеловали.

Ой, как меня поцеловали! Даже описывать не берусь. Лучший способ заставить девушку позабыть испытанный ужас — это вот так ее поцеловать. Если нежность, страсть и умение смешиваются в умопомрачительный коктейль, то даже один его глоток способен не то что вытеснить из головы воспоминания о духах, он способен выветрить из нее абсолютно все мысли.

— Сын! — из далекого далека донесся громогласный раскат королевского призыва. Он, наверное, давно доносился, а мы не призывались. Очень хотелось и дальше самым приятным образом всех игнорировать, но пришлось отвлечься.

— Что здесь произошло? — сурово спросил король Солнце, когда мы соизволили его заметить, и строго посмотрел на Кая.

— Что произошло? — поддержала я его величество, надеясь, что ответ принца рассеет солнечный туман в голове и вернет меня с небес туда, где я сейчас нахожусь. Хотя постойте, я ведь и так на небесах.

— Мне доложили о визите темного принца. Где он?

Кай вздохнул:

— Тебе историю подлиннее или покороче?

— Сначала покороче, потом подлиннее.

— Он развеялся от солнечного света.

— Он что?! — От королевского крика задрожали стены дворца. — Я думал, ты изменился, сын, — осуждающе добавил король, а мое сердце неприятно кольнуло от этого заявления.

— Говорить по порядку?

— Говори.

— Минутку.

Кай поднялся на ноги и зачем-то потянул меня за собой, хотя лучше бы я осталась сидеть, где сидела.

— Еще минутку, — добавил принц, взял меня на руки, донес до трона, усадил на него, а сам повернулся к королю.

— Приступай. Что ты увидел? — велел его величество, нисколько не смущаясь того, что они с принцем стоят у подножия королевского трона, а я на нем сижу.

— Темная магия, как обычно, до определенного момента блокирует видения. Я увидел, что Аданон решил навестить Ирий незадолго до его переноса сюда, в тронный зал.

— Дальше! — А король умеет быть строгим.

— В это время наши дамы спонтанно и единодушно решили образумить Алену.

— Так-с. — Король бросил на меня быстрый взгляд, оценил наряд специального назначения и вздохнул: — Женщины, здесь все понятно.

— Алена появилась в тронном зале за две минуты до прихода Дана.

— И что?

— Я не мог покинуть трон, иначе не было бы шанса спасти Аленушку.

— От чего?

— Аданон собирался ее убить.

Впервые увидела, как король Солнце нахмурился. Он долго молчал, а потом спросил:

— Человека, находящегося под защитой Ирия?

— Он убил бы ее в любом случае. Не сегодня, так позже.

Король протяжно выдохнул.

— Когда Дан убедился, что я беззащитен в человеческом теле и ничего не могу ему противопоставить, он расслабился. У меня была единственная попытка.

Кай склонился, поднял мячик, прикатившийся ему под ноги, и протянул королю, а я посмотрела в сторону окна в зале, которое было открыто. Очень удачно свет упал — прямо на духа!

— Сын... — Его величество вздохнул. — Пятьсот лет переговоров, и наконец перемирие заключено. А теперь что?

— Как развеялся, так и воплотится. Всего сотню лет придется подождать.

Король взглянул на меня, а я, честно говоря, напряглась и не знаю зачем выдала:

— Он Кая мучить собирался.

— Аленушка, — лицо его величества смягчилось, — люди в нашем дворце неприкосновенны, мой сын защитил вас и правильно сделал. Аданон заслужил наказание, но темный король вряд ли рассудит подобным образом. Впрочем, это не ваша печаль. Мы не ожидали явления темного гостя, хотя сумеречные духи спрятались сразу же, как только ощутили его приближение.

Король хлопнул в ладоши, и перед ним тут же возник темный помощник.

— Закройте ворота в Ирий для посланцев всех королевств. Объясните, что сейчас у нас гостит мой младший сын. Они поймут.

— Можно сразу сказать, что принц вернулся. Они тогда и сами не поедут, — выдвинул предложение сумрак.

— Действуйте, — согласился король, ну а Кай тут же сделал ангельское лицо и мастерски изобразил невинность. — Алена, можем мы как-то загладить это неприятное для вас происшествие? — спросил король.

Прелесть просто! Я точно в сказку попала. Сначала жизнь спасли, потом поцеловали, теперь еще подарки хотят подарить.

— Чего я хочу? — задалась вопросом, а взгляд как-то сразу приклеился к личному дару лучшего следопыта, — вот даже не знаю, кого хочу.

— Может, бал, Аленушка? — ослепительно улыбнулся Кай.

— Какой бал?

— Маскарад.

Хм, бал-маскарад, очень заманчиво. Только вид у принца слишком хитрый, и это интересно. А бал будет с превращениями, как в моем сне?

— Хочу, — смело ответила, вернув Каю его лукавый взгляд.

— Бал состоится, — тут же постановил король, — сегодня вечером.

И, хлопнув в ладоши, его величество исчез.

— А можно было только одно желание загадать? — разочарованно

поглядела на место, где стоял сиятельный правитель.

Это ведь сказка, а в них всегда по три желания загадывают.

— Тебе, ангел, можно сколько угодно желаний.

О, такое предложение мне нравится.

— Кай.

— Что? — спросил его высочество, приближаясь к трону.

— А никак нельзя было предотвратить сегодняшнее происшествие? Чтобы не ссориться с темными духами? Или ты все же схитрил, поскольку у вас с этим принцем противостояние?

Я прекрасно умела сопоставлять факты и хорошо помнила комнату со статуями. Там был изображен Аполлон с солнечным шаром в руках, а у его ног повергнутый противник. И лицо того противника поразительно походило на лицо Аданона, а темный к тому же требовал реванша.

Принц уже стоял на ступеньках, а руки положил на подлокотники и склонился поближе ко мне. Наверное, его солнечности так было удобнее разговаривать, но меня его поза здорово отвлекала.

— Я могу предсказывать и предотвращать нежелательные события.

— Или наоборот, создавать, — намекнула на пакостливый характер солнечного духа.

В ответ мне обаятельно улыбнулись, отчего в голове вновь за клубился солнечный туман.

— Некоторые события невозможно изменить, даже предвидя их заранее, — серьезно сказал Кай. Его рука потянулась вперед, а пальцы замерли рядом с моей щекой. — Порой приходится выбирать меньшее из двух зол.

Я промолчала, наслаждаясь легким прикосновением.

— Мне жаль, — искренне признался принц.

— Жаль, что развеял родного брата?

— Аданон — двоюродный.

— Данный факт родства не отменяет.

Я давно чувствовала, что в этом светлом чудовище живет еще и темная сущность. Не зря они с темными родственники. Если в тех столько же света, сколько в Кае пакостливости, то обитатели Нави могут оказаться не такими уж и плохими личностями. Ну конечно, если найти к ним подход и не оскорблять в лучших чувствах, грозя нападением.

— Мне жаль, что он причинил тебе боль.

— Да брось! Не смертельно. Всего-то несколько секунд. Я уже пять лет сыщик, и мне столько раз грозили расправой, что сосчитать невозможно. Да и ситуации порой бывали похуже этой. Только испуг был

таким, что с места не сдвинуться.

— Это воздействие темных духов на человека. Люди тянутся к солнцу, поэтому светлые духи вызывают в их душах лучшие чувства. Правда, порой люди переходят на темную сторону, но большинство все же за свет.

— Значит, темные вызывают плохие эмоции — страх, слабость, растерянность?

— Они умеют усугублять эти чувства, — пояснил Кай и склонился еще ниже, а я, наоборот, подалась вперед.

— Брат! — прервал нас новый возглас. — Что произошло?

Не тронный зал, а какой-то проходной двор.

Глава 20

ЭВОЛЮЦИЯ В ДЕЙСТВИИ

Весть о том, что Кай развеял темного принца, пронеслась по дворцу со скоростью света. Все ужасно разволновались, каждый счел своим долгом заглянуть в тронный зал и прояснить этот вопрос. Все беспокоились — нападут ли темные духи после этого происшествия.

Младший принц уже переключался на трон, поскольку устал отвечать на вопросы стоя, и меня собирался затянуть на свои колени, но я затянулась только на подлокотник. Так очень удобно было вслушиваться в разговоры, и никакой солнечный туман не мешал, хотя неугомонный Кай сжал в ладонях мою руку и выпускать не собирался.

Под конец явились душеньки и чуть не снесли меня с трона. Пришли не все, заглянуло только четверо. Принц представил их — Снежная леди, Туманная леди, дама Ветров и леди Земли. Заплаканные красотки сразу ринулись к Лучику, который быстро вжался в спинку трона и выпустил мою руку. В следующий момент я поняла зачем. Мне пришлось соскочить на ступеньки, поскольку дамы вцепились в младшего принца со всех сторон.

Сначала последовали вопросы о темных, затем плавно перешли к балу, а потом, всхлипывая и утирая прекрасные глазки, милые леди пожаловались, что король лишил их развлечений и танцев, поскольку они обидели лучшего следопыта.

— Мы так старались ради тебя, — говорила леди с искрящимися светлыми волосами, к которой Кай обращался «Снежана». При этом ее холеная белая ручка беспрестанно поглаживала грудь принца, так и норовя забраться под рубашку.

— Что нам теперь делать? — всхлипнула загорелая девушка с кудрями цвета шоколада, чье имя все произносили как «Земи». Эта красавица пошла еще дальше, она обхватила Кая за шею, разрыдалась на его плече и отстранилась, лишь услышав: «Не задуши меня».

— Король велел извиниться, — нежным голосом пропела хорошенькая миниатюрная леди с фигуркой танцовщицы, которая хоть и стояла на одном месте, но казалось, будто она непрестанно двигается. Даже одежды и серебристые волосы колебались, точно от ветра.

— Что вам мешает, Вета? — уточнил принц, когда хрупкая очаровашка

с печальным вздохом прошлась пальчиками по рукаву его рубашки и попыталась пощекотать Каю шею.

— Но мы не понимаем, в чем наша вина. Мы старались как лучше. — Красотка с распущенными волосами молочного цвета, достающими чуть ли не до пят, горько вздохнув, посмотрела огромными васильковыми глазами на принца. Она попыталась найти утешение на его коленях, но не пробилась сквозь заслон из подружек.

Понять не могу, у них в Ирии других мужчин, что ли, нет?

— Сначала извиняйтесь, а потом подумаете за что, — дал очень ценный совет Кай, старательно уклоняясь от ручек, губок, волос и прочих атрибутов стремящихся погладить, обнять и приласкать красоток.

Эти слова оказали должное воздействие, послушные любимому принцу дамы синхронно выпустили из тисков его высочество и повернулись ко мне.

— Нам очень жаль, прости нас, — хором извинились они.

— Мы не со зла, только ради принца, — добавила та милашка, что не могла устоять на месте.

Удивительно, конечно, но светлые душеньки обладали невероятным свойством. На них сложно было обижаться, особенно когда они винулись в своих ошибках и искренне, со слезами в ясных глазках, просили прощения.

— Хорошо, — не стала я привередничать, поскольку и не злилась уже, но вот попросить их отступить подальше от моего дара очень хотелось.

— Спасибо, — обрадовались девушки и собрались на радостях потискать Кая, когда очередной, данный к месту совет принца направил их мысли в другое русло.

— А теперь попробуйте еще раз попросить отца пустить вас на бал.

— Точно, — хлопнула в ладоши Вета и первая велела явившемуся сумрачному духу перенести ее к королю.

— Аленушка, — обратился ко мне помятый младший принц, когда зал почти опустел, — у нас еще есть время на пару других желаний, и сейчас лучший момент, чтобы сбежать. Чего ты хочешь?

Я чуть не ответила: «Целоваться!» — но, прокашлявшись, сформулировала мысль иначе:

— Полетать на жар-птицах и посмотреть Ирий.

— Идем, — радостно соскочил с трона его младшее высочество и крепко ухватил меня за руку.

— На одной? Мы не поместимся! — заявила усмехнувшемуся предсказателю, забыв, что он видит будущее.

Рядом с большой оседланной жар-птицей замер сумеречный дух и терпеливо ждал, когда мы вскарабкаемся на пташкину спину.

— Ой, — вспомнила я, приметив темную сущность, — верните мне приличный вид, пожалуйста.

Парящий в воздухе помощник облетел вокруг так же, как прежде его унылый сотоварищ, и подул. Я оглядела руки, юбку, ноги и убедилась, что от грязи не осталось и следа.

— Гладить можно? — уточнила у духа, указав на птичку.

Тот кивнул, и я с восторгом коснулась светящихся мягких перьев, а птичка скосила на меня глаз, но не выказала недовольства.

Кай подошел и остановился сзади. Пока любовалась птичкой, ладони принца скользнули на мою талию, крепко сжались, но я не успела насладиться прикосновением, потому что взлетела и очутилась в седле.

Его высочество быстро запрыгнул следом, не дожидаясь, пока я оккупирую сиденье и заявлю, что вдвоем здесь тесно (вот же провидец!). Удивительно, но мы и правда поместились и даже нигде ничего не давило, не жало, хотя оба сидели вплотную друг к другу и соприкасались бедрами. Я решила на всякий случай не ерзать, но и требовать у Кая, чтобы он пересел на другую птицу, тоже не стала. Ну а зачем, если удобно? И лететь не так страшно, когда можно чувствовать спиной крепкую мускулатуру и расслабиться.

— А повод кто возьмет? — спросила немного погодя, насладившись соприкосновением с твердыми мускулами Кая. Понимаю душенек, которым вечно хочется их погладить.

— Ты, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал Кай и предупредил вопрос «почему», скрестив руки на моей талии. Теперь мне стало совсем уютно, да и поуправлять очень хотелось. Так ведь намного интереснее. — Не боишься? — шепнул обольстительный спутник, склонившись к самому ушку и спровоцировав в груди всплеск предвкушающего томления.

— Это не крылья, — ответила сидячему искушению. — На волшебных предметах, к которым примагничиваешься, и на умных птицах летать не так страшно. А с предсказателем проще не нервничать.

— Начинаешь мне доверять? — довольно хмыкнул его высочество.

— Еще чего, просто делаю логические выводы, — слукавила я и за ложь схлопотала нежный укус за ушко.

— Ой! — вздрогнула всем телом. — Вот если будешь так делать, я потеряю управление.

— Не потеряешь, — уверенно и самодовольно заявил наглец и снова

куснул.

Теперь мне понятно, зачем он сел сзади.

Намерения Кая я угадала верно, однако это нисколько не помешало откровенно наслаждаться руками, губами и заодно полетом. Мне так летать нравилось, так я ничего не боялась. А если соблазняют красиво, бесполезно сопротивляться, поэтому лучше млет, таять и нежиться, как котик в лучах теплого солнышка.

Знали ли вы, что поцелуи могут пробегать по плечу и шее такой щекотной дорожкой, что хочется то ли похихикать и поежиться, то ли сладко вздохнуть, а потом склонить голову в другую сторону, подставляя другое плечо. Стоп! Когда это платье с плеча уползло?

Я подалась вперед, отстраняясь от губ и рук коварного совратителя, и обнаружила внизу рощу.

А мы давно летим? Не помню, когда заставила птицу оторваться от земли.

— Совсем меня замурчал, я ничего не увидела, — обвинила Кая.

— Почему замурчал? — задышал он в ухо.

— Потому что я ощутила себя котиком! Теперь придется вернуться, нужен повторный полет.

— Возвращаемся? — весело уточнил принц.

— Да, а потом снова взлетим.

Пути обратно я тоже не заметила, ну вот совершенно. Кажется, принц догадался о другом желании — насчет поцелуев — и тщательнейшим образом его исполнял. Все, до чего он имел возможность дотянуться, оказалось поцелованным. Когда мы приземлились на площадке, с которой взлетали, я обнаружила, что шнуровка платья полураспущена, а поскольку крючки находились спереди и я ничего не заметила, это означало одно — мастерство артефакта просто зашкаливало.

Самой слезать с птички не пришлось. Кай протянул руки, подхватил меня, задержал на весу, а когда собирался поцеловать туда, куда не мог дотянуться во время полета, и я замерла в предвкушении, кто-то произнес громким голосом:

— Вы просили напомнить про бал.

Губы принца замерли буквально в миллиметре от моих, а я возмутилась про себя: «Какой бал?!»

Кай тоже горько вздохнул, тряхнул головой, очевидно, разгоняя солнечный туман, и поставил меня на землю.

— Птичку уводить? — вновь поинтересовался дух, не дождавшись какого-либо ответа. А что мы могли сказать, если замерли напротив друг

друга? У меня пальцы запутались в золотых колечках и обратно не распутывались, а у Кая ладони приклеились к моей талии.

— Бал, Аленушка, — повторил воплощенный дух. А у меня от легкой хрипотцы в его голосе по телу опять прошла дрожь предвкушения. — Можем не успеть осмотреть королевство, если сейчас не взлетим.

Эх, вот что бывает, когда перестаешь сдерживаться и позволяешь одному вековому духу себя поцеловать. Голодная романтическая натура мгновенно сносит на пути все преграды, а о деле забывает. Дорвалась, называется, до сногшибательного мужчины. Пора бы взять себя в руки, но только без помощи Кая. Если руки принца берут, то обратно уже не отдают.

— Мне еще одну птичку, пожалуйста, — попросила зависшего сумрака, — иначе снова ничего не увижу.

В седло я забралась сама, а устроившись поудобнее, оперлась на невысокую спинку и поняла, что она сильно проигрывает по сравнению с теплой грудью артефакта. Вдохнула, прижала к пушистым птичьим бокам ноги, взяла в руки поводья и уже собралась за них дернуть, когда ко мне приблизился сумеречный дух.

— Прослушайте правила безопасного полета, пожалуйста.

— А они есть?

— Есть. Я читал, но вы не реагировали.

Я бросила осуждающий взгляд на принца, а тот пожал плечами:

— Я их уже слышал, Аленушка.

Ну ладно, поскольку лечу одна, могу и прослушать. Хотя полет уже второй, но раз сумрачный дух настаивает...

Парящий в воздухе помощник в этот момент извлек из-за пазухи свиток, а из недр широкого плаща — очки в золотой оправе. Нацепил их на нос и, развернув свиток, принялся монотонно читать:

— «Во время полета запрещается резко дергать за повод. Бить птицу ногами по бокам. При возникновении аварийной ситуации просьба не паниковать, не пикировать, не бросать управление, а медленно посадить птицу на ближайший годный для приземления участок, как то: скалы, камни, равнины, верхушки деревьев, плоские поверхности облаков, крыши домов и т. д.». И главное, — произнес дух, пристально посмотрев на меня, — ни в коем случае не думайте о том, чтобы вырвать у птицы перо.

— То есть как — не думать? — Я не могла не уточнить такой интересный момент.

— Птица чувствует опасность и начинает вести себя агрессивно.

— Даже при малюсенькой мысли о самом крохотном перышке?

— Именно, — кивнул дух, птаха подо мной заволновалась,

заклекотала и повернула голову, а я еле успела отдернуть ногу от ее клюва.

— Сказано ведь — не думать, — тут же осудил меня дух.

— Разве я могу не думать, когда мы об этом говорим? Как они чувствуют, они читают мысли?

— Слишком много желающих выдирать перья. За столь долгое время птицы эволюционировали и научились предугадывать опасность.

— А зачем всем их перья? Ай! Не собираюсь я тебе ощипывать! — крикнула летуну, попытавшемуся снова меня клюнуть. — Я всего лишь выясняю, как это сделать.

— Перья жар-птицы — символ вечной любви, все мужчины Ирия хоть раз в жизни пытаются выдрать одно для своей избранницы.

— И что?

— Никому не удастся.

Эх, то-то я обратила внимание, что все пташки здесь при перьях. Теперь понятно, почему Кай отделался гипотетическим «потом». А еще в любви клялся, обманщик.

— Ну а собрать не пробовали, например, те перья, что упали?

— Волшебные птицы перьев не теряют.

— А если очень быстро выдернуть? Ай!

— Волшебные птицы реагируют еще быстрее.

— Как реагируют?

— Перья охватывает огонь.

— Огонь? А он представляет опасность для свободных духов?

— Волшебный огонь страшен всем.

— А...

— А еще есть когти, клюв и способность наводить взглядом столбняк в случае угрозы. Так что лучше не пытаться. Способов добыть перо не существует.

— Неужели с волшебной птичкой нельзя договориться? — не могла я расстаться с последней надеждой.

— За это время пробовали уговаривать, грозить, выменивать, предлагать подарки...

— Ладно, ладно. Я поняла, можете не продолжать. Эволюция и все такое, а главное, птички против.

Дух кивнул, стянул с носа очки и с чувством выполненного долга спрятал их в складках плаща.

Я вздохнула, вцепилась крепче в повод, но взлетать не спешила, поскольку жар-птица так и не успокоилась и продолжала ерошить сияющие перышки.

— А правда ни единого способа нет? — обернулась к Каю.

— Еще не изобрели, — пожал плечами принц и со смехом пустил своего летуна в крутое пике с площадки. А мне пришлось какое-то время следить за его полетом, зато мысли о перьях благополучно улетучились из головы.

Красуется, диво дивное. И ведь хорош!

Под сильным впечатлением я, как-то не задумываясь, потянула за повод, и моя быстро успокоившаяся жар-птица, оттолкнувшись лапами от земли, взлетела.

— Потрясающе! Это ведь нужно было выстроить!

Длинная пирамида изящных белоснежных домиков с крохотными башенками и причудливыми золотыми крышами взбиралась по облакам, изгибаясь красивыми воздушными арками. Под них удобно было нырять, пролетая над городом на сверкающих небесных созданиях. Жители махали нам с ажурных балкончиков, а я не могла налюбоваться невиданной прежде архитектурой.

Цветущие радужные сады, так поразившие воображение с первого взгляда, распускались на просторных террасах, облицованных настоящим перламутром. За дворцом раскинулся золотой парк, в городе я не заметила драгоценных золотых деревьев, но это нисколько не умаляло красоты открывшейся картины.

Мы какое-то время покружили над Ирием, а потом Кай полетел дальше, к той самой роще, где я в первый раз заметила, что ничего не заметила. Зато сейчас обратила внимание на белоснежную речку, огибающую невысокие деревца с переливающимися всеми цветами радуги листочками. Ее берега имели удивительные фиолетовые склоны.

— Кай! Что это за речка?

— Молочная речка, Аленушка, кисельные берега.

— А давай приземлимся?

Принц пошел на снижение, и через минуту мы уже стояли на пологом берегу.

Счастливейший сыщик во мне радостно голосил, требуя немедленно распробовать дивную речку. Кисельные берега, которые на самом деле оказались склонами, первыми подверглись тщательному исследованию. Опустившись на колени, я пригоршней зачерпнула киселька, принялась и попробовала.

— Настоящий, точно бабушка варила, и лесной ягодой пахнет. А молоко?

Принц стоял, склонив голову, и наблюдал за тем, как я, опершись на локоть, в позе «выживания расчески из-под кровати» зачерпывала ладонью молоко и, зажмурившись, его пробовала.

— Свежее, парное! Меня как раз жажда замучила. Ты будешь?

— Если только из твоей ладошки, Аленушка, — ответило его высочество.

Я зачерпнула новую порцию, а он уже встал рядом и, взяв мою руку, прикоснулся к ней губами и начал медленно пить. А меня снова обуяла жажда. И вроде ничего особенного, если бы это делал кто-то другой, но у Кая выходило слишком волнующе, а напоследок принц еще и капельки с ладони слизал. Вот теперь мне всей речки не хватило бы напиться.

— Летим дальше? — спросил он, пока я замирала под взглядом янтарных глаз.

— Ну...

Мой односложный ответ можно было расценить и как согласие, и как сомнение.

— Здесь есть Солнечное море, а на берегу мой собственный замок, — принц задумался и разочарованно вздохнул, — но лететь далековато, не успеем, — и провел губами по моему запястью.

— Если хочешь подготовиться к балу, то можем посмотреть Алмазные горы и возвращаться.

Предложение сопровождалось почти незаметным жестом, кончики его пальцев провели по моей щеке и коснулись шеи.

— А единорог?

— Мм? — Этому звуку сопутствовало замысловатое черчение каких-то завитков на моей ладошке, которую Кай так и не выпустил. — Ну, единорог...

Вот вы бы в таком случае поинтересовались: «Что это за вопрос? Как он связан с предыдущими фразами? И где логика?»

А я бы ответила: «Нет здесь никакой логики. А если вам что-то не нравится, то побудьте на моем месте рядом с обалдеть каким принцем, который вам спас жизнь, а потом задавайте правильные вопросы».

— Они живут в другом месте, и приманивают их невинными девами. Придется сначала деву ловить, а потом единорога. С первой задачей справиться сложнее.

Хм, ну и ладно, обойдемся без волшебной лошадки. Еще одна дева в нашу компанию не вписывается.

— Летим к алмазам. А защитные очки пригодятся? Горы, должно быть, нереально сверкают.

— Я захватил.

Хорошо путешествовать с принцем, который настолько предусмотрителен.

— Ну и сказка!

Я высыпала из карманов пригоршни сверкающих алмазов, которые набрала в горах. Они там лежали под ногами, точно простая щебенка. Присев за столик, покатала камни по гладкой поверхности, любуясь преломлением света в их глубине. Если вот этот кусочек огранить, то получится сердечко.

Я улыбнулась счастливо-пресчастливо. Полет вышел чудесным, а впереди еще ожидал бал. Столько удовольствий, и, главное, ничто не мешало ими наслаждаться. Правда, в присутствии Кая мне становилось все тяжелее, я уже с большим трудом сдерживалась, а он с филигранным мастерством подтачивал мою решимость тянуть до полного выяснения обстоятельств дела.

В комнату впорхнул теплый ветерок и донес до меня легкий цветочный аромат из золотого сада. В роще я еще погулять не успела, но намеревалась обязательно туда сходить, а пока времени хватало лишь на то, чтобы подготовиться к балу.

В моем гардеробе, столь щедро пополнившемся благодаря повелению сиятельного принца, было очень много платьев, но для маскарада приглянулся только один наряд. Все же я сторонница простоты и изящества в одежде, поэтому именно белоснежное платье в пол из летящего невесомого материала — почти как паутинка — понравилось больше всего.

Я долго рассматривала его на свет, прежде чем решилась надеть. И только когда оно изумительно село по фигуре, а я покрутилась перед зеркалом и убедилась, что материал не просвечивает, решила — пойду в этом.

Интересно, если это бал-маскарад, то мне полагается маска? Однако к нарядам ни одна не прилагалась. Я сомневалась, что принц мог забыть о такой важной детали, ему вообще несвойственно упускать из виду мелочи. Значит, лицо скрывать не придется. Возможно, предвидятся какие-то превращения или еще что-то интересное.

Оставалось только соорудить себе прическу, но парикмахерского дара у меня отродясь не водилось, пришлось хлопнуть в ладоши.

Унылый дух явился.

— Чем помочь?

И почему главным по дворцу сделали вот это существо, а не того

педантичного сумрака из птичьей башни?

— Мне нужна красивая прическа на бал.

— Поворачивайтесь, — состроил гримасу дух.

Я встала к нему спиной, а в зеркало наблюдала, как сумеречное существо принялось колдовать над моей головой. Пряди волос жутковато зашевелились и стали подниматься сами по себе, точно я была мифической девой со змеиными волосами. Там что-то заплеталось, завивалось и, несмотря на магию, болезненно натягивалось.

— Ай!

— Терпите.

— Ой!

— Красота требует жертв.

— Ух! Вы же дух!

— Терпенье и труд создают красивую укладку.

— А долго еще?

— Готово.

— Наконец-то!

— А спасибо?

— Большое спасибо! А волосы еще остались?

— Пф-ф! — ответил дух и испарился.

Я посмотрела в зеркало и заметила, что волосы и правда на месте. Однако прическа оказалась необычной. Я видела похожие на старых гравюрах с изображением дам в пышных платьях и с париками типа «дом» на голове. По счастью, длина моей шевелюры сократила высоту прически раза в два, а потому смотрелось все довольно живенько. Я вытянула из высокого пучка пару завитых прядок, отпустила их на волю, а они в благодарность красиво закрутились на висках. Получилось еще живее. Порой удачный штрих может изменить картину к лучшему. В целом, если не придираяться, прическа мне даже шла.

— К платью больше подходит, чем распущенные волосы, — постановила я, снова покрутившись перед зеркалом.

За окном уже царствовал светлый ирийский вечер. Теплый и мягкий полумрак, россыпь сверкающих капель на синем небе и приглушенный свет золотистых облаков.

Я подумала, что нужно снова хлопнуть в ладоши и перенестись к бальному залу, но, когда глубоко вдохнула и морально приготовилась позвать сумеречную кислятинку, комната озарилась ярким светом. Там, за окном, меня ждала сияющая карета.

— С ума сойти!

Я шагнула на низкий подоконник и посмотрела на хрустальный круглый экипаж, в который были впряжены...

— Да быть не может!

Единороги! Волшебные лошадки со сверкающими рогами зависли в воздухе, нисколько не смущаясь отсутствия крыльев.

— Прошу прощения, — обратилась к единорогам (больше рядом никого не было), — вы не только невинных дев возите? Ничего, если я вот сюда сяду?

В ответ раздалось тихое фырканье, словно мой вопрос позабавил лошадок.

Ну раз смеются, значит, не возражают.

Я ухватилась за витую ручку, шагнула на подножку, нырнула в недра роскошного экипажа и с комфортом устроилась на широком сиденье. Как только разместилась и захлопнула дверцу, мы тронулись в путь.

Кажется, за время знакомства с артефактом я успела полетать абсолютно на всем. Но следить сквозь полупрозрачные стены за плавным полетом единорогов и парить в вышине над стелившимся внизу Ирием, чьи дома сверкали разноцветными огнями, показалось волшебным.

— Сказка! — в который раз повторила, а потом ощутила, что полет замедлился, и мы стали плавно снижаться к парящей в воздухе площадке. Когда колеса коснулись ровной поверхности, лошадки затормозили, и дверца кареты открылась.

Мне подал руку мужчина в красном бархатном костюме.

— Позвольте быть вашим партнером на балу? — спросил он приятным голосом, а я пригляделась внимательней и убедилась, что его лицо мне совершенно незнакомо.

Чуть поодаль от нас возвышались сверкающие ворота, и к ним со всех сторон подлетали экипажи, но единороги были впряжены только в мой. Из карет выходили дамы, и каждую встречал высокий статный мужчина, подавал руку и помогал спуститься. Осознав, что здесь так принято, я оперлась на локоть своего спутника и последовала за ним к воротам.

Мы их миновали и оказались в удивительном месте. С одной стороны, это был золотой сад, тот самый, что рос за дворцом, а с другой — настоящий бальный зал. Я видела очертания колонн и высоких зеркал, а еще натертые до блеска плиты мозаичного пола и огромное свободное пространство для танцев. А выше деревьев, на парящем балконе, расположились музыканты, наигрывавшие тихую мелодию в ожидании, пока соберутся гости.

Я оглянулась. За нами входили пары, но что удивительно, я никого не

узнавала. Душенек ведь не спутаешь ни с кем иным, но догадаться о том, кто есть кто, можно было разве что по манере поведения, но никак не по внешности. Облик каждого человека казался удивительным, потому что совершенно не запоминался.

Маски никто не носил, и мужчины, и женщины все выглядели особенно красивыми, оживленно переговаривались друг с другом и получали огромное удовольствие от общения в неузнаваемом облике.

— Я принесу угощение, — поклонился мой вежливый сопровождающий и на несколько минут меня покинул. Воспользовавшись этим, я приблизилась к ближайшему зеркалу и увидела в нем девушку в длинном белом платье, с высоко забранными волосами и незнакомым лицом. Сказка!

Обернувшись, снова посмотрела на гостей и загорелась настоящим исследовательским интересом. Мне нужно было понять, кто есть кто. Первым узнала принца Небо, его движения всегда отличала особенная плавность. Тактичность, свойственная его высочеству, проявлялась даже в жестах. Он не бывал резок или чересчур порывист в отличие от среднего брата.

Найти Воздуха оказалось сложнее, поскольку гости все прибывали. Ведь в королевстве проживало немало представителей сильного пола, гораздо больше, чем я думала, исходя из предпочтений душенек. Пока искала второго принца, узрела возле зеркал Вету. Подвижная девушка-дух даже в новом облике сохраняла свою неугомонность. Вот кто отлично подошел бы Лучу, если исходить из логики. Однако эта мысль мне не понравилась, и, найдя среди незнакомых лиц второго принца, я с особым вниманием принялась выискивать солнечное чудо. От этого интересного занятия отвлек вернувшийся сопровождающий.

Кажется, духам удивительно было ощущать себя обычными людьми без магии. Они с таким энтузиазмом устремились к танцевальной площадке, когда прозвучали первые громкие аккорды, будто пришли на первый бал. Меня тоже увлекли в центр. Мужчина, встретивший у кареты, пригласил первым, и мы закружились среди деревьев. Да, в лесу танцевать еще не приходилось.

Хотя к танцам я имела примерно такой же природный талант, как и к пению, в объятиях неузнанного кавалера двигалась очень легко. Опасения отдавить ногу, налететь на золотой куст или сбить по дороге другую танцующую пару оказались совершенно беспочвенными. Здесь точно не обошлось без волшебства, поскольку, когда на следующий танец меня позвал другой партнер, я продемонстрировала столь же поразительное

мастерство.

Музыка звучала, лица менялись, и я поняла, что долг каждого мужчины в зале пригласить каждую присутствующую даму хотя бы раз. И подходили они не просто так, а либо со сладким угощением, либо с миниатюрным подарком в красивой коробочке. Настоящий бал, такой, о котором втайне мечтает каждая женщина, где ее окружают вниманием и восхищением.

Осознав, что можно даже шаги не считать, поскольку все равно буду танцевать убийственно хорошо, я расслабилась уже во время третьего танца и, сгрузив очередной дар в изящную сумочку, поднесенную моим встречающим, принялась болтать о том о сем, с большим удовольствием вытягивая информацию о волшебном королевстве, об обычаях и привычках, о том, что еще не успела узнать и разведать.

Танцевать с разными красивыми мужчинами было, безусловно, приятно. Особенно когда они наперебой отпускали милые комплименты (я закрыла глаза на то, что партнеры не видели мою настоящую внешность), но мне начинало не хватать одной едкой занозы с бесконечными шутками и весельем.

Сама подумала и сама испугалась. Так я скоро совсем разучусь общаться с нормальными людьми!

— Как обычно, до двенадцати, — вмешался в ход моих мыслей не помню какой по счету партнер.

— А в двенадцать всем вернут прежний облик?

— Да. В это время зал исчезнет и спадут маски.

— А куда исчезнем мы?

— Мы останемся там, где находимся сейчас, во дворце. Во время балов внутренний зал всегда расширяют, чтобы захватывал и часть сада, а вход открывают со стороны рощи. До двенадцати нужно выбрать того, с кем больше всего понравилось танцевать, и остаться с ним до боя часов.

— Как интересно. А что потом?

— Можно отправиться в полет в карете, встретить вместе рассвет или остаться во дворце и танцевать до утра.

Ага, поняла. Интересных занятий для двоих очень много. Вот почему мужчины меняются — чтобы можно было найти самого привлекательного. Но у меня пока все партнеры вызывали довольно ровные ощущения.

— До двенадцати нельзя снимать маски?

— Можно представиться даме, если она этого желает.

Так просто? Даже угадывать не нужно? Это правило явно придумано для душенек.

— А кто вы? — тут же спросила молодого человека, поскольку мужчин во дворце я успела увидеть совсем немного.

— Лорд Сновидений.

— Вы навеиваете сны?

— Я их творец.

Постойте, постойте, что-то мне эти навеянные сновидения напомнили.

— Прошу прощения, а вы хорошо знакомы с младшим принцем?

— С Солом? Мы с детства лучшие друзья!

Та-а-ак, а кто-то не поторопился познакомить меня с лучшим другом. Понимаю, событий в два дня вместились немало, однако найти минутку для знакомства несложно, если захотеть, конечно.

— Вы на любого человека можете навести сон?

— Абсолютно.

— А насколько честно помогать другу избавиться от заслуженного проклятия?

В первый раз за все танцы мой партнер сбился с шага.

— Извините?

— Артефакт не имел права жульничать, но о помощи друга речи не шло, ведь так? Это вы придумали дурацкие сновидения, чтобы сбить меня со следа, и это он навел вас на удачную мысль!

— Я никогда не создавал дурацких сновидений, — обиделся собеседник, совершенно упустив из виду моральный аспект обвинения. Вот что значит настоящий друг Кая. Два сапога пара! — Участники снов абсолютно настоящие, все черты характера и манера поведения сохраняются неизменными, такими, какие свойственны реальному человеку.

— А вас не смущает тот факт, что это нечестно?

— Сон всего лишь сон, выдуманная история, что в ней может быть нечестного?

И почему я не могу наступить ему на ногу? Какое неправильное танцевальное волшебство!

— Вас обидели мои сновидения?

— Какие обиды, что вы! Все было прелестно! А котик выше всяких похвал.

— Я просто создал основу, дальше сны развивались сами по себе, по желанию спящего и согласно его представлениям, — смутился и заметно повеселел мой партнер и опять пропустил сарказм мимо ушей. Настоящий друг, верный и невозмутимый. Из него даже король Солнце не смог бы вытрясти правду о наглой афере одного сиятельного типа.

— Я его найду, пусть не прячется.

— Что, простите?

— Не находите, что бал чудесный?

— Хорош, безусловно. Немного непривычно принимать участие в маскараде в таком облике и танцевать, как обычный человек, но это интересно. А еще я безумно рад встретиться с девушкой, о которой Кай так много рассказывал.

Славный комплимент, вот прямо сейчас начну плавиться от удовольствия и обо всем позабуду. Ну нет, сначала мне нужно поймать солнечного для приватной беседы.

Глава 21

НИЧЕГО ЛИЧНОГО

Бал-маскарад, да, Кай? Чудная идея! Но твоих братьев я уже отыскала, тебя тоже поймаю, не впервой.

— Простите, — врезалась в процессе поисков в высокого брюнета, слишком сосредоточившись на разглядывании танцующих пар.

— Вы меня простите, — поклонился мужчина, — я удачно встал.

Я уже сделала шаг дальше, когда услышала последнюю фразу. Вновь обернулась, склонила голову набок, пристально изучая внешность импозантного мужчины. Вроде обычная любезная улыбка, но губы так знакомо изогнулись и чуть насмешливо приподнялись в уголках.

— Даже убежать не будем на этот раз? И прыгать со скалы меня не заставим?

— Аленушка, я не заставлял, — ответил Кай, а знакомая смешинка мелькнула и исчезла, вновь уступив место безукоризненно вежливому выражению лица.

— Да, действительно. А твой друг ничего плохого в снах не видит!

— Что плохого в сновидениях? — совершенно искренне удивился принц, потом, предугадав мой маневр с гордым разворотом и уходом, поймал за талию и повел в танце.

— Аферист! — Я рванулась, но безрезультатно.

— Сердце мое, разве я настаивал на поисках? Я все делал, чтобы эта мысль поскорее улетучилась из твоей прелестной головки.

— Да ты что? А у меня выбор был? Или король не намекал на казнь за невыполнение задания?

— А ты бы отказалась? Не дошла до конца расследования и бросила его на полпути, даже если бы поняла, что казни не будет?

— Вот сейчас пойду и пожалуюсь папе Солнцу, пусть поставит тебя в угол, а потом совсем обратит в человека.

— Я — человек.

— С надеждой на дообращение!

— Мне будет доступна слабая магия.

— Да-да, такая, чтобы не разрушить человеческие королевства до основания.

— Разве это имеет значение, если ты дообращать не хочешь?

— У тебя душеньки есть!

— А мне, кроме тебя, никто не нужен.

— Сейчас расплачусь.

— Я не лгу.

— Ты никогда не лжешь, ты недоговариваешь. Жулик! Разговаривать с тобой не хочу.

— Тогда у меня нет шанса что-то договорить.

И он правда замолчал, а вот я сохраняла обет полной тишины ровно до той минуты, когда заметила, что людей вокруг нет. Деревья росли по-прежнему, а вот колонн, зеркал, танцующих пар и след простыл.

— Утащил меня в глубину рощи! Наглец! Как тебе удастся рассеивать мое внимание?

— Оно само рассеивается.

— Да ты главная причина! Главная нахальная причина! Веди меня обратно.

— Не могу. Зала нет.

Я возмущенно вырвалась из рук принца и собралась сама искать дорогу, когда услышала его тихую фразу: «Уже двенадцать».

Мелодичный звон пролетел над верхушками трепещущих на ветру деревьев, ему вторил далекий птичий крик. Среди тонких стволов мелькнул и пропал сияющий силуэт, а потом вдруг раздался раскат, очень похожий на звук грома. На мою руку упала первая теплая капля, затем еще одна, а за ней следующая.

Я поспешила укрыться от ливня под развесистой кроной, но замерла на полпути, осознав — дождь был золотым!

Он намочил волосы, и из распавшейся прически они упали на плечи потяжелевшей блестящей массой, платье промокло, атласные туфельки тоже, а я, как замороженная, следила за золотыми рисунками на коже, которые создавали падающие с неба капли.

— Вот что значит купаться в золоте, — выдохнула восторженно и подняла вверх ладони.

Последние дождевики упали на руки, и ливень резко прекратился, будто его и не было.

Повернув голову, столкнулась взглядом с Каем. Он больше не выглядел брюнетом, светлые пряди теперь казались еще более золотыми, а колечки на концах потяжелели, превратились в пружинки и касались плеч. Белая рубашка вымокла и облепила мощный торс, причудливо сверкая золотистыми узорами дождя.

— Алена, — заговорил принц, пока я молча им любовалась, — это

даже для меня слишком.

И он указал на намокшее позолотившееся платье, которое теперь стало почти прозрачным.

— Там, во дворце... — хотела перевести тему на всех, желающих дообратить его высочество, но не успела.

— Я предупреждал, что сорвусь, — перебил предсказатель и шагнул вперед.

Широкие ладони провели по рукам до самых плеч, крепко сжались и резко развернули меня лицом к принцу. Пальцы зарылись в мои волосы на затылке и потянули вверх, заставив подняться на цыпочки. Кай склонился ко мне и поцеловал.

«Ух!» — издало сердце, рухнув из груди куда-то вниз. Я потеряла его из виду уже в районе живота, полностью сосредоточившись на неземных ощущениях от поцелуев воплощенного духа.

Как же невероятно он все-таки целуется! Точно пробуешь на вкус даже не лучший деликатес в мире, а такой... такой изумительный, что его и в мире не существует, а насытиться им невозможно.

Но что я о поцелуях, когда мужские руки так нежно обводят бедра, а потом крепко прижимают к себе. Какое тело! Крепкое, мускулистое, напряженное, и я чувствую каждую подрагивающую мышцу.

Ох, снова руки. Ласковые, умелые и так, до мурашек, гладят по спине, поднимаются к плечам, стягивают платье... В этот момент что-то нужно сделать, но я не помню что. Мои руки тоже заняты на редкость упрямыми пуговицами его рубашки. Мне жизненно необходимо прямо сейчас ощутить под ладонями совершенные скульптурные мускулы, иначе есть шанс умереть от разрыва улетевшего куда-то сердца. Я связана важной миссией — пересчитать кубики на идеальном прессе и убедиться, что их там нужное количество.

— Боже мой, — простонала, очутившись на золотой траве под опустившим меня на нее мужчиной.

Я постоянно забывала, что следовало делать, исходя из здравого смысла. Обо всем забывала. Рядом с Каем важным становилось другое. Логика блуждала где-то в тумане, скептицизм и твердые намерения отступили под напором божественных губ. Мое собственное совершенно изголодавшееся тело расслабилось от медленных умелых ласк и ни в какую не желало сопротивляться.

Прежде романтическая натура раз за разом проигрывала перед необходимостью все измерять и разбирать на детали, логика побеждала, а я анализировала любую ситуацию. И только с солнечным чудом истинно

женская сущность постоянно брала верх.

Где были те детали сейчас? Да и можно ли разбирать на части совершенство, если оно складывается из особых составляющих, без которых перестает существовать. Все должно сочетаться просто изумительно, как сочетаются сверкающие завитки и обнаженная кожа, на которой мои пальцы чертят причудливые полосы.

— Да! — сдалась окончательно, когда, увлекаемая сногшибательной страстью под названием «мой дар», прогнулась в поясице, подчинилась крепко сжавшим талию ладоням и изо всех сил вцепилась в шею принца.

«Это все равно что отпустить соломинку и хвататься за бурное море», — мелькнула мысль.

— Не могу больше, — умоляла я ненасытного духа чуть позже, а сама пыталась поймать его губы, чтобы закрыть их поцелуем и прервать чувственное исследование моего тела. — Воздуха не хватает! — Эта мольба оказалась столь же тщетной, как и предыдущая. — А еще? — снова упрашивала немного погодя, только смысл просьбы, кажется, изменился, и ее немедленно удовлетворили. — Ну как можно быть совершенным во всем?

Это уже не стон и не вопрос, а полная капитуляция и сдача на милость победителя. Хотя ради такого сумасшедшего восторга можно проигрывать постоянно.

— Жизнь моя, ты в порядке? — Ласковые поцелуи в висок медленно возвращали в реальность и приводили в чувство. Однако на то, чтобы сфокусировать взгляд, я затратила вдвое больше усилий, чем обычно.

— Теперь у тебя есть магия? — Первый вопрос, который я озвучила, заглянув в янтарные искрящиеся глаза его высочества.

Опять прокололась! Вместо охов-ахов и искреннего восхищения Каем (которое, кстати, испытывала) я перешла к вопросам. Ну прямо как в нашу первую встречу.

Попала! Сейчас придет расплата.

Лицо солнечного принца тут же озарилось неподдельной тревогой. Он испуганно ощупал себя рукой и с ужасом выдал:

— Я ничего не чувствую, Алена! Ничего! Ты халтурила.

— Я? Да я всегда отдаюсь делу полностью и никогда не...

— А кроме тебя здесь никого нет. — И на меня накинудись с еще большей степенью озверелости.

— Ты меня залюбил, — только и смогла простонать через непонятно какое время, — до смерти залюбил. Я уже умираю.

Бездушный принц захватил меня в кольцо своих рук и легонько подул, убирая с виска прилипшую прядку. Волосы уже давно высохли, но на них осталась золотая пыльца.

— Уже рассвет? — не поверила своим глазам, увидев кусочек неба между ветвями деревьев.

— Да. Но еще успеем потанцевать на балу.

— Каком балу?

— Маскараде. В твою честь. После полуночи его переносят во дворец, поскольку количество пар сокращается вдвое.

— О-о-о!

— Что такое, сердце мое?

— Я не смогу танцевать.

— Нет?

— Нет.

— Тогда на бал не пойдем.

— Эй, я не то имела...

И снова спросила через неопределенное время, когда солнце поднялось из-за горизонта.

— Ну теперь ты воплотился?

— Надо подумать.

— О чем думать? У тебя волосы светятся, бессовестный.

И я попыталась дернуть артефакт за блестящую прядь, но рука не поднялась. И даже не по причине каелюбия, а чисто по физиологической причине.

— Хорошо. Воплотился.

— Хорошо воплотился? Слава божественному провидению!

— Это тебе спасибо, радость. А не хочешь в кроватку?

— Еще как хочу! Где мои единороги?

— Я их отпустил.

— А на кого ты их приманивал?

— На себя, лапонька.

Я так поразилась, что даже смогла поднять голову и очень выразительно посмотреть на Кая, заметив при этом:

— Ты — не дева, я проверила.

— Невинность в наше время столь редкая вещь, волшебница, что единороги больше не привередничают. Они просто выходят посмотреть, из

чистого интереса.

Я бы зашлась от смеха, будь у меня на это силы.

— Больше не приманят, — очень грустно вздохнул артефакт, — поэтому я тебя понесу.

И он взял меня на руки и легко поднялся сам. Каким бы слабым ни был вернувшийся дар, а сил он Каю точно прибавил. Обычный мужчина такого осилить не смог бы.

Я уткнулась в широкое плечо и пробормотала:

— Голодные артефакты хуже, намного хуже отощавших драконов. Вы дадите фору любой оголодавшей сыщице. Тебя хватило бы на целый коридор душенек. Эй! А ну не смейся! Я серьезно!

И потянуться оказалось сложно, и повернуться тяжело, но, судя по яркому солнышку, полдень был в самом разгаре, а организм требовал еды.

Я раскрыла глаза и оглядела комнату младшего принца — красивую, просторную и очень светлую, словно в ней собрались все солнечные лучики Ирия. Они прыгали по кровати, щекотали плечи и шею, зарывались в спутанные волосы и сверкали на золотой пыльце. Я привстала на подушках, чтобы рассмотреть это чудо на своей коже, и покраснела, заметив невероятные рисунки по всему телу, нарисованные губами и руками Кая.

Еще не открыв глаза, ощутила, что младшего высочества рядом нет. Помнится, сквозь утреннюю полудрему пробилось странное ощущение пустоты, сменившееся тоской по исчезнувшим сильным рукам и теплой груди. Однако сон быстро унес в свои дали, не дав в полной мере прочувствовать уход принца. Все же проснуться в объятиях намного приятнее, чем открыть глаза одной, хотя золотой цветок на соседней подушке мог скрасить любое пробуждение и вызвать улыбку на губах.

Я сжала тонкий стебелек, вдохнула дивный аромат, в который раз поразившись, что золотые растения и плоды из королевского сада ничем, кроме цвета, не отличались от настоящих. Даже фрукты, растущие на любимых яблонях жар-птиц, по вкусу напоминали обычные яблоки. Я их успела распробовать во время бала.

Выбравшись из кровати, стала бродить по комнате в поисках платья и в алькове с окном, скрывавшемся за высокой колонной, заметила накрытый стол с завтраком, а когда заглянула в ванную, обнаружила мраморный бассейн с теплой водой. В подобные моменты мне больше всего нравилось в Кае его умение все продумать. Даже новое платье нашлось на спинке стула.

Приведя себя в порядок без помощи разных духов и позавтракав, я задумалась, что больше всего желала бы сейчас сделать. Если признаться откровенно, в первую очередь хотелось принца, а потом всего остального. И в этом случае без духа я обойтись не могла.

— Доброе утро.

— День на дворе.

Намек я проигнорировала.

— Где его высочество Солнечный Луч?

— На совещании.

— Где?

— Младшее высочество совещается со старшим и средним высочеством, с их отцом королем Солнцем и еще пятью приближенными советниками, среди которых...

— Достаточно. Этой информации хватит, — прервала неспособного удержаться от очередной шпильки сумрака. — Давно они совещаются?

— С самого утра, совещание началось приблизительно через три часа и двадцать семь минут после...

— Спасибо, можно без подробностей.

Уточнять у зловредного духа, насколько серьезный вопрос обсуждают, я не стала, в этом не было необходимости. Если почти сразу после бала все сиятельные особы дворца собрались вместе, значит, связано это с развеиванием наследника темной династии.

— Перенесите меня к тронному залу, пожалуйста.

Не дождавшийся новых вопросов, дух недовольно фыркнул над упущенной возможностью поизводить меня и благополучно перенес к указанному месту. Испарился он еще быстрее, удрал до того, как я успела сообразить, что направление задано неверно. Привыкла считать тронный зал местом выяснения важных вопросов, а потому не уточнила, где именно проходит совещание. Вызывать духа вновь не хотелось, и я отправилась на поиски королевских особ.

Последняя экскурсия по дворцу была связана с различными погодными злоключениями, и в тот раз на пути никто не попался, если не считать очевидцев моего побега от тучки. Сегодняшняя прогулка была богаче на встречи с местными обитателями. Первой мне встретилась одна из душенек.

— О, — радостно воскликнула рыжеволосая кудрявая дева, такая яркая и жгучая, что при взгляде на нее возникал страх — как бы не обжечься, — доброго дня! — Она подбежала ко мне, стремительно поцеловала в обе щеки и крепко обняла. — Спасибо! Мы все вам очень

благодарны! Как же приятно вновь ощущать себя в привычном теле, как замечательно вернуть себе магию! Теперь ведь нам достанется немного внимания его высочества? С дообращением он обо всех позабыл.

Такой резкий переход от благодарности к притязаниям на младшего принца мог ввести в ступор кого угодно, но я была уже в курсе местных порядков.

— Не думаю. Раз воплощение солнечного высочества зависело не только от меня, значит, он уже сделал свой выбор.

— Но... Неужели вы одна хотите забрать всего принца? Так нечестно! А мы?

— У вас целый Ирий других мужчин, я видела их вчера на балу. Забирайте всех до единого и передайте остальным, чтобы очередь не занимали. До свидания.

И я пошла дальше, старательно игнорируя тот факт, что по всему коридору разом запылали настенные светильники. Фитильки в них яростно затрещали, и огонь взметнулся вверх.

Ух, ведь не ошибусь, если назову эту душеньку леди Пламя. А мне повезло, что в прошлый раз она не заполучила свои пятнадцать минут, страшно даже подумать об огненном методе убеждения!

Вот спроси меня леди о принце чуточку позже, и был бы шанс выяснить, где проходит совет сиятельных особ. Ничего, встретим кого-нибудь другого.

Другого я увидела очень быстро, и им оказался мужчина-дух, летящий по направлению к боковой лестнице.

— Простите, — окликнула светлое существо.

— Чем могу помочь? — замер на месте дух.

— Где обычно проводит советы король Солнце?

— Вам нужно спуститься по этой лестнице, дойти до перехода между башнями, миновать его, затем повернуть налево, пройти через открытую галерею до северо-западного крыла, после чего...

— А у вас нет карты?

Дух развел руками.

— Большое спасибо.

Я хлопнула в ладоши. Кажется, до комнаты советов проще долететь на жар-птице, чем дойти пешком. Придется обращаться к темному духу.

— Слушаю, — в обычной «милрой» манере спросило сумрачное создание.

— Мне в комнату советов, где сейчас король и принцы.

— Женщин на совет не приглашали.

— Я у вас об этом не спрашивала. Переносить будем?

— Пф-ф, — ответил дух и перенес.

Ничего, скоро привыкнет и пфыкать станет сразу, чтобы не терять время на пустые разговоры.

Хотя без вредности все же не обошлось. Дух отнес меня в нужную башню, но только не к дверям желанного зала — оставил на верху такой лесенки, по которой только духам и спускаться.

— Там совещаются, — махнул рукой вниз и испарился.

— Вот же библиотекарша академская! — наградила я духа ласковым прозвищем, а сама замерла на обдуваемой всеми ветрами площадке, оглядываясь.

— Как я сойду вниз, пакость ты темная?

— Ножками, — ответила пустота и нагло хохотнула.

— Здесь шею свернуть легко. Другого места не мог придумать?

— Никто еще не свернул, — злорадненько прошелестел ветерок, — всех сюда переносим.

— Вы духи, потому и сохранились в целости и сохранности. Зачем вам дома, если можно ходить сквозь стены?

— В облике людей жить интереснее, — удостоило ответом пространство.

— Ах, вот почему ты такой вредный, — догадалась о причине «кислотности сумрака» и попутно начала крутой спуск по лестнице. — Все кругом могут менять облик и испытывать настоящее человеческое удовольствие, а тебе не дано.

— Король обратит, когда докажем свою преданность, — заявило возникшее по правую руку лицо и медленно испарилось, насладившись моими расширившимися от потрясения глазами.

Это хорошо, что медленно шла и держалась за стену. Решив не продолжать столь впечатляющей беседы, принялась про себя считать ступеньки.

С одной стороны, местоположение важного совещательного пункта было понятно. Отдельно стоящая высоченная башня, и перенос возможен либо к ее подножию, либо на вершину. Подслушать или свалиться, точно снег на голову, в таких условиях нереально. С другой стороны, мне бы сейчас пригодилась страховка, и желательно — стальные тросы.

Казалось, я шагала вечность. Наверное, по этой причине, когда достигла единственной ровной площадки у подножия, двери башни оказались широко распахнуты. Я подроспела к самому концу совещания.

Вот не верю, что дух не мог перенести меня к основанию башни, а не

на ее вершину. Теперь нужно было разыскать участников совещания. Я привстала на цыпочки, выглянула в узкое окошко, пытаюсь рассмотреть, что происходит внизу, и заметила Кая. Он о чем-то серьезно беседовал со средним братом. Таким сосредоточенным я видела младшего принца впервые.

— Еще послание, — донесся до меня голос Неба.

Старший сын короля выскочил из раскрытых дверей зала и помчался вниз по ступенькам, я даже окликнуть его не успела. Принц быстро вспомнил о возвращении магии, обернулся духом и пролетел сквозь стену башни.

— Думаете, его высочество справится? Сможет разгадать истинные намерения темных? — долетел до меня чужой голос.

— Ему нужно хорошо сконцентрироваться, Гил, — послышался ответ короля Солнца, — но я уверен, у мальчика получится. Его способности проявляются все сильнее.

— Есть шанс проникнуть сквозь защиту?

— Есть.

— Я всегда считал, что Сол еще проявит себя. Ему всего лишь нужно было стать серьезнее. Ваша наука пошла впрок.

— Он влюбился, Гил, вот и вся наука, — рассмеялся король Солнце. — Когда дар вернется в полной мере, сын раскроет суть великой силы, которой наделен.

Король и его помощник показались в дверях зала, а у меня вдруг голова закружилась, да так резко, что крепко цеплявшиеся за камень пальцы сами разжались, я шагнула мимо последних ступеней и растянулась на полу.

— Алена, — очнулась через секунду на руках у короля Солнца. Его ладонь бережно поддерживала мою спину, а рядом маячил взволнованный советник. Его величество по-отечески положил руку мне на лоб, а убедившись, что все в порядке, махнул своему собеседнику, — не держу тебя больше, Гил.

Советник улетел, а мы с монархом остались.

— Что случилось?

— Голова закружилась.

— Я могу помочь? Отчего вы здесь, в башне?

— Полагала, что моя помощь пригодится для разгадывания намерений темных.

— Спасибо, — искренне улыбнулся его величество, — поддержка лучшего следопыта никогда не повредит. Но нужно отдохнуть, подождем

немного, что скажет Сол.

— Я услышала разговор о способностях Кая, — сказала, а сама высвободилась из рук короля и вновь встала у окошка, наблюдая, как к принцам спускаются с неба три жар-птицы. — Ваши слова означали, что он может увидеть будущее и даже пробиться сквозь защиту, если достаточно сосредоточится на одной задаче, верно?

— Верно.

— Что ему нужно для этого?

— Очутиться ближе к источнику. Сейчас они с братьями полетят к границе Ирии.

К границе с темным королевством? Это хорошо. Кай полностью сосредоточен на другом и занят важным предсказанием, значит, не успеет подумать обо мне и увидеть мое будущее.

— Я хотела задать еще один важный вопрос, можно?

— Конечно, Алена, я уже говорил, можно спрашивать обо всем.

— Как в Ирии наследуется престол, он переходит к старшему сыну?

— Его получает самый достойный.

Жар-птицы расправили крылья и взлетели, когда седоки прочно устроились в своих креслах. Я провожала взглядом наездника с золотистыми волосами, пока его фигура не уменьшилась до размеров крохотной точки.

— Вы обещали вернуть меня домой, когда попрошу, — обернулась к королю.

От этих слов вокруг разом сделалось сумрачно, как если бы ясное солнышко скрылось за хмурой тучей.

— Алена, вы хотите уйти?

Я могла заявить, что раскрыла последнюю загадку и больше нет смысла задерживаться, или рассказать, отчего не желаю оставаться дольше и в подробностях описать причину, но ответила иначе:

— Ирий для свободных духов, а людям непросто жить в вашем королевстве. И хоть здесь сказочно и чудесно, но я соскучилась по дому. При реальной угрозе со стороны темных присутствие человека во дворце нежелательно. Сейчас самый подходящий момент, чтобы вернуться.

Лицо правителя осунулось, а взгляд помрачнел, но король ни словом не прервал моего монолога, просто внимательно слушал. Потом обнял за плечи, заглянул в глаза и, помолчав секунду, ответил:

— Если таково ваше желание, я его исполню. Вы не измените решения?

— Нет. Я очень хочу обратно. Хочу к родителям. Прямо сейчас.

— Хорошо. — И король хлопнул в ладоши.

Дом там, где родные, я всегда это знала. Домашним уютом будет манить даже маленькая хижина, спрятавшаяся в укромном уголке леса у небольшого озера. А еще дома в любое время найдется свободная уютная комнатка для любимой дочери.

Я сидела за столом в кухне, держала в руках кружку с теплым чаем и следила за причудливыми колечками дыма, которые пускал к потолку отец. В детстве он частенько так меня развлекал. Деревянная потершаяся от времени трубка стала неизменной частью его облика, как и бесконечное самообладание и спокойная рассудительная манера его речи.

— Еще чаю хочешь? — склонилась ко мне мама, бережно погладив по волосам и поправив широкий шерстяной платок на моих плечах. Поздняя осень принесла с собой холод, но в домике с уютно потрескивающей печью было тепло. Однако это не остановило маму от дополнительного укутывания дочери сначала в вязаную кофту, шарф, а теперь еще и в платок.

— Спасибо, мамуль, в меня пять кружек поместилось, больше места нет. От этих чаев я сплю большую часть дня.

— У тебя вредная работа, успокоительное не повредит.

— Поэтому ты его вливаешь литрами, пока я на отдыхе?

— Переживай меньше, и количество кружек сократится вдвое, — дал ценный совет отец и выдохнул еще порцию ароматного дыма с запахом вишни. Колечки нанизались друг на друга, стали похожими на веселую пружинку, и я отвела взгляд.

— Я спокойна как удав, — выдала заведомую ложь, которая никого не убедила.

— Гостя жди, — ответил на это отец, посмотрев в окно.

В первый миг сердце встрепенулось, заволновалось, но я сдержала желание выскочить из-за стола и немедленно броситься к двери.

— Ты письмо получил?

— Нет. — Короткий ответ мгновенно успокоил разошедшееся сердце, и оно снова забилось ровно и спокойно, а мама тут же налила мне шестую кружку чая. — Птица кружит вокруг гнезда, тревожится, а зверье близко не подходит.

Не совсем адекватная птичка, поселившаяся на дереве возле нашего дома, умудрилась вывести птенцов осенью, а заказанные в Волшебнии отпугиватели разгоняли хищников на несколько метров кругом, так что отец все приметил верно. Впрочем, наблюдательностью я пошла именно в

него, в сыщика, чье имя приводило в трепет каждого преступника не только в нашем королевстве, но и в соседних. Это потом он подал в отставку, решив пожить спокойно на склоне лет, пока пошедшая по его стопам дочь будет в поте лица зарабатывать собственную репутацию. Но одного преимущества, помимо опыта, у папы было не отнять — он родился мужчиной. Его не отвлекали от расследования и не сбивали с правильного пути никому не нужные чувства и глупые эмоции, и за всю жизнь он не проиграл ни одного дела.

— И кто это? — решила обойтись без околичностей.

— Фомантий.

— Фомка? Ты ему написал? Папа, какой ты молодец!

Я рванула к двери, растеряв по дороге все дополнительные платки и шарфы, и выскочила на крыльцо. Когда на лесной тропинке показалась внушительная фигура самого замечательного напарника в мире, я уже мчалась к нему, чтобы повиснуть на могучей шее.

— Тоже рад тебя видеть, Аленка. — Меня сжали в медвежьих объятиях.

— Как же я соскучилась! А как Савсен Савсенович? Что у вас там происходит?

— Новостей много. В дом хоть пригласи сперва.

— Вот так просто взял и разрешил тебе жениться на Мириам?

Мы с Фомкой устроились за круглым столиком на деревянной веранде с другой стороны дома, куда мама принесла бутылку лучшей папиной наливки и графин чая. А поскольку моего напарника было много, то закуски на столе нарисовалось еще больше. Вокруг тихо шелестел листочками лес, пели птички, а я, вновь укутанная до самого подбородка, слушала романтическую историю о сыщике и принцессе.

— Король за эти годы так привык к предсказаниям артефакта, что и не знал, как быть. Сразу соглашаться не хотел, письмо с пророчеством до дыр зачитал, но в итоге смирился. У меня немедленно дальние родственники королевской крови нарисовались, замок фамильный, правда, в плачевном состоянии. Ветвь каких-то там графьев, у которых наследников и в помине нет, но это по факту, а так я прямой наследник.

— Граф Фомантий? Сейчас у меня случится обморок. А реверанс при встрече с тобой делать нужно или подождать, пока королем станешь?

— Какой я тебе король, Аленка? Сменим систему управления. Республику возьмем за образец, очень хороший пример.

— Ничего себе! Уже о государственном устройстве думаешь.

— Что еще в отпуске делать? Работы-то нет.

— Почему нет? Когда в нашем агентстве не было работы? Или тебе как будущему зятю запретили заниматься сыскной деятельностью?

— Кто мне запретит? Просто все дела на три месяца вперед раскрыты.

— Что-о-о?! Да как он мог, зараза солнечная?

— Савсенович доволен, говорит, сто лет в отпуске не был. И мне сейчас свободное время в самый раз. За невестой ухаживаю.

Я промолчала по поводу того, что без работы и возможности загрузить себя мне только на стену лезть останется, и перевела разговор на принцессу.

— Значит, у вас все замечательно?

— Что плохого может быть, коли девка хороша? Мне с графским наследством теперь только семью и заводить. Дом есть, сад при доме, осталось сыновей родить и воспитать из них будущих сыщиков.

— Раз невеста тебя всем устраивает, я только рада.

— Чем принцесса может не устроить?

— Не спорю. Наша принцесса крайне мила. Я про общие темы для разговоров и все такое.

— У супругов нет времени на разговоры, им о семье печься нужно. Муж на работе с утра до ночи, жена детей растит. Идиллия. А если ты насчет интеллектуальных бесед речь ведешь, то мне умной девки и на службе хватает.

— Ты сейчас о чем?

— Горе от ума, Аленка. Ты хотела мужика подловить, ты его подловила, а теперь страдаешь.

— Я страдаю? Я счастлива, что так вовремя сбежала. Может, эту сколопендру сиятельную уже темные прибили, а могло и мне достаться.

— Ну это да, повезло. То-то, гляжу, ты от счастья сияешь. Дожал он тебя?

— Что значит «дожал»?

— Яснее ясного, Аленка, влюбилась ты в него.

— Нет.

— Да.

— Я просто его дообратила, довела свою работу до конца и вернулась домой на заслуженный отдых.

При этих словах я схватилась за бутылку наливки и, выплеснув чай в кусты, наполнила стакан до краев. Выпив залпом, закашлялась от крепости черемуховой настойки, а Фомка похлопал по спине и протянул бутербродик с колбаской.

— Ну рассказывай, что ты за выводы сделала. С самого начала давай.

— Раз так хочешь послушать, я расскажу, но только не упади в обморок от коварства одного типа.

— Я за стол подержусь.

И пока Фомка держался, я приступила к рассказу, начала с явления солнечного в моей спальне, куда он сбежал от осаждавших его собственную спальню принцесс.

— По карнизу прошел, как герой любовного романа, за ночь и пальцем не притронулся, а наутро меня похитил. За это ему высший балл по романтической шкале. Побег был красивым, что и говорить, таким... мм... сердцеразрывательным. Сплошной адреналин и конечно же снова романтика. Поэтому наградим чудовище почетным званием лучшего похитителя года. Я была впечатлена его умом, способностями, физической выносливостью, ну и чем там еще полагается впечатляться украденной деве?

— Долгими томными взорами и страстными признаниями.

— Ты читал любовные романы, Фомка?

— Только по долгу службы.

— Они ввели тебя в заблуждение. Впечатляться нужно красивыми мускулами и кубиками на прессе.

— Как приземленно!

— Романтики это не отменяет. Итак, дальше меня перенесли в сказку, где мой спутник, этот неприметный серенький артефактик, вдруг обернулся сказочным принцем.

На словах «неприметный и серенький» сыщик громко хмыкнул, но перебивать не стал.

— А что потом началось, Фом! Катание на жар-птицах, полет над волшебным королевством, роскошные наряды и туфли под цвет каждого платья, сказки на ночь, красивое соблазнение с возлежанием в ароматной пене, а еще волшебные единороги и бал в мою честь.

— Вот Тьмутьмия! — восхитился напарник.

— Тонкая работа? О да, он умеет играть на чувствах. Однако это не идет ни в какое сравнение со спасением жизни юной девы, которая могла погибнуть от руки темной сущности. Принц рискнул благополучием своего королевства и поставил под угрозу волшебный мир Ирия, дабы спасти свою избранницу.

— И тут дева сломалась?

— Она не выдержала величия подвигов во славу ее имени, тем более что счастливым фоном ее полной капитуляции оказались рыдания всех

богинь Ирия. Их отверг до безумия влюбленный принц. Ну как тебе?

— Обалденно.

— Не то слово, Фом. А как все продумано! Как идеально выверено. Изумительная игра на чувствах, слабостях и потаенных желаниях. Очень красивая работа. Впрочем, его можно понять. Цель была хороша.

— И что за цель?

— Вернуть себе облик свободного духа, обрести былую силу и избавиться от дурацкого проклятия служения людям. Что в таком случае могут значить чувства какой-то землячки, из-за которой он проиграл первое испытание? Сильнейшему предсказателю ничего не стоит за считаное время изобрести новый план, заранее обреченный на успех. Ну какая девушка устоит перед таким сказочным принцем?

— Ну а факты?

— Слова короля сложили пазл. Правитель собирался вернуть ему настоящий облик, потому что поверил, что солнечное воплощение влюбилось в человека. А у этого чудовища сердце изо льда, как у мальчика из сказки, и имя Кай подходит ему намного больше, чем Сол. Знаешь, фраза короля о том, что принц изменился, кольнула еще там, в тронном зале, но я упустила ее из виду, поскольку находилась под сильным впечатлением от собственного спасения. Кай обыграл меня в последней партии, но я виновата сама. Что же касается властителя Ирия, то ему большей демонстрации чувств со стороны сына и не нужно было. Он так его любит, Фом! Ему всего-то требовалось понять, что легкомысленный ребенок стал взрослее и изменил отношение к людям. Ну а раз мальчик подарил сердце земной девушке, то заслуживает возвращения дара, чтобы способности проявились в полную силу.

— Как бы король его обратил, раз духи не могут быть рядом с людьми?

— Для столь могучего волшебника не проблема сделать так, чтобы Кай мне не навредил. Теперь же предназначение и великая миссия солнечного принца в спасении Ирия от темных.

— Доказательства?

— Он ведь не отправился за мной следом, Фомка. Всего-то стоило хлопнуть в ладоши и попросить перенести его сюда.

— Знал, что ты не простишь?

— Я хотя бы усомнилась в верности сделанных выводов. А теперь он страдает от ухода вероломной возлюбленной, а его утешают душеньки.

— Почему ты не рассказала королю, а молча ушла?

— Потому что Кай станет лучшим из солнечных правителей.

Дальновидный, хладнокровный, способный все продумать до мелочей, он даст фору любому темному духу, а Ирий обретет самого сильного короля.

Я потянулась за настойкой, наполнила и опустошила еще один стакан. Подперла ладонью щеку и посмотрела на темнеющее небо над головой. На нем загорались сверкающие звезды. Темнота стала милее солнечного света с тех самых пор, как я получила самый ценный опыт в своей жизни. Ничего личного. Кто-то может стать отличным королем, а кто-то замечательным сыщиком.

Глава 22

ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ

Качели тихонько поскрипывали, покачиваясь на металлических цепях. Я выбралась на веранду, как только в доме все затихло. Родители уложили Фомку в своей спальне, учтя необъятные габариты моего напарника, а сами устроились в зале, по совместительству — кухне. Тихие шорохи ночного леса успокаивали. Я уже ktorую ночь засыпала именно здесь, на качелях, а каждое утро просыпалась в своей комнате, укутанная в теплое одеяло.

Негромко скрипнула дверь, и на улицу вышел отец.

— Не спишь еще?

— Нет.

— Мама переживает, что ты замерзнешь.

— Сейчас пойду в дом. Пап, вы каждую ночь не ложитесь, пока я не усну?

Отец пожал плечами:

— Ты слишком громко плачешь.

— Я совсем не плачу! — С момента возвращения из Ирия я не проронила ни слезинки.

— Плачешь, мы слышим.

Я вздохнула, но не стала спорить. Если и плачу, то беззвучно, когда грежу о волшебном королевстве и таком сказочном принце, какого и во сне не увидишь.

— А я рассказывал, как мы с мамой познакомились?

— Да.

— Сложнее всего было продумать детали встречи, чтобы не осталось несостыковок.

— Что?

— Мама очень не хотела, чтобы ты узнала.

— А поподробнее?

— Все знают, я не проиграл ни одного дела, но было задание, в котором я едва не потерпел сокрушительное поражение. Дело о краже из частной коллекции баснословных по стоимости драгоценностей. Редчайшие реликвии. Взялся за работу, поскольку предыдущий сыщик не справился с заданием. Тогда я был молод, самоуверен, напорист. Важнее всего казалось любой ценой выиграть там, где проиграл более опытный и

именитый коллега. И я вышел на след. Шел по нему долгое время, пока не достиг конечной цели. Именно там думал отыскать вора, а им оказалась воровка. Молодая, почти девчонка, которую оставалось только схватить и отправить к дознавателям.

— И ты отправил? — спросила тихо.

— Отправил бы. Важнейшим было выполнить задание. Амбиции, желание победить перекрывали все прочие чувства. Жалости я тоже не испытывал, но девчонка обвела вокруг пальца.

— Как?

— Подставила меня. Факты сложились таким образом, что она оказалась ни при чем, а я в дураках. Драгоценности не были найдены до определенной поры. Это мой первый и единственный проигрыш, из которого я вынес самый ценный опыт. Потом я все же поймал воровку.

— Попалась на другом деле?

— Нет. Я ее преследовал. Не мог простить того, что она меня обыграла.

— А дальше?

— Дальше я на ней женился.

— Э-э-э...

— Драгоценности она еще раньше вернула, и моя репутация не пострадала. Чувства нелогичны, дочь, поэтому вероятность выигрыша равна вероятности проигрыша. Только маме не говори, что я все тебе рассказал.

— А зачем ты это сделал?

— Фомантий показал письмо.

— Какое письмо?

— Оставленное ему духом-предсказателем перед вашим побегом из дворца, чтобы твой напарник не бросился в погоню.

— И что он написал?

— «Я забираю Алену и возвращать не собираюсь».

— Понятно. Зачем возвращать, если сама ушла? Он вообще любит писать письма, как я заметила.

— Когда мужчина говорит про женщину, что она его, — намерения более чем серьезные. А все потому, что отыскать свою женщину намного сложнее, чем тот же артефакт-предсказатель.

— Ты судишь по себе.

Отец ничего не добавил, поднялся с качелей, похлопал меня по плечу и велел:

— Не сиди долго.

Я уснула только под утро, провалилась в сон, чтобы почти сразу очнуться от грохота.

В окно моей спальни забросили тело.

Я схватилась за медный подсвечник и выставила перед собой, приготовившись защищаться.

На полу комнаты лежал покойник со свечкой в руках. Первая мысль была — меня подставили, сейчас ищейки ввалятся и обвинят в убийстве. Вторая мысль — как он не выпустил свечку из рук, пока падал? Третья — зачем ему свечка? Четвертая — мне знаком его портрет.

Соскочив с постели, я подошла к телу и потыкала носком тапочка в бок. В ответ раздался тихий стон. Присев на корточки, отвела в сторону потемневшие испачканные пряди, чтобы «полюбоваться» на грязное лицо солнечного принца. В этих лохмотьях, да еще в холодное время года, его сложно было узнать.

Дверь комнаты распахнулась, когда я хлопала Кая по щекам, пытаюсь привести в чувство, а замершие в проеме отец с Фомкой одновременно спросили:

— Кто там?

— Его высочество младший принц Ирия Солнечный Луч, — представила я по всей форме, — похоже, что без сознания, но он может притворяться. — И, дотянувшись до графина с холодной водой, оставленного на тумбочке, плеснула на голову предсказателя.

Кай очнулся сразу, открыл глаза и посмотрел вокруг совершенно диким взглядом, а потом увидел меня.

— Аленушка. — Улыбка, озарившая лицо воплощенного духа, могла осветить мою комнату лучше всякой свечки, но я слишком хорошо знала уровень актерского мастерства одного наглого воплощенца.

— Поднимайся, — велела ночному визитеру, а сама отошла подальше.

Отец с Фомкой попытались одновременно протиснуться в комнату, но не вместились в дверной проем и зашли по очереди. К артефакту они склонились вместе.

— Понесли его в кухню, — велел отец.

— Лады. — Вдвоем они взяли маленького мужчину и утащили прочь из моей комнаты.

Я поспешила следом и стала наблюдать картину укладывания принца на обеденный стол. Фомка начал освобождать высочество от лохмотьев, а папа попросил маму принести бинты.

Когда мой напарник стянул с мощной груди предсказателя остатки рубашки, в районе ребер обнаружилась большущая гематома.

— Сколько ребер сломано? — спросила у закончившего осмотр отца.
— Парочка, — ответил он, пока мама накладывала фиксирующую повязку.
— Когда закончите, меня позовите.

Без толку делать вид, что отдыхаешь и плевать хотела на ночного визитера. Обмануть я никого не обманула, но несколько минут на то, чтобы успокоиться и взять себя в руки, выиграла. Долго оставаться в комнате не вышло, но, когда я вновь заглянула в кухню, с лечением уже было покончено.

Перемотанный бинтами артефакт сидел за столом и пил заваренный для меня чай, а мама кипятила воду.

— Это чтобы умыться, — поясняла она с улыбкой солнечному чудовищу, он же восседал на стуле с таким видом, с каким мог устроиться на троне в ирийском замке.

— Алена! — Я удостоилась чести быть замеченной, а еще ради меня отодвинули в сторону кружку и попытались подняться.

— Сиди, сиди. — Мама тут же усадила принца обратно, а мой наметанный глаз определил высокую степень очарованности обаятельным мерзавтусом.

— Да, посиди еще немного, чай допей, а потом пойдешь, — посоветовала предсказателю.

— Куда же я пойду, Аленушка? — уточнил сиятельный наглец, явно наслаждаясь созерцанием меня неподалеку от своей особы. Его взгляд то и дело скользил по фигуре, по лицу и изучил уже все детали моей растрепанной внешности.

— Подальше от магических пугалок, поближе к зверью. А еще лучше найди себе другую хижину.

— В этом лесу больше нет хижин. Мне совершенно некуда идти.

— Верно, — подтвердил эту информацию отец, — некуда.

— Правду говорит, — поддакнул Фомка, — купленный им дом еще не готов.

— Какой дом?

— Особняк размером с королевский дворец рядом с центральной площадью. Внутренняя отделка пока не завершена.

— А ты откуда знаешь?

— Он на твоё имя оформлен. Я как узнал, обалдел, король, кстати, тоже.

— Это что, компенсация за моральный ущерб?

— Нет. Это второй подарок, Аленушка.

— Сейчас дара речи лишусь от счастья.

— Не сейчас, а чуть позже.

— Ладно, мы пойдем, — вмешалась в разговор мама и утатила всех из кухни, умудрившись впихнуть папу с Фомкой в небольшую спальню и громко хлопнуть дверью.

Ага, иллюзия отсутствия свидетелей разговора. Старо как мир.

— Чем можешь меня удивить? Подаришь грудку горшков с золотом?

— Нет. Я принес тебе это.

И он отнял от груди и развернул то, что я приняла за свечу. Из навоощенной бумаги на свет медленно извлеклось сияющее перо.

Признаюсь, дара речи я все же лишилась. Молча стояла несколько минут, глядя во все глаза на перышко из хвоста жар-птицы. Именно его кончик прежде выглядывал из бумаги, освещая мою комнату наподобие фитилька свечи.

— Ради тебя, Алена. Это единственный способ убедить, что я тебя люблю. Возьми.

У меня рука потянулась к сияющему чуду прежде, чем я подумала; отдернуть пальцы от перышка успела в последний момент.

— Не возьму. Мне, знаешь, птичку жалко. Обманул пернатое создание, выдрал из хвоста такую красоту.

— Ты же хотела из хвоста, и я ее не обманывал, она сама отдала.

— Не смей меня. Ты смог ее уговорить?

— Выхода не было.

— Вот сейчас ты прав. Без пера я бы тебя слушать не стала. Так что с птичкой, рассказал ей жалобную историю о любви?

— Это не работает.

— Хм, ну если нет, тогда ты изобрел первый в мире, совершенно уникальный способ добычи перьев.

— Уникальный только для меня как предсказателя. Я выбрал одну птицу из тех, что не живут в башне или в саду, а гнездятся на вершинах гор. Мне пришлось преследовать ее, уговаривать, объяснять и убеждать, заранее являться в места охоты и пугать добычу, а еще немного полетать со скалы.

— Как ребрышки переломались, теперь понятно. Довел несчастное создание до нервного срыва? Ты это умеешь. Она перо отдала, чтобы отвязался? Не представляю, до какого состояния ты ее довел. А ребра почему не залечил? По лесу зачем пешком к хижине пробирался, меня умилить?

— Пришлось. Магии больше нет. Я отказался от дара и попросил отца

сделать меня человеком, чтобы жить среди обычных людей.

— Как трогательно! Так сразу и поверила.

Я пересекла кухню, подошла к Каю и провела рукой по его волосам, очищая от грязи одну из золотистых прядок. Взяла ее в ладонь и внимательно рассмотрела. Блестящий локон отливал бледным золотом, но больше не светился.

Вот теперь и правда защипало глаза и сдавило горло, пришлось поспешно отступить от принца, но прежде я выдернула из его руки перо. Отошла к окну, отвернулась и принялась рассматривать переливающиеся всеми красками яркого пламени пушинки.

— Как дела в Ирии? — Я все еще старательно держалась, но уже ощущала подступающую нервную дрожь. Таковую, когда внешне кажешься спокойной, а внутри все струны души дрожат, натягиваются до звона, а потом обрываются из-за несостоявшихся благих намерений.

— Темные в ближайший век не нападут, будут ждать возрождения принца, а потом разбираться. У них сейчас проблемы с подчиненными чудовищами, и это надолго.

— Подозреваю, ты незаметно подкинул в Навь тортик, и теперь они не понимают, чем кормить зверей.

— Мы подсказывать не станем. — Кай улыбнулся, я эту улыбку расслышала в его голосе, еще крепче вцепилась в перо и завертела его в разные стороны, как маленький вентилятор. От этого подарок запылал еще ярче. — Его нужно положить на грудь, — посоветовал принц, и до меня долетел скрип стула.

Ох! Подойдет сейчас. Внутренняя дрожь стала нестерпимой.

Я быстро приложила перо к груди, и оно вдруг приклеилось и держалось уже без посторонней помощи. Потом отдельные перышки стали уменьшаться, а другие, напротив, увеличиваться в размере, медленно трансформируясь в удивительное золотое украшение на тонкой цепочке с подвеской-пером на конце.

— Ух ты! — Это выглядело впечатляюще.

— Оно превратилось в амулет. — Голос Кая раздался за моей спиной, совсем близко. — Амулет долголетия и защиты.

— На сколько лет? — Я все еще не оборачивалась, хотя чувствовала, как Солнечный Луч медленно поднимает ладони вдоль моих рук, не прикасаясь к ним.

— На сто.

— Сколько? — Я все же не выдержала и обернулась.

Принц стоял очень близко, для моих расшалившихся чувств просто

недопустимо близко.

— Почему так долго? — Голос охрип, и вопрос вышел малопонятным.

— Потому что ты приняла мой дар вечной любви. Пути назад нет.

— А сразу сказать нельзя было? — Я попыталась отступить, но уперлась в подоконник.

— В ирийских сказках говорится о перьях жар-птиц.

— Я не дочитала сказки до конца, ты знаешь, они меня усыпляют.

Принц пожал плечами, намекая, что это проблемы не его лучезарности, а одной невнимательной сыщицы.

— Опять все просчитал!

— Алена, это мой дар, я всегда так жил и привык все просчитывать, — теперь его ладони все же коснулись моих щек, а я закрыла глаза, чувствуя, как нежно он обводит пальцами скулы, — умение предвидеть не означает, что я не умею чувствовать.

— Ты вел такую прекрасную игру, стремясь вернуть свою силу, а потом взял и отказался?

— Ответ перед тобой.

И Кай перестал разговаривать, перейдя к другому, более действенному методу убеждения, а я оказалась не в состоянии задавать вопросы.

Эпилог

Щекотка может быть приятной, когда тебя будят с ее помощью ласково, а вот если темп нарастает и превращается в форменное защекотывание спящего, то это означает полное отсутствие совести.

— Ай, хи-хи, хватит уже, хи-хи, Кай!

— Сама просила разбудить.

— Не имеешь права меня будить, ты мне полночи спать не давал. Все, — я накрыла голову подушкой и уже из-под нее пробурчала, — сам иди на работу, там ожидают страждущие поклониться предсказателю и восславить обожаемого Кийара.

— Ну, раз ты настаиваешь. — И я почувствовала, как муж спрыгнул с кровати и, что-то тихонько мурлыкая под нос, отправился в ванную.

Без теплых объятий в сон тянуло не так сильно, как прежде. Со вздохом высунула из-под подушки нос и прислушалась к песенке:

У Алены следствие-ие,
И она опаздыва-а-ет,
Дача показа-ани-ий пройдет,
А сыщик не успе-э-эт. Е-е!

Ой! Как можно было забыть! Я мигом проснулась и еще быстрее соскочила с кровати. С разбегу ворвалась в ванную, отеснила предсказателя от зеркала и чуть не разбила кувшин с водой, который Кай поймал у самого пола.

— Солнышко, будь осторожнее. И вот за тот крючок не зацепись.

— Ай!

— Я ведь предупредил.

— Воды полей, полей! Ой! Холодная. Что же ты меня раньше не разбудил?

— Ты очень сладко спала.

— Как же! Вот знаешь, как я поступлю? — Схватив с полки расческу, принялась продирается сквозь спутанные пряди. — Я петуха куплю прямо сегодня. Поселю в гардеробной, и он станет горланить по утрам и поднимать меня лучше волшебнических самозвонов. Его ты не отключишь заранее, чтобы я утром не проснулась.

— Действительно, — согласился солнечный воплощенец, отобрал расческу и принялся аккуратно меня причесывать, — как же отключить петуха?

Я бросила взгляд в зеркало и успела заметить исчезающую лукавую смешинку.

— Вот только не надо придумывать коварные методы расправы над бедной птицей.

— Даже и не начинал.

— Конечно. И вообще, ты виноват, что я постоянно просыпаю. Теперь сто лет выспаться мне не дашь?

— А ночью ты не жалуешься.

— А с чего мне жаловаться, ночью все устраивает, а рано утром нет. Ой, не мешай собираться. Ты только что сам волосы заколол. Кай! Не целуй. Да что ты... И вот сюда, пожалуйста.

— С ума сойти, как ты меня на это уболтал?

— Ты меня пожалела.

— Не могла я тебя пожалеть, потому что зареклась ходить вместе с тобой на мою работу. Ты меня постоянно отвлекаешь.

— Ангел, ты столь добросердечна, что впечатлялась рассказом о несчастной жене булочника, поэтому согласилась.

— Как же! Такая она разнесчастливая, что приходит за предсказаниями уже восьмой раз за одну неделю, и каждый раз в новом платье, в которое ее формы попросту не помещаются. Сегодня она снова собиралась щеголять обновкой?

— Полагаю, ей не повезло с портнихой.

— Ей не повезло положить глаз на *моего* мужа! Пусть держит карман шире.

...Я ухватила за локоть Кая, игнорируя его веселый смех, и ожесточенно замахала рукой извозчику.

— Поскорее на Дубовую улицу номер семнадцать! — крикнула вознице, а сама уютно устроилась в руках солнечного принца, проигнорировав протянутую нам теплую полость.

— И что он так медленно едет?

— А хочешь, радость, изобретем другие повозки, которые будут кататься быстрее и сами по себе?

— Что, правда?

— Да.

— Надо все взвесить, — задумалась я, бросила взгляд на восседавшего

с загадочным видом спутника и, погрозив ему пальцем, добавила, — а заодно учесть твою тягу к шуткам.

— Никаких шуток, моя ненаглядная, — поклялся Кай, поймал мою руку и поцеловал пальчик.

— Конечно никаких, — я мигом подобрела, — король еще не отошел от двухколесных лосипедов, на которые ты забыл поставить тормоза. Эй, приехали, вот этот дом.

— Ведь не так давно вернулись из медового месяца в замке у Солнечного моря. И там я была в полном твоём распоряжении, если не считать визитов короля Солнца и твоих братьев. Пришла пора работать, иначе Савсен Савсенович совсем скоро предложит писать письма вместо исследований и разрешит приходить на работу в полдень. Все по твоей милости.

— Драгоценная, я не просил его ни о чем подобном.

— Я снова опоздала на допрос.

— Что поделать, Аленушка, раз мои предсказания с тобой не работают. Ты всегда пропускаешь их мимо ушей.

— Единоличник! Зачем было меня целовать?

— А как удержаться?

— Ты просто желаешь заполучить меня в полное и бессрочное пользование!

— Любимая, каждая минута вдали от тебя кажется мне вечностью. Разве я в этом виноват?

Вот же обаяние солнечное! На все найдет ответ.

— И не вздумай подсказывать, — грозно наставила лупу на замершего у стола предсказателя.

Кай тут же изобразил из себя яркого сторонника божественного провидения и с одухотворенным выражением лица, которому мог позавидовать сам Мордефунт, присел на край стола.

— А если опять раскроешь, где находятся улики, я весь вечер буду бурчать, как плохо вмешиваться в мою работу, и мы не пойдем к Фомке с Мириам в гости.

— Весь вечер дома с тобой наедине? Какая ужасная угроза, — промурлыкал артефакт, очень выразительно на меня поглядев.

— И не вздумай подкидывать на самое видное место вещдоки, стремясь затащить меня домой пораньше.

— Ну как можно, лапочка, я понимаю, что тебе важно самой раскрывать дела.

— Да-да, понимаешь, пока тебе не становится скучно.

— Мне совершенно не скучно. — Кай для наглядности усиленно поболтал ногой. Я выждала минуту и в очередной раз убедилась, что у Солнечного Луча категорически не выходит спокойно сидеть на одном месте. Он соскочил со стола, как только я отвернулась, и через мгновение был уже возле полок с книгами.

— Кай!

— На этой полке улик нет.

— Неисправимый. — Я присела на корточки, осматривая надломленную ножку кресла, пока неугомонный супруг шелестел страничками.

Уже через три минуты мне стало интересно, над чем он там сосредоточился.

— Что ты так увлеченно рассматриваешь?

— Мм... картинки.

— Какие картинки?

— Интересного содержания.

— А ну дай посмотреть.

— Хозяин библиотеки предпочитает необычную литературу. Может, перерисовать парочку поз?

— С твоей бурной фантазией можешь сам целую книгу написать, раза в три толще этой. Кстати, интересы у хозяина действительно любопытные. Вон там одна книжка выбивается из общего ряда. Подними меня повыше, пожалуйста.

Кай выполнил просьбу, а я дотянулась до книги и вытащила с полки собственноручно, хотя проще было попросить мужа ее для меня достать. Еще существовал вариант воспользоваться приставной лесенкой, но тогда я упустила бы несколько приятных мгновений, когда ладони солнечного принца сжимали мою талию, поднимали вверх, опускали и прижимали к широкой груди. Получив заслуженный поцелуй в макушку, я снова утвердилась в мысли, что влюблена в мужа по уши, и принялась сосредоточенно листать фолиант с интересным названием: «Полезные яды. Только для мужчин».

— Своеобразные рецепты. Хозяин явно озабочен одной проблемой — как сохранить мужскую активность на веки вечные. А сам говорил, что у него украдены редкие парфюмерные экземпляры. Полагаю, в похищенных флакончиках обнаружатся чудодейственные эликсиры, ну, скажем, для крепости тела.

Я захлопнула книгу и подняла голову.

— Надо просто понять, кто из его... — начала и не договорила, замерев с открытым ртом.

Мой невозможный солнечный дух отодвинул одну из штор, за которой оказалась скрытая панель, и уже выламывал деревянную дверцу.

Я сделала попытку снова заговорить и только собралась потребовать от бессовестного обманщика пропустить вперед сыщицу, как снова лишилась дара речи. За панелью обнаружился сверкающий медный шест на возвышении.

— Вот Тьмутьмия! Это шест для вакханских танцев?

— Он самый, — многозначительно улыбнулся мне артефакт и любовно погладил блестящую поверхность.

— Не надо на меня так смотреть.

— Ты мне обещала станцевать.

— Наоборот, я поклялась никогда не танцевать.

— Ты ведь нарушишь обещание?

— Не на работе!

— Упрямица. Ладно, тогда я для тебя станцую.

— Как ты мне на шесте станцуешь?

— Сейчас покажу.

— Кай! Ты же шутишь? Да ладно. Перестань!

Я прижала ладони ко рту, наблюдая за медленным расстегиванием пуговиц на белоснежной рубашке, а потом в два шага преодолела расстояние до двери в кабинет, быстро заперла и прижалась к ней спиной. Не могла позволить кому-то еще увидеть вот эту пластичную прелесть, начавшую вытворять совершенное, совершенное... это точно было совершенно!

«В последний раз я с ним на расследовании», — клятвенно пообещала себе уже не знаю в какой раз, попутно захлебываясь слюной и любясь идеальными мускулами и очень будоражащей манерой исполнения.

— Иди ко мне, — поманил муж.

Ну разве я могла устоять?

Примечания

Фукия — духовое ружье, представляющее собой полую длинную трубку. Бесшумное, позволяет поражать цель на коротких расстояниях до тридцати метров. В качестве зарядов используются дротики, отравленные стрелы. *Примеч. авт.*